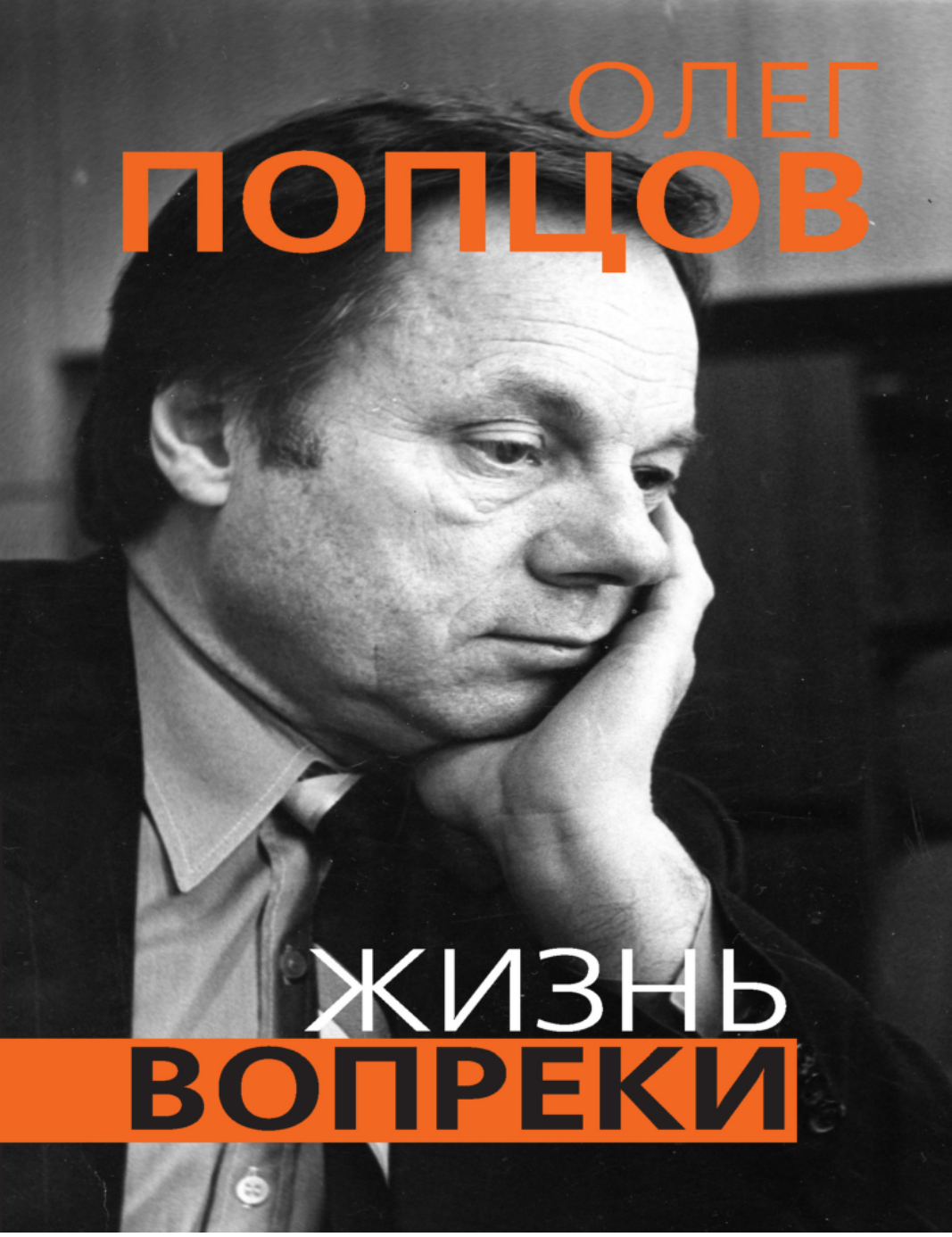
ОЛЕГ
ПОПЦОВ
ЖИЗНЬ
ВОПРЕКИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Сейчас, когда мне за 80 лет, разглядывая карту Европы, я вдруг понял кое-что важное про далекие, но запоминающиеся годы XX века, из которых более 50 лет я жил в государстве, которое называлось Советский Союз. Еще тогда я побывал во всех без исключения странах Старого Света, плюс к этому – в Америке, Мексике, Канаде и на Кубе. Где-то – в составе партийных делегаций, где-то – в составе делегации ЦК ВЛКСМ как руководитель. В моем возрасте ясно осознаешь, что жизнь получилась интересной, а благодаря политике, которую постигал – еще и сложной, многомерной. Я видел, как строилась Берлинская стена, был свидетелем событий в Чехословакии и Венгрии. В Америке мы оказались в день и час совершения покушения на Джона Кеннеди. Так и хочется сказать: даже не верится, что это была моя жизнь! Но ведь это не итог; уже в «новое время» я создал российское радио и телевидение…», – так рассуждает автор Олег Попцов, которого читатели хорошо знают и как экс-председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании (ВГТРК), и как автора книг «Хроника времен „царя Бориса“», «Тревожные сны царской свиты», «Аншлаг в Кремле. Свободных президентских мест нет» и др.

- Олег Попцов
  -
  -
  - В моей жизни уместилось несколько эпох…
  - Упрямая биография
  - Внезапное прозрение
  - Воспоминания по сути
  - Нервный марафон
  - Пауза
  - Благослови меня, Господи!
  - Зигзаги судьбы
  - Создание ВГТРК, или Начало всех начал
  - 1993 год. Как это было
  - Прошлое, похожее на настоящее
  - Как снег на голову
  - Минное поле без границ
  - Телевидение Вечных ценностей
  - Вчерашнее в сегодняшней интерпретации
  - Главное – помнить
- notes

- ○ 1
- ○ 2

Олег Попцов
Жизнь вопреки

© Попцов О. М., 2018
© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Эту книгу, «Жизнь вопреки», я посвящаю Инне Владимировне Данилевич, моей жене. Всю эту жизнь, прожитую вопреки, она была рядом со мной. Она художник-оформитель моих книг и, в этом смысле, их соавтор.

В моей жизни уместилось несколько эпох…

Почему я назвал эту книгу именно так? Название воспринимается скорее как вызов, а преувеличивать свою известность – это не мой стиль. Да и зачем? Рекламу сделает не название, а фамилия автора, и тогда это сочетание «Жизнь вопреки» книги Олега Попцова даёт нужный эффект. Самое опасное в жизни – это иллюзии. Никогда не погружайтесь в этот мир. Ибо в нём вы обретаете неизлечимую жизнью слепоту. Прекрасный афоризм – «Надежда умирает последней».

Увы, не всегда так. Надежда, долго не получавшая своего воплощения, изнашивается, как неустойчивая одежда, и тогда уже нечему умирать.

Начав писать эту книгу, я понял – память даёт сбои. Как писатель, я, конечно же, что-то допридумаю, но не хочется. Сила прошлого в излучении запаха реальности, в его узнаваемости. Естественно, это доступно не всем, а только тем, кто пережил это прошлое. И тут главный вопрос: когда мне начать писать книгу жизни?

Если в 50, то узнающих в прочитанном своё время более чем достаточно. А когда ты сел за письменный стол после собственного восьмидесятилетия, то твои воспоминания могут попросту уткнуться в пустоту. «Иных уж нет, а те далече». И ответное эхо окажется слабоголосым, если вообще оно будет. А может быть, все эти туманные размышления ни к чему. Как-то в одной дружественной компании я сказал: «Я прожил интересную жизнь, в ней уместились несколько эпох. Порой мне самому не верится, что это была моя жизнь».

«Так напишите об этом!» – едва ли не хором откликнулись на мои слова несколько близких друзей. Бесспорно, я об этом думал сам, но такая реакция, в общем-то, случайной компании меня словно толкнула в спину. «Садись и пиши».

Меня никогда не покидало ощущение, что моя жизнь складывалась как бы вопреки. Движение по жизненной лестнице снизу-вверх естественно, оно рождает здравость восприятия перспективы. У меня такая лестница жизни тоже была, но она всякий раз появлялась в неожиданном месте.

Всё началось после окончания школы. Я, естественно, решил поступить в институт. В общем, с детских лет у меня было два увлечения: лес и море. И море в этих привязанностях брало верх. И я принимаю решение поступить в военно-мореходное училище.

Говорил о своём решении матери: она видела мою судьбу иной, она хотела, чтобы я стал историком, иначе говоря, продолжил её путь. Но, почувствовав моё нежелание, спорить не стала. Я собрал документы, взглянул на часы, почувствовал, что опаздываю, и помчался на трамвайную остановку. Спустя минут тридцать-сорок я понял, что еду не туда. Это случилось в тот момент, когда трамвай свернул на Лесной проспект. Мореходка была совсем в другом месте.

Дело в том, что когда я сел в трамвай, то занял свободное место, зная, что буду долго ехать, устроился поудобнее и стал читать книгу рассказов Зощенко. В спешке я выскочил из вагона и стал расспрашивать, как проехать в мореходное училище. Пожилой вальяжный мужчина с аккуратными усами проявил ко мне интерес и внимательно выслушал меня. Относительно мореходки он меня спросил:

– Вы там учитесь?

– Если бы я там учился, я не мог бы заблудиться. Я собираюсь туда поступать.

– Ну что же, говоря морским языком, – начал респектабельный мужчина, сохраняя улыбку на лице, – вы отклонились от курса как минимум на двадцать миль. Вам придётся вернуться назад и от Литейного моста начать новый маршрут.

В мореходку я уже безнадёжно опоздал и задал моему собеседнику неожиданный вопрос:

– А здесь поблизости какие институты находятся?

Брови моего интеллектуального собеседника вопросительно поднялись:

– Вот как! Ну что ж, могу вам предложить Политехнический институт. На этом же самом трамвае направо, три остановки. Назад две остановки – педагогический институт. А прямо перед вами лесопарк, внутри которого располагается Лесотехническая академия, созданная при Екатерине. Так что выбирайте, господин Мореход.

Эти слова запомнились на всю жизнь. В ответ я засмеялся.

– Спасибо за приглашение. Чему быть, того не миновать.

Между морем и лесом судьба выбрала лес. Уже оказавшись в лесопарке, я трижды перекрестился и пошёл по указанной дороге. Так я оказался в Лесотехнической академии, куда и поступил. На лесохозяйственном факультете моя будущая профессия описывалась как «учёный лесовод», потом аттестация претерпела коррекцию – инженер лесного хозяйства. Программа обучения была полностью перевёрстана в сторону инженерии. Так я оказался в Лесотехнической академии. Сдал экзамены: две

пятёрки и две четверки. Итог – приняли. Вторым высшим учебным заведением в России после питерского университета была именно Лесная академия, созданная Екатериной. Предки были мудры. В те времена не существовало ни нефти, ни газа, ни угля. И было чёткое понимание, что главным богатством являются земля и лес. Существовал даже Российский лесной корпус, устав которого позволял лесничим иметь особый вид оружия (который впоследствии был назван охотничьим) для охраны леса, как и своей самозащиты.

Поначалу я учился так себе. И в конце первого года обучения меня едва не отчислили за прогулы и несданные зачёты. Сказалась дворовая биография, которая сформировала во мне чувство независимости и свободы.

В этом относительно замкнутом дворовом мире я был одним из лидеров. По натуре я слыл выдумщиком, создал футбольную команду, стал её капитаном. Мир городской «шпаны», а наш двор был частью этого мира, жил по своим законам. Наш дом значился под номером одиннадцать на Моховой улице. Самый центр города, напротив – проходной двор с выходом на Литейный проспект; по сути, громадный жилой массив, всё рядом: Летний сад, Марсово поле, Дворцовая площадь, Михайловский замок, Зимний Дворец. Ну и, конечно же, Невский проспект сравнительно недалеко, и набережная Невы, и набережная реки Фонтанка. Так что захватило нас по полной.

Воспоминания того времени. Нам по 10–11 лет. Последний год войны. Она вроде уже далеко, а всё равно дымится в разрушенных обстрелами и бомбардировками домах. Дыма вроде нет, а запах остался, и развалины домов его издают. «Пацанва» бродит по этим развалинам и непонятно чего ищет. Однако, находит. Я тоже среди бродящих и тоже с находкой. В руке разноцветный не то большой патрон, не то маленький снаряд. Красивый, блестящий. «Айда домой!» – говорю пацанам. И мы, обрадованные находкой, возвращаемся на Моховую к моим сверстникам. Они живут в угловом доме на пересечении улицы… и Моховой. Мой дом № 11 дальше. У них дом № 14. «Есть идея, – предложил я. – Патрон похож на сигнальный». Сказал, по сути, глупость, но хотел удивить. Предлагаю сделать пуск в квартире – она не коммунальная, громадная кафельная печь с лепниной. Дом постройки царских времен. Этаж первый, потолок высокий, тоже с лепниной. Отец одного из пацанов – директор завода. Это его квартира.

Берём пару сухих поленьев, они сложены тут же, и раскалываю их на щепки. Щепки выкладываю в виде ёлочки вокруг патрона, стоящего в центре. Печь большая, патрон

направлен в дымоход. Рассаживаемся вокруг, оставляем дверцу печи открытой, чтобы видеть, как пуля полетит в дымоход, и поджигаем.

Через несколько минут раздаётся взрыв. Всё остальное не помню. Патрон, или маленький снаряд, оказался осколочным. Прихожу в себя и понимаю, что я весь в крови. Потом выяснилось, что меня разрешетило осколками, их было двенадцать, может быть, и больше. Бинтов не было, разрезали простынь и стали меня перевязывать. Печь почти не пострадала, лопнула одна кафельная плитка. Ещё одного из пацанов задело двумя осколками, но это были скользящие раны, в тело они не проникли, а валялись тут же у печи. Владелец квартиры Миша, фамилии не помню, боялся возвращения отца с работы. Я этого боялся больше, чем он. Меня перебинтовали, как могли, и, подождав наступления темноты, отволокли домой. Раны обработали йодом, он, слава богу, оказался в квартире, а затем Миша спустился в аптеку и купил ещё два флакона. Пацаны подпирали меня с двух сторон. Идти было невыносимо больно, пять осколков достались ногам. Они доволокли меня до моего дома, подняли на пятый этаж и уложили на диван в большой комнате. Всё это сделали без шума, чтобы не привлекать внимания соседей. Мне ничего не оставалось, как ждать мать. Она возвращалась поздно с работы. Ребята посидели со мной ещё часа полтора, потом ушли. Я сам попросил их об этом.

Сестра к тому времени уже жила отдельно от нас, и мне ничего не оставалось, кроме как ждать возвращения матери.

Когда она появилась, был уже поздний вечер. Открыв дверь, она увидела меня окровавленного и распластавшегося на диване и тотчас упала в обморок. Я сам находился в полусознательном состоянии, однако подполз к матери и стал её подталкивать. Мать очнулась. Что она говорила – я не помню. Да и говорить у неё не было сил – она шептала. Потом приехала скорая помощь, и меня отвезли в Свердловскую больницу, больница считалась хорошей. Мать работала в горкоме партии. Операцию по извлечению осколков мне сделали рано утром, под местным наркозом. Почему я так говорю, потому что запомнил одну деталь.

Извлечённые осколки хирург захватывал пинцетом и бросал в эмалированную ванночку. Я слышал, как они звякали, и считал. Один, два, три… после каждого звякания, наверное, проходило минут пять, а может, и больше. Помню, как пересилив шёпот, я произнёс «одиннадцать». Хирург повернул голову и улыбнулся мне.

Я никому это не рассказывал. С пацанами договорились, что всё произошло во дворе. Мы сжигали мусор, там оказался этот

патрон. Кольке, которого задели два осколка, операция не понадобилась. Вот и вся история.

Один осколок остался во мне на всю жизнь, рану обработали. «Так будет лучше, – сказал врач. – Глубоко сидит, есть опасность повредить нервные ткани».

Это уже потом рассказывала моя врач, провожая меня из больницы. За мной приехала мама. Помню прощальные слова врача: «А ты везунчик, Олег».

Чем ещё запомнилось детство? Драками. Дрались много и часто. Двор на двор. Улица на улицу. Делили территорию влияния. Странно, но именно эти драки стали школой жизни. Запомнил одно правило: «Если ввязался в драку, не вздумай бежать. Никогда не дерись со всеми, выбери одного, вцепись в него и метель до конца. Пока он не дрогнет и не побежит – но не бросайся за ним вдогонку. Это не нужно. Ты уже победил. Противник дрогнул – за ним побегут остальные».

Прошлое очень далеко, и возвращаться к нему – это не только испытание памяти, это обретение потерянного лица. Только вот вопрос: когда вы его находите и возвращаете, спустя столько лет оно оказывается никому не нужным и всеми забытым. Ну а редактировать собственную память – занятие неблагодарное.

Когда я создал ВГТРК, а сокращенно РТР, это был 1990 год. Эпоха политического хаоса, не стыкующегося абсурда, вошедшего в историю как «лихие девяностые». России предстояло понять: какую свободу, какую демократию она обрела. И что такое капитализм, который якобы теперь среда нашего существования? И как нам следует жить в среде, которая на протяжении семидесяти лет социализма числилась врагом и была предана проклятью?

Мало сказать, что это было непросто. Ничто ни с чем не стыковалось, вся и всё находились в свободном плавании. Именно тогда меня пригласил Б. Н. Ельцин и сделал мне очередное предложение. Оно было пятым по счёту. В ту пору я был депутатом Верховного совета и членом комитета по СМИ.

Сначала о первых четырёх. Мне было предложено стать министром печати – я отказался, затем министром культуры – я снова отказался. Затем стать пресс-секретарём Ельцина, но с расширенными полномочиями – осуществлять контроль за всеми СМИ: телевидение, радио, иначе говоря, объединить их вокруг президента; я тоже отказался. Во время одной из таких бесед появился вице-президент Руцкой и сказал:

– Вот мы ищем министра иностранных дел, а он, Борис Николаевич, сидит перед вами.

Я среагировал мгновенно:

– Остановись, Саша. Я не могу быть министром иностранных дел. Я не знаю английского языка.

И тут вмешался Ельцин:

– Но вы же его изучите.

– Бесспорно, изучу, но на это нужно время.

Короче, я отказался. А потом случилось то, что случилось. В парламенте, на заседании комитета по СМИ, я выступил с докладом: «Деятельность СМИ в новых условиях». Распался СССР, наступило время новой России, как независимого государства. По какой модели должны действовать и развиваться средства массовой информации, числившиеся ранее как СМИ Советского Союза? Естественно, главной темой доклада была судьба телевидения и радио в новых условиях.

Время Гостелерадио кончилось. Россия должна иметь своё, независимое, телевидение и радио. Я думаю, что такой структурой должна стать Всероссийская государственная телерадиокомпания, проще говоря, радио и телевидение России. Самостоятельная независимая компания. Сокращённый логотип нового образования – РТР. Мы входим в другую эпоху – эпоху открытой конкуренции свободных и независимых средств массовой информации. Они могут быть государственными и частными. Таким образом, материализуется понятие «свобода слова» и главное требование нового времени – открытая конкуренция. Так я сам угодил в ловушку. Меня на этой идее поймали! И Михаил Полторанин вместе с Беллой Курковой, она тоже была депутатом, оказавшись в кабинете Бориса Ельцина, предложили мою кандидатуру на пост руководителя несуществующей Всероссийской компании радио и телевидения. Спустя день или два меня пригласил Ельцин и сделал мне это предложение. Для меня это было полной неожиданностью, и я уже привычно начал отказываться. И в ответ Ельцин произнёс фразу, которая была, по сути, нокаутом.

Представьте на секунду Бориса Ельцина, его рост. Он подымается из-за стола и задаёт вопрос:

– Вы что, вообще не хотите нам помочь?

Одномоментно все пути к отступлению были отрезаны. И мне пришлось, как говорится, сдать оружие и согласиться.

К чему это отступление? Дело в том, что жизнь в тот момент была буквально перенасыщена политикой. Создавалось новое политическое мышление, младореформаторская эпоха. О деталях создания нового телевидения я расскажу позже. Но о роли политики в создании телекомпании буквально несколько фраз.

В ВГТРК я оказался на перекрёстке политических столкновений между президентом страны и парламентом,

который возглавлял Хасбулатов. Его приход в высшие эшелоны власти – особая история. О ней чуть позже.

И тем не менее, в компании образовалось два лагеря: одни пытались избежать политики, а в другой объединились те, кто занимался общественно-политическим и информационным вещанием. Они постоянно находились на передовой этого фронта.

Те, кто не хотел заниматься политикой, испытывали страх и всё время упрекали меня, что я их втягиваю в политику. Лидером этих настроений был мой первый зам Анатолий Лысенко, генеральный директор компании. Я был её председателем.

Я объяснял коллегам, что не я кого-то втягиваю в политику, а политика буквально вцепилась в меня и не даёт мне, а значит, компании сделать хотя бы шаг в сторону. Более того, общественные и информационные программы курировал я. Удалось создать неплохую команду, и все информационные программы, как и общественно-политические, вызывали громадный интерес у зрителей и имели хорошие рейтинги.

Здесь можно пока поставить точку и вернуться к тому моменту, когда политика посягнула на мою личность и втянула меня в коридоры этого мира. Всё, разумеется, случилось в советские времена.

Я учился в Лесотехнической академии имени С. М. Кирова. Сказать, что я был безукоризненным студентом, нельзя. Дворовое воспитание сказалось. Как-никак, 12 приводов в милицию – по-своему послужной список школьного и дворового бытия. По итогам первого институтского полугодия – пять несданных зачётов. Пригрозили отчислением. Мать, разумеется, ничего этого не знала. Я очень любил мать и восхищался её благородством, мужеством, но и, конечно же, её красотой. Для меня не было большей беды, чем доставить ей боль. И окажись я отчисленным из академии, мать бы этого не перенесла. Я как бы самомобилизовался и ухитрился сдать в оставшуюся неделю все зачёты. Я приезжал к преподавателям даже ночью. Это шокировало преподавателей. Их возмущение было скорее бытовым, они уже ложились спать, но все зачёты у меня приняли. И я был вычеркнут из списка подлежащих отчислению. И на вопрос матери: «Как дела в академии?» – мой ответ: «Всё нормально» был эхом пережитого отчаяния и унижения числить себя последним запрыгнувшим в уходящий поезд и с трудом нашедшим свободное место в вагоне.

По своей натуре я был лидером. Не отличником, нет. Учёба в определённом смысле угнетала меня. Надо было всё время делать то, что надо, а не то, что я хотел. Поэтому поиск свободного

пространства, где можно проявить себя, продолжился, и я его нашёл. Этим пространством было творчество вне норм обязательности.

Я создал первую в академии сатирическую газету. С нами соседствовал факультет ГЗС – городского зелёного строительства. И владение навыком рисунка было частью их профессии. Удалось создать прекрасную команду карикатурщиков.

Газету назвали «Сачок». В студенческой жизни термин известный и даже хулиганский. И как говорят в подобных случаях – поезд тронулся, дело пошло. Я на этом не упокоился, и с моим другом Борисом Таллером мы решили создать сатирические газеты на всех факультетах, а их было семь. Идею приняли на «ура». Так появились «Сучкорезка» на лесоинженерном факультете, «Ревизор» на экономическом, «Пила» на факультете обработки древесины, «Химчистка» на химико-технологическом. И с этого момента День советской печати 5 мая стал главным праздником в академии. Для этого праздника мы с Борисом Таллером писали сатирическое шоу, в котором выступали в качестве ведущих. Всё проходило в актовом зале, вмещавшем 5 тысяч мест. Академия была в числе самых крупных вузов Ленинграда. Нас уже было трудно остановить. И я создал общеакадемическую сатирическую газету и назвал ее «Баней».

И чтобы поставить точку в рассуждении «найти себя» – последний сюжет. У нас с Борисом Таллером появилась идея – одну из глав нашего майского шоу посвятить «комсомольскому патрулю», который в академии возглавлял некий Борисенко, который очень напоминал Гитлера, он и стригся очень похоже.

Я вырос в театральной семье. Моя мать была актрисой МХАТа, в состав которого была принята Станиславским. Её первым спектаклем во МХАТе была «Синяя птица». Я часто ходил в театр. В Ленинграде моими любимыми театрами были театр Товстоногова и театр Акимова. Акимов сам был художником, и оформление его спектаклей всегда оказывалось сверхнеожиданным, и под влиянием одной акимовской постановки я воспользовался её оформлением и сделал нечто подобное. На сцене – заседание комсомольского патруля: длинный стол, покрытый зелёным сукном, помещённый под углом снизу-вверх, напротив каждого стула в столе было два отверстия: для головы и правой руки. Место Борисенко было в торце стола. Там стояло кресло, а над ним висел портрет Дзержинского, под которым был размещён плакат со словами Дзержинского: «У чекиста должен быть холодный разум, горячее сердце и чистые руки». Чуть ниже висел умывальник и два чистых полотенца.

Когда открылся занавес, зал взорвался от смеха и аплодисментов, которые не затихали продолжительное время. На следующее утро меня вызвали в партком и объявили выговор. Ко всему прочему, я сотрудничал с академической газетой и примерно в то же время опубликовал фельетон, который назывался «Грешники». Герои фельетона отмечали воскресенье и в конце дня решили выпить. Фельетон кончался такими словами: «И выпили они крепкую, как советская власть, и прозрачную, как слеза богоматери». За это я получил очередной партийный выговор. Человек сродни загадочному растению, которое не обязательно вызревает там, где его посеяли.

Тем не менее учёба продолжалась, её оценочный ряд стал совсем другим. Появились семестры, в течение которых я получал повышенную стипендию за высокую успеваемость. Однако именно сатирические стенные газеты сделали меня популярным и узнаваемым в академии человеком, что, в конце концов, и сотворило моё непредсказуемое будущее.

Оставалось два года до защиты диплома, я был направлен на практику в Краснодарский край, в Тихорецкий лесхоз в Ново-Покровское лесничество.

Я писал диплом по полезащитному лесоразведению. Всё складывалось хорошо, и меня буквально захватила эта работа. Тем не менее я остался верен себе: в местном клубе создал театральный кружок и стал репетировать один из рассказов Зощенко. Дело в том, что меня вызвал директор лесхоза и предложил мне место его заместителя, предлагая защитить диплом экстерном. «А почему бы и нет?» – подумал я, хотя никакого согласия я никому не давал. А директору ответил, что диплом экстерном защищать не буду и положенное время в академии доучусь, а после защиты диплома готов приехать. Мой ответ у директора не вызвал разочарования, мне показалось, что он остался даже доволен.

Вообще эта затея отдавала авантюризмом. Через месяц мне надо возвращаться в Ленинград. А затея со спектаклем в месяц не уложится, но директору клуба она понравилась.

А вот тут происходит невероятное. В лесничество звонит ректор академии и, слегка повысив голос, требует от меня, чтоб я немедленно приехал в академию, при этом ничего не объясняя. На мой вопрос: «зачем? почему?» ответил загадочно:

– Это не телефонный разговор, приезжай немедленно, мы тебя ждём.

Кто такие «мы» – ректор не объяснил. Я сообщил о звонке ректора директору лесхоза.

– А в чём дело? – спросил директор.

– Я не знаю. Попросил разъяснить, ответили: приедете – всё узнаете.

– Во как… Ладно, собирай чемоданы, но обязательно возвращайся.

Вернулся в Ленинград во второй половине дня, заехал домой, оставил вещи, чемодан разбирать не стал. Мало ли что там задумали. Надел костюм. Посмотрел на себя в зеркало – остался доволен. Респектабельности очевидно прибавилось. Перекрестился перед зеркалом, так, на всякий случай, и поехал в академию. Предварительно позвонил в приёмную ректора. Трубку взяла секретарша Вера Петровна. Сказал, что приехал срочно по вызову ректора. Вопрос: на какое время назначена встреча, я уже в Ленинграде. «Минуточку», – ответила Вера Петровна. Спустя три минуты я снова услышал знакомый голос. «Всё нормально, – сказала Вера Петровна. – У вас есть час времени. Приезжайте, вас ждут».

И я приехал. В кабинете ректора меня ждали Зарубин – секретарь парткома академии, сам ректор Петр Андреевич Никитин и ещё какой-то мужчина лет сорока пяти с рыжеволосой ухоженной причёской. В ходе разговора меня познакомили – это был секретарь райкома партии. Фамилию не припомню. Разговор начал Зарубин:

– Олег Максимович, мы тут посоветовались и решили вам сделать предложение – избрать вас секретарём комитета комсомола академии.

Предложение меня в буквальном смысле ошарашило.

– Какой секретарь комитета комсомола, зачем? Мне надо защитить диплом и вернуться в Тихорецкий лесхоз.

Зарубин изложил суть идеи. Присутствующие ждали моей реакции. Я начал осторожно:

– Я не уверен, что это следует делать. Мне надо защитить диплом, осталось полтора года.

– А кто вам мешает? Защитите, – очень спокойно включился в разговор ректор. – Может, чуть позже, но без диплома вы не останетесь.

– Я признателен вам за доверие, но…

Третий участник встречи словно ждал этой фразы, включился в разговор:

– Товарищ Попцов, вы член партии?

Я кивнул.

– И, как я понимаю, вы вступили в её ряды осознанно.

Я снова согласно кивнул.

– Так вот, это предложение делает вам партия.

Далее дискутировать было бессмысленно. Конференция

должна была состояться в сентябре. Оставалось чуть больше месяца. Меня, естественно, избрали. Вот так я угодил в сети политики.

Мой предшественник на посту секретаря комитета комсомола, Юра Сайгоченко, оставив свой пост, защитился через полгода и оказался в лаборатории химико-технологического института. В этом же институте он защитил кандидатскую диссертацию. Как говорят – чему быть, тому не миновать, – это решает Всевышний. Отсюда и слова: «Судьбу не выбирают». Она выбирает тебя.

На посту секретаря комитета комсомола академии я был успешен. Комсомольская организация академии очень скоро оказалась в числе самых крупных среди институтских организаций, её численность составляла более 5 тысяч. Я стал членом обкома комсомола, защитил диплом, разумеется, с опозданием, но защитил на «отлично». После защиты мой руководитель Игорь Петрович подошёл ко мне и сказал:

– Ещё два месяца – и готовая кандидатская диссертация.

Эти слова я запомнил на всю жизнь. Работа была посвящена проблемам полезащитного лесоразведения, однако не случилось.

Неожиданно меня пригласили в обком комсомола на беседу с первым секретарём В. А. Саюшевым. Я в состоянии озадаченной растерянности поехал на эту встречу. Это случилось после очередного пленума обкома комсомола, на котором я выступал.

Саюшев расспрашивал меня о комсомольской организации академии, о проблемах, которые приходится решать. Но после очередного звонка неожиданно встал и сказал:

– Вам пора переходить на работу в обком комсомола. В следующий понедельник приезжайте на заседание бюро обкома комсомола.

Я ответил, что это вряд ли получится, так как я недавно защитил диплом и направляюсь на работу в Тихорецкий лесхоз Краснодарского края.

– Не волнуйтесь, – сказал Саюшев. – Мы это уладим. В понедельник в 10 часов вы должны быть на заседании секретариата обкома комсомола.

На заседании секретариата мне объявили, что я переведён в аппарат обкома комсомола на должность инструктора студенческого отдела. Заведующим отделом был Лев Горчаков. Очередная отчётная комсомольская конференция в академии должна была состояться в сентябре. Моё новое назначение меня застало врасплох, я уже фундаментально подготовился к отъезду в Краснодарский край и даже созвонился с директором лесхоза, где проходил практику. Он обрадовался моему звонку, и эта его

радость меня вдохновила.

И вдруг неожиданный разворот. На очередной комсомольской конференции, она должна была состояться в октябре, я должен сдать свои полномочия и передать документы вновь избранному секретарю комитета комсомола академии.

Дела я всё равно сдам, но уезжать мне придётся не в Краснодарский край, а в Смольный, где расположился Ленинградский обком комсомола. Высказывать возражение и своё несогласие первому секретарю обкома комсомола Вадиму Аркадьевичу Саюшеву было неудобно. И тем не менее, в беседе с заведующим орготделом, я высказал своё нежелание относительно работы в обкоме комсомола, так как это ставит крест на моей работе по специальности. Такое откровение моим будущим начальникам не понравилось. И разговор со мной был окончен жёсткой фразой: «Решение принято и пересмотру не подлежит. В понедельник вы приступаете к работе».

Этот комсомольский чиновник мне не понравился. Он даже не постарался меня переубедить, что, бесспорно, сделал бы Саюшев. В итоге в положенный день я не вышел на работу. Это был мой протест. Вместо этого я занялся оформлением документов в связи со своим отъездом в Тихорецкий лесхоз, что я собирался сделать сразу после защиты диплома. Через три дня раздался звонок из обкома, звонил всё тот же заведующий отделом.

– Вы что себе позволяете? – Он даже не поинтересовался причиной моего отсутствия на работе. – Завтра в 9:30 вас вызывают на заседание секретариата обкома.

Я понял – на этом мой бунт закончился. Дальнейшее сопротивление бесполезно. Мордовать меня высокий комсомольский чиновник не стал, а может, не рискнул. Я уже был членом обкома комсомола и стал достаточно известным в комсомольской среде.

Я приехал на заседание секретариата. Мне устроили выволочку. Я всё это стерпел, хотя очень хотелось ответить, но из двух зол выбирают наименьшее. Упёртое молчание лучше громкого скандала. Я пришёл в студенческий отдел, занял отведённое мне рабочее место: стол, кресло и телефон.

Горчаков, заведующий отделом, вернулся с заседания секретариата и тотчас вызвал меня к себе.

И его первые слова: «Расскажи мне, что произошло» были настолько искренними, что бурлящая во мне ярость мгновенно сошла на «нет». Мой рассказ был недолгим, но обстоятельным. Горчаков меня понял. В заключение он обнял меня за плечи и сказал: «Ты молодец. Начинай работать, материалы на твоём

столе. Изучи их, а затем изложи своё видение решения возникающих проблем. У тебя неплохой опыт институтского лидерства. Значит, непонятных для тебя проблем попросту не существует. Начинай. У тебя всё впереди».

Вот так я очутился на нескончаемой тропе, именуемой политикой. Она то устремлялась вверх, то внезапно уходила вниз, затем снова вверх, и ты порой не понимаешь того, что зависаешь в этом пространстве.

Оказавшись на новом месте, привычной в таких случаях неудобности я не чувствовал, хотя непрояснённость относительно будущего была. Студенческая жизнь имела свой рисунок, и комсомол в вузах был неким энергетическим ресурсом: проведение фестивалей, научных конференций, работа в период каникул, работа на ударных стройках. В мои обязанности входило создание кадрового ресурса и его обучение комсомольской работе.

Все выступления секретарей обкома комсомола на вузовских комсомольских конференциях готовил я – такова была устоявшаяся норма. Иногда это была некая сумма материалов, но, как правило, само выступление от «а» до «я», а уже сам оратор вносил необходимые ему изменения.

Никакой похожести в выступлениях не было. Это скоро все поняли и оценили. Столь специфические обязанности заставляли полнообъёмно знать и понимать, что происходит в каждом институте. При всей «изумительности» подобных обязанностей, они заставляли тебя думать и постоянно находиться в состоянии творчества. А ввиду того, что я отвечал и за кадровую политику, со всеми будущими и настоящими секретарями комитетов комсомола я находился в постоянном контакте. Я этого даже не заметил, но так получилось: за три месяца Горчаков сделал меня своим заместителем. Никаких официальных изменений не было, а по сути – это случилось. И вдруг в этой сложившейся модели взаимоотношений стали появляться непредвиденные ситуации.

Предстояла предвыборная конференция в Ленинградском университете. Естественно, туда должен был поехать первый секретарь обкома комсомола Вадим Саюшев.

Я готовил концепцию его выступления, и вдруг, за два дня до конференции, Саюшев вызывает меня и сообщает, что в силу непредвиденных обстоятельств он на конференцию поехать не может, поэтому поеду я. Я сначала в буквальном смысле этого слова онемел.

– Как же так, Вадим Аркадьевич? Вы – первый секретарь обкома и в университете ждут вас, и вдруг появляется какой-то инструктор. Это же университет – ему положены амбиции.

В ответ Саюшев засмеялся:

– У тебя образная речь, Олег, и это хорошо. Ну, во-первых, не инструктор, а заместитель заведующего отделом.

– То есть?.. – едва ли не заикаясь, произнес я.

– Да-да, сегодня я подписал соответствующее решение.

– Но, Вадим Аркадьевич, это же университет.

– Вот и прекрасно, будь это техникум, я бы тебя не послал. Тезисы, которые ты подготовил, впечатляют. Воспользуйся ими. Так что удачи тебе, товарищ Попцов. И ни с кем не обсуждай этого, понял? Вот выступишь – тогда и отведёшь душу. А пока готовься, впереди у тебя целый день.

Ну, я, разумеется, поехал и выступил. Реакция зала, не рискну употреблять сверхэпитеты, была доброжелательной. Все свои выступления я выполнил в импровизационном стиле. Проще говоря, мое выступление и его манера залу понравились.

Жизнь шла своим чередом, Саюшев ещё дважды использовал меня в качестве своего дублёра в политехническом институте и моей собственной академии. Если честно, я воспринял это как некий каприз начальства, но я ошибался. Это был не каприз, а эксперимент. Где-то спустя две недели позвонила секретарша Саюшева и сообщила, что в одиннадцать часов Вадим Аркадьевич просил зайти к нему. Подобные приглашения были в саюшевской манере, и какого-либо беспокойства по этому поводу я не испытал. На всякий случай захватил материалы по научной конференции, где предполагалось выступление Саюшева, и поднялся на третий этаж. В положенное время секретарша распахнула передо мной дверь саюшевского кабинета.

– Познакомьтесь, – произнёс Саюшев, указав на сидящего в кресле посетителя, – оргинструктор ЦК ВЛКСМ Соловьёв Виктор Петрович. А это, – добавил Саюшев, кивнув в мою сторону, – заместитель заведующего студенческого отдела – Олег Попцов.

– Завтра ты выезжаешь в Москву, – заметил Саюшев. – Предстоит твоя встреча с первым секретарём ЦК ВЛКСМ Сергеем Павловичем Павловым. В этой поездке тебя будет сопровождать Виктор Петрович.

– А что случилось? – не скрывая охватившего меня беспокойства, спросил я.

– Ничего особенного, – ответил Саюшев, – Сергей Павлович хочет познакомиться с тобой.

Следующий вопрос, заданный мной, был нелепым, но естественным:

– Зачем?

Соловьёв, наблюдавший за мной несколько отстранённо, развернулся в кресле и посмотрел на меня в упор.

– Это вопрос не к нам, товарищ Попцов, а к Сергею Павловичу.

В поезде мы говорили в основном о ленинградских институтах. Цель моей поездки Соловьёв не раскрыл. Какая надобность была Павлову знакомиться с инструктором областного комитета комсомола? Это так и осталось для меня непрояснённым.

В ЦК ВЛКСМ я оказался утром. Соловьёв меня сразу провёл к заведующему орготделом ЦК ВЛКСМ. Сначала в кабинет заведующего зашёл он. Я подождал 20 минут, затем пригласили меня. Общее знакомство, пожатие рук и всё. Как ни странно, Соловьёва в кабинете уже не было. Наверное, есть запасной выход, подумал я, но это уже не имело никакого значения. Заведующий со мной практически не беседовал. Скорее всего, Соловьёв дал исчерпывающую информацию.

– Ну что ж, пойдём, – сказал заведующий.

Мы вошли в лифт. Заведующий нажал кнопку 4 этажа. Лифт остановился, но заведующий не дал раскрыться дверям и тотчас нажал кнопку первого этажа. Мы, не останавливаясь, спустились вниз. Эту процедуру заведующий орготделом повторил четыре раза. И на мой недоумевающий вопрос: «Что происходит?» заворготделом ответил: «Я отдыхаю».

Затем, видимо, время отдыха кончилось, и на четвёртом этаже лифт остановился. Мы прошли небольшой холл и вошли в кабинет первого секретаря ЦК ВЛКСМ. Кабинет был просторным. Впоследствии я этот кабинет посещал не один раз.

Но тогда это случилось впервые и стало для меня событием жизни. Каких-то особых деталей не запомнил. На стене два портрета – Ленина и Хрущёва, паркетный пол и кресла, не стулья, а именно кресла. В кабинете помимо Павлова оказался Логинов, бывший секретарь Ленинградского обкома комсомола. Павлов внимательно посмотрел на меня и задал вопрос:

– Товарищ Попцов, почему секретари райкомов комсомола непопулярны в институтских комсомольских организациях?

– Всё очень просто, Сергей Павлович, – ответил я.

– То есть? – озадаченно уточнил Павлов.

– У секретарей комитетов комсомола в институтах, как правило, есть высшее образование, а у секретарей райкомов, особенно вторых, очень часто его нет.

– Ерунда какая-то, – отреагировал Павлов.

И вот тут я совершил очевидный промах. Я ответил Павлову:

– Сергей Павлович, если вы даже десять раз повторите, что это ерунда, сказанное не перестанет быть правдой.

Лицо Павлова на какой-то миг напряглось, он встал и не

произнёс ответную фразу, а буквально отчеканил её:

– Ну что ж, уважаемый товарищ Попцов, за вас ваша молодость, но против вас – ваша дерзость. До свидания.

Я почувствовал, как Логинов жмёт мне на ногу, но было уже поздно. Я встал и вышел из кабинета первого секретаря ЦК ВЛКСМ. В холле меня ждал Соловьёв.

– Ну как? – спросил он.

– Никак, – ответил я, – провалился.

На этом сюжете можно было поставить точку и не рассказывать о моих переживаниях, что я подвёл Саюшева, который меня, скорее всего, рекомендовал, но не получилось. Только вот в качестве кого, куда – так и осталось для меня событием непрояснённым.

Как сказал Соловьёв на прощание, когда я возвращался в Ленинград: «Перестань каяться. У тебя ещё всё впереди. Не получилось сегодня, получится завтра».

Когда я появился на следующий день в Смольном и открыл дверь саюшевского кабинета, Вадим Андреевич уже всё знал. Ему позвонил Логинов и поделился впечатлениями об увиденном и услышанном. Саюшев не стал меня отчитывать. Сказал всего две фразы:

– Анализ ситуации был точен. Дополнительные комментарии излишни. Олег, с тобой не соскучишься, иди работай.

– Я подвёл вас, простите. Но вы меня ни о чём не предупредили, так тоже нельзя.

В ответ Саюшев искренне рассмеялся:

– О чём предупреждать, зная твой характер? Нет, дорогой. На ошибках учатся, но для этого эту ошибку надо совершить самому. Ты это сделал, а теперь учись.

Был самый разгар предвыборной кампании, комсомольские конференции в институтах шли потоком, одна за другой. Работы по горло. Прошло, я точно не помню, но где-то около двух недель.

Я сижу на колокольне. Обком комсомола размещался в Смольницком соборе. Винтовая лестница, а там уютная комната на 12 квадратных метров. Кругом полки забиты книгами и папками с необходимыми материалами, стол посерединке и по всем стенам окна с видом на собор. Собрание в институте завтра, так что время есть.

Неожиданно слышу скрип винтовой лестницы, кто-то поднимается. Вижу – инструктор Коля из студенческого отдела.

У Коли улыбка на лице:

– Олег, тебя вызывает Иван Васильевич Спиридонов.

– Кто? – переспрашиваю с плохо скрываемым недоумением.

Коля продолжает улыбаться и повторяет:

– Иван Васильевич Спиридонов.

А это не кто-нибудь, а первый секретарь обкома партии.

Вообще-то у нас в отделе я был автором всех розыгрышей. И улыбка на Колином лице как бы подтолкнула меня в ту сторону. Ну конечно же, розыгрыш, подумал я.

– Гуляй, – ответил я Коле. – А Хрущёв Никита Сергеевич не звонил?

– Нет, я серьёзно, Олег, – уточнил Коля, сохраняя всю ту же дурацкую улыбку на лице.

– Я же сказал: вали отсюда, юморист.

Коля ушёл. Я вернулся к папке с материалами о театральном институте. Через пять минут появляется новый посланец. И слова те же, и улыбка похожая. Говорю уже с раздражением:

– Хватит уже, могли что-нибудь пооригинальнее придумать.

– Нет, – посланец говорит, чуть заикаясь, – это серьёзно.

Ладно, думаю, что они там затевают? Разберусь и выдам по полной. Опять скрип лестничной спирали, и появляется Ким Иванов, первый секретарь горкома, человек значимой упитанности весом в 110 кг. Поднимается с одышкой. Увидел меня сидящим за столом. Воспроизвести сказанное невозможно.

– Ты что, охренел? – Дальше неформатная лексика. – Мы с Саюшевым у Спиридонова сидим, тебя ждём, а ты тут выпендриваешься, разыгрываешь…

Даже без каких-либо объясняющих слов я буквально слетел по винтовой лестнице вниз, останавливаясь на миг перед зеркалом поправить галстук. По главному обкомовскому километровому коридору, тому самому, в котором был убит С. М. Киров, помчался так, что не шёл, а бежал. Секретарь в приёмной первого секретаря обкома партии, увидев меня, не удивилась, а только покачала головой. Затем подошла к двери и открыла её, пропуская меня в кабинет.

Картина в какой-то степени повторяла обстановку в кабинете С. П. Павлова. За главным столом сидел первый секретарь обкома партии Спиридонов, а напротив, в придвинутом к столу кресле, Вадим Аркадьевич Саюшев. Увидев меня, он опустил руку под стол и погрозил мне сжатым кулаком. Я понимал всю абсурдность случившегося. И моя реакция выдавала растерянность – так как виновником возникших обстоятельств был только я.

Спиридонов, слегка раскачиваясь в председательском кресле, как мне показалось, разглядывал меня не то с плохо скрытым сочувствием, не то с сожалением.

– Заставляете себя ждать, молодой человек! – произнёс он.

– Прошу меня извинить, Иван Васильевич, но я думал, что это розыгрыш, – с трудом сдерживая волнение, выпалил я.

Лицо Саюшева буквально окаменело.

– О, вы ещё занимаетесь розыгрышами, – не скрывая иронии, заметил Спиридонов.

– Извините Иван Васильевич, это моя вина.

– Да уж, конечно, ваша. Ладно, с розыгрышами разберётесь потом. А сейчас, товарищ Попцов, выслушайте меня внимательно. Через два часа состоится пленум обкома комсомола, на котором будет рассматриваться вопрос о вашем избрании секретарём обкома.

– Но, Иван Васильевич, это невозможно. Я недавно был вызван в ЦК ВЛКСМ для встречи с Сергеем Павловичем Павловым. Она была неудачной. Говоря проще, я не понравился Павлову.

Кресло Спиридонова прекратило раскачиваться, и он с внезапной жёсткостью произнёс:

– Товарищ Попцов, кому быть секретарём Ленинградского обкома комсомола – решает не ЦК ВЛКСМ, и даже не первый секретарь ЦК ВЛКСМ, уважаемый товарищ Павлов. Это решение принимает Ленинградский обком партии. Вам всё ясно?

– Ясно, Иван Васильевич.

– Вот и прекрасно. Через два часа состоится пленум. Подготовьтесь.

О пленуме обкома комсомола я знал. На повестке заседания значился один вопрос – о формировании студенческих строительных отрядов для участия на ударных стройках. Соответствующие материалы к пленуму студенческий отдел обкома комсомола подготовил. К сообщению по этому вопросу должен был выступить секретарь обкома комсомола Борис Фирсов. Никаких оргвопросов в повестке не значилось.

Пленум состоялся. Оргвопрос, вынесенный на обсуждение пленума, явился неожиданностью для всех присутствующих. И вместо положенных 20 минут, отведённых для обсуждения этой темы, было потрачено 1 час 55 минут. Вопрос: почему? Ответ: потому. Я был слишком молод, мне было чуть больше 23 лет. И это вызвало отрицательную реакцию у многих участников пленума. У меня ещё не было значимой комсомольской биографии, а если она и была, то замыкалась границами институтского мира. По сути это была плохо скрытая зависть – почему, на каких основаниях избираем этого пацана? Какие у него заслуги? Секретари райкомов комсомола тоже недоумевали: откуда он взялся и с какой стати делать его секретарём обкома комсомола, минуя райкомовский ранг? Моё выступление – а оно тоже было – не столько убедило, сколько разозлило этих людей. Я высказал своё мнение, по какому пути должен идти комсомол.

Спокойно, без эпатажа. Я сказал одну фразу: «Комсомол обязан помочь молодому человеку найти себя и этим доказать свою нужность времени». Но именно эта фраза расколола единство в рядах критикующих меня. Произошёл, я бы сказал, социальный раскол. Лесотехническая академия, в которой я учился и работал, находилась на территории Выборгского района, района промышленного. Рабочий класс, раздражённый нападками на меня со стороны комсомольской районной номенклатуры и интеллигенции, перешёл в атаку. Их поддержала Невская сторона, Кировский и Путиловский заводы и несколько вузов, на комсомольской конференции которых я выступал. Короче, никакого единогласия не вышло. Я был избран большинством.

После пленума первый секретарь обкома комсомола Саюшев, пожимая руку в знак поздравления, заметил: «Не переживай. Всё нормально. Ты держался молодцом. И это главное. Перелом в настроениях случился, и ты выиграл, Поздравляю. Это только начало, Олег. Через 8 месяцев – областная конференция, там тоже будут выборы. Всё в твоих руках. Покажи, на что ты способен».

Здесь правомерно поставить точку. Вхождение в мир политики свершилось. Конечно же, через те самые 8 месяцев прошла отчётно-выборная областная конференция комсомола, на которой я присутствовал уже в качестве секретаря обкома комсомола и среди избранных секретарей обкома получил наибольшее количество голосов против – не критическое, но заметное. Точно не помню, но, кажется, 30 голосов против – это было платой за мой внезапный взлёт.

Интересная деталь: на конференции первым меня представлял секретарь Сергей Павлович Павлов, и его реакция на происходящее вокруг меня была нестандартной. Выборы нового состава бюро обкома комсомола начинаются обычно с выборов первого секретаря обкома комсомола, затем состав секретариата и уже затем – членов бюро. Павлов начинает заседание неожиданным предложением: «Предлагается избрать секретарём обкома комсомола и членом бюро Олега Максимовича Попцова. Кто – за? Кто – против? Единогласно». Затем избирают всех остальных. На этот раз весь состав единогласно.

Я помню, как, вернувшись домой, сел перед зеркалом и клятвенно произнёс: «Я должен расти не вверх, а вниз». Это были правомерные мысли и разумные слова. Не подскакивать вверх, желая быть замеченным, а опуститься на землю, как говорится, рыть её и познать всё, что значимо для меня на этой земле.

По распределению обязанностей внутри секретариата мне поручили руководство областью из 27 районов. Внушительная территория и знаковые районные центры: г. Луга и г. Тихвин,

Приозерск, Ладожское поле, Выборг, Пушкино. Проблема села – ключевая. Область обеспечивает город молоком, мясом, овощами. Естественно, не полностью, но в объёмах значительных. Так что предстояло разобраться во многом. А у меня, как у профессионального инженера лесного хозяйства, – а, по сути, лесничего, – отгорожения от деревни не было, и именно эта частность на переломе исторических событий, когда Хрущёв разделил областные комитеты партии на промышленные и сельские, предопределила в недалёком будущем моё избрание первым секретарём Ленинградского сельского обкома комсомола. Именно тогда судьба подарила мне две встречи с Никитой Сергеевичем Хрущёвым. Это случилось в Лужниках.

К тому времени воплотилась ещё одна идея Хрущёва о конкретизации политического управления страной. Создание сельских партийных структур и промышленных. Появились сельские и промышленные райкомы и обкомы партии. Тогда Хрущёв и собрал в Лужниках весь сельский Северо-Запад. Всю науку, занимающуюся проблемами земли, растениеводства, животноводства, руководителей хозяйств-производителей с/х-продукции. И, естественно, вновь образованные сельские партийные власти. Я вместе с первым секретарём Ленинградского сельского обкома партии Козловым сидел в четвёртом ряду.

Как известно, хрущёвский волюнтаризм породил некий всплеск хамского поведения первых лиц в обкомах партии, копирующих манеру Хрущёва. Он постоянно обрывал выступающих, начинал их нелицеприятно критиковать, а точнее – разносить, ни в коей мере не сдерживая себя. То же самое повторилось и в Лужниках. И когда в момент выступления директора Ленинградского института растениеводства началась такая же хрущёвская вакханалия, директору института, академику, стало плохо. Он схватился за трибуну. Возмущённый происходящим, я сорвался с места. Меня успел схватить за руку секретарь обкома Козлов и, наклонившись ко мне, нервно прошептал: «Остановись, Олег! Возьми себя в руки! Да, ты прав, это хамство. Но на трибуне – генеральный секретарь ЦК КПСС. Ты представляешь, что будет со всеми нами за твой протест? Сиди спокойно, не обращай на себя внимание».

Двое охранников помогли директору института сойти с трибуны и увели его за кулисы. Вздох всего зала был похож на шелест.

Оглядываясь на своё прошлое, я понимаю: удержав меня от публичной реакции на поведение Хрущёва, спасли не только меня, но и областной комитет партии, на который бы сверхэмоциональный генеральный секретарь непременно

обрушил бы свой гнев. Хрущёву приписывают много изъянов. Но лучше всего о нём сказал замечательный российский писатель и мой друг Виктор Петрович Астафьев: «Человек он, конечно, хороший, но культурёшки ему не хватает».

Таких срывов у Хрущёва было множество. Когда он в Манеже на художественной выставке орал на художников, поэтов, выражая таким образом несогласие с их творчеством, в котором ничего не понимал. И это – тот самый человек, который подарил советской интеллигенции так называемую оттепель, отделившую мир культуры от жёсткой эпохи беспощадности сталинского времени. Произошло некое перерождение культа личности Сталина в эпоху волюнтаризма Хрущёва. Всё так, всё справедливо. И, тем не менее, партийные функционеры высшей категории не простили ему, что он посягнул на их обогащение, роскошные дачи, машины, вольготные земельные участки. Хрущёв рубил сплеча, а этого высокое руководство панически боялось, и приходилось каждому ждать своей очереди.

В силу своего характера он наделал достаточно глупостей – и с Крымом, передав его Украине, как шубу с барского плеча. Он возглавлял в своё время ЦК партии Украины. После своего ухода с этого поста на правах барина решил подарить Украине русский полуостров Крым, ни с кем не посоветовавшись, не спросив мнения России, будто её тогда и не было. Она была и называлась тогда РСФСР. Но, что правда, тогда это была одна страна, Советский Союз. А полуостров Крым из одного кармана перекочевал в другой, только и всего. Но нелепости не кончились. Страна лишилась Порт-Артура, который был отдан Китаю, и полуострова Порткала-Удд, который также был отдан Хрущёвым Финляндии. Такая необъяснимая раздача была совершена. Хрущёв был противоречивой фигурой, но значимой по своей внутренней сути. Он был реформатором. И, мне кажется, ещё тогда, когда вершилась моя комсомольская биография, понимание этого ко мне пришло.

Хрущёв много внимания уделял проблемам развития сельского хозяйства. Я, будучи первым секретарем Ленинградского сельского обкома комсомола, это понял. Я побывал в Америке в качестве руководителя делегации ЦК ВЛКСМ спустя 8 месяцев после известной поездки туда Н. С. Хрущёва и встречи его с Джоном Кеннеди. Исторически это обозначено как Карибский кризис и его последствия. Я же прилетел в Америку в страшный день. Мы вышли из самолета, и в аэропорту по радио объявили, что только что совершено покушение на президента США Джона Кеннеди. Он убит. В те времена хрущёвской оттепели поездки были достаточно долгими.

Наша продолжалась двадцать один день. Цель поездки – укрепление дружественных отношений с Америкой, что стало возможным после известного визита в США Хрущёва и его переговоров с Джоном Кеннеди, которые пресекли возможность атомной войны между нашими странами.

Я сразу почувствовал, что эта поездка не может быть из ряда похожих. Атмосфера в Штатах была накалена, и ощущение паники охватило страну. И тогда у меня возникла идея попросить у американских коллег, которые обслуживали нашу поездку, если возможно, организовать мою встречу с помощником Роберта Кеннеди, брата погибшего президента. Удивительным образом она была организована через два дня.

При встрече я высказал наше соболезнование в связи с происшедшей трагедией, гибелью президента Америки. Разговор в целом был очень располагающим, но главная неожиданность меня ожидала в конце. Я не помню имени этого человека, происшедшее случилось слишком давно, но вдруг мой высокоранговый собеседник произносит фразу совершенно для меня ошеломительную: «Господин Попцов, с вами хотел бы побеседовать г-н Роберт Кеннеди». Я буквально замер, приходя в себя, но, естественно, согласился. Разговор продолжался не более тридцати минут.

Я спросил Роберта Кеннеди: «Кто убил президента Америки?». Тот ответил туманно: «Идёт расследование». – «Но какие-то предположения есть?» – «Предположений много, – ответил Кеннеди, – но в данный момент идёт расследование». И тут я решился на дерзость:

– А мне кажется, я знаю, кто это мог сделать.

– Вот как? – Роберт Кеннеди вскинул голову и посмотрел на меня с нескрываемым любопытством. – Ну и кто же?

– Даллес, – ответил я.

В то время я уже интересовался политикой. Почему я так поступил, не знаю, но это была совершенно искренняя реакция на случившуюся драму. Добавлю, что Джон Кеннеди был достаточно популярен в СССР. Роберт Кеннеди меня услышал. Но ответил сверхдипломатично: «Предположение и истина – вещи разные. Подождём результатов расследования». До сих пор мне не верится, что всё было именно так. Спустя несколько лет Роберт Кеннеди тоже был убит. Я ни на минуту не сомневаюсь, что как первое, так и второе убийство было совершено по указаниям одного и того же человека, и имя его – Даллес. Это была месть Даллеса Джону Кеннеди за отстранение его от должности. А Роберт был устранен по этой же причине. Стань он президентом, а он уже выдвинул свою кандидатуру и, бесспорно, одержал бы

победу на выборах, он неминуемо отомстил бы Даллесу за убийство брата.

Но вернёмся к теме Никиты Сергеевича Хрущёва. Хрущёв, отринувший культ личности как проявление зла, сам не понимал того, что породил его продолжение, но в иной форме – волюнтаризма, и тем самым стал сам его ярким проявлением. Волюнтаризм, как эпидемия, стал мгновенно распространяться в среде партийного руководства страны. Буквально все первые секретари обкомов, ЦК республик подражали стилю Хрущёва. И эти, хотя и взрывные в своём проявлении, частности определяли политическую атмосферу того времени.

В Ленинграде поведение первого секретаря обкома партии Василия Сергеевича Толстикова было очевидным подтверждением этой похожести. Легче всего было бы списать её на излишнюю эмоциональность, которая, конечно же, была, но безнаказанность злоупотребления последней породила, по сути, хамство как норму поведения политического руководства. В период оттепели подобные трансформации в поведении лидеров напоминали раскаты грома.

Я пережил это на себе и не единожды оказывался в зоне раскатов подобного грома. Но как бы там ни было, Хрущёв вошёл в историю не этими запоминающимися эпизодами, а содержательной частью его серьёзных управленческих реформ. И, пожалуй, самой весомой реформой управления страной стало создание территориальных совнархозов как центров экономического развития страны. В то время премьером страны был Алексей Николаевич Косыгин, бесспорно историческая и, наверное, наиболее значимая фигура в руководстве. Эпоха совнархозов обозначена в истории как эпоха косыгинских реформ.

Хрущёв и Косыгин отчасти скопировали модель развития Германии, где каждая земля была локальным эпицентром развития в том или ином направлении – автопрома, станкостроения, кораблестроения, авиастроения, развития химической промышленности и т. д. Германией в те года руководил канцлер Эрхард, а время его правления потом назовут периодом экономического чуда.

На управление нашими совнархозами были направлены лучшие кадры и Совета министров страны. Правомерно заметить, что темпы экономического развития СССР в этот период лишь на 2,2 % уступали темпам развития Германии в момент её экономического чуда. Хрущёв практически положил начало модернизации сельского хозяйства страны. Его поездка в Америку оказалась весьма в этом отношении значимой. Он привёз из

Америки не только кукурузу, но и идеи модернизации животноводства. Но сначала – о кукурузе. Внедрение кукурузы в сельскохозяйственном производстве встретило отчаянное сопротивление со стороны консервативного блока управленцев в северо-западных хозяйствах.

Чуть позже, после отставки, Хрущёва станут высмеивать, так как кукурузу – а она, конечно же, южная культура, – следуя указаниям высшего партийного руководства, сеяли везде, и в Архангельской области в том числе. Так вот в северных областях – никакого зерна и початков молочно-восковой спелости кукуруза не давала, а площади, отведённые под её посевы, были громадными. Это и стало причиной необъективной критики. Почему необъективной? Потому, что местное руководство не оценило одной особенности кукурузы: учитывая, что в северных широтах продолжительность светового дня значительно выше, чем в южных, кукуруза давала не зерно, а громадную зелёную массу. Это обстоятельство позволило решить практически полностью главнейшую для молочного животноводства проблему сочных кормов. Я был в ту пору первым секретарём Ленинградского сельского обкома комсомола, и в режиме ударных комсомольских строек мы создавали силосные хранилища во всех колхозах и совхозах области. Именно тогда в обиход вошло слово «силос». Вторым подарком из Америки было появление на наших фермах американской карусели как символа модернизации животноводства.

Раньше главной инновацией дойки коров была так называемая «ёлочка», куда заводили коров и доили вручную. Это можно было назвать полумеханизацией процесса – коровы выстраивались, и доярки по коридору, расположенному ниже, поочередно переходили от одной коровы к другой. Карусель же подразумевала переход на механическую дойку. По существу, эту технологию можно было бы назвать революцией в животноводстве. Изобрели карусель в Америке военные специалисты, которые были откомандированы из американского ВПК указом президента Америки с задачей модернизировать сельскохозяйственное производство в стране.

И ещё одна деталь, которую я отнёс бы к собственным открытиям. Мне казалось, что я разгадал и понял Хрущёва: нюанс – именно после поездки в Америку в Советском Союзе провели реформу партийной системы. Она преподносилась Хрущёвым как приближение партийного руководства страны к конкретике повседневной жизни. К ней было приурочено создание сельских и промышленных обкомов партии. Хрущёв, я бы сказал, был помешан на этой идее, переводя научно-исследовательские

институты, занимающиеся проблемами растениеводства и животноводства, в сельскую местность. Такую передислокацию устраивали и в городах, когда профильные институты переводились в зону крупных промышленных городов и районов. Отчасти подобные перестановки имели право на обоснованность, но лишь отчасти. Но смысл разделения «монолита» партии заключался в другом. Побывав в Америке, Хрущёв, как я полагаю, заразился идеей двухпартийной системы «демократы и республиканцы», поочерёдно находившиеся у власти. Нечто подобное он хотел сотворить в Советском Союзе – Коммунистическая партия рабочего класса и Коммунистическая партия крестьянства. Нужна была и депутатская структура, и партийная, которые сконцентрируют своё внимание на проблемах развития села, сельского хозяйства и будут отстаивать их интересы на высших этажах власти. Возможно, моё предположение больше сродни мифу. Но я уверен, что нечто подобное в мыслях Хрущёва витало. Некая модель двухпартийной коммунистической системы.

Я уже упоминал, что изменения эти случились после поездки Хрущёва в США. После ухода Хрущёва в отставку воплощение идеи сошло на нет – партийная структура вновь стала единой. Равно как и косыгинские реформы относительно совнархозов. Они так и не стали «паровозами развития» и перестали существовать. Началась длительная эпоха брежневского поэтапного застоя.

Всякая политика, как и лидеры, творящие её, всегда суммарны. Оценка их деятельности только в негативных тонах ошибочна, как и только в положительных. Моё политическое прошлое, как и всякое прошлое, было школой жизни. В те далёкие времена я впервые оказался в сфере большой политики. Я довольно часто выезжал за рубеж – когда в составе делегаций, а иногда и возглавлял их.

В мою пору комсомол был на пике своей политической значимости. Этому способствовали и ударные стройки, БАМ, целина, и Всемирные фестивали молодёжи.

Упрямая биография

Сейчас, спустя много лет разглядывая карту Европы, я вдруг понял кое-что про те далёкие, но запоминающиеся годы. Теперь, когда мне за 80 лет, ясно осознал, что более 50 лет из них я прожил в государстве, которое называлось Советский Союз. Исключаем из них детство и юность – остаётся чуть более тридцати лет. За эти годы я побывал во всех без исключения странах Старого Света, плюс к этому – в Америке, Мексике, Кубе и Канаде. Где-то – в составе партийных делегаций, где-то – в составе делегации ЦК ВЛКСМ в качестве руководителя. Посмотришь на карту – и осознаёшь, что жизнь получилась интересной, а благодаря политике, которую постигал, – ещё и многомерной, сложной. Я видел, как строилась Берлинская стена, был свидетелем событий в Чехословакии и Венгрии. В Америке мы оказались в день и час совершения покушения на Джона Кеннеди. И как итог, хочется сказать: даже не верится, что это была моя жизнь!

Комсомол – это часть моей личной биографии, и часть очень важная. Хотя во временном исчислении это усреднённая цифра – чуть более 6 лет. Но их хватило на то, чтобы перевести стрелки на дороге моей жизни. Используя терминологию моей первой профессии, обозначим эту веху термином лесного хозяйства – «я вышел из леса», но другой дорогой и в другой мир. И имя ему – политика.

– Попцов у тебя?

Я сидел напротив.

– Нет, – ответил Павлов. – А что случилось?

– Ничего особенного. В связи с реорганизацией обкома и возвращения прежнего состояния единого обкома партии мы решили его перевести на партийную работу. Ему был сделан ряд предложений, и он отказался.

– Ну, Василий Сергеевич, ничего страшного, бывает.

– Ах, бывает… Ты знаешь, что он ответил?

– Нет.

– Ну так послушай! «Я пойду работать туда, где мои интересы пересекутся с интересами партии. В этом случае я буду наиболее полезен для партии». Ничего… Кого он из себя корчит? Вот такого сукина сына ты вырастил, товарищ Павлов.

– Василий Сергеевич, ваше беспокойство излишне. Мы уже наметили перевод товарища Попцова по тем же причинам в аппарат ЦК ВЛКСМ.

– Как в аппарат? А почему он нам об этом ничего не сказал?

– Потому что ничего не знал. Это решение было принято три дня тому назад.

– И на какую должность?

– Пока не определили, но, видимо, заместителем заведующего отделом.

– Ну и слава богу. В таком кресле по крайней мере не зазвездится.

На прощание ещё несколько матерных слов в мой адрес, и на этом разговор закончился. Павлов положил трубку и, посмотрев на меня, со вздохом произнёс:

– М-да, ничего не изменилось. Попцов, твой язык тебя не до Киева, а до тюрьмы доведёт. Ты понял?

– Понял.

– Ну и что нам теперь делать? Когда мы четыре месяца тому назад предложили тебе возглавить отдел сельской молодёжи, ты отказался, стал выпендриваться: «не хочу превращаться в чиновника».

– Но вы же сказали – заместитель заведующего отделом?

– Это я сказал, чтобы охладить Толстикова. Ты что, не слышал, как он орал? Ставить первого секретаря Ленинградского обкома комсомола на пост заместителя заведующего отделом – это попросту недопустимо. Да и фамилия этого человека – Олег Попцов, член ЦК ВЛКСМ – на слуху, заметная личность в комсомольском мире страны.

Вот так завершилась моя ленинградская комсомольская биография.

В итоге я стал первым заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ по вопросам СМИ. У ЦК ВЛКСМ было много своих изданий: журнал «Молодой коммунист», литературный журнал «Молодая гвардия», журналы «Смена», «Сельская молодёжь», «Техника молодёжи», журнал «Пионер» и газета «Пионерская правда». Ну и, конечно, «Комсомольская правда» издательства «Молодая гвардия», на базе которого печаталось большинство названных журналов миллионными тиражами. Я уже не говорю о республиканских областных и краевых комсомольских изданиях. Бесспорно, это был мощнейший идеологический ресурс, которым располагал комсомол, и этим ресурсом надо было управлять, так что проблем было сверхдостаточно.

Помню, на одной из первых планёрок я произнёс фразу: «Надо не разрешать или запрещать, а надо учить работать». Фраза понравилась моим коллегам, и, как говорят в таких случаях, «процесс пошёл». Я по натуре был выдумщиком, и поэтому

контакт с редакторами сложился практически сразу. Это было проблемой редакторского корпуса: они чувствовали себя начальниками, но им не хватало идей, замыслов.

Хрущёвские времена были временами своеобразными, как и сам Хрущёв, породивший их. Бесспорно, это было время определённого личностного раскрепощения по сравнению с предшествующим диктатурным сталинским управлением страной. И в комсомоле это проявилось более выразительно. Появлялись такие новые инициативы, как форма и стиль выполнения решений партии, освоение целины, создание студенческих ударных отрядов, стройки и чуть позже – БАМ!

Именно в это время мы сотворили идею – премия Ленинского комсомола, своего рода высшая награда ЦК ВЛКСМ. Она присваивалась за достижения в различных сферах деятельности и мгновенно стала едва ли не самой популярной премией в стране. Потом появилась комиссия по выдвижению кандидатов, но вначале ничего этого не было.

Приближался очередной съезд комсомола, времени в обрез, и первых лауреатов было доверено выдвинуть секретариату ЦК ВЛКСМ и авторам самой идеи, премии Ленинского комсомола. По-моему, Александру Пахмутову и Николая Добронравова назвал Валерий Ганичев, возглавлявший в ту пору отдел пропаганды и агитации, или это сделал сам первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлов с подачи Ганичева. Я предложил кандидатуру Донатоса Баниониса, сыгравшего главную роль в замечательном фильме «Никто не хотел умирать». Ещё среди первых лауреатов был сравнительно молодой доктор наук, фамилии точно не помню. Помню другую значимую личность: его очередное открытие сделало его академиком буквально через несколько месяцев.

Очень скоро мы поняли, что не ошиблись в выборе первых лауреатов. Их нарастающая популярность придала премии очевидную значимость, как и желание её завоевать. Ныне ничего этого уже давно нет. Нет комсомола или его подобия, которое как воздух необходимо сегодня нашему обществу, когда стоит жёсткий вопрос: как вернуть в значимую общественную жизнь потерянное поколение молодых, которое могло бы и должно стать генератором идей модернизации отечественной промышленности, сельского хозяйства, науки и новой индустриализации страны.

Жизнь всякого человека имеет тройственное измерение: прошлое, настоящее и будущее. Последний этап – как завершающая часть жизни и возможность заглянуть во время, которое уже не принадлежит тебе и ты можешь заявить свои

права на него только в виде своих сравнений, предложений и проницательности.

«Вразуми, Господи, их не совершить ошибок, мной совершённых. Ничто не унижает и разоряет более, чем ошибки собственные, и не ищи вину за беду, во власти которой оказался, в окружающих тебя, в их злом умысле. Сосредоточься на осознании вины собственной. Потому как она и есть главная беда всех бед». Потребность в такой исповеди есть у каждого. Но сделаем ещё одну историческую ремарку.

Решение Политбюро об отстранении Хрущёва от обязанности генерального секретаря КПСС случилось в 1964 году. Случившемуся событию, назовём его переворотом, давались разные оценки. Не вступая в полемику, выскажу своё мнение в ту пору первого секретаря Ленинградского обкома комсомола. Хрущёв был нестандартной и противоречивой личностью. Его спонтанные решения были достаточно ошеломляющими для партийного окружения и столь же неожиданными. И наряду с их правомерностью случалось и много ошибок, и, как мне кажется, его врождённое упрямство лишало его способности их признавать.

Публичное развенчание культа личности Сталина, которое совершил Хрущёв, было воспринято неоднозначно, как партией, так и народом. А если выражаться более конкретно – кем-то крайне отрицательно, а кем-то попросту в штыки. И таких, рискну предположить, было большинство. Партийное руководство в тот момент подчинилось воле генерального секретаря и, скрипя зубами, поддержало его. Внутренне не согласились, но внешне поддержали.

И вот теперь настал момент мщения, и то, что Хрущёв совершил публичную расправу с памятью о Сталине, предстояло пережить ему при жизни. Было принято решение, когда все члены ЦК разъезжались в краевые и областные партийные организации страны, где обязаны были дать развёрнутую критическую оценку деятельности Хрущёва, что, по сути, подтвердило бы правильность решения Политбюро относительно его отстранения от руководства партией. Но в этом случае оно переставало быть решением узкой группы лиц, а становилось решением всего ЦК КПСС.

В этой операции развенчания волюнтаризма Н. С. Хрущёва был задействован практически едва ли не на весь состав ЦК КПСС, и именно на долю первого секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Павлова выпала роль сокрушителя хрущёвского волюнтаризма в Ленинграде.

Я помню этот визит Павлова в Ленинград. Весь секретариат

обкома комсомола сопровождал Павлова по смольненскому коридору до зала заседаний, где обычно проводил пленум обкома партии. Лицо Павлова выглядело сосредоточенным. Шли молча, полагая, что присутствие рядом с ним придаёт ему уверенности. Неожиданно Павлов наклонился ко мне и спросил: «О чём мне следует сказать?», я ответил почти сразу: «Это время было знаковым в жизни. Ни в коем случае не погружаться в поношение этого человека. Конечно, назвать совершённые ошибки, но и отдать должное результатам, достигнутым в развитии страны». Павлов благодарно сжал мою руку и двинулся в зал, его встретил секретарь обкома партии.

Павлов выступил достойно и мужественно. Он сказал не только о хрущёвском волюнтаризме, но и о впечатляющих результатах в развитии страны в этот период: о создании совнархозов и полёте в космос. Это была отчасти суровая, отчасти знаковая аттестация деятельности лидера страны. Павлов сохранил достоинство и не погрузился в грязь привычных поношений Хрущёва. То, что понравилось, судя по аплодисментам, присутствующих в зале, видимо, не понравилось М. А. Суслову.

Спустя месяц Павлов освобождается от должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ и назначается главой Спорткомитета страны. Желание унизить Павлова, которое, конечно, просматривалось в этом решении, провалилось. Павлов блестяще проводит Олимпийские игры в Москве, которые СССР выигрывает. И тот самый олимпийский Мишка, и прощание с ним становятся символом страны на долгое время, как и прекрасная мелодия Александры Пахмутовой и столь же прекрасные стихи Добронравова.

Популярность Павлова в стране достигает значимых масштабов. Серый кардинал ЦК КПСС не может простить «олимпийского» успеха Павлову и через недолгое время наносит ему очередной бюрократический удар. Павлов назначается послом в Монголии, тем самым ставится крест на его дальнейшей политической карьере и возможности возвращения в большую политику. Подобное отношение Суслова к Павлову было не случайным. Павлова не жаловал и Л. И. Брежнев, который хорошо запомнил знаковый эпизод в своей жизни.

В то время он был вторым человеком в Политбюро и в один из дней назначил встречу с Павловым. В положенное время Павлов появился в ЦК, где более двух часов ожидал приёма. Брежнев знал, что Павлов ожидает в приёмной, но тем не менее продолжал приглашать людей, записанных на более позднее время. Это была своя форма унижения. Таким образом, как

считал Брежнев, он зарвавшегося Павлова, в тот момент – первого секретаря ЦК ВЛКСМ, ставит на своё место. Неожиданно раздаётся звонок в приёмной. Павлова разыскивает Хрущёв.

Секретарь Хрущёва просит Павлова немедленно подойти в приёмную Никиты Сергеевича. У Павлова безвыходная ситуация – предупредить Брежнева невозможно, у него очередной посетитель. Павлов предупредил секретаршу Брежнева, а сам пошёл к Хрущёву.

На вопрос Хрущёва: «В чём дело? Генеральный секретарь вынужден тебя разыскивать?» Павлов извинился и рассказал ситуацию: «Я был вызван Брежневым на определённое время и прождал в приёмной более двух часов. Люди заходили к Брежневу один за другим, а я продолжал ждать. И тут ваш вызов».

Рассказ Павлова привёл Хрущёва в бешенство. Он снял трубку и позвонил Брежневу. На располагающее брежневское «Слушаю вас, Никита Сергеевич!» ответил:

– Зайди ко мне. Что значит через пять минут? Немедленно.

И с грохотом опустил трубку на аппарат. Не понять, что ситуация накаляется, было нельзя: Павлов встал и извиняющим тоном произнёс: «Разрешите я подожду в приёмной, Никита Сергеевич». Хрущёв резко вскинул голову и столь же резко ответил: «Сядь».

Случившееся далее нельзя было назвать даже малоприятным зрелищем. Это была пятиминутная трагедия для самого Павлова.

Вошёл Брежнев, и Хрущёв, даже не предложив ему сесть, начал орать:

– Что ты себе позволяешь! Первый секретарь ЦК ВЛКСМ, которого ты пригласил, ожидает твоего вызова более двух часов. Я его полтора часа найти не могу, а он, оказывается, в приёмной Брежнева газеты читает.

Далее разнос шёл по нарастающей, усиленный смачным матом. Павлов знал, что Брежнев его не любит только потому, что Хрущёв всячески поддерживал комсомол и самого Павлова. Хрущёв не скрывал, что в ближайшем будущем он сделает ставку на этих людей. И вот теперь своё публичное унижение в присутствии Павлова Брежнев никогда ему не простит. Любые объяснения, которыми Брежнев пытался убедить Хрущёва, грубо отметались. Да и по существу они были нелепыми.

– Ты рано почувствовал себя царём, Лёня, которому всё позволено.

В этих словах была трагическая прозорливость. Хрущёв понимал, что эти люди хотят его сместить, но он ещё надеялся, что сумеет их опередить. Покидая кабинет Хрущёва, Брежнев повернулся к Павлову и сказал всего лишь: «Потом зайдите ко

мне».

Все детали случившегося не авторские выдумки. Это почти дословный рассказ Павлова об этой встрече. В рассказе была ещё одна знаковая деталь. Брежнев, чувствуя жуткую неудобность в течение всего разноса, вертелся в своём кресле, нащупывал устойчивое положение.

Хрущёва, как выяснилось после ухода Брежнева, интересовала идея проведения международного фестиваля молодёжи в Советском Союзе, но в каком-либо городе помимо Москвы.

После этой неожиданной беседы с Хрущёвым и не менее неожиданной с Брежневым, у Павлова было приподнятое настроение, при всех издержках случившегося он чувствовал себя победителем. Я в этом убедился, потому что оказался среди тех, кому Павлов рассказал о деталях этого разговора Хрущёва с Брежневым и неудобности, которую испытывал Брежнев от присутствия постороннего человека при их разговоре, по сути, свидетеля этого разноса.

Не знаю почему, но я в этот момент вдруг вспомнил случай моей собственной жизни, когда я, ещё будучи студентом Лесотехнической академии, стал свидетелем значимого события в жизни кандидата биологических наук Павла Семёновича Тальмана. Он преподавал энтомологию, науку о жизни насекомых. Тальман готовился к защите докторской диссертации, которая проходила в Ленинградском университете; на защите присутствовал академик Трофим Денисович Лысенко, он был членом комиссии. Знаковой деталью этого события был факт, что «биологический» пул Лесотехнической академии был в оппозиции к Лысенко, его взглядам на теорию Дарвина и внутривидовой борьбе, и диссертация Тальмана была, по сути, многомерной критикой взглядов Лысенко. Немаловажно при этом, что Лесотехническая академия числилась своеобразным центром оппозиции как к самому Лысенко, так и его теории. Говоря проще, учёные Лесотехнической академии были на стороне Дарвина, а не Лысенко.

Так вот, как рассказывал Тальман, во время его защиты Лысенко всё время вертелся на стуле, потому как диссертант критиковал его взгляды. В кабинете Тальмана во время рассказа присутствовала старший лаборант Мария Васильевна, фамилию не помню. Она была очень доброжелательной женщиной, и смачность, с которой Тальман рассказывал о вертящемся на стуле Лысенко, её обеспокоила, и она вдруг сказала: «Ах, Павел Семёнович, Лысенко вертелся на стуле во время полутора часов вашей защиты. Не дай бог, чтобы вам не пришлось теперь

вертеться всю жизнь». Диссертация Тальмана не была утверждена.

После моих слов улыбка ушла с лица Павлова, и он с плохо скрываемой злостью спросил меня:

– Попцов, зачем ты мне это рассказываешь?

– Просто вспомнилось, и я рассказал. Одномоментная радость не бывает радостью на все времена, – сказал я.

Уже тогда мы чувствовали назревающий конфликт внутри руководства КПСС.

Хрущёв, совершивший невероятное развенчание культа личности Сталина, не стал народным героем. Казалось бы, всё во имя народа и ради него, его раскрепощения, свободы мысли, уничтожении страха… Ан нет.

Бесспорно, идеализации образа Хрущёва как пламенного борца за справедливость мешали совершённые им ошибки, касающиеся практически жизни всего народа. Когда, например, Хрущёв замахнулся на частные земельные участки, или так называемые дачные участки, и стал их урезать и сокращать, при отсутствии ожидаемого результата в развитии сельского хозяйства. Лишение граждан добавочного продукта, который они выращивали на этих участках, спровоцировало дефицит в стране, что вызвало массовые недовольства народа.

И хрущёвская оттепель, и акт массовой амнистии граждан, сделавшие ощущения личной свободы реальностью, породили радость надежд среди советской интеллигенции. «ГУЛАГ позади», – свободно выдохнула интеллигенция. Это было действительно так… Но.

Посещение выставки художников Хрущёвым в Манеже в 1962 году и разнос, устроенный Хрущёвым, работ современных художников-авангардистов, в число которых угодил Фальк со своей картиной «Обнажённая», а затем выдающийся скульптор Эрнст Неизвестный, тогда, на рубеже пятидесятых – шестидесятых, числившийся в молодых, можно считать завершением оттепели. Благостная надежда, что хрущёвская оттепель стала уходить в никуда, и та самая интеллигенция, которая сначала вдохновилась излучением оттепели и почувствовала себя «лидером справедливости», очень скоро стала от него отворачиваться.

Любопытная деталь.

Инициатором выставки молодых художников-авангардистов и футуристов в гостинице «Юность» был Московский горком комсомола, который в ту пору возглавлял Борис Николаевич Пастухов. Кстати, выставка была подвергнута критике со стороны отдела пропаганды ЦК КПСС, выволочку её организаторам устроил и руководитель ЦК ВЛКСМ. Но это не помешало части

этих работ оказаться на всесоюзной выставке в Манеже.

Мне запомнились слова моего друга, замечательного художника Бориса Жутовского, тоже участника той выставки, работы которого, мягко выражаясь, озадачили Никиту Сергеевича Хрущёва. «Тогда я был подавлен и обескуражен его словами, – сказал Жутовский. – Ну а уже потом я воспринимал произошедшее как спектакль. И удивлен дремучести, пришедшей в ярость и бешенство от масштабов своего непонимания увиденного».

Я не читал книг воспоминаний Хрущёва, потому что мне важно было моё собственное восприятие Хрущёва, как человека вне его свиты, вне лагеря его обожателей и противников, и как человека, вошедшего в политику в его эпоху, будучи совсем молодым и пережившим всё десятилетие его руководства в роли генерального секретаря ЦК КПСС.

Да, он был противоречив, да, эмоции играли не последнюю роль в его поступках и решениях. Он был переполнен желанием перемен. К сожалению, он недооценил масштабы коварства своего окружения и переоценил свою способность к интриге.

Он желал реформ, но не додумывал их до конца. У него были союзники его действий и сторонники его идей, но те и другие были временными, потому что его собственные действия по отношению к ним были далеки от постоянства и последовательности. Он покинул свой пост в 1964 году. На заседании Политбюро, на котором это случилось, никто не высказался в его поддержку. Случившееся правомерно можно назвать заговором, но возрастающую нелюбовь к нему он чувствовал сам.

Его не предали суду, не заключили в тюрьму, что было сделано с руководителями ряда республик бывшего соцлагеря, таких как Румыния, Польша, ГДР. Его просто отправили в отставку, предав публичному поруганию на всех республиканских краевых областных пленумах КПСС. Это была плата Хрущёва за развенчание культа личности Сталина, которую едва ли не большинство коммунистов – кто-то откровенно, а кто-то скрытно – приняло в штыки.

В 1971 году он умер. И вопрос, кто ушёл из жизни: новатор, преобразователь, реформатор либо диктатор, сменивший «палача», – так и остался без ответа.

Что же было потом? У Хрущёва был свой план по реформированию и реконструкции Политбюро и партийного аппарата. На старте этих преобразований стоял «комсомольский» ресурс: Шелепин, Семичастный, Павлов – все в прошлом секретари ЦК ВЛКСМ.

И Шелепин, и Семичастный симпатизировали Павлову и всячески тянули его наверх. После отставки Хрущёва ситуация кардинально изменилась. Тот самый «комсомольский» ресурс, который должен был стать основой обновления высшего эшелона власти, был практически изъят из большой политики. Как одно из звеньев этого замысла, было дело о комсомоле, его предполагалось рассмотреть на заседании секретариата ЦК КПСС, на которое приглашался весь состав бюро ЦК ВЛКСМ. Чиновники из аппарата ЦК КПСС обзвонили приглашённых заранее, предложив им занять жёсткую позицию относительно Павлова, который обвинялся в пьянстве, развале комсомола, разврате и прочих немыслимых грехах.

Об этом прекрасно рассказал в своей книге «Друзей моих прекрасные черты» Борис Пастухов, в то время второй секретарь ЦК ВЛКСМ. Отказ Пастухова выступить на секретариате и поддержать эту клевету стоил ему будущего, но он сделал этот шаг.

Заседание секретариата состоялось, его вёл Михаил Андреевич Суслов, как его звали за глаза в то время, «серый кардинал» ЦК. Павлов отверг все обвинения в свой адрес. После жестокого и беспощадного обсуждения этого вопроса Павлову объявили выговор, прошлись жёсткой критикой и по остальном присутствующим на заседании членам бюро ЦК ВЛКСМ.

В 1968 году Павлова назначают руководителем Спорткомитета СССР. В назначении усматривалась некая логика. Павлов имел незаконченное спортивное образование, но зная Павлова, его возможности как лидера, все понимали, что это назначение – некое подобие ссылки.

Замысел инициаторов был однозначным: перечеркнуть карьеру Павлова, забыть его, но всё случилось наоборот. Сказались его блестящие организаторские способности.

Буквально через несколько месяцев после его назначения проходит Олимпиада в Москве, где советская команда, в силу своей слабой подготовки к Олимпийским играм, показывает удручающие результаты и занимает девятое место[1].

Но затем наступает перелом, и спорт в Советском Союзе начинает набирать высоту – как профессиональный, так и массовый. И, казалось бы, выведенная из поля общественной значимости фигура Павлова, уже как миниатюра спорта, благодаря стремительно растущим спортивным достижениям, начинает стремительно набирать популярность и любовь народа. В этот момент снова необъяснимая отставка. Павлова освобождают от занимаемой должности и направляют послом в Монголию, а затем, через несколько лет, послом в Бирму.

В высокоразвитой советской практике сложилась порочная тенденция, когда на дипломатическую должность переводились известные политики, лишённые дипломатического образования. Это было подобием ссылки, которая сводила на «нет» их прошлую политическую значимость. Нечто подобное в те же самые послехрущёвские времена произошло и с первым секретарём Ленинградского обкома партии Василием Сергеевичем Толстиковым, который был направлен послом в Китай. В брежневские времена эта практика стала своеобразной нормой вывода из игры значимых, но неудобных для правящего партийного руководства страны личностей.

Так сошла с политического небосвода и звезда Сергея Павлова, сумевшего в период своего руководства комсомолом страны довести комсомол до знакового роста, как и его авторитета и в Советском Союзе, и за его пределами. И это не теоретические рассуждения, а свидетельство участника тех событий, пребывавшего не в высоких властных коридорах, а на просторах реальной жизни: целине, ударных стройках, международных фестивалях молодёжи и многих других значимых деяниях комсомола тех лет.

Внезапное прозрение

Моя работа в аппарате ЦК ВЛКСМ в должности первого заместителя отдела пропаганды была сравнительно недолгой – полтора года. Вообще я по натуре был человеком, предрасположенным к самостоятельности, и в этом случае ранг занимаемого мною поста был не столь важен. Главное было в другом – масштабе свободы собственных действий и личной ответственности за их результат.

Я, на правах первого заместителя отдела пропаганды, курировал работу всех молодёжных СМИ. Работая в Москве, я задавал себе вопрос: что дальше? Мне не хотелось, чтобы мою судьбу определяли другие люди, и тень некоего персонажа, который неминуемо окажется в партийных коридорах власти, вызывала у меня отторжение. А то, что это произойдёт непременно, я был уверен, другого выхода нет. «Надо спрыгнуть с этого конвейера», – сказал я себе. Надо думать – где, как и когда??? И вот тогда я обратил внимание на журнал «Сельская молодёжь». Он был никаким по тем временам: тираж 37 тысяч экземпляров – на фоне окружающих его миллионников «Смена», «Комсомольская правда», «Техника молодёжи» и полумиллионников «Молодой коммунист», «Молодая гвардия». Я всю жизнь всё создавал с нуля. «А почему нет?» – подумал я. Деревню я знаю так, как в моём окружении вряд ли кто-то знал её лучше. Рабочий класс и крестьянство – две главные политические опоры страны.

Это был как раз тот момент, когда мы искали нового руководителя журнала «Сельская молодёжь». Я побывал в редакции журнала и испытал состояние шока. Ничего нет: авторов раз, два и обчёлся, концепции оформления нет, концепции содержания журнала тоже нет. Да и самого видения, для чего и для кого журнал, тоже нет. На вопрос «почему такой низкий тираж?» ответ: «А что вы хотели? Это же деревня, а 90 % газет и журналов читают горожане».

«Н-да», – со вздохом я покинул редакцию, поняв очередную истину – на таких лошадях далеко не уедешь. А на следующее утро, приехав в ЦК ВЛКСМ, поднялся на 4 этаж к секретарю ЦК по пропаганде А. Камшалову и предложил свою кандидатуру на пост главного редактора журнала ЦК ВЛКСМ «Сельская молодёжь». Камшалов не стал вдаваться в частности «что и почему», сразу согласился. Меня это насторожило и даже обидело. Я работал не покладая рук, возникала масса новых идей, возможно, это и не нужно было Камшалову, но так или иначе я попросил его доложить Павлову о моей просьбе:

– Не волнуйся, доложу, – ответил Камшалов.

И я пошёл заниматься своими делами. Оказавшись в своей четырнадцатиметровой комнате, я сел за свой стол и включил телевизор. В здании ЦК ВЛКСМ было всего три телевизора: у первого секретаря ЦК ВЛКСМ Павлова, управляющего делами и у меня.

Назначая меня на должность первого заместителя, заведующего отделом пропаганды, и напутствуя, Павлов заметил:

– Так получилось, других мест нет. Поработаешь, вникнешь в суть дел, журналисты – народ нужный, но противный, а там посмотрим.

История с моим телевизором была специфичной, в духе Павлова. Когда я принял дела, а телевидение и радио тоже входили в круг моих обязанностей, я направился к управляющему делами – посвятить его в суть прошедших событий, речь шла о моём назначении. Сказал, что помимо всего я буду заниматься телевидением и поэтому прошу его приобрести и поставить у меня в кабинете телевизор. Управляющий делами, выслушав меня, рассмеялся:

– Может, тебе и самолет купить?

– Самолет не надо, – ответил я. – А телевизор поставьте, иначе я работать просто не смогу.

– Да что ты говоришь! А вот твои предшественники работали и ничего.

– О предшественниках сказать ничего не могу, но полагаю, поэтому они и ушли.

Спустя день управляющий оказался у Павлова и с возмущением доложил о моей просьбе. У заведующего отделом нет телевизора и у секретарей ЦК нет, а этому поставьте!.. Управляющий делами был человек хитрый, кстати, тоже из Ленинграда. Он считал, что настроил Павлова на возмущение, которое немедленно проявится в его реакции.

Управляющий делами стоял, ожидая этой реакции. Павлов оторвался от чтения «Комсомолки», поднял голову и спросил:

– Ну, чего стоишь? Иди и поставь, раз просит. Он пришёл в ЦК, чтобы делом заниматься.

Однако вернусь к постижению редакторского бытия.

Кабинет главного редактора был сверхуменьшенным по размерам. Часть комнаты отгородили для секретарши, остальное числили как кабинет главного. В других комнатах сидели как минимум по четыре человека. Слава богу, эта теснота длилась недолго, пока продолжался ремонт редакционного здания. Куда мы переехали – точно не помню, но, кажется, через полтора года.

Там у нас был своим коридор пятого этажа. У журнала

«Сельская молодёжь» была своя особенность: при нём числилось пятитомное литературное приложение, которое хотели у него забрать. Первое, что я сделал, остановил эти претензии. Во-первых, я изменил содержательную составляющую пятитомной библиотеки. Мы назвали издание приложением «Подвиг», как собрание героико-приключенческой прозы. Это было время, когда жанр детектива набирал популярность. Я предложил коллегам сделать на это ставку, и очень скоро «Подвиг» стал самым известным читаемым приложением в Советском Союзе. Подписка на него проводилась отдельно от подписки на журнал. Затем я сделал следующий новаторский шаг: разделил содержание книг. Из пяти в трех томах публиковалась отечественная проза и еще два детектива зарубежных авторов. Интерес к приложению возрос кратно, оно шло нарасхват.

Когда я возглавил журнал и познакомился с сотрудниками, на одной из первых летучек я заявил: «Журнал должен стать другим: по наполнению, по оформлению, по читательской аудитории. Предупреждаю, что увольнять никого не собираюсь. Те, кто примут новую концепцию, – останутся, те, кто не примут, уйдут сами».

Главной проблемой были авторы. То, что печатал журнал, нельзя было назвать эталонной поэзией, прозой и публицистикой. Автора мало пригласить, его надо заинтересовать. Когда новый значимый автор берёт журнал в руки и видит на его страницах прозу и поэзию значимых коллег, у него появляется интерес к изданию; и ещё острота издания прямо противоположна его успеху у читателей.

Фактически начался процесс сотворения нового журнала. Это было непросто. Начали с оформления издания – появился новый логотип «СМ». Издание в общежурнальном реестре значилось как «общественно-политический литературный журнал», и здесь очень важны были пропорции. Политическая позиция журнала была очень важна, но для начала ее надо было обозначить – у прежнего издания её практически не было, потому как задачи её выявления не стояло.

И вот здесь мне, как редактору, предстояло пройти через все круги ада. Если «Сельская молодёжь» – журнал ЦК ВЛКСМ, то и его политические воззрения – это воззрения ЦК ВЛКСМ. Эта догма не оспаривалась, она полностью соответствовала партийным догмам в партийных изданиях. В шестидесятые и семидесятые годы были писатели в пределах допустимого, как и писатели недопустимые. Хрущёвская оттепель ушла в никуда. Я принял журнал в 1966 году.

Хрущёв оставил свой пост в 1964 году. В 1968 году Павлов

покинул свой пост первого секретаря ЦК ВЛКСМ, и ему на смену пришёл Евгений Михайлович Тяжельников – абсолютная противоположность Павлову. Комсомольские верхи понимали, что после известного так называемого «Комсомольского дела», затеянного руководством ЦК КПСС, о чём я уже рассказал выше, неприятие к новому руководству ЦК ВЛКСМ нарастало. Подчинённость первому лицу осталась, а вот почитание стало ослабевать. И те, кто связывал свою судьбу с комсомолом, стали срочно перестраиваться в поисках новых постов.

Уход Павлова ожидался, но всё равно он сохранил эффект неожиданности. Оказавшись во главе журнала «Сельская молодёжь в 1966 году, я ещё работал в павловской атмосфере, а затем появился Тяжельников Е. М. – высококлассный функциональный чиновник, но не лидер. Комсомол перешёл в режим функциональной подчинённости, когда превыше всего ценилась исполнительская дисциплина. Это по-своему полезно, но энергетика порыва ушла. Павлов на посту первого секретаря ЦК был знаковой и популярной политической фигурой, и аппарат ЦК КПСС был осторожен в общении с ним. Он был вхож в кабинеты высшей власти – это чиновники и знали и понимали, и какого-то излишнего давления ЦК КПСС не было. Проработав 24 года во главе журнала «Сельская молодёжь», я прошёл и через брежневскую эпоху, а для прессы это был болотный период, и недолгое пребывание на посту генерального секретаря ЦК КПСС Кириенко, а затем горбачёвскую перестройку. Так что было с чем и с кем сравнивать.

Бесспорно, ключевую роль на определённом этапе сыграл Александр Николаевич Яковлев, занимавший пост первого заместителя отдела пропаганды ЦК КПСС, а по сути, он руководил отделом. Это раздражало Суслова. Яковлев был хорошо образован, умён и пользовался громадным авторитетом в среде средств массовой информации, и Михаил Андреевич Суслов ревновал Яковлева. Особенно после известной статьи Яковлева, которая заняла в «Литературной газете» целый разворот; главным редактором газеты в то время был Александр Чаковский. Статья была посвящена проблемам антисемитизма и русофобии, проблемам чрезвычайно острым в тот момент.

Суслов был недоволен статьей Яковлева, но критиковать её публично не решился. Он избрал другой путь, который ЦК КПСС всякий раз использовал для того, чтобы убрать неугодных.

Тогда МИД искал посла в Канаду, и Суслов совершенно неожиданно предлагает на заседании секретариата, которое он вёл, кандидатуру Яковлева. Посол в Канаде – фигура по-своему значимая. Канада не Америка, но рядом с ней. Суслов надеялся,

что амбиции Яковлева непременно проявятся, и появится прекрасная возможность со временем его убрать и оттуда. Работой прессы как таковой занимался агитпроп ЦК КПСС. Ежемесячно собиралось совещание, где присутствовали руководители ведущих изданий, на котором делался аналитический обзор прессы за прошедший месяц. С таким сообщением выступал либо заместитель завотдела, либо ранговый чиновник агитпропа. Председательствовал на заседании, как правило, Яковлев А. Н., и если на совещании критиковалось какое-либо издание, далее в этот процесс включались либо бюро ЦК ВЛКСМ, либо секретариат. Следует добавить, что цензура прессовала наиболее известные и популярные издания по полной, и можно себе представить, сколь обильной была «свобода слова» в СССР.

Всё это надо было выдержать и даже в приемлемом формате «свободу слова» отстоять. Большинство приняло дисциплинированный режим «указы начальства не обсуждаются, а исполняются», но были и бунтари. Так уж сложилось, что ваш покорный слуга числился в рядах последних.

В журнале было два фронта обороны: первый – литература, проза и поэзия, второй фронт – публицистика. И то и другое надо было отстоять. Как сказал мне однажды Солодин – заместитель в центральной цензуре, в прошлом потомственный офицер, интеллигентный, но как человек, имевший офицерскую биографию, довольно жёсткий (Тогда я проработал в журнале уже более десяти лет.): «Ты подарил нам неожиданность. Ты превратил журнал с простеньким названием „Сельская молодёжь“ в нечто ни на что не похожее. Надо формировать дивизии и направлять их на борьбу с тобой». После этих слов он рассмеялся.

На следующий день позвонил Камшалов.

– Олег, зайди ко мне.

Когда я вошёл в его кабинет, я увидел перед собой человека, перенёсшего нервный стресс. Камшалов был бледным, у него дёргались губы и, как мне показалось, тряслись руки.

– Что случилось?

– Я был у Павлова и сказал ему о твоей просьбе. Он какое-то время молчал, а затем задал мне вопрос: «И ты ему отказал?» – «Нет, не отказал, согласился с его идеей». Через секунду со мной говорил уже другой Павлов: «Ревнуешь, боишься конкуренции. И предложение ему, конечно, сделал ты». Я стал его уверять – это твоё собственное желание, что у тебя уже есть планы по развитию журнала. «Мало того, что трус, ещё и лжец!» – стал орать на меня Павлов…

Я не помню, что ещё говорил Камшалов. Это было слишком

давно, свыше пятидесяти лет тому назад. Камшалов, кажется, на следующий день попросил меня зайти к Павлову и рассказать всё, как было на самом деле, и что он, Камшалов, никакого давления на меня не оказывал. Желание возглавить журнал высказал я сам.

Я успокоил Камшалова, что сделаю это непременно, как только Павлов сможет меня принять.

– Хо-ро-шо, – слегка заикаясь, ответил Камшалов, – Только не откладывай на потом, сделай это сейчас.

Я сдержал слово и зашёл к Павлову. Сергей Павлович был человеком эмоциональным. Мне даже показалось, что Хрущёв заразил целую когорту партийных комсомольских руководителей этой взрывной эмоциональностью. Люди начинали повышать голос, перебивать собеседника, а затем попросту начинали орать. При разговоре с Павловым этот момент эмоционального взрыва был недолгим. Ещё одно внушение: «Зачем?! Куда мы торопимся?! Осознанно выдавливают?!»

Я постарался убедить Павлова, что всё нормально, никто не выдавливает. Взаимоотношения с непосредственным руководством, Камшаловым и Ганичевым, – деловые взаимоотношения. Желание возглавить журнал – моё собственное. Желание сделать журнал, по сути, из никакого. Эта идея значимая, я хочу её воплотить. Проблемы деревни, в силу моей прошлой биографии, мне знакомы и понятны. Павлов ещё раз прошёлся по Камшалову. Я его критику выслушал, но не поддержал, на что Павлов усмехнулся, встал из-за стола и пожал мне руку. Его напутственные слова я запомнил на всю жизнь: «Отныне твоя судьба в твоих руках, Олег. Ты её выбрал сам. Удачи!»

Редакция журнала, в которую я пришёл, размещалась в бывшей коммунальной квартире не то из четырёх, не то из пяти комнат плюс туалет и ванная.

Свыше двадцати лет достаточно, чтобы стать другим, и со мной это случилось. Началась действительно другая жизнь. Её можно было понять, к ней следовало привыкнуть и сказать себе: «Теперь это раз и навсегда – твоя жизнь».

Когда ты, как главный редактор, пропускаешь авторскую прозу через себя, ты можешь даже не заметить того момента, когда сам начинаешь писать. Это случилось со мной, я написал несколько книг за время своего редакторства: рассказы, повести, романы. Был принят в Союз писателей.

Книгой, аттестующей меня как будущего писателя, была книга «Банальный сюжет», сказки для почти взрослых о событиях, происходящих в городе Ай на берегу реки Эй. Там было все: юмор, сатира, ирония.

У всякого человека есть правила жизни, которых он непременно придерживается, – это, по существу, суть его индивидуальности. Были такие правила у меня: никогда не печататься в собственных журналах. По сути, правило себе в ущерб. Со временем журнал уже имел громадный тираж, более 2 миллионов. Меня упрекали: зачем тебе это правило? Но я не уступал, нет. И так всю жизнь.

Однако вернусь к истории моего вступления в Союз писателей. Согласно правилам, кто-то из твоих коллег давал тебе рекомендации, их должно было быть либо две, либо три, не помню точно, но главным было иное. Комиссия передавала твои книги членам Союза писателей, которые становились своего рода независимыми рецензентами. Их точка зрения была решающей. Так вот, моя книга «Банальный сюжет» была передана Василию Аксёнову. Он её прочёл, я узнал об этом позднее. Один из членов комиссии позвонил мне и поздравил: «Старик, твою книгу прочёл Аксёнов и дал отличную оценку! Поздравляем!»

Вообще Аксёнов был автором журнала «Юность», правомерно сказать – журнала-конкурента. Он не печатался у нас, и, как я потом понял, всё было не так очевидно: некто из членов приёмной комиссии хотел сорвать мой приём и поэтому вовлёк в этот замысел Василия Аксёнова. Но затея провалилась. Я по своему недомыслию позвонил Аксёнову и поблагодарил его. Он ответил довольно странно: «Вы-то здесь при чём? Благодарите книгу „Банальный сюжет“».

Я с Аксёновым лично даже не был знаком. Оказывается, у меня в приёмной комиссии были недоброжелатели, которые пытались печататься в журнале «Сельская молодёжь», но их рукописи всякий раз возвращались. Привлечение Аксёнова, как рецензента, было возможностью нанести мне ощутимый удар, но так или иначе журнал прибавлял в своей популярности, а я, как главный редактор, в своей значимости в писательской среде. К сожалению, многие мои коллеги ставили знак равенства между этими понятиями. Увы, но это не так.

Значимость литературе придают люди творящие, а не издающие её, хотя влияние вторых громадно, они заполняют литературой пространство жизни. Их было мало на челне – всего двадцать человек.

Но редакторство подстёгивало меня заняться и прозой. Это было двойственное влияние. С одной стороны, подталкивало, а с другой – лишало свободного времени, так как нагрузки порой были сверх меры, а значит и времени на творчество не оставалось.

Незнание иностранных языков было моим очевидным

изъяном, тем более что я полагал, что способности к изучению языков у меня есть. И тут появляется возможность за два года овладеть английским, я оказываюсь перед выбором: либо изучение английского языка, либо закончить роман, который я уже начал писать. «Ну изучу я язык, – задавал я себе вопрос, – а дальше что? А где я возьму практику его применения?»

В моём окружении коллеги на вопрос, знают ли они язык, утвердительно кивали головой, а потом оказывалось, что этих знаний хватало на посещение магазина, либо ресторана, а уже на улице в незнакомом городе – угнетающая растерянность. А ведь изучали его на те самых курсах. Но когда я принимал своё решение, я этого не знал.

Из двух предложений: английский язык или роман, я выбрал роман, который написал и издал в течение тех самых двух лет, но это уже другая история. Через четыре года после моего прихода в журнал пришло ощущение сложившейся команды. Она у меня портретно в памяти:

1) Мои заместители, их за 24 года было три: Александр Гаврилов, Владимир Токмань, Эрнест Бессмертных;

2) Ответственный секретарь: Станислав Романовский, Виктор Конов, Александр Жуков;

3) Олег Зикс – международник;

4) Вадим Черняк – отдел литературы;

5) Мила Сергиенко – публицистика;

6) Оксана Мамонтова – комсомольская жизнь;

7) Ирина Клёнская – культура;

8) Юрий Полковников;

9) Виктор Ярошенко – наука;

10) Святослав Рыбас – корреспондент;

11) Борис Ряховский – публицистика;

12) Петр Скобелкин – корреспондент;

13) Сергей Макаров – корреспондент;

14) Виктор Вутеч (завотделом литературы), Евгений Лучковский, Вадим Черняк – литература и поэзия;

15) Николай Михайлов – главный художник;

17) Инна Данилевич – заместитель главного художника;

18) Эдуард Хруцкий – приложение «Подвиг»;

19) Бронислав Горб – сотрудник, ответственный за литературу;

20) Технический секретариат – Лариса Федорова.

Почти у каждого была своя история, потому и портретные воспоминания, как, впрочем, и работа в «Сельской молодёжи», стали едва ли не главными страницами их жизни. Это не моя точка зрения, это их слова.

Журнал, заявивший свою позицию, по-своему бросал вызов – он должен был её защищать. И если с выработкой позиции всё складывается не идеально, но складывается, потому как это своего рода творчество, то с защитой позиции всё неизмеримо сложнее. От кого защищать? Как защищать? В советские времена, (определим их как сусловские времена, они же брежневские) в сфере идеологии и культуры, которые партия считала продолжением политики, а точнее, утверждением её норм в культуре и, разумеется, литературе, правил Михаил Андреевич Суслов, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС по вопросам пропаганды и агитации. Если в каких-либо газетах знакового ранга – «Правде», «Известиях», «Литературной газете» – появлялась критическая статья на роман, появившийся на страницах журналов, сами журналы не отвечали. На это реагировали, как правило, органы власти ЦК КПСС, иногда литературное сообщество. Если публикация касалась театра – театральное сообщество. И та, и другая сторона – авторы публикации и издатели – их поддерживали, и органы власти вербовали союзников в общественных организациях страны.

С этого момента, будь то журнал, театр, газета, редактор ты или режиссёр, на рубеже столкновения противостояла власть со всем арсеналом собственного давления. Таких случаев в моей редакторской биографии было немало.

Вспоминается публикация работ Сухомлинского из Ставропольского края, разработавшего систему трудового воспитания школьников. Это можно было назвать развитием идей Макаренко, приближающих школу к навыкам современной жизни. По сути, это была революция в проблемах воспитания молодёжи.

На нашу публикацию обратил внимание отдел пропаганды ЦК КПСС, куда я был вызван как главный редактор. Совещание вёл Михаил Андреевич Суслов. Публикация была признана несвоевременной и вызывающей. Разумеется, меня возмутила такая оценка партийных чиновников, она опиралась якобы на критику некоторых директоров школ и сельских райкомов партии.

Мое выступление на этом совещании было недолгим, но мне запомнилась последняя фраза, завершающая его: «Любая новая теория не исключает изъянов, но в одном я уверен – не пройдёт и года, как работы Сухомлинского станут настольной книгой секретарей обкомов и райкомов партии в стране». Помню и реакцию Суслова на мое выступление: «Вы никак не угомонитесь, товарищ Попцов. Продолжаете нас учить».

Конечно, были переживания. Я понимал, что ещё раз получил по зубам. Неслучайно вспомнил Никиту Сергеевича Хрущёва,

который, без сомнения, идеи Сухомлинского принял бы на ура!

Когда выходил из кабинета, уже в коридоре многие из присутствующих пожимали мне руку и на ухо шептали: «Ты молодец, Олег», и это в немалой степени мне помогло и сосредоточиться, и успокоиться.

Нечто подобное случилось несколько позднее. В ту пору премьером правительства, если мне не изменяет память, был Тихонов. Это были годы, когда мы воплотили в журнале грандиозный замысел – провели всесоюзную акцию «Живая вода». Идея была не просто актуальна, а сверхзначима.

Проблема воды для страны с таким пространством, как СССР, была во все времена основополагающей, а тут несколько засушливых лет, неурожай в южных и юго-восточных территориях страны побуждает некие правительственные структуры выступить с грандиозным планом о переброске вод северных рек на юг страны. И получается, что мы, как авторы и организаторы экспедиции «Живая вода», смотрим на решение данной проблемы совершенно по-иному, нежели правительственные чиновники.

Экспедиция журнала проводилась несколько лет и практически охватила все северные и южные территории страны. Вокруг журнала удалось сплотить группу значимых учёных. В основном это были члены Российской академии наук, которые считали проект переброса вод северных рек на юг грубейшей ошибкой.

Благодаря экспедиции мы доказали ошибочность доводов, на которые опирались авторы проекта. Первый довод – обмеление Каспийского моря как факт приближения водной катастрофы для СССР. Наши экологи участвовали в проведении экспедиции «Живая вода» и на основании проведённых исследований сумели доказать, что никакого обмеления Каспийскому морю не грозит. Да, произошла временная подвижка дна в результате внутриземных процессов, и дно опустилось, но это состояние продолжалось не более двух лет. Затем, в силу тех же внутриземных явлений, дно заняло своё прежнее положение и уровень воды в Каспии вернулся к своим прежним значениям.

Столь же паническим был довод о высыхании Азовского моря, которое может предотвратить только переброс северных рек на юг. Но этот переброс неминуемо приведёт к заболачиванию громадных территорий по его маршруту. Власть наших аргументов не слышала и продолжала настаивать на воплощении сверхдорогого проекта.

Идея переброса взбудоражила общество. Во всех областях по теме переброса прошли собрания облсоветов, на которых эту проблему обсуждали, а мы дали на страницах журнала

материалы на основании докладов, сделанных председателями. Эта публикация привела буквально в ярость премьер-министра Тихонова. «Что себе позволяет журнал!» – орал он на заседании правительства. И на вопрос «Откуда вы берёте эту хрень?!» я ответил: все материалы – это выдержки из докладов руководителей этих областей.

Согласно решению ЦК КПСС СССР, тема переброса северных вод на юг была обсуждена во всех областях, которых касался этот переброс. Руководство абсолютно всех областей высказалось против.

– Это их дело, а не ваше! – заорал на меня премьер.

– Наше дело рассказывать о том, что происходит в стране, – ответил я.

Мой ответ премьеру не понравился. Я вернулся в редакцию и собрал членов штаба экспедиции. Нам ничего не оставалось, как подготовить наш «ответ Чемберлену». Так появилось письмо на имя секретаря ЦК КПСС, члена Политбюро Фёдора Давыдовича Кулакова, он отвечал за вопросы сельского хозяйства. Научный пул, подписавший письмо, был более чем значим.

Спустя некоторое время проект переброса северных рек на юг был остановлен, а чуть позже этого знакового события я и Виктор Ярошенко, он руководил отделом науки в журнале и курировал экспедицию, были представлены к премии Ленинского комсомола за проведение экспедиции «Живая вода». Так мы стали лауреатами этой премии.

Не скрою, что я внутренне испытывал чувство гордости не за премию, а за общую победу. Это было непросто, но мы выстояли. Ну и премия для меня была значима по-своему. Во времена своей работы в ЦК ВЛКСМ я оказался в числе тех, кто придумал эту премию, и как соавтор идеи получил право быть выдвинутым на эту премию и оказался в списке первых лауреатов.

Я предложил блестящего литовского актера Донатаса Баниониса за исполнение главной роли в фильме «Никто не хотел умирать». Идея была поддержать Баниониса, так же как и Александру Пахмутову, Николая Добронравова, они стали первыми лауреатами премии Ленинского комсомола. Актеры театра, кино очень часто были героями очерков и статей, публикуемых в журнале. «Сельская молодёжь» стал популярным в театральном мире.

Разумеется, отношение к театру не родилось из пустоты. Дело в том, что я сам вырос в театральной семье. Моя мать, Антонина Александровна Неугодова, была актрисой МХАТа, куда её принял сам Станиславский. Сохранилось её заявление с резолюцией Станиславского. Её первым спектаклем была «Синяя

птица». Мое детство, отрочество и юность – это постоянное посещение наиболее известных ленинградских драматических театров: Александринского, театра Товстоногова, театра Акимова. Театральное прошлое мамы позволяло мне часто оказываться за кулисами в момент антракта и видеть актёров раскрепощёнными и невероятно доступными. Николай Черкасов на сцене и за кулисами – это два разных человека. То же самое я мог сказать о Юрском, Басилашвили и других ярких актёрах. Одна деталь: среди труппы товстоноговского театра имени Горького было 42 подписчика журнала «Сельская молодёжь».

Кажется, в 1993 году я проводил пресс-конференцию в Питере. Поводом была презентация моей книги «Хроника времён „царя Бориса“». Книга оказалась востребованной и была признана лучшей книгой года. Среди присутствующих было 16 человек из труппы товстоноговского театра.

Когда в начале шестидесятых я сделал свой выбор и возглавил журнал «Сельская молодёжь», я полагал, что вырвался из мира партийной политики. Останься я в ЦК ВЛКСМ, через недолгое время я мог оказаться в аппарате ЦК КПСС. В 1966 году Павлов оставил пост первого секретаря ЦК ВЛКСМ, и на смену ему пришёл Евгений Михайлович Тяжельников.

Как мне тогда показалось – классический партийный чиновник: пунктуальный, дисциплинированный, абсолютно предсказуемый. Противоположность Павлову была очевидна. Мои отношения с Евгением Михайловичем не заладились с первых дней. Он был достаточно придирчив и любил делать замечания. Они могли касаться чего угодно, даже одежды. Так, на одном из заседаний секретариата он сделал замечание моему коллеге, кажется, редактору журнала «Смена» Анатолию Голубеву. Тяжельникову не понравился галстук Голубева, он счёл его вызывающим. Толя был слегка пижоном и всё время старался опередить моду. Потом такие галстуки шли нарасхват, но в тот момент они были нонсенсом.

Тяжельников, увидев Голубева на заседании бюро, с усмешкой, не обещающей ничего хорошего, произнёс: «Вы что, на ярмарку пришли, Голубев? Это, между прочим, заседание бюро ЦК ВЛКСМ, и одеваться надо соответствующим образом».

При обсуждении спортивных проблем он вдруг мог сказать, обращаясь ко мне: «Товарищ Попцов, если журнал делает ежемесячные спортивные обзоры, то надо знать, в какой тройке в ЦСКА играет Харламов – не в третьей, а в первой».

Редактора ведущих журналов всегда приглашались на заседания бюро ЦК ВЛКСМ. Это был стиль Тяжельникова – он не давал нам расслабиться. Что поделаешь, не мы назначили

Тяжельникова, а он нас, так что приходилось терпеть.

Уйти из политики, на что я искренне надеялся, оказавшись в мире журналистики и литературы, не удалось. Внешне отдалившись от партийно-комсомольской номенклатуры, я всё время чувствовал, что она, номенклатура, меня не оставляет в покое. И столкновение с Михаилом Андреевичем Сусловым, и две попытки Тяжельникова снять меня с должности главного редактора, которые провалились, – всё это были те самые вёрсты, которые справедливо назвать дорогой в ад.

Нелепость обвинений, высказанных Тяжельниковым в мой адрес, была очевидной. Тяжельникова не устраивала независимость журнала, как в публицистических выступлениях, так и в литературной политике.

Я уже писал об этом. Мои взгляды, как главного редактора и политика, а отдел пропаганды ЦК КПСС был вершителем этой политики, были неизменными. Всегда придерживаться взглядов конструктивной оппозиции – в этом программная суть повседневной журналистики. Не разрушительная критика, а критика созидающая, позволяющая сопоставить значимость достигнутого со значимостью утраченного по причине совершённых ошибок.

За время работы на посту главного редактора журнала меня дважды поднимали на эшафот. Ставили вопрос о моём освобождении с должности главного редактора. Этот вопрос Евгений Михайлович Тяжельников дважды выносил на заседания бюро ЦК ВЛКСМ, и всё это творилось не вокруг развивавшегося журнала, а журнала преуспевающего, уже перешагнувшего миллионные показатели своего тиража. Я помню эти заседания бюро.

Секретари ЦК, они же члены бюро, не разделяли взглядов Тяжельникова. Они достаточно осторожно спорили с Тяжельниковым, но при голосовании были едины.

«Есть предложение освободить товарища Попцова от обязанностей главного редактора журнала „Сельская молодёжь“. Прошу голосовать, кто за». Вверх взлетела рука Тяжельникова. Он с недоумевающим удивлением оглядывался кругом. Его рука, поднятая вверх, оказалась в одиночестве. Следующая фраза «кто против?» уже была не нужна. Моё состояние в этот момент трудно передать словами.

Спустя несколько лет, я уже точно не помню, что-то не устроило Тяжельникова в работе журнала «Сельская молодёжь». Возможно, оформление. Главный художник журнала Николай Михайлов всё время экспериментировал. Именно он создал в своё время логотип журнала «Юность», вошедший в историю.

Тяжельников, как человек консервативный, не любил неожиданностей.

Помнится, случилась авария на Красноярской ГЭС. Это было тот период, когда в обеспечении населения продуктами была задействована распределительная система, и мы в журнале дали сокрушительный материал «Город во мгле». В Красноярске отключили электричество, все холодильники в домах граждан вышли из строя и якобы отсутствующие продукты, о чём писалось постоянно, изъятые из холодильников, оказались на помойках. Таких продуктов были горы, и Красноярск стал задыхаться от вони. Партийные чиновники Красноярска пожаловались Тяжельникову. Так появилось дело № 2 против Попцова. Вопрос об отставке Попцова с поста главного редактора журнала был поставлен на заседании секретариата ЦК ВЛКСМ вторично.

Разговор на секретариате получился нервный. Я несколько раз поднимался со своего места и делал необходимые разъяснения относительно позиции журнала, давая понять о своем несогласии как с обвинениями в свой адрес, так и с оценками, которые давал Тяжельников тем или иным материалам, опубликованным в журнале.

При голосовании на этот раз голоса разделились. За освобождение Попцова от занимаемой должности главного редактора журнала высказались трое, против – шесть человек. Вот так выглядела наша борьба на два фронта. На одном – против Суслова, на другом – против Тяжельникова.

Спустя два года, как я стал членом Союза писателей, меня избирают секретарём Московской писательской организации, где мне поручается работа с молодыми писателями. Журнал в этом смысле является моим тылом. Количество произведений молодых писателей, за те годы появившихся на страницах журнала, возросло в три раза. Они не вытеснили маститых и талантливых? Нет-нет. Они потеснили более энергичных, но менее одарённых.

В советские времена писательский мир был миром особым и миром значимым, как и наиболее наблюдаемым цензурой и КГБ. В той же степени это касалось и театрального мира. Драматургия – часть литературы, она не имеет тиражной массовости, но зато у неё есть бесспорное преимущество перед литературой – у неё есть шанс обрести массовость зрительскую. Общественно-политический журнал – это, по сути, гремучая смесь.

Реалии жизни во времена брежневского застоя неадекватно воспринимались партийным руководством. По этой причине выслали и лишили советского гражданства Солженицына.

Хрущёвская оттепель прорвала шатёр над железным занавесом. «Оттепель» кончилась, а дары остались. И пошло-

поехало. Просто социализм сменил развитой социализм. Его сменил горбачёвский «социализм с человеческим лицом». Однако бренд испугал самого Горбачёва, и втихаря случилась подмена опознавательной карты. Слово «социализм» держателей власти тяготило, назвали «перестройкой».

Однако жизнь продолжалась. Времена менялись. После Брежнева эта внутриполитическая вибрация усилилась, Андропов, увы, ненадолго, а затем Черненко, тоже ненадолго. А это был шанс для Советского Союза. В своей беседе с Николаем Рыжковым, а он был выдвиженцем Андропова, я задал ему вопрос: «Если судьбой Бог распорядился бы иначе, и Юрий Владимирович так скоро не ушёл бы из жизни, по какому пути пошла бы страна?» (Тем более что одной из первых фраз, произнесённых Андроповым после избрания его генеральным секретарем ЦК КПСС, были слова: «Нам предстоит разобраться, в каком государстве мы живём».) Николай Иванович ответил: «Этот вопрос до сих пор не оставляет меня в покое. Я думаю, мы бы избрали китайский путь».

Но судьба распорядилась иначе. К власти пришел М. С. Горбачёв. Тоже, кстати, ставленник Андропова. Так что прозорливость Юрия Владимировича надо ценить, но не следует её преувеличивать.

Задаю себе вопрос: на какой бы станции этого китайского пути, предположительно «предсказанного» Андроповым, сошёл бы Михаил Сергеевич? И все эти борения вертелись вокруг нас, и мы не всегда понимали, что мы не свидетели этих борений. Мы – их участники, а потому, порой, и жертвы его. И, видимо, по той же причине. Однако жизнь продолжалась, времена менялись, и надо было не только понять время, но…

Любой материал, оказавшийся на моём редакторском столе, я читал не глазами редактора, а глазами цензора, помечая в материалах «минные поля», способные взорвать унылое спокойствие. Солодин, одна из ключевых фигур в главной цензуре того времени, как-то сказал мне: «Читая ваш журнал, я поймал себя на мысли – чем интереснее, тем опаснее». На что я ему ответил: «Правду всегда говорить непросто, потому что она – правда».

Двигаясь по жизни, проживая время настоящее, тебе не даёт покоя время прошлое, потому что человек так устроен и приговорён сравнивать – что приобрёл, а что потерял. И творящие перемены должны знать, что память у перемен порой неблагодарная и жестокая, но виновата в этом не память, а несправедливость перемен.

Семидесятые и начало восьмидесятых были временами

устойчивого авторитета литературы. Достаточно назвать имена прозаиков: Виктор Астафьев, Федор Абрамов, Василий Белов, Даниил Гранин. Поэтов: Роберт Рождественский, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Юнна Мориц, Лариса Тараканова, Андрей Дементьев… всех не перечислить.

А равно авторитет Союза писателей был значим. Оглядываясь сегодня вокруг себя: вроде и здание ещё стоит, и рестораны работают, а союзов нет и поныне. И ответ простой – чего вы хотите, страна рушилась, нет больше Советского Союза. Согласен.

Но Россия осталась. Она и прежде была оплотом писательского союза страны Советов, а писательского сообщества сплочённого и значимого, что было ранее, нет. «Революция» девяностых сделала своё дело, превратило писательское сообщество в руины.

И когда сегодня в стране проходит Год литературы, я не припомню чего-то подобного в прошлые годы. Спросите – почему? Отвечу. Литература, как и литературное сообщество, а говоря конкретнее, Союз писателей, были значимы, как и сверхзначимы: были издательства, книжные магазины, по сути, литературные оплоты. Тогда и год специальный был не нужен, потому как это присутствовало в жизни каждый день.

Иное ныне. Страна, как никогда, нуждается в единении, сплочении; так как продуктивное сотрудничество с Западом ушло с невероятной скоростью в прошлое и превратилось в свою противоположность – противостояние и неприятие России. Это лишь подтверждает масштаб обмана, которым мы были заражены, нашим почитанием и уважением Запада.

Но одно осталось очевидным – нет лучше механизма, сближающего народы, нежели культура, – так было во все времена. Утратить этот ресурс мы не имеем права. И когда страницы «Литературной газеты» заполнены вопросами к читателю «чего вы ждёте от года литературы» – это не есть случайность или авторская придумка газеты. Есть желание вовлечь в этот процесс единение общества, и ответы на этот вопрос должны быть не умолёнными и благодарными за объявленный год, а жёсткими и реальными, ибо ожидания значимы только тогда, когда есть понимание утраченного.

Первая реорганизация, а точнее создание, – назовём как угодно – обновлённого Союза писателей России, пресекающего раз и навсегда раскол, порождённый внутренними стычками вокруг остатков собственности Союза писателей СССР.

Должна быть всероссийская программа развития и поддержки литературы. Писатель – это профессия, и как всякая профессия –

это примат существования человека, обладающего этой профессией. Недопустимо, когда книги издаются в стране с населением в 145 миллионов издевательски крошечными тиражами: одна тысяча экземпляров, максимум три – пять тысяч.

В советское время было некое правило: первая книга издавалась тиражом 50 000 экземпляров, а последующие – 100 000. Естественно, не «пустышки», а книги значимые. Так и авторские требования к писателям были иными. Оплата за писательский труд стала нищенской. За книгу тиражом в три тысячи, причём книги объёмной, которую писатель творил как минимум три года, он получает сто тридцать тысяч рублей.

К этому добавим, что писатели за свои статьи и публикации своих статей в газетах с недавних пор больше не получают гонорары. Вопрос: на что жить писателю? Подрабатывать дворником. Государство собственными руками уничтожает Литературу. Стоны, что виноваты государство и, разумеется, читатели, теряющие интерес к литературе, здесь ни при чём. Во всем виноваты интернет и телевидение. Они разучивают общество думать, на что нацелена именно литература. Безусловно, пагубность интернета в сфере культуры присутствует и присутствует основательно, и тем не менее утверждение, что он вытесняет книги и делает их ненужными, – умышленное преувеличение.

О нынешнем времени, адресуясь к власти, правомерно сказать – мы не ведаем, что творим. Сокращается количество книжных магазинов, библиотек, что инициируется именно управленческими структурами.

Мы рекламируем всё: одежду, обувь, бытовую технику, косметику, продукты, мебель, фильмы, всё, кроме одного – книг. Книги мы не рекламируем, о них не рассказывают на телевидении. Иногда появляются передачи – встречи с деятелями культуры на канале «Культура», среди них бывают писатели. Но рекламы книг там нет и быть не может. Реклама на канале «Культура» запрещена, как нет и продуманной рекламы книжных магазинов.

Сверхдостаточно вопросов и к преподаванию литературы, из которого, по сути, выпала советская литература 70–80-х, когда она ещё была. Школьники нескольких поколений ничего не знают о таких писателях, как Виктор Астафьев.

Работа в журнале «Сельская молодёжь» стала другой эрой моей жизни. Можно сказать, что случилось желаемое – я вырвался из пут политики, и отныне литература, культура – пусть другой, но это мой мир, тот самый, которого я желал.

Увы, желать – ещё не значит иметь. Всё именно так.

Советское государство – это мощнейшая идеологическая конструкция, в которой политика – на правах нервной системы этого живущего, творящего и производящего организма. А это значит, что где бы ты ни работал, ты остаёшься внутри этой конструкции, ты ей подчинён, от неё зависим. Именно политика, её нормы и капризы, нарушала нормальный образ жизни и требовала подчинения себе.

И на писательских съездах, пленумах, в издательских кабинетах, на международных литературных форумах всегда присутствовал главный вопрос: ты с кем и за кого? Так что радость – наконец свободен от политики – была самообманом, и моя последующая судьба это подтвердила.

Позиция журнала для многих читателей уже стала ориентиром свободы слова и торжества правды. Путь к этому был непрост, но он случился. Было интересно наблюдать, как происходила смена взглядов у твоих коллег.

Время шло, менялись исторические вехи. Оглядываясь назад, я даже недоумеваю, как могло случиться, что я, человек, находящийся в постоянном профессиональном и карьерном движении, вдруг в буквальном смысле этого слова застыл на 24 года, оставаясь главным редактором журнала «Сельская молодёжь». И опять только мощнейшие политические потрясения вытолкнули меня на политическую орбиту, но я оказался на ней совсем в другом качестве.

Останься я в 1966 году в ЦК ВЛКСМ, моя политическая карьера могла иметь совершенно другую спираль. Трудно предугадать, куда бы бросила меня судьба, одно ясно – тень Михаила Андреевича Суслова не оставляла меня в покое все редакторские годы, а что бы было, окажись я в аппарате ЦК КПСС?! Такое и в страшном сне не приснится.

Как говорят в таких случаях – Бог миловал. Писательский мир – мир специфический, и эту специфичность создали сталинские времена и писательское Переделкино, городок в лесу из писательских дач. Подобный мир дачного поселения ЦК КПСС создал и для учёных. С одной стороны, это демонстрировало отношение ЦК КПСС к писателям, учёным, театральным деятелям советской интеллигенции, которую партия считала элитой общества, с другой – и эта другая сторона объясняет многое – дачная «якобы благость» появилась в сталинские времена. Она была собственностью профессиональных объединений: Академии наук, Союз писателей СССР, Союза театральных деятелей, Союза художников. Сгруппировавшаяся в одном месте элита была удобна для наблюдения органами безопасности, а это был главный рычаг управления подобными структурами, так как

давал возможность иметь всю информацию о каждом проживающем на этих территориях. И в штате управления этими территориями, как правило, находились сотрудники КГБ. Это всё незабываемые детали прошлого. В настоящем осталось Переделкино с домами, не ремонтированным десятилетиями, скверно работающим газом, перебоями в водоснабжении и электричестве. Внешний и внутренний облик домов повторяет облик жильцов – состарившихся писателей.

Почему я вспомнил Переделкино? Моё избрание секретарём Московской писательской организации, а затем секретарём Союза писателей РСФСР, создавало некую ранговую благоприятность на получение дачи в Передел-кино. И, естественно, такое предложение, намёк, мне было сделано, но я отказался. Для меня во все времена превыше всего была свобода. Писательское сообщество было пропитано интригами, и мне не хотелось оказаться в этой паутине, куда неприемлемо угодит мой дом. И в этом случае слово «бесплатно» меня более настораживало, чем радовало. Для меня достаточно было сплетен в Союзе писателей, дополнять их сплетнями из дачного мира – это уже был бы перебор.

Правило моей жизни – не быть никому должным. Нет ничего изнурительнее зависимости.

Когда я покупал старый дом в Тарусе, а это за 140 километров от Москвы, я мечтал попасть в мир собственного уединения, и я его нашёл. На берегу Оки, место ссылки советской интеллигенции: писателей, художников, учёных. Кстати, именно там, в Тарусе, похоронен замечательный русский писатель Константин Паустовский, но не только он олицетворяет Тарусу. Три памятника на берегу Оки – Марине Цветаевой, Белле Ахмадулиной и Константину Паустовскому. Оказаться там и прикоснуться к творческой сути этих ярких личностей, жизнь которых так или иначе была связана с Тарусой, всмотреться в мир литературный сегодняшний, именно мир, а не дрязги вокруг него. Конечно, во все времена в любой управленческой структуре этим занимались литературные чиновники, и, оказавшись, пусть не в значительном, но отдалении каких-то 170 километров от этого самого Переделкино, дома литераторов на улице Герцена, которую, руководствуясь очередной блажью современных политиков, дабы приблизить Москву к ее истории, переименовали в Центральную улицу Москвы, улицу Горького в Тверскую. При этом ещё и убрали памятник великого писателя А. М. Горького, выполненного выдающимся скульптором советских времён – Мухиной.

Всё это отголоски не революционного, а дремучего

новаторства, сотрясающего времена нашей жизни. Алексей Максимович Горький своим выдающимся творчеством заслужил этот памятник, как и место его расположения в центре Москвы.

Это отступление в сторону, хотя и несколько хаотично, но правомерно, так как все эти события происходили именно тогда, в конце шестидесятых – начале семидесятых годов прошлого столетия.

Вообще, вопрос к нашей истории – это особый вопрос. Россия в этом смысле удивительная страна. История – это летопись страны, и ничего правдивее истории быть не может. И мешает истории выполнять эту главную роль – зеркало правды, её истолкование, когда каждая эпоха выталкивает на поверхность времён новых истолкователей. Так историю лишают права творить единство страны, влагая в уста слова разрушителя и вершителя народного раскола, что мы наблюдаем сейчас.

Как-то прочёл статью Млечина в МК – «Нержавеющий Сталин». Я люблю и ценю творчество талантливого публициста Леонида Млечина, но всякая крайность рождает крайность ответную. Предание Сталина проклятью исчерпало свой ресурс не потому, что слова о кровавом диктаторе были лишены объёмной правды. Почему? А потому, что жестокость Сталина многообразна. И её достаточно для воссоздания образа диктатора и добавлений всякого рода мифов – о разрушении науки, сельского хозяйства, промышленности.

Да, был железный занавес. Да. Но холодную войну объявил не Советский Союз, а объявили Советскому Союзу, и в этих условиях развитие науки не остановилось, а шло по нарастающей. И именно тогда создавался фундамент, развитие атомной энергетики. Именно тогда начались наработки по освоению космоса. За тем самым железным занавесом, но это к слову. Можно говорить о развитом образовании, медицине – и то, и другое шло по нарастающей.

Исходя из условий, в которых оказалась страна, изоляция породила обратный эффект. Она не отбросила страну назад – она сыграла мобилизующую роль. Она породила ту самую силу, с которой вынуждены считаться враги и уважать союзники. И эта сила рождалась при Сталине. Да её было бы неизмеримо больше, если бы интеллект имел свободу самовыражения, но история не признаёт сослагательного наклонения. Что было – то было.

И когда я слышу со стороны либеральной интеллигенции утверждения типа «наши немыслимые потери в Великой Отечественной войне неслучайны»… Государством руководил диктатор, ему была нужна победа, и цена за неё для него была малозначимым фактом. И по этой же причине, столь же

безразлично относились к невероятным потерям и маргиналы, окружающие Сталина, и как результат – рождение бредовой интерпретации истории Великой Отечественной войны. А почему «нержавеющий» Сталин и возвращающийся интерес к его образу? Потому что настоящее, подарившее якобы свободу и демократию, оказалось не способным результатом развития противостоять прошлому. И именно ощущение утраты значимости страны, той самой, которая была СССР во времена Сталина, и неприятие России во всём мире, и информационная война, обрушившаяся на неё, не имевшая ничего подобного в прошлом, заставляли народ оглянуться назад, а возможно, по-новому взглянуть на прошлое. Поэтому и проект закона, внесённый в Думу о переименовании Волгограда в Сталинград, как и необходимость возвести памятник в честь семидесятилетия одержанной победы в 1945 году верховному главнокомандующему И. В. Сталину.

Да, закон не прошёл, но это не значит, что идея уйдёт в прошлое. Вот о чём следует думать, прежде чем призывать общество уже в какой раз к проклятью нашего прошлого. Настоящему нужна реальная оценка прошлого – как о недопустимости ошибок того времени, так и о очевидных достижениях, которые создали образ Великой страны.

История многогранна и противоречива. Наполеон был знаковой фигурой не только в истории Франции, но и в истории всего европейского мира, и крови, пролитой императором, было сверхдостаточно. Но памятник Наполеону стоит в центре Парижа.

Сталинские высотки явили собой взлёт советской архитектуры и на века украсили Москву. Одновременно хрущёвские пятиэтажки создали страшный мир архитектурного убожества, рождённого панельным строительством, но они решили проблему жилья для населения России, которого катастрофически не хватало. И то, и другое было образом прошлого.

И так во всём: решив одно – мы утратили другое. Разные полюса истории никуда не пропадут, они на все века останутся разными полюсами нашего прошлого. И признание их как факт нашего прошлого делает историю школой жизни, а она становится таковой только тогда, когда справедливо оценены все «за» и «против».

Вот такой экскурс в мир раздумий вызвал у меня эпос Леонида Млечина, представленный на страницах МК под названием «Нержавеющий Сталин». Работая в журнале «Сельская молодёжь», я очень скоро понял – мало создать команду, коллектив редакции, надо создать два мира: мир авторский и мир писательский. И не всегда ясно, какая из этих сил управляет

изданием. Проще было бы сказать: во все времена советского прошлого правила бал идеология, и это было правдой. Но правдой относительной. Идеология, по причине своего догматического всесилия, могла сломать замысел, но не сотворить его. Замысел всегда был продуктом сопротивления привычному, а именно идеология охраняла нормы привычного. И в случае нарушения этих норм реакция власти была беспощадной. Всё это превратилось в своеобразные правила игры. В этой ситуации авторский мир должен быть не только идейно творящим, но и способным эти идеи защищать. А это в советские времена, будь то журналистика либо литература, – всегда зона риска. Первична идея, замысел, и только потом появляется авторская субстанция, те самые атланты, которые «держат небо на каменных руках».

Сейчас, спустя много лет, возвращаться в те годы непросто, память даёт сбой, и всё-таки авторский круг журнала «Сельская молодёжь» тех времён, с середины шестидесятых до середины восьмидесятых, почти 25 лет, – их было много на челне: Виктор Астафьев, Владимир Солоухин, Василий Белов, Василий Шукшин, Федор Абрамов, Анатолий Ким, Александр Проханов, Виль Липатов, Егор Исаев, Натан Злотников, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Фазиль Искандер, Владимир Костров, Варлам Шаламов, Булат Окуджава, Расул Гамзатов, Рудольф Ольшевский, Лариса Тараканова… Была плеяда начинающих и очень талантливых людей.

Когда ты руководишь журналом двадцать четыре года, ты свидетель того, как начинающий становится сначала состоявшимся, а затем маститым, а это значит, что и журнал переходит с одной орбиты на другую: сначала известного, затем популярного и, как финал, авторитетного. Журнал «Сельская молодёжь» прошёл все эти стадии, как, впрочем, и стадию убывания в более жёсткой аттестации вымирания. Но это всё случилось уже потом, когда распался Советский Союз, и я уже не работал в «Сельской молодёжи». Этот процесс обрушения тиражей коснулся всех популярных изданий. Некоторые вообще прекратили существование, оставшиеся боролись за своё выживание. Той самой власти, которая определяла правила игры, уже давно не было, пришедшая ей на смену рухнула в водоворот демократической стихии, лишённой правил и законов управления.

Стремительно российский капитализм девяностых, минуя шкалу длительности вызревания, обрёл черты авантюрной внезапности, и, как всякий невыношенный ребёнок, появился на свет с родовыми травмами: созидательности нет, а вороватость

присутствует. Всё, что случилось далее, было активным развитием этих недугов, и как результат – грабительский капитализм.

Увы, но девяностые были воплощением этой идеи. Хлёсткий афоризм «К власти пришли люди с высшим, но без среднего образования» очень точно отражал управленческую суть происходящих перемен.

В жизни утвердилась некая сложность развития: власть породила капитализм, совладать с которым, не имея ни навыка, ни ресурсов, а значит, сил, невозможно. Значит, и капитализм в отсутствие того же навыка не в состоянии стать властью. «Украсть завод могу, – сказал бандитский капитализм, – а вот построить его – нет». Но все эти частности и потрясения я пережил, будучи в другой роли – депутата российского парламента, а затем создателя и руководителя российского телевидения и радио, но это уже другая история.

Эпоха – а работа в «Сельской молодёжи» без малого двадцать четыре года, в это понятие вмещается. Начали на исходе хрущёвского правления, а далее по конвейеру: брежневский застой и горбачёвская перестройка. Не поверите, но было всё именно так. Сначала социализм, затем социализм развитой и пришедший ему на смену социализм «с человеческим лицом». Остаётся удивляться, как в этом историческом потоке удалось не утерять лица собственного. Вроде не утерял. Слава Богу, журнал, его позиция не позволяли уйти в сторону. И всякий раз, приезжая на очередное совещание в ЦК КПСС, а такие совещания происходили с периодичностью либо раз в месяц, либо два, ты непременно ждал либо кивка в сторону журнала, либо реплики, а то и персонального разноса за тот или иной материал. Так что жизнь можно было оценить одним словом – не соскучишься!

Молодёжная пресса – это был особый мир. Её натренировал комсомол. Прежде всего – газета «Комсомольская правда», газета во все времена с миллионными тиражами. Были молодёжные газеты в республиках и областях. Так, в Петербурге, а ранее Ленинграде, газета «Смена» и много других.

Только центральных журналов было внушительное количество: «Молодой коммунист, «Молодая гвардия», «Комсомольская жизнь», «Смена», «Сельская молодёжь», «Техника молодёжи», «Вокруг света». Детские журналы – это были очень разные издания. Назвать их какой-то единой командой, разумеется, было нельзя, но все они числились изданиями ЦК ВЛКСМ, и оплатным издательством и типографией, где они печатались, была «Молодая гвардия». Безусловно, создание комсомола было выдающейся идеей партии, с точки зрения

организационной структуры. По сути, это была вторая многомиллионная, прекрасно организованная и построенная политическая армия, как главный ресурс КПСС. Комсомол объединял 80 % всей молодёжи страны. Структурное построение комсомола, по сути, копировало партию. На всех предприятиях, заводах и фабриках страны, колхозах, совхозах, институтах, техникумах, организациях культуры непременно была партийная, а рядом – комсомольская организация этой структуры, и далее – в масштабах района, области, республики и Советского Союза. Только пережив всё это, ты можешь понять значимость сотворённого и как можно было удержать страну с такой территорией и немыслимой многонациональностью как единое целое.

Сейчас другие времена и иные цели, но есть главное и неизменное – единство страны. После распада Советского Союза этому единству был нанесён сверхзначимый удар. Страна, по сути, распалась, как и разрушились скрепы, её связывающие. И перед Россией стояла главная задача: не допустить распространения распада на территории России. Была ли такая опасность? Была, и в очень активной форме.

Не случайны слова, произнесённые Б. Н. Ельциным на совещании в Кремле, где присутствовали все руководители республиканских, краевых и областных организаций: «Возьмите суверенитета столько, сколько можете проглотить». Переворот был в самом начале девяностых, но уже тогда стало ясно, что опасность сепаратизма может стать главной опасностью для России. Новая российская власть в девяностых вызревала на ходу, и какого-либо опыта управления страной у неё не было.

Политическая элита, которая сформировалась точно так же впопыхах, вне логики своего самоутверждения, искала место в новом властном мире. Все политические процессы начала девяностых были пропитаны энергетикой стихийности. Да и сам Ельцин в роли президента оказался результатом некоего бунта, поэтому и понимание, что власть не справится с управлением страной, опередило появление самой власти. Власть приняла бразды правления, а её уже ждали недоверие к ней и требование региональной самостоятельности. И фраза Ельцина, произнесённая в Кремле по поводу суверенитета, была единственной возможностью получить решение суверенной свободы, избежав прямого столкновения с центральной властью. И упрекать Ельцина в непродуманности этих слов – значило не понимать всю сложность ситуации в атмосфере, в которой Ельцин принял эту власть.

Практически в такой момент у центральной власти не было

ни организационных, ни законодательных сил, чтобы погасить сепаратистские амбиции регионов. Только обещание свободы действий могло умерить их пыл. Надо было понять, что могут регионы, заявляющие претензии на свою самостоятельность. Это давало центральной власти некую временную паузу, чтобы самоорганизоваться, выстроить структуры управления и вернуть контроль над процессами, происходящими в стране. Как показало время, регионы никакой отработки программы регионального федерализма не имели, как и программы независимого экономического развития.

Первое, что было сделано, – это разработка принудительного главенствующего регионального законодательства по отношению к законодательству федеральному.

Воспоминания по сути

Он сделал то, о чём я мечтал. Точнее, он блестяще продолжил. Это особая история, как я создавал российское радио и телевидение. Но сначала надо было его придумать. В девяностых, оказавшись в центре событий, я понял, что такое революция. А девяностые были революцией, относительно бескровной, да, но последствия были революционными.

Как создать команду, а значит сотворить понимание, что это такое по сути? Не исчислять то, что будет мешать этому, некое перечисление дисциплинарных предупреждений, а погрузиться в понимание жизни как таковой, потому что там, где живёт и смотрит зритель, есть та самая истина жизни, которую следует знать и научиться воспринимать как свою собственную. Поэтому для меня этот путь превращения знакомого некто в сотрудника был непростым. Приходилось очень часто выбирать между профессиональным навыком нового знакомого – всё-таки это телевидение – и знанием жизни. Научиться навыку намного проще, нежели познать жизнь.

Ошарашить зрителя может авторский профессионализм, но научить жизни может только знание её как таковой. Именно «излучение» жизни притягивает зрителя к экрану. Меня всегда настораживали легко болтающие на радио и телевидении. И все эти погружения в идею делали телевидение, бесспорно, более дисциплинированным, но в той же степени менее интересным, всё, что понятно всем, совсем не значит, что это и есть самое главное и самое ценное. В подобных утверждениях кроется значимое противоречие, это не есть излучение некой элитности телевидения, ни в коем случае, хотя элитность не дает оторванности от жизни.

Элитность – это способность взглянуть на жизнь «свысока», сопоставить себя со значимостью самой жизни, которую ты проповедуешь. Этот речитатив важен, потому я со своей командой старался делать радио и телевидение, которые побуждали человека думать об окружающей жизни, радоваться ей или быть недовольным происходящим, а значит, и иметь право предъявлять требования к ней. Отчасти нам удалось сформировать такую команду, но только отчасти. Как я уже сказал, первым этот груз «непохожести» должно было взвалить на свои плечи информационно-политическое вещание. Иначе говоря, то, что должно быть самым доступным и понятным, не имеет права отторгаться от интеллекта. Обострённость политической ситуации, в которой рождалось Всероссийское радио и

телевидение, не только побуждала, но и обязывала его создавать иной образ и телевидения, и радио. В полном смысле этого слова мы его придумывали.

Всё начиналось именно с названия: «Вести», «События – время московское», «Момент истины», «Алфавит», «Магия театра», «Там, за горизонтом»… И второе сверхважное для ведущего информационно-политических передач – это импровизация, главная составляющая профессионализма ведущего и информационных, и общественно-политических программ.

Я в своей жизни никогда не выступал по тексту. Это чрезвычайно настораживало политическое начальство. Где-то в шестидесятых я, будучи заместителем отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ, присутствовал на областной комсомольской конференции и, как работник ЦК ВЛКСМ, должен был там выступать, что я и сделал.

Тогда первым секретарём Ставропольской краевой партийной организации был Михаил Сергеевич Горбачёв. Я выступал без текста и во время своего выступления услышал слова Горбачёва, произнесённые по ошибке в микрофон, который он забыл отключить. «Слушай, – обратился Горбачёв к рядом сидящим с ним в президиуме первым секретарям обкома комсомола, – Попцов говорит уже двадцать минут, и это без всякого текста. Как это может быть?»

Эти навыки я старался преподать своим коллегам, и те, кто их осваивал, моментально уходили в отрыв. По этому поводу у меня была масса повседневных споров с ведущими информационных программ, которые были лишены навыка импровизации. Это делало их чрезвычайно зависимыми от текста, который им предстояло озвучивать в эфире. Ведущие чувствовали себя скованными, и если «серьга» в ухе давала сбой и текст, который он практически повторял под диктовку, обрывался, видеть поведение ведущего, его беспомощность было удручающе и унизительно – потому как это случалось и в твоей компании, среди тех, на кого ты сделал ставку, как председатель ВГТРК.

Общепринятый формат информационных программ исключал какие-либо рассуждения по поводу фрагментов произносимого текста. Я был сторонником противоположной точки зрения, и такие рассуждения, если человек владел навыком импровизации, допускал, чем порой приводил буквально в ярость наших конкурентов с Первого канала, они постоянно критиковали меня за эти отклонения от формата. На что я им ответил прямо в эфире: «Я сказал, что основой развития и продвижения телевидения вперёд – является история творчества, которое было, есть и будет всегда ненормативным, потому оно и творчество.

Информационные программы – одно из направлений творчества, поэтому фрагментарные рассуждения в информационных программах не только допустимы, но и обязательны». Я тотчас привёл в пример выступление одного из ведущих CNN. Передача была посвящена губернаторским выборам в одном из американских штатов. Ведущий сказал буквально следующее: «На выборах в штате Колорадо победу с большим отрывом одержал Джон Стайберг. Задавать вопросы „почему?“ – не имеет смысла. Вы же хорошо знаете, что такое Джон Стайберг». Всего две фразы, а полнообъёмность интриги налицо.

Моим главным оппонентом в подобной полемике был, как правило, Владимир Познер. Человек, которого я, бесспорно, уважал в силу его громадного международного опыта, он работал и в Европе, Америке. Познер привнёс в наше телевидение американскую стилистику и манеру ведущего телевизионных программ. Эту эталонность Владимир Познер сохранил до сегодняшних дней. Когда вы смотрите его очередные поездки вместе с Ургантом по Европе или по той же Америке, уверяю вас, вы должны осознавать, что прикасаетесь к американскому телевидению. Познер заразил отечественное телевидение американским стилем вещания, создав целую плеяду подражающих ему. Скорее нет, нежели да. Программа «Взгляд» времён Владислава Листьева пыталась это сделать, но полнообъёмного воплощения американского телевидения не получилось. Причин много, одна из них – внезапная гибель Влада Листьева. Ныне программу Познера можно назвать неким телевизионным музеем непохожести стиля Владимира Познера.

Россия – другая страна, и её непохожесть кратно значимее любого зарубежного опыта. Учиться надо, но копировать бессмысленно. Тот факт, что рядом с нами уже было состоявшееся телевидение «Первого канала», было и благом, и бедой одновременно. В этих условиях нам следовало создавать своё, непохожее телевидение. На первых порах – практически без каких-либо ресурсов, в прямом смысле этого слова, создать российское радио и телевидение на пустом месте. Не повторять, не копировать, а создать другое телевидение и другое радио. Говорить, насколько это получилось, можно совершенно свободно спустя 25 лет – недавно российское телевидение и радио отмечало именно эту дату своего существования. Бесспорно, вызревание этого «да, получилось», но проходило оно поэтапно, и весомый вклад в эту непохожесть внесла политика.

Девяностые годы по общему признанию были лихими годами в истории Новой России. Они были перенасыщены политикой, и непохожесть Российского телевидения в первую очередь создала

именно политика. Ибо РТР, а именно таким был телевизионный логотип ВГТРК, давало иное толкование политическим событиям, нежели их конкуренты, потому что являлось не только фабрикой показа этих событий на экране и в радиоэфире, но помимо этого, а точнее, прежде всего, их сотворителем и участником. Ибо процесс создания ВГТРК был двусторонним. Новая российская власть считала себя создателем Нового Российского радио и телевидения, и это было справедливо. Но в то же время, встречным потоком Новое Российское телевидение создавало и помогало формировать новую российскую власть. Я бы рискнул сказать, что их взаимозависимость была равной. И мое появление во главе ВГТРК было очевидным подтверждением этой взаимозависимости. Я придумал ВГТРК, будучи депутатом парламента и заместителем парламентского комитета по СМИ, предложил совершенно другую модель всероссийских СМИ в сфере телевидения и радио. Это было начало заката Гостелерадио, как центра управления телевидением и радио. Распался Советский Союз, и наступила новая политическая эра, и, что самое важное, ВГТРК создавалось в атмосфере этих катаклизмов. Разрушение старого и одновременно создание нового, пытаясь из политического миражного хаоса не устраивать танцы на обломках рухнувших структур, а сохранить дееспособность и привлечь в свои ряды талантливых и лучших, которые, конечно же, были.

Новая власть нуждалась в рупоре своих идей. И тот факт, что я, человек из нутра этой власти, остался во главе мною же придуманного телевидения и радио, чрезвычайно усложняло жизненную повседневность. Власть вобрала в себя все недостатки новой и плюс к тому молодой власти. Это касалось и возраста новых лидеров, и многих чиновников. Они не завоевывали эту власть в непримиримых боях, она была им дарована судьбой. Бои и кровопролития будут потом. Но желание быть признанным опережало умение, которое дарует это признание. А вот с умением было хуже. Поэтому требуя поддержки своих идей, а поддержку должно обеспечивать телевидение и радио, власть была крайне агрессивна в своих требованиях. К тому времени я был человеком, хорошо знакомым с политикой, мне было тогда 54 года, из которых 24 года я возглавлял довольно известный общественно-политический литературный всесоюзный журнал «Сельская молодёжь. Журнал достаточно популярный и политически острый, не говоря уже о том, что вся предыдущая биография была практически чисто политической. Секретарь комитета комсомола Лесотехнической академии, инструктор Ленинградского обкома комсомола, секретарь обкома комсомола,

первый секретарь обкома комсомола, заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ, главный редактор литературно-художественного общественно-политического журнала ЦК ВЛКСМ «Сельская молодёжь».

Перенасыщенной была и общественная деятельность: член Союза писателей СССР, секретарь Московской писательской организации, секретарь Союза писателей России. В Московской писательской организации я возглавлял работу с молодыми писателями. Этим же самым впоследствии я занимался в Российском союзе писателей. Как говорится, политика, политика и еще раз политика, но это к слову. Оказавшись в новой ситуации, я, естественно, ориентировался на опыт прошлых лет. Всю свою жизнь я исповедовал принципы конструктивной оппозиции. И журнал «Сельская молодёжь» была выразителем этих взглядов. Это делало отношения с властью, на уровне ЦК КПСС, непростыми, но чрезвычайно полезными. Они стали для меня настоящей школой. В разное время я общался с секретарями ЦК КПСС и членами Политбюро: Михаил Андреевич Суслов, Фёдор Давыдович Кулаков, Егор Кузьмич Лигачёв, Николай Иванович Рыжков, ну а позже и Михаил Сергеевич Горбачёв. И все эти эпизоды имели место, когда я работал главным редактором журнала «Сельская молодёжь». Разумеется, это не могло не сказаться на моей работе уже в новом качестве создателя и руководителя нового Российского телевидения и радио.

Это было, как я уже отмечал, и благом, и бедой. Я был вхож в коридоры власти, так как являлся выходцем из неё. Это помогало мне решать вопросы финансирования, установления контактов со знаковыми фигурами в политике, приглашать их как участников телевизионных передач, но одновременно это порождало и чувство зависти среди руководителей других каналов. Так что здравое отношение удалось сохранять, но любви не было, потому как я пришёл в их телерадийный мир уже тогда, когда они состоялись. И не просто пришёл, а, опираясь на созданную команду, стал устанавливать новые отношения, лишённые привычной зависимости от всевозможных гуру. Новые принципы приходилось утверждать и в творчестве, и в управлении, и во внедрении новых технологий. Здесь, пожалуй, было труднее всего, потому что на этом игровом поле уже привычно властвовал «Первый канал», и необъятный мир Останкино много лет правил бал. Ситуация осложнялась ещё и тем, что большинство создателей ВГТРК были либо выходцами с «Первого канала», либо, если это касалось радио, с Центрального радио. Они уже привыкли, условно говоря, к благостям прежнего мира и стилю подчинения. Им непросто было вжиться в мир иной, новый,

другого телевидения и радио, именуемого Российским, где многое начиналось с нуля, включая катастрофическое безденежье, впрочем, как и иное мышление, информобразность, стиль подачи материала. И бесспорно, Толя Лысенко на своём месте, на правах директора и заместителя председателя компании, именуемой ВГТРК, первое время, как ему казалось, жил в мире собственного телевизионного превосходства в отношении своего непосредственного начальника.

Отчасти это было логично, однако имелось одно существенное «но». Мы создавали новое телевидение с другими принципами взаимоотношений и творческого климата. А всё новое, в мире которого оказываются и опытные, и неопытные, уравнивает их, ибо оно – новое, его надо постигать заново, как и привыкание к нему; и пришедшие со стороны начинают строить это новое по-своему, а значит подчинённость старому и зависимость от него сходят на нет. И скорость этого убывания зависит от способностей, напора и умелости вновь пришедших.

Всё это полнообъёмно вершилось внутри ВГТРК.

Бесспорно, я и Лысенко были очень разными людьми, и эта разность в определённой степени и позволила создать совершенно иной образ компании. Если Толиной прерогативой было управление уже сложившейся структурой, подстраивая по ходу движения под себя, то я с первых шагов своей карьеры – всё начинал с нуля и практически создавал совершенно новое, непохожее на прежнее действо, – компанию, издательство, холдинг, телевидение, радио, политическую организацию, партийное ведомство, производственный комплекс, общественное объединение. А всё новое и есть главная составляющая политической борьбы. И слова Лысенко: «Попцов нас всё время втягивает в политику» – были отражением его мировоззрения.

Да, мы пережили такое время, когда политика стала главной составляющей повседневности ВГТРК и, что немаловажно, её творчества. Начало политическим шоу положила ВГТРК. Этого требовала власть. Шли, в полном смысле этого слова, схватки за эфир, и проигравший эфир или лишённый его становился в буквальном смысле врагом компании со всеми вытекающими последствиями. Сложность выбора становилась сверхзначимой. Во властных кругах был не просто конфликт, а конфликт сокрушительный, отрицающий примирение.

Это конфликт президента с Верховным Советом. Так на первых порах называлась законодательная власть, принявшая эстафету терминов от советской власти, затем она стала Государственной Думой.

Так вот, непрекращающийся конфликт между президентом и

парламентом лишил нас, телевизионщиков и радийщиков, возможности обособиться, самоутвердиться. И та и другая ветви власти требовали от нас позиционной аттестации – с кем вы: с президентом РФ, желающим всевластия, или парламентом, защищающим надежды общества на демократию? Подобная практика продолжалась до тех пор, пока парламент не возглавил Руслан Хасбулатов. Он был одним из сотворителей революции «лихих девяностых» и претендовал на полнообъёмное авторство тех процессов. Его претензии о своём праве на власть были достаточно велики.

Моя позиция, а равно и позиция компании, была очевидной. Мы сотворили этого президента, и в преддверии выборов, когда Ельцин на первом этапе выходил как председатель Верховного Совета, не без нашего участия и моего лично Хасбулатов стал его первым заместителем. Борьба была упорной. Сначала за выдвижение самого Ельцина, а когда определились с его избранием, – за поиск заместителей.

Я участвовал в этом процессе и представлял фракцию демократического выбора. Нам противостояли коммунисты и уже появившаяся партия Жириновского. И когда с третьего захода Ельцин получил необходимое большинство и стал председателем Верховного Совета, борьба началась за его заместителей. Предлагались разные фигуры, и тут в полемику вступил я: «Коллеги, у нас многонациональное государство, и власть должна отражать это состояние страны. Председатель Верховного Совета – русский. Премьер Силаев – русский. Заместители председателя Верховного Совета должны подтвердить многонациональность нашего государства». Стали искать, прежде всего, какие национальности для России численно более значимые. Естественно, татары. Заместителем председателя Верховного Совета должен быть татарин, но он должен быть из числа депутатов. Перебрали наличествующих в парламенте татар, и подходящей кандидатуры на пост заместителя председателя Верховного Совета не оказалось. И тогда я предложил иной вариант, потому как мало было найти нужного человека, необходимо, чтобы его поддержали коммунисты, наличие которых в Верховном Совете было значительным.

Я предложил кандидатуру Руслана Хасбулатова, он был чеченцем. Начальное отторжение было очевидным: ну при чём здесь чеченцы, малая нация с Закавказья! Коммунисты тоже забурлили – не наш. И тогда я использовал ход наотмашь. Да – чеченец, да – Закавказье. (Тех сложностей с Чечнёй, которые появились позже, ещё не было.) «Посмотрите на суть, – сказал я. – Закончил Московский государственный университет, ведущий вуз

страны. Кстати, уважаемые коллеги коммунисты, был секретарём комитета комсомола МГУ, а это говорит о бесспорном авторитете среди сверстников. Так что человек не с улицы». Коммунисты мгновенно изменили позицию: «Тогда бесспорно наш».

Я никогда об этом не рассказывал Руслану Хасбулатову, но дело было сделано – Хасбулатова избрали заместителем председателя Верховного Совета России, которым стал Борис Николаевич Ельцин. Так всё началось.

Кто-то может сказать: ну и что? чем удивили? Навязали парламенту вечного врага будущего президента России. Они ранее не знали друг друга. Избирали членов одной команды, но необходимого понимания не нашли. Оппонентов, когда формируют команду, избирают. Руководство Верховного Совета, конечно же, должно быть единомышленным. Оппонентами становятся, и вряд ли в этом была вина Ельцина. Борис Николаевич в контактах человек неудобный, упрямый, несговорчивый. Но о сговорчивости Хасбулатова может сказать только человек, лишённый рассудка. Утверждаю, как персонально прекрасно знавший и того, и другого. Более того, находившийся в подчинении, как председатель Всероссийской телерадиокомпании, у президента Ельцина, а как депутат Верховного Совета – у заместителя председателя, а затем председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова.

Об отношениях председателя Верховного Совета Бориса Ельцина и его первого заместителя Руслана Хасбулатова уместно употребить русскую пословицу: «нашла коса на камень». Всё было именно так.

Сначала недопонимание, затем разносы, а уже позже открытое противостояние Верховного Совета и его руководителя Руслана Хасбулатова президенту России, которое кончилось событиями 1991 года, а впоследствии путчем 1993 год. Тогда российский парламент, в лице его руководства и большинства (примерно 40 %) чиновников парламента, оказался на стороне ГКЧП, противостоящего президенту России Борису Ельцину. Казалось бы – при чём тут ВГТРК и его программная политика?

При том, что ВГТРК была участником этих событий. К тому времени я уже три года возглавлял ВГТРК, и на заседании Верховного Совета дважды поднимался вопрос о моём отстранении, однако поддержки необходимого большинства он не имел. Да и парламент не имел права этого сделать, я был назначен на свой пост президентом России.

Одна из сцен этой борьбы парламента против ВГТРК мне запомнилась. На очередной сессии Верховного Совета выступал депутат от Тульской области, фамилии его я не помню. Он только

что вернулся из Финляндии и рассказал о том, что парламенту страны напрямую подчинено финское телевидение, парламент утверждает не только руководство телевизионной компании, но и контролирует её программную политику. Депутат назвал этот опыт знаковым и предложил его внедрить в нашу практику управления ВГТРК. Зал загудел. Были союзники этой идеи, ну и, конечно же, противники. Депутаты уже почувствовали непохожесть российского телевидения.

Я присутствовал на этом заседании, будучи депутатом Верховного Совета, и попросил слова. Хасбулатов мне его предоставил. Я поднялся на трибуну и поблагодарил депутата от Тульской области за чрезвычайно важную информацию, а закончил своё выступление следующими словами: «За предоставленную информацию большое вам спасибо. Мы будем ждать вашего посещения Уганды».

Раздались аплодисменты. Зал буквально обрушился в хохоте. Запомнились реплики Хасбулатова: «Депутат Попцов, прекратите издеваться над коллегами».

Бесспорно драматическими были первые три года. Для эпиграфа этого времени наиболее точно соответствуют гамлетовские слова. «Быть или не быть – вот в чём вопрос». Конечно, это был период брожения, создания системы, создания политики, создания команды, управляющей страной. Абсолютно всё надо было делать с нуля, в том числе и телевидение. Для всех была одна задача – не только доказать правомерность своих претензий, но и предъявить их. Сделать это сходу, не очень задумываясь, было достаточно абсурдным. И для телевидения был неубывающий вопрос – как отстаивать веру в настоящее, потому как о будущем говорить было преждевременно. Телевидение и радио должны стать другими. Казалось бы, неповторимая истина: «но каким?». Есть «Первый канал» со сложившейся стилистикой. Сделать ещё один такой же – это возможно, но вряд ли нужно. И тогда я произнёс ключевую фразу, вызвавшую шок у сотрудников: «Мы должны создать независимое телевидение».

Первые и самые тесные контакты я выстроил с BBC. Нужен был некий прообраз, учитывая, что младореформаторы были заражены прозападничеством, и я это понимал. Страна, переживая в советские времена долголетнюю антизападность, устала от этого отторжения и с радостью была готова сменить вектор. И вызревающий в стране капитализм без очевидного прозападничества не мог состояться. Всё было именно так. Но я понимал, что во всех этих процессах есть черта крайности.

СССР имел мощную самостоятельную и независимую

политику. На наших глазах современная Россия стала её терять. Уступничество Западу в 90-х годах было нормой во внешней политике России. Если бы взамен мы обретали что-то, но этого не было. Основы такого внешнеполитического курса заложил Горбачёв, а Эдуард Шеварднадзе, в ту пору министр иностранных дел, был олицетворением курса уступничества, которое началось накануне распада СССР. Поэтому устанавливая тесные контакты со своими коллегами за рубежом, я повторял для себя одну бесспорную истину: учиться надо, но копировать ни в коем случае.

И, конечно же, независимость ВВС была эталонной, когда компания существовала не на деньги, которые выделяло правительство, а за счёт взносов граждан, а точнее, зрителей. Я был хорошо знаком с руководством ВВС, и лорд Эшкрофт, возглавлявший компанию, участник Второй мировой войны, был олицетворением этой независимости. Как молитва на ВВС повторялись слова: «В работу ВВС не имеет права вмешиваться никто, кроме английской королевы». И это было действительно так. Лорд Эшкрофт был у меня в гостях. Наше общение очень быстро утратило официальность, мы подружились. На ВВС сформировалась целая группа, которая выстраивала с нами постоянный контакт. Моей мечтой было желание создать совместную программу с ВВС, которая шла бы и в России, и в Англии. При этом в Англии её вёл бы гражданин России, свободно владеющий английским. Одним из действующих лиц этой программы был Александр Гурнов, наш постоянный корреспондент в Англии.

Замысел захватил англичан, и программа была готова. Назначили месяц и день выхода в эфир. Но в этот момент скрытый конфликт между мной и главой охраны президента Коржаковым вышел на поверхность, и Ельцин отступил, он принял решение о моей отставке.

История моего ухода – это особая страница жизни ВГТРК, и об этом чуть позже. В то время программы западных стран, «Голос Америки», того же ВВС, выходили на отдельных радиоволнах, которые активно глушились и, конечно же, массового слушателя никогда не имели. Но мы сотворили невозможное.

Я создал вместе с ВВС постоянную радиопрограмму, которая стала выходить в эфире «Радио России». Как-то при встрече Борис Николаевич Ельцин задал мне неожиданный вопрос: «Правда ли, что на „Радио России“ еженедельно выходит программа ВВС?»

Я ответил безо всяких уточнений:

– Да, это правда.

Я знал, что об этом Ельцину доложил его помощник Илюшин,

с которым у меня сложились отношения полного взаимопонимания.

– А Полторанин об этом знает? (Полторанин был в то время министром печати.)

– Разумеется, он поддержал эту идею.

Мой ответ можно было назвать и правомерным, и рискованным. У Ельцина были непростые отношения с Полтораниным. Следующим вопросом непременно будет: «А почему мне об этом не доложили?» Я не ошибся, Ельцин этот вопрос задал. Но я был готов к ответу.

– Потому что именно сегодня я собирался это сделать, программа только что появилась в эфире. Согласно договорённости, которая была достигнута при моём назначении, за всё происходящее на телевидении я несу личную ответственность, и вы поддержали эту идею.

Ельцин согласно кивнул.

– Ну и какая реакция на программу?

– ВВС в восторге. Отечественные слушатели пока не верят, что это правда и такое могло произойти.

– Это чрезвычайно важно, – сказал Ельцин. – Ваша задача убедить их в этом. Другая страна – другая политика.

То, что возможно было на радио, гораздо сложнее было для телевидения. Если власть не столь внимательна была к радио, о телевидении этого не скажешь. И по крайней мере 80 % неприятностей касались реакции власти на программную политику ВГТРК. Писать о случившихся событиях много лет спустя проще, нежели их перечислить.

Президентство Ельцина было испытанием не только для него, но и для всей страны. Разумеется, страна была не готова к обрушившимся на неё событиям. Но события 1993 года оказались ключевыми в становлении России. СССР остался в прошлом, ещё недавно единая страна сравнительно бесконфликтно распалась на самостоятельные государства, сменившие ранее существовавшие республики.

Что дальше? Уходил Советский Союз, и привычный образ страны перестал существовать. И дело не в смене адреса – дело в смене сущности. А сущность становится очевидной – борьба. И испытание для ВГТРК было совершенно неминуемо для существующих структур Союзного телевидения, радио, которые полноценно правили бал, как единственные и бесспорные. И вдруг все переменилось, а точнее перевернулось с ног на голову. Появилось ВГТРК, появился параллельный радиотелевизионный мир. И все герои событий начала девяностых были героями

российского телевидения. Именно политика стала главной составляющей программной сущности ВГТРК.

Трудно было признать, что повседневной деятельностью ВГТРК была борьба, а не придумывание всевозможных шоу, музыкальных, развлекательных программ, телевизионных игр и создание своего телемира.

Нет-нет, все это присутствовало, придумывалось, но, тем не менее, главным была борьба за Россию, за создание профессиональной власти, отрицание однопартийности, недопущение возвращения коммунистов, как главенствующей силы во власти страны, и сумасшествие, сопровождающее создание многопартийности. Она действительно появилась.

Это надо было показывать, но этим ограничиваться было нельзя, в этом процессе надо было участвовать – всякий раз отвечать на извечный для революции вопрос: «ты за белых или за красных?» И очень скоро, несмотря на стоны некоторых моих коллег, что Попцов тащит нас в политику, им пришлось отступить и признать, что это политика тащит компанию за собой. И оказавшись в подчинённости этому процессу, команде надлежит сосредоточиться и продумать свой курс в этой самой политике, а не бездумно отрицать её.

Испытанием на прочность оказались события 1991 года: ГКЧП и все последствия этих событий. И вот тогда гамлетовское «быть или не быть» стало явью. Ну а 1993 год стал следующей главой книги «Испытание на прочность».

Принятие Ельциным указа № 1400, объявившего роспуск парламента и назначение Думы, как образа нового парламента. Парламент во главе с Русланом Хасбулатовым отказался выполнить указ о своем роспуске и назначении новых выборов. Депутаты отказываются покидать парламент. Начинается вооруженное противостояние. Президент даёт указание министру обороны освободить здание парламента. Вероятность штурма парламента обретает ощущение реальности. Блокированный парламент принимает решение о лишении Ельцина президентских полномочий, и временно их передают вице-президенту страны А. Руцкому. Там же, в зале парламента, Руцкой произносит слова клятвы на верность парламенту как олицетворению России.

Бесспорно, события, происходящие в тот момент, были вне норм советского времени, но сложность заключалась в том, что обществу очень хотелось перемен, но оно ещё не созрело для них – слишком мало прошло времени, и мы продолжали жить ощущениями советского времени. И ГКЧП было первой заявкой вершителей процесса. Нас не устраивает то, что происходит с

новой Россией, которую ГКЧП не собирался признавать. Им был нужен прежний СССР, но с другим лидером, Горбачёв ГКЧП не устраивал. В не меньшей мере их не устраивал и Ельцин. Состав ГКЧП давал понять, какой лидер им нужен. Но весь вопрос в том, что ожидает за чертой распада СССР. Страна лишилась атмосферы сплочения. Предположительно, таким лидером мог быть Янаев формально, он возглавлял ГКЧП. Я лично хорошо знал Янаева, наши пути пересекались ещё в коридорах ЦК ВЛКСМ. Именно там сложилась значимая для этой системы биография Янаева.

Он возглавлял структуру ЦК ВЛКСМ, занимавшуюся международными делами. С более значимыми структурами, такие как ЦК КПСС, Совет министров, он имел краткосрочные отношения и как лидер страны выглядел малоубедительно. Он оставался вне восприятия общества, в силу кратковременной биографии. Высокопоставленный чиновник, один из, но не более того. То же самое можно сказать обо всех членах ГКЧП. Они хотели убрать Горбачёва, но что после этого делать – они не знали. Кстати, все члены ГКЧП не были великовозрастными. Именно поэтому случилось то, что случилось.

Приход к власти ГКЧП был полноценным переворотом. Я узнал о приходе их к власти, будучи на даче в Тарусе. Это был конец лета. Я только начал писать свою книгу «Хроника времен „царя Бориса“», и вдруг, как снег на голову, – в стране переворот. Я с женой мгновенно собрал вещи, для отвода глаз поставил в багажник две корзины с яблоками нового урожая и поехал в Москву. Уже была информация, что к Москве движутся военные части, и министр обороны, он же член ГКЧП, руководит этим процессом. Ясно было и другое – милиция переведена в режим усиленного контроля за движением в сторону Москвы. Я не ошибся – на первом посту ГАИ, на въезде в Серпухов, нас остановили. Инна, моя супруга, сидевшая в машине, напряглась. Я вышел из машины и направился к посту ГАИ, дежурили капитан и лейтенант. Они проверили мои документы, я уже тогда приобрёл определённую известность и как политик, и как телевизионщик. Они меня узнали и, возвращая документы, взволнованно спросили: «А что вообще произошло? Кто пришёл к власти, зачем пришёл?» Я постарался объяснить молодым ментам, чего им и, естественно, нам ждать. Они провожали меня участливо. Обозначили наиболее опасные участки на дороге и, самое главное, как избежать пересечения с боевой техникой, которая уже двигалась к Москве.

Было ясно: одна из главенствующих задач ГКЧП – убрать Ельцина. Популярность ВГТРК, как недавно созданной компании,

шла по нарастающей, её программная политика была востребована обществом и тем демократическим порывом, который буквально захватил граждан страны. ГКЧП уже составили списки нежелательных для них политиков. Это, прежде всего, касалось окружения Бориса Ельцина, которое должно быть арестовано. Ваш покорный слуга оказался в первой пятёрке. Бесспорно, это повышало напряжение. Я с женой разработал тактику: заезжая во двор, я оставляю машину вдали от дома, к подъезду не подъезжаю. Жена поднимается наверх и проверяет, всё ли в порядке с квартирой, не присутствуют ли там посторонние, а также у подъезда, на разных этажах, на 5 этаже, где располагалась наша квартира. Ожидать приходилось самого невероятного. Жена сделала всё, как договорились, – открыла окно в квартире и дала сигнал: «Поднимайся, подозрительных персон нет».

Я поднялся наверх, корзины с яблоками устроил на балконе, переоделся и немедленно направился к Белому дому, где был расположен штаб ГКЧП. Там я провёл все три дня и ночи, погружаясь в атмосферу этого противостояния.

Мы ждали штурма Белого дома, как оплота новой России, со стороны сил ГКЧП. Я постоянно общался со Скоковым, он тогда занимал пост вице-премьера. Меня интересовали детали происходящего.

Ситуация была крайне напряжённой. В Белом доме находились все члены Верховного Совета, как и правительства России. Там же находился и Борис Ельцин. Сейчас погружаться в детали этих событий, в силу их отдалённости, с одной стороны интересно, с другой даже бесполезно – всё уже пережито. События не развернуть назад. Переворот ГКЧП был очевидным переворотом некой хунты, состоящей из соратников и сподвижников Горбачёва, президента СССР. В то время как сам президент находился в отпуске. Он понимал надвигающуюся опасность и направился в отпуск, причём сделал это совершенно осознанно, не желая быть участником переворота. Он не был отстранён от своих обязанностей. Он был в отпуске, что члены ГКЧП использовали как изоляцию первого лица. Место его отпуска было под контролем береговой охраны – кораблей флота, таким образом ГКЧП изолировал первое лицо страны от происходящих событий. Как бы вне его желания, Горбачёв был лишён своих прав руководителя страны. Всякая связь Горбачёва с ГКЧП была прекращена. Он оказался в изоляции. Главным противником ГКЧП было новое российское руководство во главе с Борисом Ельциным.

Практически ГКЧП совершил переворот, главной задачей

которого было как бы восстановление СССР и возвращение членам ГКЧП утраченной власти. Вопрос по существу был в одном: поддержат ли ГКЧП новое российское руководство, как и руководство всех республик Советского Союза, ибо распад СССР практически уже шёл полным ходом. Прибалтийские республики, их выход из состава СССР были первыми весточками этого распада.

В Белом доме шли постоянные совещания, рассматривались разные варианты сопротивления действиям ГКЧП. Сам Белый дом находился в окружении вооруженных сил, находившихся в подчинении ГКЧП. Вице-президент России Руцкой отвечал за оборону Белого дома. Расчёт ГКЧП был прост: обеспечить сохранение СССР, по возможности уже с другим президентом, и доказать, что эту инициативу поддерживает большинство населения СССР.

Отдельной проблемой была Россия, которая уже создала свою структуру управления страной и двигалась в сторону выработки своей конституции, которая не принимала идей заговора ГКЧП, а противостояла им. А значит, она противостояла и отстранению Горбачёва с его поста президента страны и ставила своей задачей вернуть его в Москву. Надежды ГКЧП на поддержку их позиции в регионах, якобы не разделяющих позицию нового руководства России, рухнули. Ожидаемой поддержки российских регионов ГКЧП не получило. Замысел с арестом Ельцина не состоялся. Ожидаемой солидарности региональных властей с позицией ГКЧП не случилось.

Руководство ГКЧП начало нервничать: они и видели, и чувствовали, как у них буквально из-под ног уходит земля, на которой, как им казалось, они стоят достаточно устойчиво. Популярность отвергнутого ими Горбачёва приближается к нулевым оценкам, популярность Ельцина в масштабах СССР пока невелика, но растёт. Крах популярности Горбачёва, как подтверждение полного разочарования его политикой. Малозначимый на первых порах рейтинг Ельцина – следствие неубывающей загадки: кто он? И хотя устойчивое неприятие Ельциным Горбачёва давало надежды, однако не убеждало полнообъёмно – он наш. Руководство ГКЧП хотело сыграть где-то посередине, но собственного публичного авторитета у большинства членов ГКЧП не было. Возможно, они были значимы в своих ведомствах, как руководители, но дело в другом – их ведомства не были популярны в обществе. А потому назревающий раскол был налицо. И мы, находясь в Белом доме, рассматривали разные варианты развития событий.

Уже была задействована армия, и воинские части,

передвигающиеся по Москве, были свидетельством реальной угрозы. Белый дом находился в осаде. Сил для его защиты на территории самого Белого дома практически не было. Малочисленная охрана, наверное, могла оказать сопротивление, но малозначимое. Опорой окружающих Белый дом были танки и боевая техника. Группа наиболее активных депутатов, по собственной инициативе, двинулась в воинские части, окружившие Белый дом. Депутаты разъясняли ситуацию. Никаких сложившихся убеждений, что в Белом доме находится враг, в воинских частях не было. Преобладала полная растерянность и непонимание: «Зачем вершить эту агрессию и нападение на собственный народ, на депутатов, которые были избраны этим народом?». Разумеется, что российскими армейские части ещё не стали, отстроенной армией, со своей системой управления, – это был 1991 год. И внутренние боевые столкновения в самой армии были бы пагубны. Воинские части, защищавшие Белый дом, выполняя разработанную военную операцию, должны были оттеснять армейские части, подчинённые ГКЧП, которые были более многочисленны. Единственный выход – переубедить их, и мы занимались этой работой.

Весь штаб сопротивления, по сути, можно назвать сгруппировавшимся российским руководством; оттуда созванивались с соответствующими лицами, находящимися в руководящих структурах страны, пытаясь нащупать контакт и выработать единые действия, которые помешают столкновению. Приближалась первая ночь.

Естественно, зная, что начальник КГБ Крючков – член ГКЧП, мы понимали, что вооружённый контингент КГБ будет задействован в атаке на Белый дом. Естественно, поиск контактов с этими структурами продолжался непрерывно, как и со структурами спецназа. Этим занимался Геннадий Бурбулис. Когда стало известно о числе погибших на двух срочных митингах, я помню, как в разговоре с замминистра обороны Бурбулис буквально сказал: «За эту пролитую кровь мы вам отомстим». И дальше что-то вроде: «У нас ещё хватит сил свернуть вам головы». За точность слов не ручаюсь, но настроение штаба они отражали достаточно точно. Спали прямо на полу. Привезли комплект матрасов и разбросали их в разных местах. Журналистов было не десятки, а сотни. Весь первый этаж – это были журналисты.

Мы не спали всю ночь. Где-то в районе 10 вечера меня вызвал Скоков в свой кабинет.

– Что случилось? – спросил я.

– Нетелефонный разговор, – ответил Скоков. – Поднимайся ко мне.

Я понял, что что-то серьёзное, и буквально взлетел на четвёртый этаж. Скоков был один.

– Садись, – сказал он. – Только что звонил Павел Грачёв и сказал всего одну фразу: «Ровно в три часа» и повесил трубку. Попытался перезвонить – телефон отключён. Как ты считаешь, что это могло значить?

Я посмотрел на часы. Было половина первого.

– Возможно, начало атаки на Белый дом.

– Возможно, – согласился Скоков. – Но на каком участке, какими силами? Он не проронил ни слова.

– Надо вызывать Руцкого, он отвечает за оборону Белого дома.

– У него нет программы действий, – сказал Скоков. – Каждый раз, когда я ему задаю вопрос: «почему», отвечает: нет достаточных ресурсов – ни армейских подразделений, ни боевой техники.

– Отчасти он прав – при боевом столкновении нельзя надеяться на толпу.

– Прав, – согласился Скоков. – Но лучше, если эта самая толпа будет на стороне Ельцина.

Ещё один фрагмент воспоминаний тех дней.

Штаб размещался в кабинете Бурбулиса. Сотрудники охраны президента, в качестве гонцов, появляются неслышно, движутся кошачьим шагом. Молча вручают записки. Кто-то тотчас поднимается и спешит на вызов. Президент вызывает часто. Необходимость вызова – следствие непрерывно поступающей информации.

Аббревиатура «Президент вызывает» стала постоянной. Идём к президенту, заходим в кабинет. Ельцин и без того человек неулыбчивый, выглядит крайне озабоченно. Пружина событий продолжает сжиматься, и Ельцин это понимает. Он зачитывает две телеграммы.

Одна из Приморского края. Его поездка туда не прошла бесследно. Моряки Тихоокеанского флота отвергли ГКЧП. Спустя какие-то минуты сообщили, что подошли десантные части из Тулы, и генерал Грачёв, командующий воздушно-десантными войсками, заявил о своей поддержке президенту России.

Бронеколонны разворачиваются и занимают позиции вокруг Белого дома, согласно информации. Ельцин вызывает Иваненко и требует проверить, те ли части выруливают на пандус Белого Дома. Илюшин подходит к окну. Говорит, что над бронеколонной – трёхцветный российский флаг. Ельцин раздражённо обрывает: «Флаг можно повесить любой, всё равно проверьте». Уже пошли, уже ищут. Эхом катится по коридору: «Генерала Лебедя к

президенту». В кабинет президента всё время приходят новые люди, но именно в этот момент в кабинете почти никого не остаётся: Полторанин, Бурбулис и я. Ельцин слегка наклоняется вперёд, он делает так всегда, когда хочет сказанному придать доверительный характер:

– Только что звонил Силаев. Он попрощался со мной и сказал, что в эти минуты должен быть вместе со своей семьёй.

Бурбулис молчит, на его лице никаких эмоций. Его птичьи, совершенно круглые глаза устремлены на Ельцина. Скорее всего, Бурбулису уже известна эта информация. Полторанин тоже молчит, привычно пошмыгивает носом.

Каждый старается объёмно осмыслить услышанное. Мое осознание словно бы перелистывает подробности: попрощался… рыдающая жена… оказаться рядом с семьёй…

Нервный марафон

Октябрь, глубокая осень. Сегодня 17 октября. Уже не поймёшь, какое по счёту бабье лето.

В последнюю треть сентября оно было тоже. Затем похолодания, и усталым хором сограждане прощались с летом. Температура упиралась и сдавала позиции. После привычных 22 градусов тепла – 18, затем шестнадцать, и затем устойчивые двенадцать, и даже десять. Народ сочувственно погрузился в бормотание: «Всё, ребята. Конец бабьего лета». Не понимаю, почему именно уходящее бабье лето вызывает такую грусть. А чего тут не понять – всё очень просто. Бабье лето – дополнительная доза оптимизма – лето вернулось. Опавшая листва, деревья соревнуются в желтизне. Одни жёлто-коричневые, одни полужёлтые, полукоричневые, другие в откровенной желтизне, а рядом чистое золото, и вся необлетевшая листва – как золотое одеяние строптивого дерева, и ни одного опавшего листа.

Первыми в это многоцветное сумасшествие погружаются клёны, за ними осины, осеннюю строгость держат дольше других липы, но и они постепенно сдают позиции и погружаются в жёлто-золотистый мир. И только тополя не сродни лесу. Они – парковая престижность, стоят непокорные осени в густо-зелёной оправе, удивляя мир своей мощью. Но увы, с необъяснимыми повторениями бабьего лета уже ничего не изменилось. Осень пришла. И грусть, что бередила душу в самом конце лета, будто выдохнувшись от усталости ожидания, уже и не мешала погоде. Пусть всё будет, как есть. Пошли дожди. Сначала короткие, потом продолжительнее и длиннее. И вы не заметили, как сами сменили одежду, и без зонта уже ходить невозможно. И тучи тяжёлые наглухо закрывают небо, а с ними и дождь без перерыва. И так всякий раз до назойливого вопроса: «А вы любите осень?!» Люблю, а как её не любить? Грибы, рыбалка. Её ещё и не оттолкнуть, так вот запросто. Была и ушла. Не скажите. А бабье лето?! Это всем в благость. Потому и не торопитесь печалиться – осень пришла.

И опять навязчивый вопрос: насколько это точно отражает прожитую мной жизнь? Ответить не так просто, но очевидность этих слов прожитая жизнь всё-таки подтверждает.

Вначале предполагалось совсем по-другому, а случилось как случилось. И когда спохватился, то оказалось, что поезд уже ушёл, и именно эта часть жизни прожита. Финал случился, и

отыгрывать что-либо назад и бессмысленно, и бесполезно. Школа как была № 289 – так и осталась.

Я как-то высказался насчет прожитого: «По-разному можно измерять жизнь: масштабами замышленного, масштабами сотворённого, масштабами испытанного, масштабом ожиданий». Это из той же серии – масштабом обмана. Это тоже данность прожитой жизни, её измерение. Имею я право сказать: «я счастлив, что родился в Советском Союзе?». Долго время я думал, что да, а затем стал сомневаться.

Но другое «да» не давало восторжествовать сомнениям, и только постоянные отговорки «не всё так просто» и «жизнь не может быть одинаковой» становились тенью примирения с категоричностью.

Я вырос в среде советской интеллигенции. Это среда вечных вызовов, конфликтов, фантазий, революций, не проходящей оппозиционности, недовольство собой, а равно и окружающими. Как правило, мир творчества, который и порождает всё ранее сказанное. Разумеется, если это творчество, есть и подтверждение результата. Таков он – мой мир.

Моя мать была актрисой МХАТа, принятой туда Станиславским. Её первый спектакль на сцене МХАТа – «Синяя птица». Отец, судя по профессии, филолог. Он погиб при защите блокадного Ленинграда, мне было тогда семь лет. Отец не должен был погибнуть, но у него обострилась язвенная болезнь желудка, и ослабленный голодом организм не выдержал двустороннего кровотечения, от ранения и от кровоточащей язвы.

Уже много лет спустя, перебирая материнский архив, я обнаружил подтверждение филологической предрасположенности отца.

Он преподавал на курсах радиожурналистов. Как говорится: Бог всё видит, всё предрешает. Я не заканчивал никаких филологических, литературных, театральных институтов, но начал писать.

По своей природе я выдумщик. В мир журналистики я пришёл через стенную сатирическую газету, которую сам придумал и создал, будучи студентом лесохозяйственного факультета. Назвал газету «Сачок». В студенческом мире название на грани фола. Сначала так называли прогульщиков, но мы изобразили натуральный сачок, поймавший двух бабочек, однако это не убедило руководство факультета, и мне объявили выговор за вызывающее поведение. Но название газеты, как и выговор, осталось. Я выступил с идеей создания сатирических газет на всех факультетах. Идея заразила моих коллег, и на всех факультетах такие газеты появились. На химико-технологическом –

«Химчистка», на лесоинженерном – «Сухорезка», на факультете МТД – «Пила», на экономическом – «Ревизор», ну и на лесохозяйственном – «Сачок». С тех пор 5 мая, день советской печати, стал главным праздником в академии. К этому дню мы с моим другом Борисом Таллером писали сатирическое шоу, на котором выступали в роли ведущих. Всё это имело громадный успех и, если быть честным, обостряло мои отношения с руководством партийной организации академии.

Я вырос в театральной семье и благодаря матери знал и любил театр. Громадное количество времени я проводил за кулисами театра, куда меня приводила моя мать. Уже покинув театр, она осталась ему верна, хотя ушла совсем в другой мир – закончила исторический факультет Ленинградского университета. Кстати, дипломная работа матери была посвящена князю Олегу. В этот момент я родился, и меня нарекли его именем. С тех пор слова Пушкина: «Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам» стали биографической сутью Олега Попцова, то есть меня.

Я всю жизнь сбирался и сеял разумное… Но я отвлёкся. Однажды, создавая очередное шоу, мы решили раскритиковать некого Анатолия Борисенко – руководителя комсомольского патруля лесотехнической академии. Борисенко был похож на фюрера, он это чувствовал и даже старался ему подражать. И тогда я придумал некое заседание президиума комсомольского патруля. Я часто посещал замечательный ленинградский театр Акимова. Я вырос на спектаклях двух театров, хотя посещал, по сути, все. Но главными были для меня театр Горького, который возглавлял Георгий Александрович Товстоногов, и театр Акимова, хотя Александринка с Николаем Черкасовым и Меркурьевым были любимы мной. И всё-таки вернёмся к театру Акимова.

Я скопировал оформление одного спектакля: стол заседаний сделали под углом, в столе напротив каждого сидящего было два отверстия, для головы и правой руки, в торце стола сидел Борисенко, выкрикивая лозунги, и тогда головы присутствующих поворачивались в его сторону, а руки, выброшенные вверх через такое же отверстие, напоминали приветствие «Зиг хайль». В торце над столом висел портрет Дзержинского и крупная надпись – слова Дзержинского: «У чекиста должны быть холодный разум, горячее сердце и чистые руки». Под надписью висел умывальник и белое полотенце. Когда открылся занавес, зал, а он был полным и вмещал 5 тысяч зрителей, обрушился в хохот. За это шоу мне был объявлен партийный выговор.

Следующим шагом моей биографии было создание

общеинститутской сатирической газеты «Баня». Она вывешивалась в холле второго здания, уже построенного в советское время. Газета занимала громадную площадь на стене в 35 кв. м, а рядом с ней стояли толпы народа, и грохотал смех. Так я стал одним из самых популярных персонажей в академии.

Пауза

25 октября, в ночь с пятницы на субботу, ушёл из жизни мой друг, режиссёр многих наших совместных документальных фильмов – Игорь Абрамович Шадхан. Утром в субботу мне позвонила его жена Наташа. Я находился на улице в людном потоке. Слышимость была скверной, и она сказала всего несколько фраз:

– Олег Максимович, это Наташа, жена Игоря Абрамовича. Сегодня ночью он умер.

– От чего?! Неужели?!

– Он задохнулся ночью, – произнесла Наташа, и я услышал её рыданья.

Игорь Шадхан – мой друг, соавтор многих наших замыслов, воплотившихся на телевидении сначала в ВГТРК, которое я создал и возглавлял с 1990 г. по 1996 г. Затем на ТВЦ, которое я тоже возглавлял с 2000 по 2006 г. Нас познакомила его незаурядная работа «Контрольная для взрослых». Документальный фильм, с которого, по сути, началась истинная документалистика на телевидении. Восхищал замысел: проследить жизнь нескольких семей с детства их детей до выхода их в полнообъёмную жизнь.

Это было удивительное и неповторимое зрелище, когда герои разглядывали себя двенадцатилетних, будучи уже людьми, нашедшими своё место в жизни, и их матери и отцы стали бабушками и дедушками. Мы сразу поняли друг друга.

Мы оба были ленинградцами, что имело немалое значение. Место встречи была Москва, РТР, которую я возглавлял, проработав в Москве уже более тридцати лет, а он так и остался питерским, создал и возглавлял мастерскую документальных фильмов, квартирующую на Васильевском острове. Он никогда не был холопом. И эта его подчёркнутая независимость кого-то раздражала, но меня именно это его качество буквально притягивало. Почему? Непросто ответить, но, видимо, потому, что я сам был всегда независим и за эту свою черту характера хлебнул достаточно. И, видимо, потому мы быстро нашли общий язык.

Я придумывал сценарий фильма, он брал на себя режиссуру. Мы хорошо понимали друг друга. Это не значит, что мы не спорили. Спорили, но это было никак не отрицание взглядов одного в противоборстве с пониманием и видением замысла другим. Мы умели слушать друг друга, сохраняя полностью свои «я». Такое случается нечасто. Но у нас случилось. Я его буквально

втащил в мир активной политики.

Мои коллеги не уставали меня упрекать в том, что я по максимуму политизировал эфир ВГТРК, на что я им отвечал, что не я втягиваю ВГТРК в политику. Это было правдой, по любому политическому поводу политических столкновений внутри страны, наша неуспешность за рубежом. Угроза сепаратистского раскола России.

И, наконец, события 91-го и 93-го года заставляли ВГТРК выходить на передовую линию политического противоборства и в силу своего присутствия в этой политической борьбе определять как место победителей, так и место проигравших. И что самое рискованное – это был взгляд не со стороны или сверху. Это был взгляд изнутри, так как ВГТРК всё время находилась в центре событий. И вот в этот политический «ад» я вовлёк Игоря Шадхана. Нет, не вовлёк, он сам соприкасался с политикой, когда Питер возглавлял Анатолий Собчак, и его работу того времени, где главным героем был Владимир Путин, как ключевая фигура в окружении Собчака, в анемичности относительно политики никак не заподозришь. Так что откуда ушёл – туда и пришёл.

Шадхан сделал интересную работу о Путине тех времён. Я, будучи генеральным директором ТВЦ, попытался заявить этот шадхановский фильм на экран ВГТРК, но контакт с руководством ВГТРК не получился, и моя просьба получила отказ. Фильм так и покоится в архивах ВГТРК. Это был другой Путин, в чём и была значимость шадхановской работы. Телеканалы пребывали в состоянии конкурентной борьбы и допускать к своим архивам конкурентов не были настроены. Этот шаг в сторону есть некое подтверждение, что Игорь Шадхан не сторонился политики, а спокойно запряг её в свою упряжку, когда ему это было выгодно. И у Игоря Абрамовича, в отличие от меня, были с Путиным более близкие, и даже более доверительные отношения. Я в подобных историях – человек из другого мира.

Вряд ли Игорь не понимал и не видел мою отдалённость от путинских коридоров. Он был человеком прагматичным. «Бог с ним, – решил Шадхан. – Абстрактная контактность с Путиным ничего не даёт. Это не делает моё положение в телемире более привлекательным, скорее, это настораживает. Да и я сам пользоваться этой козырной картой не умею. Мне не нужна административная карьера. Да и поздно уже – мне за шестьдесят. Я – режиссер. Мне нужны заказы. Попцов – другое дело, он сам в теме».

У него идеи, которые он осуществляет сам, а значит, есть гарантии их появления на экране. Когда он предложил сделать сериал «Заплыв слепых», о младореформаторах, я немедленно

согласился. Конечно, это был риск, но во главе этого риска стоял основатель и глава ВГТРК Олег Попцов, а это значит, что на самом телевидении ему воспрепятствовать никто не может, и наш четырёхсерийный фильм появится на экране.

Фильм вызвал шок, он был посвящён хотя и недолгой, но полнообъёмной по масштабам драматизма и разочарования эпохе приватизации. Но главным сюрпризом был не сам фильм и его герои, а тот факт, что фильм был критическим и касался младореформаторов, которые были властью и оставались ею в момент демонстрации фильма. А это не укладывалось в нормы советского прошлого, которое объёмно и значимо оставалось нашим настоящим. И власть какое-то время не знала, как реагировать на этот фильм. Нечто подобное произошло с моей книгой «Хроника времени „царя Бориса“», посвящённой Борису Ельцину. И – недоумение, которое охватило общество и прежде всего интеллигенцию, которая никак не могла выстроить свои ряды: за приватизацию и младореформаторов или против них. Так вот суть недоумения была в ином. Как на главном российском телеканале показывают критический сериал о современной власти, которая вроде как ушла, но осталась?..

В советские времена это было немыслимо, а авторами этого сериала являются Олег Попцов и Игорь Шадхан. Холопы власти, а они липнут к любой власти, подвергли сериал сдержанной критике, основной мотив и тональность этой критики: что они себе позволяют? Сериал никак не был поношением происходящего, он был раздумьем о происходящем. «Когда во власти оказались люди с высшим, но без среднего образования». А так как этот афоризм был эпиграфом одной из серий фильма, то ожидать следовало всего, даже самого неожиданного.

За одну из серий этого фильма «Чёрный огонь» Игорь Шадхан, как режиссёр, был удостоен премии «ТЭФИ». Я был автором замысла и сценаристом сериала, но у меня были натянутые отношения с Владимиром Познером, председателем жюри, и бешеная ревность моих коллег, которая преследовала меня всю творческую жизнь, могла помешать получению «ТЭФИ». Поэтому я и настоял, чтобы был выдвинут Игорь Шадхан, тем более что совсем недавно Владимир Познер произнёс очередной монолог о давнем фильме Игоря «Контрольная для взрослых». Сделав эту коррекцию в списке выдвиженцев, я попал в десятку. Мы получили «ТЭФИ».

Власть не любила, если не сказать больше – порой ненавидела меня. Это неприятие тянулось с советского времени. Власть меня не любила, но терпела, потому что я умел делать дело. И на всех властных постах, на которых я оказывался в

течение моей жизни, я добивался очевидного успеха. Я никогда не уходил как проигравший – я уходил как позволивший себе не соглашаться с властью, а это приводило власть в ярость. Почему? Потому что говорить правду всегда непросто.

Возвращаясь к Игорю Шадхану. Именно в этом месте наши пути пересеклись, говоря житейски, мы нашли друг друга. Я бы назвал себя портретным журналистом, Шадхан, бесспорно, портретный режиссер. Возможность сконцентрироваться на личности и вытянуть из неё всё. Сам он отделывался репликами: «Я либо ведущий, либо соведущий». Это было совсем другое документальное кино.

Не было случая, чтобы персонажи, которых я выбирал, отрицались Шадханом, в этом не было случайности. Он блестяще находил среду обитания фильма. Это мог быть поезд, пересекающий Россию с севера на юг. Двести шестидесятый выпуск старейшего университета страны. В каждой из восьми серий была своя монументальная фигура. Либо кинорежиссёры Карен Шахназаров или Сокуров, либо театральные режиссёры Лев Додин и Марк Захаров, либо Алексей Кудрин и Николай Рыжков и, наконец, выдающиеся учёные академик Жорес Алфёров и Николай Петраков. И череда этих бесед с культовыми фигурами нашего времени – на фоне студенческого праздника. Когда оценку событиям и народу дают те, кто стоит на пороге жизни, для которых этот мир пока загадка. Есть некая значимая деталь – он разный. Но всё равно они готовы говорить о нём. И в заключение – «Алые паруса», уплывающие в даль надежд.

Шадхан ушёл из жизни, а сериал так и не появился на экране. Его купил Михаил Лесин, возглавляющий «Газпром-медиа», купил и положил на полку. Ничего удивительного. Название фильма очень точно подтверждает сущность современного бытия. Существуют апостолы, но не они суть бытия. Вершители мира решают – быть или не быть всему существующему, включая апостолов.

Меня поражает память моей жены. Она помнит всё, а я ничего, почти ничего. А может быть, у каждого человека память сверхиндивидуальна. У кого-то помнит все: кого увидел, где встретил, о чём говорили, куда ушёл. У других память хранит значимое, связанное с работой, неприятностями, творчеством, враждой, дружбой. А поток лиц, несущийся мимо тебя, так и остаётся потоком без каких-либо значимых деталей: что-то делали, о чём-то говорили. А что именно – не помню.

Так получилось, что детство перечеркнула война. Ах, если бы только детство… После возвращения из эвакуации, а мы вернулись в Ленинград ещё до снятия блокады, мать работала в

горкоме партии и добилась нашего возвращения досрочно. Пост она занимала не очень значительный – руководитель группы лекторов горкома партии, но чего добилась – того добилась, мы вернулись. Отец погиб, мы остались втроём: мать, моя сестра Нонна и я.

Вообще, в привязанности родителей к своим детям существует некая алогичность. В нашей семье она проявилась достаточно значимо: отец больше любил дочь, мать – сына. И когда отец погиб, следовало ожидать, что эта алогичность проявится ощутимо. Так и случилось. Мы остались втроём: мать и двое детей. Дочь Нонна приближалась к своей взрослости, и младший брат, то есть я, которому было девять, и который хотел повзрослеть и буквально рвался в своё десятилетие. Это была черта, которую следовало переступить, чтобы оказаться среди тех, кто правит двором. Это был самодеятельный общаг. После десяти ты обретал главное право – участвовать в любой драке. Послевоенные дворы стали параллельным хулиганским миром всякого города. Именно там мы постигали правила жизни. Не в школах, не в семьях, которые лишились отцов, погибших на войне. И в семьях ничего, кроме разрухи и нищеты, не осталось.

17 апреля. Турция.

Курорт Гольд-клуб СПА. Другой мир: горы, поросшие колючей зеленью, с жёлто-белыми проёмами каменисто-песчаных скал, похожими на троны, по которым непременно хочется спуститься, а вдали – море. И ты сидишь на балконе коттеджа, одного из тысячи строений громадного курорта. Море вдали, а с горной высоты кажется – рукой подать до берега, но это только кажется. Городок на берегу, как россыпь всё тех же жёлто-серых камней. С высоты рисунка строений не видно, архитектуры тем более. Турки – народ, не похожий ни на грузин, ни на азербайджанцев, хотя нам, россиянам, кавказский народ привычен. Но турки – совсем другое. У них иной рисунок красоты, бóльшая расположенность к контакту.

Впервые в жизни угодил на часовой массаж. Что-то не то с поясницей, почти как на рекламном ролике, что сопровождает рекламу лекарства под названием «Вольтарен»: идёт некто с располагающей внешностью, неожиданно нагибается, а разогнуться не может и далее двигается скособоченной походкой. Нечто подобное случилось сначала у меня, а потом у моей жены. Так что скособочило не только меня, а затем и весь отдых.

* * *

Вчера посмотрел президентский марафон. Президент отвечает на вопросы народа. Разговор продолжался четыре часа. Продолжительность зашкаливающая, но это стиль Путина.

Обстановка вокруг России сверхнапряжённая. Одно-полярный мир, который утвердила, как ей казалось, Америка, а точнее говоря, пользуясь своим превосходством, навязала его мировому сообществу, агрессивен, но неустойчив. И фактор этой неустойчивости подогревает агрессивность властвующую.

Россия, ее президент Владимир Путин бросил вызов Америке о своём несогласии с концепцией однополярного мира. Именно Советский Союз и Вторая мировая война опрокинули эту однополярность мира, в силу победы в этой войне СССР и его союзников с бесспорным пониманием, что СССР в этой войне был главенствующим фактором победы, а роль остальных осталась в рамках присоединившихся, получивших политический статус союзников на правах коалиции. Существование СССР и Великая Отечественная война, в исторической хронике как Вторая мировая война, расставили все точки над «и», и однополярный мир перестал существовать. Страны социализма, практически созданные СССР, образовали второй общемировой центр. Всё это продолжалось до семидесятых годов, до окончания холодной войны, объявленной странами, бывшими союзниками по коалиции Америкой и Англией, инициатором этой идеи был Черчилль.

И естественно, СССР все восточные и европейские страны сформировал как своих идеологических союзников: Болгария, Румыния, Чехословакия, Венгрия, Югославия, Польша, названных впоследствии странами социалистического лагеря. Все эти страны во время разгрома фашистской Германии были освобождены войсками советской армии.

Это давало СССР право, как победителя во Второй мировой войне, создать защитный пояс из дружественных стран, безопасность которых он гарантировал. Путин в своём прямом разговоре с гражданами России, 17 апреля 2015 года, дал этим событиям скорректированную оценку: силовое давление, которое имело место при создании восточноевропейского блока социалистических стран, стало причиной раскола соцлагеря после крушения СССР. Социалистический лагерь перестал существовать и в памяти политической элиты этих стран оставил негативный след; если бы история послевоенного мира сложилась по-другому, мы бы оказались в окружении друзей, именуемых Чехословакией, Болгарией, Польшей, Румынией, Югославией.

Однополярный мир, созданный Америкой как бесспорное подчинение всей и вся на правах вассалов, это практически

повторение послевоенного Советского Союза, где кто не с нами – тот против нас. И сегодняшняя история, и поведение того же Евросоюза – полное подтверждение этой истине. Что такое НАТО? Это якобы материализация гарантии Америки европейским странам: мы вас защитим от агрессии, которую может осуществить Россия. Упрекать Америку, что она не знает историю государства Российского – смешно, Америке это не нужно, время диктует характер политики. Прожив в одной жизни несколько эпох, ты невольно погружаешься в сравнения, тем более что эти эпохи ты прожил не в роли зрителя или очевидца тех лет, а прожил их как участник событий, в силу этого ты понимал эти процессы и разбирался в них.

Я был в Америке Джона Кеннеди, а затем президента Джонсона, я был в Америке Джимми Картера, и в Америке Билла Клинтона.

Мои жизненные роли тогда менялись, сначала я секретарь Ленинградского обкома комсомола, затем заместитель заведующего отдела пропаганды ЦК ВЛКСМ, затем главный редактор журнала «Сельская молодёжь» и секретарь Союза писателей Москвы, а затем России, и уже в 90-е годы – создатель и председатель Российского телевидения и радио. Это перечисление необходимо, потому что видение и понимание Америки было разным. Менялся Советский Союз, существовал режим холодной войны, провозглашённый едва ли не в начале послевоенного времени участником антигитлеровской коалиции Уинстоном Черчиллем.

Я помню период президентства Никсона. Это было непростое событие. И тем не менее, ничего подобного, равного отражению сегодняшнего времени, не было, хотя была холодная война. Возможно, только заявления республиканца Рейгана были по духу неприязни и ненавистничества близки к заявлениям одного из последних президентов Америки Обамы. А ведь это были отношения с Советским Союзом, далеким от понимания демократии в американском летоисчислении. Я не говорю об отношении простых американцев, оно во все перечисленные времена исключало враждебность к русским. Всё было прямо наоборот.

В своих американских поездках, а тогда был другой формат поездки, продолжалась до трех недель, я жил в американских семьях банкира, священника, юриста, преподавателя Гарвардского университета – отношения были располагающими и абсолютно дружественными.

Я помню слова американского юриста: «Наша политика

должна понять очевидную истину – Советский Союз нужен Америке, как самое значимое, но и Америка нужна Советскому Союзу в той же мере». Эти слова были сказаны при президенте Джонсоне, который после убийства Кеннеди занял его пост на правах вице-президента. Это было скорее эхом Кеннеди, нежели аттестацией взглядов Джонсона на американо-советские отношения. Впрочем, это не так важно.

То были трехнедельные и двухнедельные поездки за рубеж не официальных делегаций, а инициативных групп, представляющих либо комсомол, либо профсоюзы, либо студенческие организации, но по большей части это были смешанные группы, где были представители рабочего класса: инженеры, работники сельского хозяйства, молодые учёные, учителя, врачи, деятели культуры. Тогда родилась эта идея народной дипломатии, успех её был очевиден. Люди общались не с верхами, а проникали вглубь общества. Именно там сеялись зерна дружелюбия.

Моё длительное редакторство в журнале «Сельская молодёжь» не было исключением. Редактора всех молодёжных изданий, а они полнообъёмно курировались комсомолом, были долгожителями. Их редакторство исчислялось десятилетиями. Это касалось буквально всех изданий: литературного журнала «Молодая гвардия», общественно-политического журнала «Смена», журналов «Молодой коммунист», «Сельская молодёжь», «Техника молодёжи», «Комсомольская жизнь», «Вокруг света». Таким образом, создавался особый мир молодёжной журналистики. Единственным журналом, нацеленным на молодёжную аудиторию и не входившим в реестр изданий ЦК ВЛКСМ, был журнал «Юность», издаваемый Союзом писателей СССР.

Каким журналам было проще встраиваться в общеполитическую жизнь – тем, что числились изданиями Союза писателей, такие как «Новый мир», «Октябрь», «Знамя» и та же «Юность», или тем изданиям, которые были в ЦК ВЛКСМ, потому как их присутствие в большой литературе начиналось и заканчивалось страницами «Молодой гвардии»? Напротив, мы в буквальном смысле слова врывались в литературный мир и взрывали его.

Любую конфликтность в мире литературы, публицистики и журналистики разруливали владельцы изданий, но правил бал ЦК КПСС. Апостолом этого правления мира литературы, публицистики и, конечно же, культуры и политики, был Михаил Андреевич Суслов, прозванный за глаза в высоких партийных коридорах, и не только в них, «серым кардиналом».

В здании ЦК КПСС был такой пятый подъезд, где размещался

агитпроп ЦК КПСС, дорога натоптанная и прозаиками, и поэтами, и драматургами, и журналистами, и публицистами, и, конечно же, главными редакторами, протоптанная, но не намоленная.

Там если и не ставили на колени, то намеревались это сделать. Оглядываясь назад, я задаю себе вопрос – что было наиболее значимым? Писательская среда, которая не стала твоим полнообъёмным миром. Она была разной. И твоё общение с этим миром было иным, так как помимо писательства ты был ещё обременён и редакторством, а это очень скоро меняло суть разговора. Были писатели, которым ты был нужен – это, конечно же, молодые, начинающие. И тут было важно не просмотреть, не пропустить значимое, ты уподобляешься рыбаку – поставить сети в то время и в том месте, где идёт рыба. И другой мир – знаковых, состоявшихся писателей, которые нужны тебе как редактору; таких было много, но не все оказывались на страницах журнала «Сельская молодёжь». И тем не менее, авторы журнала: Виль Липатов, Виктор Астафьев, Василий Белов, Фёдор Абрамов, Егор Исаев, Натан Злотников, Владимир Померанцев, Рудольф Ольшевский, Владимир Костров, Фазиль Искандер, Василий Шукшин, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Ольга Берггольц, Юнна Мориц, Римма Казакова, Булат Окуджава, Расул Гамзатов, Даниил Гранин, Лариса Тараканова, Анатолий Ким, Юрий Бондарев, Александр Проханов, Сергей Михалков, Анатолий Алексин, Игорь Золотусский, Феликс Кузнецов…

Были ли публицисты? Были: Анатолий Макаров, Сергей Макаров. Да разве всех упомянешь?

Жизнь была непохожей. Очень много пришлось пережить, как начало, вопреки, затем взлёт и расцвет и сопровождающие их овации. Затем медленное забвение. Это ужасающее испытание как для уходящего героя, и неважно, кто он: писатель, поэт, актёр, учёный, человек из жизни, герой твоих очерков; так и для тебя невыносимо трудно быть свидетелем появления звезды, восхищаться её сиянием, а затем быть свидетелем её затухания и заката. Редакторская жизнь была переполнена подобными открытиями.

В мире публицистики мои сотрудники были не только редакторами, работниками обрабатывающими и обслуживающими информационное поле, но и носителями и авторами идей. Такие как: Виктор Ярошенко, Мила Сергиенко, Оксана Мамонтова, Юра Полковников, Станислав Рыбас, Сережа Макаров, Петр Скобелкин, Бронислав Горб.

С литературой всё было иначе. Она как бы становилась миром избранных, амбициозных, причём очень часто без всяких

оснований к этому. Бездарные заряжались амбициями одарённых и в агрессии, и в навязывании себя и своего творчества были кратно активнее. И здесь играла роль не только твоя редакторская значимость, но значимость писательская. Я рад, что этот экзамен я выдержал. И моя литературная команда: Виктор Вутечич, Евгений Лучковский, Вадим Черняк были неплохими бойцами на литературном ринге. Их союзниками становились значимые прозаики и поэты, которых они привели в журнал «Сельская молодёжь», и напечатать их в этом издании было фактом, заметным в биографии этих авторов.

Но политической борьбе меня, конечно же, научила публицистика. Так получилось, я уже говорил об этом, но рискну повториться, во всех жизненных ситуациях, выполняя роль учёного-лесовода, а затем инженера лесного хозяйства, согласно своему диплому, а затем оказавшись в мире политики – секретаря Ленинградского обкома комсомола, а затем первого секретаря обкома, затем первого заместителя отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. Чуть позже, вырвавшись из мира политики по собственной инициативе, главный редактор журнала «Сельская молодёжь», а это 24-летняя пауза, но затем политика вновь обрушивается на меня. Я избираюсь депутатом Российский Федерации, затем новые выборы, создаю Российского телевидение и радио и назначаюсь его председателем. Не буду утомлять читателя, остановлюсь на этой значимой позиции, хотя и дальше было достаточно всевозможных высоких должностей. Главное не в должностях, а в принципах и жизненной позиции, которую я занимал на всех должностях, с первого момента выхода в самостоятельную жизнь.

Мне было 23 с небольшим года, когда я стал секретарем Ленинградского обкома комсомола. После моего назначения в одной из статей я был назван самым молодом секретарём обкома ВЛКСМ в Советском Союзе. Не знаю, насколько это соответствовало действительности, но самые молодые инструктора в Ленинградском обкоме комсомола были старше меня на 2–3 года, и это было правдой.

Так вот, на всех должностях, которые я занимал, я всегда находился в конструктивной оппозиции к существующей власти, и при Никите Сергеевиче Хрущёве, в его эпоху я оказался секретарём обкома комсомола. Кстати, я дважды встречался с Н. С. Хрущёвым, но об этом чуть позже.

И при Брежневе, и, разумеется, Суслове, и при Горбачёве, и при Ельцине, и при Путине мои взгляды были неизмененными – конструктивная оппозиция к существующей власти. Я часто спрашивал себя – почему? Это власть замечала меня, выдвигала,

казалось бы, я был обязан ей своей карьерой. Да, это так. Но почему тогда устойчивая оппозиционность? У меня был свой подход, своё толкование сложившейся ситуации. Я никогда не выскакивал из штанов, стараясь быть замеченным властью, услужить ей. Если они меня замечают и назначают на значимые посты – значит, я нужен этой власти, значит, моё умение работать власть не только устраивает, оно ей необходимо. А значит, я имею право на самостоятельность. И при любом назначении я выдвигал эти условия, как определённый фактор моего согласия на предложенную работу. И неважно, кто в этот момент сидел напротив меня и от кого исходила идея моего очередного назначения: первый секретарь Ленинградского обкома комсомола Вадим Саюшев или первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлович Павлов, или первый секретарь Ленинградского обкома партии Иван Васильевич Спиридонов, или Сергей Владимирович Михалков, или Михаил Сергеевич Горбачёв, или Александр Николаевич Яковлев, или президент России Борис Николаевич Ельцин. И все эти люди из разных эпох соглашались с моими требованиями иметь полную независимость в суждениях, действия и поступках. Ну, конечно же, были и те, кто мешал, их было достаточно, и они были значимы: Василий Сергеевич Толстиков, первый секретарь Ленинградского обкома партии, сменивший Ивана Васильевича Спиридонова, Михаил Сергеевич Суслов – «серый кардинал» брежневского периода, Борис Березовский, Евтушенков, Хасбулатов, Юмашев, муж дочери Ельцина, Коржаков – главный охранник Ельцина, Познер, Швыдкой, в пору министерского исполнения, Цой – помощник Юрия Лужкова.

Когда я возглавлял ТВЦ, я сделал с моими коллегами свою расшифровку логотипа – телевидение вечных ценностей. Бесспорно, это был вызов. Вопрос в другом – как этой вызывающей расшифровке соответствовать? Это было непросто, в отличие от РТР. Это была более суженная площадка – московский канал, московская аудитория, и выход за её пределы чрезвычайно настораживал власть. А делать телевидение в неких стандартных рамках я не собирался. Другое время – открытая конкуренция, и неважно, что является эпицентром: Москва, Петербург. Телевидение значимо, если оно масштабно. Получилось, что центральная власть была несколько озадачена позицией ТВЦ, которая выходила за пределы привычного и диктуемого центральной властью.

Было бы неправомерно утверждать, что мы выигрывали конкуренцию у «Первого канала» и у той самой ВГТРК, которую я создал. Это было желаемо, но маловероятно. Но мы, и я в

частности, решили другую задачу – мы создали некую неудобность для своих коллег, потому как я позволял своей компании делать то, что не позволяли себе, оглядываясь на Кремль, мои коллеги с «Первого канала» и ВГТРК.

Я помню свою фразу, сказанную Владиславу Суркову, в ту пору первому заместителю идеологического управления администрации президента. Сурков курировал телевидение, радио и вообще работу всех СМИ. К нему перешла по эстафете от Михаила Андреевича Суслов кличка «серый кардинал». Он был именно таким, внешне, может, менее значимый, нежели пост Суслова, но в условиях отсутствия СССР, в российских масштабах, Сурков сумел обрести власть в масштабах «серого кардинала».

Сурков, я уже не помню периодичность, один раз в неделю или дважды в месяц, собирал руководителей центральных телевизионных каналов. Формально ТВЦ подчинялся Москве и Юрию Лужкову, и обязательность моего присутствия на этих совещаниях была под вопросом. Суркову очень хотелось, чтобы я сам почувствовал эту уязвимость, и попросил Лужкова разрешить мне участвовать. Я этого, естественно, не делал, хотя чувствовал уязвимость своей ситуации. Контакт с центральной властью был мне нужен, чтобы воспрепятствовать Цою вмешиваться в работу ТВЦ, к чему он был чрезвычайно предрасположен.

Я помню свою фразу, которую произнёс в разговоре с Сурковым: «Я достаточно уверен в правоте своих действий, чтобы в момент возникшего сомнения обратиться к вам за советом, который в определённых условиях был мне чрезвычайно полезнен». Сурков дал согласие на такую позицию. С того момента моё присутствие на каждом совещании утратило дисциплинарную обязательность. Бесспорно, я обрёл большую свободу действий, и поддержка со стороны Суркова стала очевидной, но проблемы с московской властью, которые постоянно обозначал Цой, остались. Мы ввели Цоя в состав правления ТВЦ, но эта приближённость амбициозного Цоя не успокоила.

Конечно, Цой был моим очевидным оппонентом, и его информация, которую он передавал Лужкову о работе ТВЦ, была сверхсубъективна, но Цой был осторожен, потому как понимал, что мои отношения с Лужковым – это отношения доверяющих друг другу людей, и разрушить это доверие было не так просто. Но Цой был настойчив и уверен, что ему нарушить их непременно удастся. Вообще, моя телевизионная история была многовариантная, и, конечно же, создание ВГТРК и мое появление во главе Российского телевидения и радио было, с одной стороны, логично, с другой – неожиданно. Но случилось то, что

случилось. Получилось, что мы с моими коллегами и придумали и создали Российское телевидение на пустом месте.

Шло становление нового государства. Советский Союз перестал существовать и распался, это была трагедия мирового масштаба. Многополюсный мир утратил один из главных полюсов – Советский Союз. Мир, по сути, был двухполярным – мир капитализма и мир социализма, и оплотом социалистического мира был Советский Союз. Мир лишился необходимого равновесия. Америка и её союзники, Евросоюз возобладали в этом мире и обозначили новую однополярность этого мира. Бесспорно, остались страны, проповедующие социалистическую идею, – Китай, Куба, но единый мир, а иначе говоря – полюс, каким были страны социалистического лагеря, перестал существовать. Все республики, входившие в СССР, числивший себя как военная держава, и это было именно так, стали самостоятельными государствами. Трагедия заключалась в том, что бывшие советские республики были не готовы к обрушившейся на них политической самостоятельности. Поэтому появились такие образования, как СНГ (Союз независимых государств), Союз России и Белоруссии, а чуть позже – Таможенный союз, объединивший Россию, Казахстан и Белоруссию, и целый ряд других структур, они должны были заполнить образовавшуюся нишу.

Постоянно со всех трибун утверждается, что возвращение к Советскому Союзу невозможно. Это же самое не раз утверждал и президент России Владимир Путин. Спорить с этим трудно, но торжество идеи противостояния однополярному миру, который навязывается Америкой, поставившей себя во главу этого мира, оставляет эту возможность только через единение стран, не согласных с американскими диктаторами. Трагедия Евросоюза, бесспорно значимого мирового явления, была как раз одним из вариантов создания Единой Европы, способной нарушить однополярность американского типа, – не получилось. Придуманная американской пропагандой угроза независимости европейских стран, исходящая якобы от России, как ни странно, но достаточно быстро прижилась и стала нормой отношений стран Евросоюза и России. Невероятно. По сути, вся концепция российской опасности построена на стопроцентной лжи. И ссылка западной пропаганды на факт воссоединения России с Крымом, как якобы подтверждение этой опасности, выглядит смешным.

Я часто задаю себе вопрос: мог ли я стать значимым игроком в мире всероссийских СМИ и прежде всего телевидения и радио, если бы не имел более чем двадцатилетнего опыта в руководстве журналом «Сельская молодёжь»? Однозначно нет. Работая в

журнале, который как всё остальное в моей жизни, я создавал практически с нуля. Принять всесоюзный журнал со смешным тиражом по тем временам, 37 тысяч экземпляров, это был немалый личный риск, тем более что практики редакторства в тот момент у меня не было. Но я решился на этот шаг.

Работая в журнале на посту главного редактора, я сумел материализовать для себя и всей команды чувство независимости. Это было непросто, но крайне необходимо. Независимость аппаратного работника самых значимых политических, экономических, научных и общественных структур – независимость относительная. Ибо истинную независимость даёт самостоятельность принимаемых тобой решений, а ступенчатая аппаратная подчинённость этому мешала, а точнее, сводила твою индивидуальную независимость на «нет». Это непросто понять и пережить.

Журнал постепенно набирал популярность. Немалую роль сыграло приложение к журналу, которое имело немалый тираж. Мало иметь пятитомное, а затем семитомное приложение к журналу, надо было придумать концепцию, которая сделала бы это приложение массовым. Не приложение для избранных, а приложение, претендующее на всенародное признание. И тогда я предложил новую концепцию – приложение героико-приключенческой прозы. Увлечённость детективной литературой возрастала, она постепенно переходила в мир писательства. И вот тогда тезис героики позволил создать некий противовес и иную направленность в развитии детективного жанра. Со временем приложение обрело невероятную популярность. Меньшую, чем сам журнал, но достаточную, чтобы сказать – ни у одного издания в стране ничего подобного не было.

Независимость стоит дорого. Это понимаешь не в момент, когда ты за неё борешься, а когда её обретаешь. В итоге ты попадаешь в разряд персоналий, о ком знаковые партийные чиновники говорят: «Что он себе позволяет?» Я всё это пережил. И был момент, когда мы зациклились на проблемах трудового воспитания в школе и поддержали работы выдающегося учёного Сухомлинского, который предложил обществу свой концепт трудового воспитания, равный перевороту в этом мире. И наше сдержанное отношение к Трофиму Денисовичу Лысенко, как и отношение к толкованию его теории внутривидовых проблем в растениеводстве. И в своём участии в экономической революции, которая произошла в шестидесятые годы. Выступление журнала против переброса вод северных рек на юг – как идеи непродуманной с не просчитанными последствиями. Позиция журнала была встречена в штыки правительством, но

одновременно поддержана плеядой учёных, членов Академии наук СССР, Сибирским отделением академии. Апофеозом этого замысла стало проведение журналом всесоюзной экспедиции «Живая вода», в течение семи лет.

Я помню своё высказывание того времени: «Мы начали заниматься экологией, когда ещё никто точно не знал, как пишется это слово – через „о“ или „а“». Что сделано – то сделано. Переброс северных и сибирских рек на юг был остановлен. И сейчас, спустя много лет, оглядываясь назад, когда перестал существовать СССР, я могу только удивляться своей прозорливости, как и прозорливости моих коллег, участников воплощения этого проекта «Живая вода». Что было бы, если?.. Увы или к счастью, но история сослагательного наклонения не приемлет. Мы и наши союзники в лице сибирских писателей, таких как Валентин Распутин, членов Академии наук, их было достаточно, одержали победу.

Многие ушли из жизни, но важно помнить, что они сделали, подняв свой голос против амбициозного и в той же степени абсурдного проекта. Трудно в повествовании, которое ты пишешь спустя 40–50 лет, сохранить точную последовательность – память даёт сбои. Одно очевидно – долгое редакторство в журнале «Сельская молодёжь» стало для меня истинной школой жизни. Материализовалась внутренняя потребность писать и придумывать всевозможные проекты, и главное – воплощать их. Мир, в который я вошёл, был миром творчества, и неважно, кто ты, какая у тебя профессия, ты обязан творить. По этой шкале отныне будет определяться твоя значимость. Однако нормы партийной номенклатуры, чиновничья ранговость лишают человека его значимости, которую создаёт его творчество, ибо этот ранговый мир имеет и политические, и ранговые ограничения. А творчество опирается на главную составляющую своей сути – свободу самовыражения. Вот главная причина управленческого коллапса, который мы переживали и продолжали переживать.

Ручное управление нормативами – вынужденное. И то, что Путин сделал этот шаг, говорит о критичности ситуации, в которой оказалась страна. Изоляционный режим, санкции, навязанные России Америкой и Евросоюзом, объединившие западные страны, которые практически одномоментно лишились самостоятельности под ложным девизом «пока мы едины, мы непобедимы». Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку. В случае с Евросоюзом произошла подмена понятий – абсолютная подчинённость в условиях однополярности мира, навязанного Америкой, ничего общего с единством взглядов и действий,

учитывающими интерес каждого субъекта, не имеет.

Единство при утрате самостоятельности и независимости уничтожает национальную сущность любого государства и в конце концов приводит к краху, что неминуемо произойдёт с Европой, погрузившейся в информационную войну против России. Тезис «нужна политическая воля» в условиях абсолютной подчинённости, исключающей самостоятельность в принимаемых главами государств решениях, утрачивает существенный смысл. Однако вернёмся к России.

Мы много говорим о возрождении России и происходящее в нашей стране оцениваем именно так. В условиях непредсказуемой санкционной деятельности России необходимо полное обновление внешней и внутренней политики. Вопрос: готова ли нынешняя исполнительная власть, которую Владимир Путин перевёл в ручной режим управления, справиться с этой задачей? Та самая власть, которая столкнувшись с возникшими проблемами, как заклинание повторяет одну и ту же фразу: «Нужна политическая воля», не очень осознавая, что эти молитвенные слова, по сути, саморазоблачение и подтверждение того, что у неё, правительственной власти, этой политической воли нет.

Вот результат утраты творчества как энергетического ресурса управления страной. Вопрос в том, что человек, создающий творчество, всю ответственность за творение берёт на себя, иначе говоря, проявляет ту самую политическую волю, которая и есть ключ, открывающий дверь в завтрашний день. Нам надо кардинально пересматривать концепцию подготовки образования руководящих кадров в системе управления страной. Отсутствие навыков принятия решений в критических ситуациях – прямое свидетельство отрицания творчества, как определяющей доминанты управленческой деятельности. Увлечённость неустанным омолаживанием руководящих кадров, что мы наблюдаем сегодня и на чём постоянно настаивает наш премьер, как бы подтверждает тем самым свою неустанную прогрессивность. Не что иное, как некая попытка создавать правительство под себя, якобы правительство продвинутых. И как результат – из управленческих структур страны выдавливаются умелые и опытные, умеющие говорить с рабочими, специалистами, заряжать их своими идеями, исходящими к сути окружающей жизни.

Уточнение, сделанное Путиным в своём диалоге с народом при ответе на вопрос Кудрина о программе развития страны, было по сути против. Принимать решения, касающиеся развития страны, – надо не только умом, но и сердцем. Вот ключевая

причина неэффективности управления страной. Повторюсь – слишком далеки они от народа. Но то, что было объяснимо для декабристов, вряд ли позволено российской власти спустя почти два века.

«Свобода и независимость превыше всего» – великие слова. Но вот что удивительно. Эта концепция жизни равнозначна как для жизни народа в целом, так и для каждого человека. Просто измерения этого понятия разные. Для кого-то это момент торжества собственного «я», для кого-то это момент страха за судьбу своего «я». Но суть очевидна – ты в состоянии сделать значимое для себя и для общества, когда ты свободен и независим. И выбор моего «бегства» из коридоров власти был продуктивен именно этим желанием обрести свободу и независимость для творчества, в котором масштаб своей ответственности я определяю сам. Это стало для меня обязательной нормой при очередном назначении. Я так и говорил, естественно, корректно, без вызова: «Я признателен вам за оказанное мне доверие. Параметры моего исполнения определены. Такова была ваша воля. Я приступаю к исполнению возложенных на меня обязанностей, и поэтому просил бы вас дать соответствующее распоряжение вашим подчинённым воздержаться от вмешательства в мою повседневную деятельность. За всё происходящее во время моего исполнения я отвечаю сам лично».

Мне, как правило, не возражали, принимая мою позицию как выгодную для властвующих. А дальше? Вопрос, конечно, интересный. А дальше шло испытание боем. У каждого властвующего было окружение или свита приближённых к нему. И бои за свободу и независимость я вёл прежде всего с этим окружением.

Свита короля – на то она и свита, потому как каждый значимый в ней хочет стать королём. Но, даже понимая, что всё это вряд ли свершится, стараться употреблять свою значимость по максимуму. Потому и вмешивается без стеснения не пойми куда. Король считает это баловством, посему и судит приближённых нестрого. А приближённым нестрогость короля добавляет наглости. Вот в чём причина вечных завихрений в отношениях с приближёнными к власти. В таких, как ты, желающих вырваться в свободный полёт, они видят угрозу своей властности. И унижение таковых доставляет им высшее наслаждение. Странное ощущение – сменилось несколько эпох. Размышляю об этом не на правах пережившего эти эпохи, не в качестве наблюдателя, а участника самых разных процессов, поражающих удручающей похожестью в поведении чиновников. И неважно, какими опознавательными

знаками обозначены этапы: социализм, развитой социализм, социализм с человеческим лицом, перестройка, капиталистический либерализм, неолиберализм, демократический консерватизм. Чиновник, пребывающий в коридорах власти, не претерпел сокрушительной эволюции наполнения сути – одно и то же, карьеризм. Тружусь не ради торжества сути своего дела, наполнения его смысловой значимостью, а ради карьеры. Продвинуться вверх по лестнице любой ценой. Что это: подтверждение постоянного кризиса власти или обретение философии нового времени?

Когда через твою жизнь проходит несколько эпох развития страны, ты невольно начинаешь сравнивать – когда было лучше, когда хуже. Всякое новое время надеется на своё превосходство, но…

В хрущёвские, брежневские и горбачёвские времена значимость Союза писателей была очевидной. Бесспорно, КГБ мешало нарастанию этой значимости в общественном сознании. Ибо оно начинало обретать силу вольнодумства. Оно, естественно, присутствовало во все времена. Вольнодумство во времена хрущёвской оттепели, брежневского застоя, горбачёвской перестройки было разным. Его параметры были иными. Но оно было. И на этом вольнодумстве держался авторитет творческих союзов. Сейчас, вспоминая эти времена, понимаешь, как мир творческой интеллигенции из значимого, ибо его значимость была выстроена ещё в сталинские времена, превращался в ничто. И то же самое Переделкино, городок писательских дач, был создан именно тогда. Власти было выгодно сосредоточить интеллигенцию – учёные это, или писатели, или художники – в одном месте, что бесспорно упрощало наблюдение за ними. Ибо в те времена КГБ имело специальное подразделение отслеживания повседневной жизни творческих союзов.

Я был главным редактором, журналистом, секретарём Союза писателей Москвы, секретарём Союза писателей России и имел возможность обустроиться в Передел-кино и, конечно же, получить квартиру. Но я от этого отказался, в отличие от многих моих коллег. Почему? Ответ простой – я не люблю быть кому-то должным. Это лишает тебя независимости, поэтому я поехал в Тарусу и там, в начале 1970-х, купил старый деревенский дом. Затем я его осовременил, приблизил к цивилизованному виду, я терпеть не могу роскошь этих загородных замков и трёхметровых заборов вокруг них. Тем более у меня никогда не было денег на создание этих загородных помешательств, вилл! Да если бы и были, то ничего подобного строить бы не стал, всё должно быть удобно, цивилизованно, красиво, сдержанно и достойно. Главное

богатство творца – независимость.

Мне не нужен кооператив «Озеро», члены кооператива и соседи в должностях министерств или президентского окружения, тем более что я им тоже не нужен. Возвращаясь мысленно в те годы и вспоминая своё долголетнее редакторство, как-никак более 24 лет, это вам не хухры-мухры. У кого-то треть, у кого-то половина творческой жизни, это как бог повелел, кому сколько лет писательских пристрастий отпустить. Со временем ты понимаешь, что истинное писательство – это не затворничество, нет, это запрограммированное одиночество. С одной стороны, ты от него страдаешь – всё зависит от твоей натуры, с другой – это формула твоей творческой свободы. Редакторство было зоной прикосновения к писательскому миру, и круг моих единомышленников в писательском мире был неким контактным полем писателя-редактора, при этом всегда существовало некое отрезвляющие «но» – ты тоже писатель, и очередной твой роман – это смена мест согласных, ты появляешься в журнале «Октябрь», «Знамя», «Юность», «Новый мир» в качестве автора, а это уже совсем другая история. И все эти замечательные имена, прошедшие через мою жизнь: Виль Липатов, Федор Абрамов, Владимир Солоухин, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Римма Казакова, Роберт Рождественский, Анатолий Ким, Егор Исаев, Юнна Мориц, Алексей Проханов, Василий Шукшин, Владимир Аксёнов, Владимир Померанцев, Виктор Астафьев, Василий Белов, Игорь Золотусский, Владимир Цыбин, Константин Симонов, Даниил Гранин, Андрей Вознесенский, Олжас Сулейменов, Давид Самойлов, Кирилл Ковальджи, Юрий Нагибин, Расул Гамзатов, Натан Злотников. Замечательные публицисты – Анатолий и Сергей. Это великая благость, которую создали эти люди при твоём участии.

Писательская стезя – это запрограммированное одиночество, и общительным писателя делает не его творчество, а труд и деятельность вне пределов письменного стола. Был ли писательский мир моим миром в момент моего редакторства? И да, и нет. Надо быть частью этого мира. Редакторство продолжительностью в 24 года. Круто, не правда ли?

Мне и моей команде не давала покоя политика. Бесспорно, сильной стороной журнала «Сельская молодёжь» всегда считалась публицистика, она сделала журнал популярным в широких кругах населения, социально-острым и неудобным для власти. Бесспорно, такие политические события, как хрущёвская оттепель, затем перестройка и полная противоположность ей – брежневский застой или социализм с человеческим лицом, политизировали писательский мир. Интеллигенция во все

времена была носителем идей оппозиционности, и журнал органично вошёл в этот мир.

Я часто задавал себе вопрос: что такое оппозиционность? Отрицание политических догм? Поиск своего пути? Критика управленческой неумелости? Всё так. И тем не менее оппозиционность нечто большее, чем повседневный скандал как некая самореклама – мы есть, и мы ещё вам покажем.

Оппозиционность – это умение увидеть мир со стороны, пребывая внутри этого мира, при этом не отталкивая его от себя, тем самым признавая свою принадлежность к этому миру. Равно как и свою ответственность за всё происходящее в нём. Всегда признавая крест бед этого мира – твой крест. Именно такое качество отличало многолетно выдающихся русских писателей, деятелей науки, искусства и культуры. Они всегда были в меньшинстве. Не потому, что их было мало, а потому, что интеллигенция численно всегда меньшая часть общества, тем ответственнее её деяния.

Журнал «Сельская молодёжь» проповедовал эту идею. Возможно, поэтому его неудобность для власти была столь очевидной, что её приходилось принимать как реальность бытия. А значит, вопреки всему находить общий язык с властью. Жизнь продолжается, а потому надо уметь жить и учить этому умению своих читателей. Только так возможно превратить своё меньшее в нечто большее.

И что бесспорно, авторы журнала помогали нам это делать. Автор ищет в журнале единомышленников, то же самое обретает журнал в поиске авторов. Я никогда не публиковался в собственном журнале. Это было мое правило. Для других сотрудников подобного запрета не существовало. В качестве сотрудников – заведующих отделами, работников секретариата, литсотрудников – я подбирал прежде всего талантливых людей, многие из них вошли в литературу, значимую публицистику не как сотрудники журнала, а как его авторы. Такой была судьба Евгения Лучковского, Сергея Макарова, Елены Токаре-вой, Виктора Ярошенко, Вадима Черняка, Станислава Романовского, Олега Новопокровского.

Сейчас, спустя пятьдесят лет, перелистываю журнал и испытываю чувство шока – начинаю читать и ловлю себя на мысли, что не могу оторваться. Бесспорно, мир изменился, но такого очевидного откровения в оценках неумелости изменить мир тех, кто правил страной и на это претендовал, я не так часто встречаю сейчас. А ведь это были шестидесятые вплоть до девяностых годов. Я уже не помню точно: меня то ли три, то ли четыре раза пытались освободить от должности главного

редактора. Но всякий раз замысел тех, кто на этом настаивал, заканчивался провалом.

Властность происходящему придавала одна непохожесть. На моём отстранении настаивала власть, и причиной тому была не деградация издания, утрата интереса к нему. Власть не устраивало полное отсутствие холопства, самостоятельность позиции главного редактора. Но алогичность ситуации была в другом – инициатором моего отстранения всегда была власть, и несогласие с моим отстранением высказывала значимая часть всё той же власти. Удовлетворённость случившимся всегда была временной, я ждал новой атаки на журнал. Во время одной из поездок в Германию, оказавшись в Баварии, я взял интервью у Франца Штрауса – главы Баварии.

В силу исторических корней Бавария и Мюнхен числились как начало восхождения Гитлера, и в советском политическом бомонде отношение к Штраусу было настороженным. Появление его интервью в советской печати в одном из популярных массовых журналов явилось неким нонсенсом в брежневские времена.

Штраус был мудрым политиком и произвёл на меня очень сильное впечатление. Я помню его слова, поразившие меня: «Советский автопром начался с немецких машин. С тех пор прошло много лет, но это не значит, что об этом надо забыть. Немецкое автостроение и земли Баварии могут стать второй эпохой в наших совместных проектах». Я в тот момент находился под сильным впечатлением после посещения центра по производству легковых машин марки BMW в Мюнхене. А это была середина шестидесятых годов[2].

Я помню реакцию одного высокорангового чиновника из ЦК КПСС: «А вы что, уже фашистов печатаете?» Был шанс раздуть вокруг журнала очередной скандал. Но за нас вступился МИД, там с удовольствием приняли этот материал. Так что шанс погружения Попцова в историю «фашизма» был упущен.

Бесспорно, редакция «Сельской молодёжи» была сплочённой командой единомышленников, но я, в силу своего характера, всё время оказывался на виду, и как сказал один мой знакомый: «Ты всё время подставляешь ребят. Конечно, на кону твоя судьба, как редактора, как писателя, политика, но ребята-то здесь при чём?» Этот вопрос не давал мне покоя всю мою жизнь. Где бы я ни работал, начиная с избрания секретарём комитета комсомола Лесотехнической академии, затем Ленинградский обком комсомола, сначала инструктор студенческого, затем первый секретарь обкома комсомола, затем ЦК ВЛКСМ, далее шаг в сторону за пределы политического поля – главный редактор

общественно-политического литературно-художественного журнала «Сельская молодёжь», затем первый заместитель главного редактора Егора Яковлева в газете «Московские новости», затем, в 1991 году, депутат первого Российского парламента после распада СССР. Затем создатель и председатель первой всероссийской телерадиокомпании, затем создание издательского холдинга «Пушкинская площадь». Далее приглашение мэра Москвы Ю. М. Лужкова возглавить московскую телекомпанию ТВЦ. У меня с моими коллегами появился замысел расшифровать этот логотип – телевидение вечных ценностей.

Я постепенно стал его претворять, приближая понятие «вечных» к мироощущениям обычных людей. Это, прежде всего, осмысленный и значимый труд, твой лично, людей окружающих. Честность – как дорожная карта бытия. Потому как лукавство – это, по сути, тиражирование лжи, а значит зла. Любовь, преданность, порядочность. Вывод на телевизионный экран людей, способных излучать эту сущность.

Мы не замечаем, что мы создаём сегодня свой русский капитализм, не очень похожий на капитализм западный, который с невероятной лёгкостью поглотил наши изъяны и пороки: воровство, лень, лживость. Видимо, потому и создатели этого феномена не испытывают чувства стыда, когда, сохраняя улыбку на лице, называют сотворённое вороватым капитализмом.

Благослови меня, Господи!

Твоя жизнь – это дорога, дарованная тебе Богом. А как ты её одолеешь – это уже твоя проблема. До какого-то времени ты не замечаешь свой возраст, как и не ощущаешь скорости, с какой несётся вместе с тобой дарованное тебе время. Возможно, только после шестидесяти ты вздрагиваешь и с недоумением, похожим на испуг, произносишь: «Боже мой, мне уже шестьдесят». И с этого момента ты начинаешь ощущать скорость уходящего времени. И не болезни тому причиной, которых раньше вроде не было. Нет, я не прав, они были, я не считал их болезнями, хотя за свою жизнь трижды оказывался в больницах: по причине воспаления лёгких, удаления аппендицита и ишемической болезни. В наборе болезней ещё была язва двенадцатиперстной кишки, аденома простаты, перелом локтевого сустава и, как финал, когда мне было крепко за семьдесят, злокачественная меланома. Но все эти болезни не приносили мне ощущения старости. Я по-прежнему много работал и ушёл на пенсию в возрасте 79 лет после конфликта.

В ту пору я занимал пост генерального директора полиграфического комплекса «Пушкинская площадь», который создавал с нуля. И там всё вдруг переменилось. Правительство Москвы контрольный пакет акций уступило Банку Москвы. Банк Москвы резко меняет свою тактику – уже в качестве владельца контрольного пакета акций. Правительство Москвы перестаёт практически, как было раньше, ежегодно выделять деньги сначала на создание, а затем развитие нового предприятия. Я построил самый современный полиграфический комплекс не только в Москве, но и на территории России. И всё опять было создано с нуля. Затем отставка Юрия Лужкова с поста мэра Москвы по причине выражения недоверия к нему президентом Медведевым. Увы, такая абсурдная статья в российской конституции существует. Путин, который в это время был премьером, не вмешался и не остановил эту бредомуть, хотя сам, по крайней мере внешне, относился у Лужкову позитивно.

Почему Путин этого не сделал, хотя понимал всю абсурдность амбициозного решения Медведева, – это уже другая история. Но все не лишённые драматичности события случились.

К этому времени я уже проработал с Лужковым порядка тринадцати лет, из них семь возглавляя ТВЦ – Московский телевизионный канал, а затем полиграфический комплекс «Пушкинская площадь» в качестве генерального директора ещё шесть лет. С уходом Лужкова все проекты, соучастником и

инициатором которых он был, а ТВЦ и «Пушкинская площадь» были именно такими проектами, пошли по нисходящей. Новая власть старалась от них избавиться. Не буду вдаваться в детали – как я уходил, почему я уходил. Оказавшись на свободе, вне функции генерального директора того или иного предприятия, я понял, что затевать новый проект в возрасте 80 лет не совсем разумно, хотя я, бесспорно, мог это сделать, но найти союзников в изменившейся ситуации было непросто. И самое главное, помимо всех профессиональных значимых постов, которые я занимал, я был писателем.

Будучи на своих постах и как создатель Российского телевидения и радио – компании ВГТРК, и как создатель издательского комплекса «Пушкинская площадь», а затем полиграфического комплекса, а ранее как депутат российского парламента в 90-е годы, понимая, что меня начинает захватывать и переманивать политика, я понимал, что спасение в писательском кредо. И за эти годы, сумасшедшие годы: сначала лихие девяностые, оказавшись в эпицентре тех политических событий, а затем путинская эпоха, пропитанная политическим борением, но теперь уже не с младореформаторами, а наследниками их курса неолиберализма, я написал и издал три книги, ставшие по-своему летописью этих непростых событий на правах их свидетеля, но в большей мере участника их: «Хроника времен „царя Бориса“», «Тревожные сны царской свиты», «Аншлаг в Кремле. Свободных президентских мест нет».

По своей сути я – прозаик, и моё прежнее писательство – одиннадцать изданных книг – это романы, повести, рассказы. И вдруг политика. Бесспорно, она меня научила думать, анализировать, свидетельствовать, но очень важно, чтобы она не разучила меня писать. Но это уже решать моим читателям.

И всё-таки, возвращаясь к мысли, что встревожило меня в уходящем стремительно времени – моя память, которая уходит быстрее, чем само время. В день своего юбилея я словно очнулся и понял – сейчас или никогда. Я обязан написать книгу жизни, обязан. Жизнь была непростой и противоречивой, и название книги родилось «Жизнь вопреки». Вот так! Всё на самом деле так и было. Вопреки привычному, логичному, с первых шагов самостоятельной жизни. Не знаю, прав ли я, но когда вы пишете воспоминания, начинайте с самого близкого, то, что помните лучше всего, иначе, при погружении в отдалённое, близлежащее начнёт удаляться с невероятной скоростью.

Поэтому о телевидении. Оно забрало у меня четырнадцать лет жизни. Здесь надо уточнить – семь из них телевидение и радио, а следующие семь – только телевидение. Первые

российские выборы я работал в «Московских новостях» у Егора Яковлева на посту первого заместителя главного редактора. Это девяностый год. Я перешёл туда из журнала «Сельская молодёжь», в котором на посту главного редактора отработал 24 года. Политическая жизнь кипит. Очередной съезд народных депутатов СССР. Отмена шестой статьи конституции, по сути, конец главенствующей роли КПСС. Избрание Горбачёва на съезде первым президентом СССР. Появление на политической арене Бориса Ельцина. Начало распада СССР.

Отмена шестой статьи внешне теми, кто не был членом КПСС, была принята на «ура». Эра партийной диктатуры и всесилия КПСС кончилась. Определяющей и направляющей, как числилась КПСС, больше нет. Партия осталась, но функциональная значимость ушла в никуда. Что дальше? Дальше торжество стихийной свободы. «Что хочу – то и ворочу». Начинается партийный хаос, а точнее, партийная самодеятельность.

Партии возникают как грибы после дождя. Их создатели – политики, не вписавшиеся в прежнюю структуру. Желание стать властью стало едва ли не массовым явлением. Это, пожалуй, самый драматический момент в жизни ещё недавнего великого государства – Советского Союза. Начинается распад СССР. Первый сигнал раздаётся из прибалтийских республик, они заявляют о выходе из состава СССР. Как ответ на этот шаг Прибалтики – референдум в России, два вопроса: вы «за» существование СССР или против? Большинство россиян высказываются «за» сохранение Союза Советских Социалистических Республик. Но почти одновременно на съезде народных депутатов России принимается декларация о политическом суверенитете России при сохранении своего присутствия в составе СССР, давая свою интерпретацию прежнему Союзу как Союзу независимых государств, в котором признаётся верховенство законов независимых государств над законами Союза.

Шаг, подобный России, сделали все бывшие республики. СССР перестал существовать. На смену ему придёт СНГ – Союз независимых государств, ничего общего с СССР не имеющий. В этом демократическом хаосе прошли выборы нового депутатского корпуса России, именуемого на первых порах «Верховный совет России». Я принял решение принять участие в этих выборах и проходил по списку Демократической России.

В каком округе избираться – будущий депутат решал сам. У меня были очевидные шансы избираться как минимум в пяти округах: три городских и два округа Московской области. К тому времени я был уже довольно известным человеком, известность

подарили мне 24 года моего редакторства в журнале «Сельская молодёжь», ставшем за это время одним из самых популярных изданий. Это были годы непрекращающейся борьбы журнала за свою политическую независимость. Моя цель, как главного редактора всесоюзного общественно-политического литературного журнала, была очевидной – сохранить роль объективной, здравой оппозиции, не имеющей ничего общего с оппозицией непримиримой. Суть этой оппозиционности была проста и сложна одновременно – «говорить правду» и свои действия и замыслы вершить во имя торжества правды. Слышу возражения: но каждый правду понимает по-своему.

Да, это так. Но конструктивная оппозиция не изобретает правду, а отстаивает правду абсолютной реальности, которая и есть пространство проживания большинства народа. Потому что именно это большинство страдает от беспредела коррупции, безграмотного управления страной, сотворяющего ужасающий мир абсурдных реформ, каждая из которых в итоге кончается провалом. Что есть следствие агрессивности и некомпетентности мира управляющих страной. В этом не хочется признаваться, но, увы, это так.

Практически ни одна из реформ нашего времени не дала ожидаемого результата. Курс на модернизацию объявлен? Да. Каков результат? Где он? Нам необходима индустриализация, должная обозначить рывок в развитии страны. Где эта программа? И реальный отчёт об её исполнении. Нам нужна индустриализация сельского хозяйства! Кто бы возражал. Это идея бывшего министра сельского хозяйства. Фёдоров нёс её как знамя над головой. Ну и что? Где результаты? Где дорожная карта этой индустриализации?

Говорят, надежда умирает последней. Да, именно так. Но есть большая опасность перспективы нашего развития – оказаться на кладбище надежд. По крайней мере наличествует одна радость – есть что хоронить.

А реформа нашей медицины, той самой, что в советские времена была гордостью страны? Сегодня общепризнанно, что проведённые реформы положили нашу медицину на лопатки. То же самое произошло и с системой образования, которое в советские времена так же, как и медицина, было гордостью страны.

Нельзя умолчать о безумной реформе Академии наук. Термин «безумная» она получила с первых минут её объявления. Почему? Потому что «пацаны» решили реформировать самое значимое историческое завоевание России – её науку, ибо во все времена она была великой. Инициаторов реформы возмутило – с

какой стати академия владеет такой собственностью? почему члены Академии наук столь великовозрастны? почему сокращается количество открытий? У этой фразы есть продолжение… Науку реформируют люди, не понимающие, что такое наука. Любопытный тезис так называемых реформаторов – Академия наук нуждается в омоложении. Есть утверждение великих, не помню, кому точно принадлежат эти слова, Тимирязеву или Вавилову? «Истинным учёным человек становится только после пятидесяти. А шестьдесят, семьдесят лет для учёного – возраст расцвета». Вот так, господа реформаторы. И изгонять директоров научных институтов после шестидесяти лет могут только идиоты, и как мне кажется, в нынешней системе управления они в избытке.

Задача конструктивной оппозиции – остановить творящийся абсурд в системе управления страной. Именно по этой причине существование конструктивной оппозиции социально значимо. Тогда, в начале девяностых, в политической жизни был хаотичный этап становления, рождения норм её существования. Разруливались общественные потоки – кто с кем, кто против кого.

Рудимент рядом стоящей КПСС, переаттестованной в КПРФ, олицетворял неприкасаемую оппозицию в лице нового режима. Она полностью заполнила нишу основополагающей оппозиции. Именно основополагающей, стоящей на страже прежних политических основ социалистического государства, которое распалось. Все остальные виды оппозиционности рождались заново, объединяя разные слои общества, поэтому они были несопоставимы по численности с многолетней КПСС. Авторитет новых партий опирался на авторитет новых лидеров, а знаковых фигур среди них, которые готовы были возглавить новые партии, до этого никому неизвестные, были единицы. Создатель новой партии может быть продуктивным, когда для автора проект становится делом его жизни.

В девяностые годы, именуемые эпохой младореформаторов, к власти пришли… рискну использовать афоризм, рождённый Виталием Игнатенко, в то время возглавляющим ИТАР ТАСС: «К власти пришли люди с высшим, но без среднего образования». Появилось некое общее объединяющее понятие. Демократы и младореформаторы стали определённым флагом этого движения. Они создавали власть, и оказавшийся во главе страны Борис Ельцин не был лидером какой-либо партии. Его сделало главой государства некое лишённое партийной конструкции движение демократической России. Я, кстати, тоже входил в это движение. Так и случилось – в 90-х сначала появилась власть, а уже потом, как грибы после дождя, стали появляться партии, претендующие

впоследствии на эту самую власть, но не имевшие ранее к ней никакого отношения.

Одной из первых была ЛДПР, она появилась ещё в пору Горбачёва. Именно в этот момент Жириновский оказался в сетях политики, но так или иначе, в отличие от других персоналий, крутящихся в политическом водовороте, он создал партию ЛДПР. Она оказалась одной из первых в числе партий новой эпохи для России. Эпохи начала нового российского капитализма.

Первый российский парламент стал таковым в результате самых свободных демократических выборов, практически внесистемных, системы как таковой ещё не было, и только после выборов внутри парламента стали образовываться партийные фракции. Пришло понимание, что лучшей структуры создания парламента, как на основе фракций, представляющих в парламенте ту или иную партию, не существует. Поэтому пошли по этому пути. Зачем изобретать велосипед, когда существует мировая практика создания парламентов в демократических государствах Европы и не только.

Однопартийная система у нас уже была. КПСС существовала как диктатурная партия. Да, выдающаяся, держащая в своих руках управление громадной страной, но диктатурная. Иных партийных игроков на территории СССР не было. Таких проблем, как межпартийные конфликты, в СССР не существовало. В России с начала 90-х всё сотворили с нуля.

Парламент тем не менее был создан, бесспорно, он был по сути продуктом стихийности, каких-то сложившихся управленческих взглядов не было. Я помню, как после первого заседания российского парламента, именуемого в тот момент Верховным советом России, я вышел в фойе. В то время в журналистских кругах я был человеком известным, и ко мне бросились мои коллеги, интересуясь моим мнением о парламенте. Мой ответ привёл в ярость демократов, тем более что я числился в их кругах. Я сказал, что первый раз вижу собравшихся в одном месте и в одно время такое количество некомпетентных людей. Это было действительно так. Судя по вопросам, задаваемым в зале, как и ответам на них, масштабы непонимающих и незнающих были невероятными. Трудно было представить, что людям предписано управлять страной, создавать законы, по которым этой стране придётся жить. Но получилось то, что получилось.

Люди с мощной школой советского управления, не принявшие идею массовой приватизации, оказались не нужны. Младореформаторы не понимали, какой сокрушительный удар они наносили системе, которую хотят построить. Они обрекли её

на кадровый голод и нашествие непрофессионалов. Я видел это и понимал, что происходит, и, оказавшись в круговороте событий, мне следовало самому себе ответить на вопрос: чего ты хочешь? Где и в каком качестве видишь себя в этом малопонятном мире? Будучи убеждённым демократом и сторонником перемен в новой России, я понимал, что первое, что следовало создавать, это как профессиональную, так и интеллектуальную среду новой власти. Ибо и то, и другое в ней отсутствовало. Незнание жизни во властных структурах было вопиющим.

Во власти образование и жизненный опыт – две равные составляющие, отсутствие одной из них делает руководителя любого уровня неполноценным. Но для того, чтобы решать проблему интеллектуального окружения высокой власти, надо самому быть значимым для неё.

В российском парламенте я числился заместителем зампредседателя комитета по СМИ. Это было логично – у меня был громадный опыт редакторской работы на посту главного редактора всесоюзного журнала. Затем я перешёл в «Московские новости» к Егору Яковлеву в качестве первого заместителя. Эта газеты была бесспорно чисто политической и едва ли не самой авторитетной в политических кругах в начале 90-х. Время стремительно менялось, и демократия 90-х, не имеющая никаких организационных ограничений, превратилась в среду обитания по принципу «что хочу, то и ворочу».

Цензура как таковая перестала существовать, и в этих условиях газеты, журналы, издательские холдинги возникали стихийно. Всё это следовало принимать как реальность, но в мире свободы без границ начинала брать верх вакханалия. Поэтому надо было вырабатывать новые правила игры, а проще говоря, навести элементарный порядок в мире СМИ. Неприятие новой властью, а точнее, отторжение советского прошлого по принципу «всё, что угодно, но только не так, как в советское время» породило массу глупостей и опрометчивых шагов. Мне памятны слова Сокурова, прекрасного кинодокументалиста, произнесённые им много позже, когда сотворённый младореформаторами развал экономики страны стал очевидным: «Театр начинается с вешалки. А партия – со средств массовой информации, которые она создает, как рупор своих идей, газет и журналов».

И гигантская плеяда изданий ЦК КПСС, и аналогичные холдинги, созданные ЦК ВЛКСМ. Профсоюз, по сути, сотворил мир выдающихся, самых популярных изданий, таких как газета «Правда», «Известия» с их аналогами во всех областях и республиках страны, как и журналов; да, они решали

идеологические вопросы, но затем динамично расширяли свой тематический мир. В этом смысле буквально выдающийся газетно-журнальный мир создало ЦК ВЛКСМ: «Комсомольская правда», журналы «Смена», «Сельская молодёжь», «Вокруг света», «Техника молодёжи», «Комсомольская жизнь», «Молодой коммунист», «Студенческий меридиан», а рядом детские издания – «Пионерская правда», «Мурзилка», всех и не перечислить.

Интересно одно наблюдение – нынешние партии: «Единая Россия», «ЛДПР», «Справедливая Россия», «КПРФ» не создали ни одного партийного издания. О коммунистах говорить не будем – у них остался шлейф прошлого, та же «Правда» с малозначимым тиражом. «Известия» бежали из партийного лагеря, но сохранились, как газета, ничего общего со значимостью прошлых «Известий» не имеющая. Просто ещё одно коммерческое современное издание по принципу «главное – деньги». А поэтому рекламы государственных изданий больше нет, как и правительственных и президентских. Всё в руках властных структур.

Хочешь создать журнал, газету, холдинг – пожалуйста. Если есть деньги – можно всё. Сейчас, с появлением интернета, этот процесс замедлился, но всё равно изданий тьма, как форма зарабатывания денег, многие как удовлетворение амбиций владельца. С такой же лёгкостью они закрываются, как правило, в силу неокупаемости и проигрыша конкуренции похожим изданиям.

Главное иметь начальный капитал, который позволяет собрать команду и создать издание, либо холдинг, выпускающий несколько изданий. Начало популярности создают деньги владельца, их не надо жалеть. Они окупятся рекламой. Однако реклама на страницах изданий, и на телевизионных экранах, и в радиоэфире стоит дорого. И если реклама на страницах издания – это заработок издания, то реклама журнала или газеты на телевидении – это заработок телевидения; чтобы оправдать себя – эта реклама должна быть долгоиграющей. Увы, но это получается не всегда, у владельца должен быть запас прочности. Отдача от вложенных в проект денег возвращается не сразу, поэтому и лопаются издания, как мыльные пузыри. На плаву остаются умеющие и успешные, но это не есть подтверждение их смысловой значимости. Как минимум 60 % площадей занимает реклама.

Это достаточно скучные размышления, не вызывающие интереса у читателей. Они интересны профессионалам. Все массовые и значимые издания: «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Независимая

газета», газета «Коммерсант», «Московский комсомолец», «Литературная газета», как и открыто оппозиционная «Новая газета», стараются любыми способами удержать значимый тираж. И для издания не важно, будет ли это очередной скандал, деньги олигарха, лидера криминального мира, бывает и такое. Всегда есть оправдание – жить-то надо.

Газеты устраиваются поудобнее, многие из них не платят деньги авторам. Такого раньше не было никогда. Более того, многие политологи и просто профессиональные неглупые люди платят газетам за свои публикации. Лично для меня было шоком, когда газета, в которой я печатаюсь уже более тридцати лет, сообщила мне, что она не оплачивает публикации. «Это не нам, а вам нужна известность, – дают понять сотрудники редакции. – А платить мы не собираемся».

Странно, что год литературы, проходящий ныне в нашей стране, не затрагивает главную тему; устроили книжную ярмарку на Красной площади, заговорили о недопустимости потери книги как норматива образования, о необходимости сохранить библиотеки, вспоминали и литературные музеи, о домах-музеях наших писателей, начиная с Пушкина, Лермонтова… Всё так! Возможно, ещё впереди встреча президента с писателями… вы говорите, их не унижают. Но не говорят о главном. А на что жить писателям, для которых их труд – единственный заработок?

Я вспоминал советское время, когда я становился писателем. Моя первая книга имела тираж 50 000, по тем временам сверхскромно, но это была книга начинающего писателя, никому не известного. А уже потом, при обретении известности, минимальный тираж моих книг был 120 тыс. экземпляров. Тираж в определённой степени влиял и на размер гонорара.

Сейчас, посмотрев на последние страницы своих собственных книг, известных и популярных, я вздрагиваю – тираж 2 тыс., в лучшем случае – 3 тыс. Книга, над которой я работал три года, оплачивается суммой в 300 тыс. рублей, – половиной от месячной зарплаты депутата.

Все литературные журналы: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь» имеют смехотворные тиражи и смехотворные авторские выплаты. На труд писателя попросту плюют. Где искать защиту?

В Союзе писателей, членом которого ты являешься. Но Союз утратил по значимости свое общественное влияние, как и Союз художников, и Союз театральных деятелей. Сохранились вывески, а по сути, утратили эту самую значимость и за пределами своего творческого мира стали ничем. В лучшем случае могут собрать творчески уважаемых членов сообщества – вот и всё. Ушли в никуда дома творчества, как центры, излучающие энергетику?

Нет, они остались как дома, как здания: Дом кино, Дом литераторов – нечто вроде памятника российской литературе. И слова «Поэт в России больше, чем поэт» выглядят в современной России как плакат, приглашающий на сатирическое шоу.

Почему стало намного меньше писателей, чем ранее? Виноват интернет? Отчасти. Главенствующая причина в другом. В современных условиях писательский труд обрекает на нищенское существование, ему нельзя отдавать жизнь. Бесспорно, неплохо живут сочинители детективов, но некая детективная массовость способствует вырождению жанра. Сравниться с классикой Конан Дойля, с Юлианом Семёновым нынешнему думскому десанту, высадившемуся на аэродроме детектива, не под силу. Бандитский мир набирает силу, как и коррупция, рождённая им или ему способствующая, а писатель отходит в сторону, не желает рисковать. Потому как полиция в наши времена бережёт по выбору.

Этот шаг в сторону несколько нарушил биографичность моего повествования. Итак, возвращаясь в начало девяностых, как член парламентского комитета по СМИ, я настаивал на скорейшем принятии закона о СМИ, потому что, будучи профессионалом, понимал – демократия, в которую мы окунались, была скорее эмоциональной средой, нежели рациональным механизмом. У неё у самой не было нормативов существования, а без этих нормативов демократия всегда порождение той самой свободы, которая порождает хаос.

Схватки вокруг закона были немалые. Главная задача – отстоять «свободу слова» и заложить в законе основы этой свободы. Немалую роль в написании закона сыграл Федотов: будучи юристом, он отработал юридический концепт закона, иначе говоря, его защитную зону. Сейчас, спустя много лет, я могу сказать, что это был лучший закон, принятый российским парламентом. Он работает и по сей день, несмотря на бесконечные атаки на него. Почему? Потому что это ключевой закон развития нового государства, новой России. Он действительно защитил свободу слова.

* * *

Жизнь меняется, и отстоять свои позиции закону о СМИ было не так просто, ибо посягательств на изменение закона и даже оголтелых идей о его отмене под девизом «нужен новый закон», исходящих от наших депутатов, как говорят, было более чем. Есть золотое правило в системе управления – никогда не

реформируйте то, то работает. К закону о СМИ эти слова относятся в полной мере. И мнение его создателей Михаила Федотова и Юрия Батурина правомерно: «Лучшее, что можно сделать с законом о СМИ, это его не трогать». Закон о СМИ отметил своё 25-летие.

Что не учёл закон, ибо во времена его принятия хаотичный процесс создания новых СМИ, был, как говорится, на пике, и только спустя 6–7 лет пришло некое прозрение. Считалось, что угрозой свободы слова были государственные СМИ, ибо наличие в лице учредителя государства – это фактор возможности повседневного давления на редакционный коллектив, на издательскую политику. Но жизнь оказалась сложнее. Роль учредителя в повсеместном большинстве занял владелец, иначе говоря, в игру вошёл частник из бизнеса. Контролировать деятельность частного владельца, а одновременно учредителя, проще говоря, заставить его следовать нормам закона, гораздо труднее. Владелец начинает действовать, согласуясь со своими интересами. Эта газета – моя собственность, и вы, начальники, чиновники, мне не указ. Я «свободу слова» понимаю, как свободу моих действий. Точка.

Мир критикующих власть стал кратно более многочисленным, и так же, как и кратно, менее предсказуемым. Такова была реальность испытаний, выпавших на долю «свободы слова».

Мой редакторский путь, начавшийся в начале шестидесятых, в течение более двадцати четырёх лет был дорогой борьбой за свободу слова в атмосфере политической жизни, когда такого понятия, как «свобода слова», не было. Были нормативы партии, трактующие права и обязанности печати, в которых соблюдение установок и нормативов партии считалось превыше всего. Именно в среде этих нормативов надо было отстоять правду жизни, иначе говоря, свободу того слова, которое защищает эту правду. И доказывать это надо было не кому-нибудь, а центральной цензуре.

По большому счёту, это была великая школа, когда в течение 24 лет каждый месяц ты как минимум два часа проводишь в центральной цензуре, отстаивая очередной номер журнала. Я часто задаю себе вопрос: почему они меня терпели? Ну, сказать, что эти люди были безучастны и каких-либо чисто человеческих отношений между нами не было? Это не так. Были конфликты, жалобы в ЦК КПСС, но это были, скорее, случайные вспышки, когда появлялись совершенно новые люди, которым следовало пройти период привыкания. Это было непростое время, и для тех, кто приступил к работе цензора, ну и, конечно, для меня –

своеобразное время нового испытания.

Я сам себе говорил – ничего не поделаешь, надо терпеть. И все двадцать четыре года я терпел. Но и они меня терпели – люди в высоких коридорах власти. Общаясь с цензурой многолетно, как и с высокими партийными чиновниками, ибо первое порождение второго, я понял, что где-то внутренне они мне симпатизировали и моя позиция отстаивания правды многим из них была близка. Но номенклатурные обязанности диктовали другие нормы отношений и поведения, и они были обязаны их выполнять. По этому поводу я шутил: «Вешать не будем, но виселицу поставим».

Согласитесь, это ведь редкость, когда тебя, главного редактора журнала, который своей позицией доставляет массу неудобств и неприятностей цензуре, главный цензор поздравляет с днём рождения. Общение с главным цензором Солодиным стало для меня, по сути, школой жизни. Он мог сказать после пререканий по поводу очередной повести Виктора Астафьева, Василия Белова, стихов Булата Окуджавы или Давида Самойлова:

– Ты не понимаешь, кто над нами, там, наверху, – при этом вскидывал правую руку и указательным пальцем показывал в потолок.

– Понимаю, – отвечал я.

– Тогда почему упираешься?!

– Жизнь такая, правду надо спасать.

– Ой, спаситель ты наш!

Они знали всё: и неоднозначное отношение ко мне лично Михаила Андреевича Суслова, и постоянные накаты на журнал на совещаниях в отделе пропаганды ЦК КПСС, которые проходили один раз в две недели. Кстати, на этих совещаниях присутствовали непременно руководители цензуры, которым предписывалось сверять политику журналов и газет с генеральным курсом партии.

Уже позже, оказавшись в центре событий конца восьмидесятых и начала девяностых, я продолжил недоумевать – как мне удалось выстоять. Тем более что редакторскую стезю я выбрал сам.

В ЦК КПСС работали разные люди. Бесспорно, чрезвычайное давление на них оказывала ЦКовская функциональность, но при всём этом они понимали, что мы, редакторский мир, среда реальной жизни, отражение которой для них пагубно. В их понимании мы были чиновниками, разумеется, другими, но всё-таки чиновниками, и именно мы будем рассказывать своим коллегам, что такое ЦК КПСС, мы будем создавать их образ либо как матёрых формалистов и послушников высшей власти, либо людей, умеющих слушать и слышать. Один сотрудник ЦК КПСС,

руководитель среднего звена аппарата ЦК, как-то сказал мне: «Не надо путать ЦК КПСС с КГБ. КГБ – закрытая организация, а ЦК КПСС не имеет права быть таковой». У меня много знакомых из этого мира, в них есть похожесть, но одинаковости среди людей, занявших знаковый пост, не было.

Сейчас, в 2017 году, мы переживаем новый этап внутриведомственных битв, но об этом чуть позже. Вернёмся на 25 лет назад, в начало 90-х. «Вы что, вообще не хотите нам помочь?» Драматические дни, распад Советского Союза. Президент страны М. С. Горбачёв подаёт в отставку. Началом распада стал демарш прибалтийских республик, которые в качестве первых покидают Советский Союз и становятся независимыми государствами. Россия проводит референдум, в бюллетенях два вопроса: вы за сохранение СССР или против? Более 70 % граждан России высказываются за сохранение союза. Но процесс уже пошёл. Россия принимает декларацию о суверенитете, при этом оставаясь в составе СССР. Эта позиция подтверждена, как уже было сказано, референдумом, на котором большинство граждан России проголосовало за сохранение СССР. Беловежские соглашения, принятые в лихие 90-е, поставили точку. Больше страны под названием СССР не существует, на смену ей появляется новый политический бренд СНГ – Союз Независимых Государств. Двери для вступления в новый союз открыты. Если первое образование СССР имело масштаб исторической обязательности, то в новом образовании ничего подобного – относительная доброжелательность была, но цементирующих обязанностей не было. В составе СССР республики имели свою квоту и независимость в рамках норм советских и социалистических, потому как все остальные были Советскими Социалистическими республиками. В случае СНГ социальный строй, единство политических идей в концепции нового союза не рассматривались. Это был союз независимых государств. Ранее одно государство СССР превратилось в неополитическую субстанцию, сохранившую умозрительную идею советского характера. «СССР больше не существует, но дело его живёт».

«Так ли это, покажет время», – думали мы тогда. Но как оправдание перед историей СССР это был шанс разрушителей СССР таковыми себя не считать. Правомерен ли был этот шаг? Скорее да, нежели нет. Была создана некая зона привыкания к новым обстоятельствам, и вот в этой ситуации рождалась новая Россия. Россия капиталистическая, по образцу капитализма 90-х годов. Естественно, что смысл у всех законов, принимаемых новым российским парламентом, блек. Кто-то считал изъяном,

кто-то благом похожесть на советские законы. Иначе говоря, перед нами стояла сверхсложная задача: как, отрешившись от социалистических принципов, построить социально-справедливое государство, доверие к социальным принципам которой в целом у населения страны было бы полнообъёмным, не идеальным, нет, но полнообъёмным. Вряд ли кто-то из нас, я имею в виду людей здравых, будучи коммунистами, могли себе представить, что на новом этапе развития страны им придётся участвовать в строительстве капитализма в той самой сверхсоциалистической ранее России.

В чём была главная сложность 90-х годов – торжество политической самодеятельности, желание противостоять, как и незнание и неумение? Возможно, в силу своего политического опыта, а в 1990-м году мне было 56 лет, и довольно насыщенного политикой моего личного прошлого я лучше других понимал ситуацию, в которой мы оказались. Тем более что сам я проповедовал идею конструктивной оппозиции. Вот в такой ситуации нам с моими коллегами, а точнее командой, пришлось создавать новое российское телевидение и радио.

Среди депутатов российского парламента первого созыва я оказался едва ли не единственным, кто разбирался в системе СМИ досконально. К тому времени у меня за спиной был многолетний редакторский опыт в создании всесоюзного журнала «Сельская молодёжь». Затем, едва ли не с нуля работая первым заместителем главного редактора «Московских новостей», я создал издательский холдинг «Пушкинская площадь», но и, бесспорно, постоянная активность как заместителя председателя парламентского комитета по СМИ.

Я инициировал идею создания российского телевидения и радио, чего ранее не было и в помине, высказал точку зрения о необходимости отхода с привычной модели государственного телевидения и радио, предлагая перевести их в иной режим существования, как самостоятельные радиотелевизионные компании, что позволит создать полноценный режим конкуренции как телевизионного, так и радийного мира. За время моей работы в парламенте России, именуемом в ту пору Верховным советом России, мне было сделано несколько предложений руководством страны ещё в лице Бориса Ельцина. Мне было предложено стать пресс-секретарём Ельцина, с широкими полномочиями, стать, по сути, руководителем мира СМИ, сосредоточенного вокруг президента, осуществлять руководство и президентский контроль за центральными изданиями, газетами, журналами, телевидением и радио, издательствами и холдингами; я отказался.

Затем мне был предложен пост министра печати, в это время его возглавлял мой друг Михаил Полторанин, с которым мы были единомышленниками и придерживались взглядов конструктивной оппозиции, что совершенно и правомерно для печати, которая призвана защищать свободу слова, что едва ли не самое главное из завоеваний демократии. Я снова отказался, тем более что понимал: независимая позиция Полторанина мешает в конфликте Ельцина с парламентом, цель которого – отсечь от президента людей, способных на него влиять вопреки якобы всевластию этого непримиримому президенту парламента. Следующим предложением был пост министра культуры, с этой идеей выступил депутат Басилашвили, актер Петербуржского товстоноговского театра. Я действительно хорошо знал театр и был знаком с Товстоноговым, всё было логично, так как я вырос в театральной семье. Тем не менее предложение было для меня достаточно неожиданное, и я опять отказался. Во время одного из моих визитов, как депутата, к Ельцину в кабинете оказался Руцкой. Тогда была толчея вокруг поста министра иностранных дел. Неожиданно Руцкой вмешивается в наш разговор и произносит тираду:

– Вот, мы, Борис Николаевич, никак не можем договориться по поводу министра иностранных дел, так вот он сидит перед вами.

У меня с Руцким были неплохие отношения, и я мог оборвать его, почти не оглядываясь на должность вице-президента:

– Остановись, Саша. Это невозможно, я плохо знаю английский язык.

И тут неожиданно вмешался Ельцин:

– Но вы ведь его изучите?

– Разумеется, изучу, но это не моё предназначение, Борис Николаевич.

А затем, спустя две недели, а может, и больше, я вновь оказываюсь в кабинете Ельцина в связи с идеей создания Российского телевидения и радио. Я, как заместитель парламентского комитета по СМИ, был автором этой идеи. И вдруг Ельцин делает мне предложение возглавить Российскую телерадиокомпанию. Я привычно собираюсь ответить отказом, и тогда Ельцин произносит фразу, которая в полном смысле этого слова сразила меня наповал:

– Вы что, вообще не хотите нам помочь?

Я понял, что президент прижал меня к стене. Отступать некуда, и я согласился.

Вот такая история, никого и ничего рядом, вышел из кабинета Ельцина в пустоту. Ни стола, ни стула, ни кабинета,

помещения как такового, как нет и команды, как и частоты вещания, ничего нет, деньги тоже теоретически только предполагались.

Я смотрю на Ельцина и говорю:

– Борис Николаевич, в революцию, когда назначали комиссаров, как глав нового предполагаемого ведомства, для начала выдавали вновь назначенному кожаную куртку и маузер.

Ельцин смотрит на меня упёртым взглядом и без тени сочувствия на лице отвечает:

– Маузер не обещаю, а о кожанке подумаю.

Вот так всё начиналось.

В ту пору я был первым заместителем известной газеты «Московские новости», которую редактировал Егор Яковлев. Газеты, творившей революционные идеи девяностых и ставшей в те же времена рупором интеллигенции. «Московские новости» устойчиво отстаивали взгляды конструктивной оппозиции, и сам Егор Яковлев был символом этих идей.

Конечно, всё было не так гладко. Егор был в своё время рупором горбачёвских идей, считался человеком Горбачёва и был к нему вхож. В момент появления Горбачёва на политической арене Егор, не задумываясь, примкнул к его команде. Именно поэтому его отношения с Ельциным нельзя назвать идеальными. Я это понимал и был уверен, что Егор без восторга примет моё назначение. Но оно случилось, и я должен был действовать. У этой должностной внезапности была прелюдия.

Где-то за два, а может быть, три дня до этого Ельцин попросил меня провести его пресс-конференцию. Как я уже сказал, я работал тогда первым заместителем Егора Яковлева в «Московских новостях». Я согласился провести пресс-конференцию, хотя ситуация была непростой. Я вёл номер газеты и, естественно, был в типографии. Сделав всю необходимую работу по правке материалов, я подозвал сотрудника, который вместе со мной вёл номер, и сказал, что вынужден срочно уехать и вернусь через полтора часа. «Если из редакции позвонит Егор Яков-лев, – сказал я своему коллеге, – скажешь, что я спустился в типографию, и как только освобожусь – немедленно ему позвоню». Мой коллега послушно ответил: «Понял».

Я прыгнул в машину и помчался на пресс-конференцию. Это была первая встреча с прессой Бориса Ельцина. Дело в том, что пресс-конференции показывало телевидение. Я этого не учёл, но что-либо менять было поздно. А Егор Яковлев в этот момент проводил редакционную планёрку. Где-то в середине планёрки в яковлевский кабинет зашла секретарша. Телевизор стоял в приёмной. Наклонилась к Егору и прошептала:

– Вы тут занимаетесь планёркой, а Олег Максимович проводит пресс-конференцию Бориса Николаевича Ельцина.

– Чушь какая-то, – ответил Яковлев. – Он в типографии, на выпуске номера. Соедините меня с типографией, – сказал он секретарше.

Она набрала типографский номер, и мой коллега на просьбу позвать Попцова ответил:

– Он сейчас говорить не может. Он в типографии.

– Вот видишь, – сказал Яковлев, глядя на секретаршу. – А ты говоришь, проводит пресс-конференцию Ельцина.

Тотчас включили телевизор, но сюжет о пресс-конференции уже прошёл.

– Продолжаем планёрку, – мрачно произнёс Яков-лев, и, подавляя гул любопытства, все заняли свои места.

Объяснить Егору, как и почему я появился на пресс-конференции, было несложно, хотя большой радости мне это не добавляло. Как уже было сказано, Егор Яковлев – это человек Горбачёва, и он не скрывал своих симпатий к нему. Я работал его первым заместителем, но всё равно мы были друзьями, и разрывать со мной отношения Егору было невыгодно. Тем более что он прилагал столько усилий, чтобы переманить меня в свою команду.

В этом демократическом хаосе, а это конец восьмидесятых – начало девяностых, газете непосредственный контакт с высшей властью был не только полезен, но и необходим. Егор понимал, что контакт значим, когда это твой личный контакт, а не контакт через посредника, который, к тому же, твой первый заместитель. По отлаженной кадровой интриге – это очевидный шаг к замене главного редактора на человека, контактирующего с первым лицом в государстве. В данном случае на его заместителя. Это моё предположение, но зная Егора, я был уверен на 100 %, что он рассуждал именно так. Вопрос – как избавиться от Попцова? Лучший вариант, чтобы инициатива об уходе из «Московских новостей» принадлежала самому Попцову.

Так по сути и случилось – состоялась та самая встреча с Ельциным, на которой он мне сделал очередное предложение, на этот раз – возглавить пока не существующую Российскую телерадиокомпанию.

Идея о необходимости создания такой компании принадлежала мне, в то время заместителю парламентского комитета по СМИ. Это был период нащупывания новой системы управления во всех сферах жизни общества. Всевозможные комитеты, комиссии, консультативные советы появлялись как грибы после дождя, формировалось и новое правительство во

главе с Силаевым, бывшим вице-премьером союзного правительства. Так я оказался в этом круговороте.

Встреча с Ельциным по кадровым вопросам была не первой. Рискну повториться – мне было сделано несколько предложений. Первое – это возглавить пресс-службу президента и создать некое контактное поле президента со всеми СМИ. Я отказался. Затем мне предлагали пост министра печати, который в ту пору возглавлял Михаил Полторанин. У него обозначились трения с Ельциным, и тотчас царские послушники стали выдавливать Полторанина из ельцинского окружения. Мы были с Полтораниным друзьями, и моя реакция на предложение была отрицательной. Затем возникла ещё одна идея, ее вбросил Олег Басилашвили, который, как и я, был депутатом парламента. Басилашвили предложил мою кандидатуру на пост министра культуры. Да, я хорошо знал театр, я вырос в театральной семье, я был писателем, и, естественно, мир культуры был мне близок, но это совсем не значит, что стать главным бюрократом в этом мире было целью моей жизни. Короче, я снова отказался.

И тогда возникла эта идея с созданием Российской телерадиокомпании, и, видимо, потому, что автором идеи был я, это подтолкнуло того же Михаила Полторанина, как министра печати, и Беллу Куркову, как депутата парламента, предложить Ельцину мою кандидатуру на пост председателя будущей Российской телерадиокомпании. Самое интересное, что во всех случаях никто со мной не советовался и инициировал эти идеи от своего имени, а они обрушивались на мою голову из уст президента России. В моей биографии не было телевизионной предыстории. Да, я иногда оказывался на телевизионном экране, как участник всевозможных акций, однажды выполнил роль ведущего, говорят, неплохо. Я пришёл на телевидение из мира печати.

Канал должен быть российский. В тот момент, а это был 1990 год, осознанного понимания, что делать с телевидением, какие организации его создадут, – не было. Распад Союза – и каков вывод? Какова в остаточном формате роль России? Это было предметом раздумий, споров; ясно одно – Россия была опорой, стягивающим магнитом для всех республик, входящих в СССР. А что теперь? Замена СССР на вполне логичное по ситуации, но бесполезное СНГ. Это как отчёт перед будущей историей. Мы, Россия, отреагировали, мы приняли решение.

С республиками, входящими ранее в состав СССР, всё ясно. Отныне они самостоятельные и независимые государства. Одно было очевидно – Россия должна сосредоточиться на себе. Она обязана остаться государством № 1. Россия, в силу своей

федеративной сущности, сама союз и союз полнообъёмный, а значит, энергия распада союза может захватить Россию, что и произошло. Сепаратистский синдром проявил себя и внутри России, в этом смысле девяностые годы были испытанием для страны.

И фраза Ельцина, произнесённая в 1993 году: «Возьмите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», была не проявлением слабости первого лица государства, а совершенно осмысленным пониманием – только обещанная свобода выбора может остановить назревающую внутриполитическую вакханалию. И довольно скоро наступит момент, когда ранее автономные республики, входящие в состав России, как, впрочем, и ряд областей, где проснётся сепаратистский синдром, с желаемой независимостью справиться не смогут и прежде всего – построить независимую экономику.

В хаосе стихийной демократизации, которую пережила Россия в начале девяностых, роль СМИ, лишённых любых сдерживающих норм, стала обретать в полном смысле этого слова ролевое значение. Привычное понимание, кто кому подчиняется, ушло в никуда. СМИ стали собственностью очень богатых людей: миллионеров, затем миллиардеров, обозначенных в политической истории как олигархи. Мир СМИ перевернулся. Правду на страницах СМИ, как и в эфире, стало угадывать всё труднее. Как говорится – наступила пора, когда восторжествовал тезис: «Что хочу, то и ворочу. Моя газета, моё телевидение, моё радио». На олигархов управы нет. В этих условиях, естественно, вопрос о «Первом канале» был ключевым. Он был главным каналом Советского Союза, следовательно, Россия – преемник СССР на правах главного государства, собравшего вокруг себя весь союз, следовательно, канал должен быть российским. Ещё был Горбачёв, теперь как президент СССР, и, естественно, смена руководства «Первого канала» символизировала эту борьбу.

Я предложил, будучи депутатом Верховного совета России, – создать Российскую телерадиокомпанию и сосредоточиться на воплощении этой идеи, а не заниматься перетягиванием канатов: наш «Первый канал», не наш… Идея была поддержана президентом Б. Ельциным.

Цель – создать полноценную конкуренцию и открыть новую страницу телевидения и радио. А затем случилось то, что случилось: из творителя гипотез и всевозможных замыслов я превратился в раба на галерах, потому как Ельцин предложил мне возглавить этот проект несуществующего настоящего. Как это произошло, я уже писал. И повторения на этот счёт не будет.

На «Первом канале» была своя вакханалия на пересечении

двух президентов, Горбачёва и Ельцина, – смена руководителя «Первого канала». Неожиданное появление в этой роли Егора Яковлева, в недавние годы осудившего меня за то, что я дал согласие Ельцину и возглавил Всероссийскую телерадиокомпанию. Ну, конечно же, здесь было много составляющих и ревность: почему этот пост предложили именно мне? Почему Полторанин не посоветовался с Егором? И настороженное отношение Егора к Ельцину. Егор был человеком М. С. Горбачёва, и в противостоянии Ельцина Горбачёву выбирал Михаила Сергеевича, но жизнь двигалась вперёд вопреки симпатиям Егора. А возглавить «Первый канал» ему предложил Полторанин. Он как бы уровнял ситуацию: понимал, что Егор моим назначением на пост главы Российской телерадиокомпании был как бы недооценён, унижен, и вот теперь справедливость восторжествовала. Егор повышение принял достойно – по принципу «страна нашла своего героя». А дальше начался непростой путь постижения. Бесспорно, телевидение было не его делом, он был стопроцентный газетчик. И сменить коллектив из тридцати человек, который ты возглавлял в «Московских новостях», на трёх– или четырёхтысячный, который работал на «Первом», – это сверхневероятное перевоплощение.

Он с первых шагов занялся близким и понятным ему – информационными программами. Он сделал телевизионный вариант «Московских новостей», программа тут же прибавила в остроте и независимости. А вот далее путь был сложнее. Он как-то сказал мне: «Ты всё создаешь сам. До тебя там ничего не было. А всё, что есть на сегодня, создал ты со своей командой, вокруг тебя все свои. А у меня ад. Появившись на работе, иду по коридорам, открываю нужную мне дверь, а там ещё пятьсот человек незнакомых мне людей». И так каждую неделю… Егор проработал на «Первом канале» сравнительно недолго.

Его прерогативой была политика в чистом виде, и изменения с его приходом начались с информационных и общественно-политических программ. Весь остальной мир: музыка, развлекательные программы, театр – был не его миром. Это должны были делать другие люди, и стать своим среди них для Егора было большим испытанием. По этому поводу он тоже однажды высказался: «Профессионалов много – есть у кого учиться. Но и балбесов хватает. Зарабатывают неплохие деньги. На их фоне мы, газетчики, ну если не нищие, но близкий к тому народ».

Причиной его отставки стал конфликт с одним из лидеров Кавказа, кажется, главой Дагестана. Вообще, Егор к случившемуся не имел никакого отношения. Прокол совершил его зам. Егор

вообще в день выхода передачи был в командировке, но он был принципиальным мужчиной и ни на какие извинения перед персонажем, который посчитал себя оскорблённым, не пошёл. Он прикрыл своего заместителя и весь удар принял на себя. Ельцин отстранил Егора Яковлева.

Я помню, как мы, возмущённые этим решением, собрались у Ельцина и пытались его убедить в несправедливости и неразумности решения, принятого в отношении Егора Яковлева. Наша затея хоть и была правомерна, но в результате оказалась бессмысленной. Президент по своей натуре был упрямым человеком и никогда не пересматривал свои решения, даже когда это являлось очевидной ошибкой. Так, после ликвидации Берлинской стены, при выводе наших войск из Германии, во время переговоров с руководством ФРГ он оговорился, назвав цифру, которую должна была заплатить Германия за вывод наших войск. Вместо положенных миллиардов долларов, он назвал ту же цифру, но… миллионов. Министр финансов, в тот момент Андрей Нечаев, он присутствовал на переговорах, услышав эти слова, едва не потерял сознание. Он подошёл к Ельцину и сказал о допущенной ошибке, но Ельцин отказался её исправлять. Министр обороны Грачёв схватился за голову. Но Ельцин был непреклонен: «Сказанное я исправлять не буду». Так, по словам Грачева: «Мы вывели войска в чистое поле, и средств, положенных на перегруппировку войск, из-за оговорки президента мы были лишены».

Решение по поводу Егора Яковлева было решением иного ранга, но Ельцин проигнорировал доводы коллег Яковлева, в их числе был и я. Президент сказал, что он готов рассмотреть любые предложения по новому назначению Яковлева, но пересматривать его отставку с поста руководителя «Первого канала» он не будет. Яковлев во время этой встречи в защиту своей позиции не произнёс ни слова. А Ельцин ждал его слов относительно нового назначения. Егор был гордым человеком и не допустил самоунижения.

Буквально через две или три недели стартовала «Новая газета», созданная Егором Яковлевым, но это уже другая история. По большому счёту проиграл не только Яков-лев, но и министр печати Полторанин, потому как Егор Яковлев был его кандидатурой. История с телевизионщиком Егором Яковлевым – история, бесспорно, значимая и интересная, но мне следовало сосредоточиться на решении собственных проблем. После встречи с Ельциным я в полном смысле этого слова, а шёл 1990-й год, оказался в пустоте.

Слова Ельцина: «Я хочу, чтобы вы возглавили Российское

телевидение и радио». Он не сказал «создали», а именно «возглавили» – то, чего нет. Это был уникальный случай. Но прежде чем возглавить – это нечто надо было создать.

Ничего не было: ни здания, ни техники, ни команды, ни стола, ни кресла, ни кабинета, в который можно зайти как в свой кабинет, сесть и подумать, и который бы оказался тем местом, куда ты мог пригласить первых людей, которые в настоящем, а уже потом в ближайшем будущем станут командой. До этого я не работал на телевидении либо радио. Мой опыт, моя школа – это газета, журнал. Журнал «Сельская молодёжь», который я возглавил в конце шестидесятых, в ту пору мало кому известный, со смешным по тем временам тиражом 37 тысяч экземпляров. Практически это была нулевая позиция. Да, там был коллектив и малоудачные мои предшественники на посту главного редактора. Я не менял команду, я пришёл со стороны, до этого я не работал в журналистике и редакторского опыта таких масштабов у меня не было. Но я знал, чего хочу. У меня была цель – моя цель. И так получилось, что этот коллектив поверил мне, и они стали моей командой. Как показала практика прежних лет, я был неплохим организатором.

Сейчас случилось и того хуже. Тогда была хоть какая-то группа людей, именуемая редакцией, которая делала, как мне казалось, «никакой» журнал. Но она была – конкретно профессиональные люди, с которыми можно было вести разговор, а тут – пустота, никого и ничего.

Разумеется, популярность, которую я обрёл как главный редактор одного из самых популярных журналов в стране и, не побоюсь этого слова, – одного из самых острых; потому и море неприятностей в отношении с властью. Однако выстоял. Она, эта самая популярность, сыграла свою роль в период моего депутатства и в истории с телевидением. Но одно дело быть приглашённым в передачу и мелькать на экране, другое – возглавить телерадиокомпанию и творить этот самый экран, и оказаться в роли определяющего: кому быть, а кому на нём не быть.

Конечно, мое знакомство со знаковыми фигурами телевидения было ограниченным. Перелом произошёл в момент, когда я, будучи депутатом и заместителем комиссии по СМИ, предложил иную модель телевидения и радио. Моя идея руководителями существующих систем была принята в штыки. Я замахнулся на святое. Я предложил упразднить Гостелерадио, а создать конкурентный мир независимых телекомпаний и телерадиокомпаний. Я понимал, что этот процесс потребует времени, но важно было положить начало этому процессу.

Не воспользоваться ситуацией, речь идёт о девяностых годах, когда демократия стала повсеместной и независимой от структур власти и не подчинённой ей, было бы безумством. И идея создания ВГТРК, по сути, стала неким вызовом старым стереотипам управления со стороны государства и радио, и телевидением. Но всё в близкой перспективе, а сначала надо было собрать команду. Нестандартностью, а точнее, абсурдностью ситуации было и то, что денег на создание компании не было, и проект о новой компании застал власть врасплох. Она плохо представляла расходы, которые могут потребоваться на создание компании.

Первым человеком, которому я позвонил, был Анатолий Лысенко, мы были с ним хорошо знакомы. У Толи были свои увлечения, он увлекался книгами, много читал, в том числе и журнал «Сельская молодёжь» и сверхпопулярное шеститомное приложение к нему – героико-приключенческую прозу «Подвиг». Тогда я уже был знаком и с Владом Листьевым, и командой «Взгляд», и даже приглашался для участия в их передаче.

После беседы с Ельциным я вернулся в свой кабинет «Московских новостей». К счастью, Егора Яковлева не было. Я не стал уточнять, куда он уехал, хотя почти был уверен, что к Михаилу Сергеевичу Горбачёву. Последнее время их встречи участились. Я не проявлял особого интереса к их встречам. Это раздражало Яковлева. Тем более что он знал, мне было сделано несколько предложений относительно моей будущей работы, от которых я отказался и потому не считал нужным погружать Яковлева в суть этих предложений.

После одного из очередных моих отказов, когда речь шла о должности министра печати, Яковлеву кто-то настучал, что, дескать, Попцов был вызван к Борису Николаевичу. Яковлев, увидев меня в редакции, раздражённо спросил:

– Почему ты мне не докладываешь о своих интригах с властью?

– Потому что я в них не участвую.

– Но Ельцин же тебя приглашал на беседу, а не меня?

– Приглашал. Я отказался. Как говорят в таких случаях – проблема исчерпана. Министр печати у нас есть. Его фамилия Полторанин.

Яковлев усмехнулся. Егор понял, что у меня нет интереса к продолжению разговора о так называемых интригах, и примирительно добавил:

– Ладно, иди работай.

Однако на этот раз избежать разговора не удастся. Я обязан рассказать о сегодняшней встрече с Ельциным, о сделанном мне

предложении, как и ответить на вопрос, почему я не смог от него отказаться. А значит, придётся рассказать и об остальных предложениях, сделанных мне президентом ранее.

Все эти мысли в достаточной мере возбудили меня. Я поудобнее устроился в своём рабочем кресле и стал думать, что и как следует сделать немедленно. Не успел я сосредоточиться, как зазвонил телефон. Звонили из «Московского комсомольца», поинтересовались, насколько верна информация о моём назначении. Всё, понял я, процесс пошёл. Кто-то из помощников президента вбросил информацию в СМИ. МК я ответил по существу:

– Беседа с Ельциным действительно была. Никакой информации я давать не могу и не буду, пока не появятся документы.

– Ну, Олег Максимович, хотя бы намекните, чего нам ждать.

– Ребята, вы знаете, что МК для меня не рядовая газета. Тем более для МК я не собираюсь устраивать спектакль. Как появится конкретный документ за подписью Ельцина – с этого момента двери моего кабинета для МК откроются.

Телефон зазвонил снова. Я отключил аппарат, снял трубку внутреннего телефона. Секретарь Яковлева Лена сняла трубку.

– Леночка, сейчас начнётся телефонная истерия.

– Она уже началась, Олег Максимович.

– Тем более. На все звонки отвечайте, что меня нет. Я на выезде, в парламенте. Естественно, кроме Егора Владимировича. Кстати, когда он появится?

– Примерно через полтора часа.

– Вот и прекрасно. Если я ему понадоблюсь – я на месте.

– Вас поняла.

– Спасибо, Леночка.

Я повесил трубку, раскрыл записную книжку, нашёл номер телефона Анатолия Лысенко и позвонил ему.

– Толя, есть проблема. Час назад меня вызвал Борис Николаевич, он предложил мне возглавить Всероссийскую телерадиокомпанию.

– А что, она уже создана?

– Хороший вопрос, господин Лысенко. Не создана, её предстоит создать. Я угодил под собственный топор. Как ты знаешь, инициатором этой идеи был я, о чём докладывал на заседании парламентского комитета по СМИ, заместителем председателя которого числюсь по сей день. Это четвёртое предложение, сделанное мне Ельциным. От трех прежних я отказался.

– А какие это были предложения?

– Толя, это неважно. При встрече расскажу. А сейчас я делаю тебе предложение: согласиться на пост моего первого заместителя.

– Ну ты даёшь! А где располагается эта компания?

– Нигде, Толя.

– Но что-то же у тебя есть: помещение, кабинет?

– Ничего нет. Пустота. Нам, если ты согласишься, всё придётся создавать с нуля: и телевидение, и радио.

– Но какие условия Ельцин огласил? Нормы заработной платы, например. Сумму средств, которая будет выделена на создание компании.

– Ничего он не огласил, потому что не знает – ни сам, ни правительство, ни его свита. Это всё должны предложить мы.

– А помещение?

– И помещение тоже.

– Но ты тоже условия поставил?

– Одно-единственное – чтобы ни он, ни его свита не вмешивались. За все отвечаю я и моя команда, поэтому просил обеспечить свободу нашей деятельности. Обо всех своих действиях буду докладывать лично.

– А что ответил Ельцин?

– Ответил коротко: «согласен». А теперь вопрос к тебе, Толя: что ответишь ты на моё предложение?

– Всё слишком неожиданно, Олег. Я должен подумать.

– Сколько тебе надо времени?

– Где-то неделя, не более.

– Это несерьёзно, Толя. У тебя есть два дня: сегодня и завтра.

– А что, радио тоже надо создавать?

– Всенепременно, Толя. И радио тоже.

– И как, ты считаешь, все эти твои фантазии воспримет Гостелерадио?

– Это не мои фантазии, а решение человека по фамилии Ельцин, которое поддержано министром печати Полтораниным. Ну а как воспримут? Это их проблемы. Надо быть готовым к худшему. Так ты согласен?

– Я же сказал, мне надо подумать.

– Хорошо, я тебя понял, думай в допустимом лимите времени. Буду искать кадровый ресурс и встречаться с высоким начальством. Уже договорился о встрече с премьером Иваном Степановичем Силаевым.

На этом мы расстались.

Анатолий Лысенко позвонил мне вечером того же дня, когда случился наш разговор.

– Это, конечно, авантюра, – сказал он. – Но я согласен!

Так всё началось.

Сначала надо было создать управленческое ядро компании, круг заместителей, финансово-экономический блок, юридическую службу, технические телерадиослужбы и, по сути, создать мощнейший технический комплекс по обслуживанию телевидения и радио с учётом всех технологических прорывов в этой сфере, постоянно обновляя его новым съёмочным оборудованием, как создание новых современных съёмочных площадок.

А параллельно другой мир – творческое ядро, создающее эфир. Создание информационной службы, общественно-политических программ, культурных программ, вхождение в театральный мир, музыкальные программы. Свою службу, производящую собственные художественные фильмы и организацию покупки как зарубежного, так и отечественного кино. Создание вокруг компании пула выдающихся кинорежиссёров, таких как Говорухин, Шахназаров, Рязанов и ряд других.

Компания создавалась тогда, когда не существовало полнообъёмного мира рекламы, он находился в начале своего развития. Это потом пошли потоки рекламных денег, и весь телевизионный эфир перестраивался под интересы рекламы, потому что она, реклама, давала телевидению деньги и делала его более независимым в финансовом отношении. А пока существовало, как главный ресурс, государственное обеспечение, свободный полёт, в том числе в мир самостоятельности принимаемых решений и в репертуарную политику, был сужен. А творчество, как таковое, невозможно без свободы.

Поэтому одной из главных задач, которая стояла передо мной, как руководителем ВГТРК, было создание атмосферы свободы во всех направлениях деятельности компании. А это было непросто, потому что истинное творчество – это всегда жизнь вопреки. И неважно, кто ты: генеральный директор, обозреватель, ведущий программы, менеджер, режиссёр телепрограммы или художественного фильма, как, впрочем, и техник, создающий мир современного телевидения. Творчество всегда главный норматив твоего существования, как равно и свобода – главный норматив существования творчества. В чём же непростота существования этих норм как в первом, так и во втором случае? В возрастающих масштабах риска. Воздействия на тебя и твою деятельность тех, кто над тобой, и тех, кто вокруг тебя.

Изменившийся мир опрокинул принципы бескорыстия, взаимодоверия, дружбы, осмысленной жертвенности, всё, на чём

строились отношения в обществе прошлых лет. Они не афишировались, они вызрели внутри общества. И неповторимые слова, произнесённые одним из героев: «Ты мне друг, товарищ и брат». Эхо тех лет, подаренных нашему обществу эпохой социализма.

После лихих девяностых и не лишённых отчаяния, подаренного несостоявшейся перестройкой, восьмидесятых осознание утраченного, а ещё жёстче – затоптанного в грязь либералами, неолибералами социалистической значимости страны, вывело на порог жизни поколение, лишённое памяти, что для будущего развития общества катастрофично. И слова, произнесённые этим поколением, рождённым в девяностых, и пережившими своё двадцатилетие: «А чем нам гордиться? Прошлое отторгнуто, как „поганый совок“». А то, что пришло на смену, не создало идеалов власти – либералы, а затем неолибералы прокляли наше прошлое. Они поторопились, так как не смогли создать значимого настоящего, удел которого – точно так же оказаться на троне проклятия, значимость утраченного нарастает с каждым днём. Нескончаемая череда кризисов, темпы развития страны приближаются к нулевым показателям.

В начале девяностых были только контуры. Сама идея, её суть, обозначилась к середине девяностых, а точнее, в двухтысячных годах. Принято считать, что девяностые были годами иллюзий. Для кого как. Для кого-то – надежды, для кого-то – разочарование. Это от меры понимания сути происходящего оказавшихся в этом водовороте. То, от чего отказались, было до отчаяния понятным. То, что пришло на смену, было сомнительным по сути, отсутствие корневой системы у этого квазикапитализма в тот момент было очевидно, но он образовался, а значит, что-то же было его опорой. Что?!

Такова была окружающая атмосфера, в которой рождалось новое российское телевидение. Надо было точно понять: кто с кем и кто против кого?

Конечно, создавая телевидение, хотелось заниматься только телевидением, но, увы, время лихих девяностых было перенасыщено политикой. Мы не осознавали до конца, что были участниками революции, которая в конечном итоге похоронила социализм, а вместе с ним Советский Союз. И всем нам, вышедшим из плоти как первого, так и второго, непросто было перелицеваться и стать плотью времени. В момент создания ВГТРК я был депутатом Верховного совета России, входил в состав комитета по СМИ, и их независимость и «свобода слова» проходили через меня. Мне было проще моих коллег, так как за двадцать четыре года, пребывая в роли главного редактора

всесоюзного журнала «Сельская молодёжь», я прошёл все круги ада, именуемые советской цензурой. И освобождение от неё, а закон о СМИ, едва ли не самый главный закон, принятый Верховным советом России, действительно обозначил новую эпоху существования средств массовой информации, для которых «свобода слова» становится определяющим моментом в жизни СМИ.

Конечно, все мы, кто имел какое-либо отношение к созданию самого закона, как и созданию его атмосферы, в которую этот закон погружался, помимо внутренней радости «наконец свершилось» испытывали чувство тревоги. Не все понимали, что борьба за принятие закона о СМИ, сам факт его принятия подтверждали победу как авторов закона, так и объёмного сверхважного мира журналистики, которому предстоит по нормам этого закона жить и творить. Но то, что принятие закона только начало борьбы, а не этап её завершения, понимало здравое меньшинство. Впереди нетоптаная дорога борьбы по защите закона от любых побуждений его нарушить, а проще говоря, воспрепятствовать власти отказаться от сотворённого закона и вернуть себе право на ограничение норм действия его в интересах правящих возможностей власти.

Дело в том, что закон начал действовать не до появления новых средств информации, которые в атмосфере безбрежной демократии появлялись как грибы после дождя. Новые СМИ познали радости всё дозволяющей вольницы вне законов «что хочу, то и ворочу», потому как большинство вновь появившихся СМИ были не государственными, что было нормой во времена СССР, и частными, и они в силу власти денег, которыми их создатели – олигархи владели в избытке, жили по нормам «сытый голодного не разумеет».

Таковой была среда политического обитания, в окружении каковой мы создавали новое Российское телевидение. И упрёки коллег в мой адрес, прежде всего Анатолия Лысенко: «Зачем ты нас тянешь в политику?», выглядели как стон понимающих, но не желающих потерять обещанную комфортность, когда в любой ситуации вне, а не внутри. Мы с Анатолием Лысенко были из разных миров. Он практически из мира телевидения по нутру многолетнего опыта. Я – человек со стороны из мира журналистики и литературы, который долгие годы лысенковского сотворения телевидения пребывал в этом мире на разных постах, постигал этот мир как зритель, возможно внимательный, возможно придирчивый, но не как человек, творящий телевидение.

С одной стороны, это мешало нашему взаимопониманию и

контактности. С другой, конечно же, помогало – появлялись новые идеи, рождаемые разными людьми с иным мироощущением. Это расширяло диапазон телевидения, делало его непохожим. На телевидении в то время утвердилась неприкасаемая догма – главное формат. И бесспорно, Анатолий Лысенко был сторонником этого догматического правила. Я был его противником, проповедовал другую идею – всё истинное неформатно. Форматом может быть временной норматив передачи и тип личности, характер и исполнение. Но никак не содержание, ибо истинное творчество всегда неформатно, потому что оно только тогда истинное, когда оно свободное.

И тут произошло главное размежевание. Будучи человеком, не чуждым политике, я взял под своё крыло информационные программы и общественно-политическое вещание. Как ни странно, но понятие «формат» прежде всего распространялось на подобные передачи, потому как кинопрограммы, музыкальные программы, развлекательные шоу были более свободны и во временном исчислении, и в местоположении в эфире. Получалось, что я сам себя наказал. Именно мне приходилось дискутировать и с властью, равно как и с моими коллегами отстаивать свободу в отклонении от норм или установленного формата.

Создавая команду, я руководствовался двумя главными принципами: первое – профессионализм, второе – непохожесть. Учиться у кого-либо? Ради Бога, но копировать – упаси Бог. Да и у кого учиться? Главным апостолом был «Первый канал».

Именно создание ВГТРК породило конкуренцию. Предлагая идею нового российского телевидения, а автором идеи в Верховном совете, как член комитета по СМИ, был я, в качестве определяющего момента во главу угла был поставлен принцип свободной конкуренции, вновь рождающей телерадиокомпанию, что означало главное – эпоха Гостелерадио уходит в прошлое. Не сразу, нет. Нам ещё придётся испить не одну чашу горечи на пути реформации, так как мы становились на ноги, когда Гостелерадио ещё правило бал.

Рождалась новая эпоха и, что естественно, иной образ мышления и видения происходящего. Кто-то говорил – ничего страшного, нужно время на привыкание, а пока посмотрим на новый мир с прежних, привычных позиций. Это было похоже на самоуспокоение, но никак не на понимание изменившейся ситуации. Рождение нового мира мало засвидетельствовать на экране, его надо раскрыть, а для этого следует понять, и это понимание передать зрителю. И всегда надо помнить – чего ты добиваешься? Чтобы зритель стал союзником этого мира или его

противником? Достаточно заметить, что эпоха приватизации, главного козыря младореформаторов, перевернула мировоззрение общества в понимании, что есть добро, а что есть зло, и в этой качающейся действительности шло становление нового телевидения и радио.

Да, я хотел создать новое телевидение, но при этом, в отличие от других, мы создавали новое государственное телевидение. Все эти НТВ, РЕН-ТВ и прочее появились потом, как коммерческие проекты. Но оплотным и знаковым был «Первый канал». И конкуренцию надо было создавать именно с ним. Это было непросто, но другого выхода у нас не было.

«Первый канал» стал оплотным каналом советского телевидения, и Гостелерадио работало на него. И всю концепцию развития телевидения выстраивало по принципу «он первый, а значит главный». «Первый канал» олицетворял СССР, и когда СССР распался, бразды первого, а значит, главного остались в его руках. Не случайно в девяностые схватки шли именно за власть над «Первым каналом», и скоротечная смена руководства «Первого канала» по инициативе министерства печати подтверждала факт этой борьбы.

Демарш Ельцина, покидающего съезд народных депутатов СССР, как вызов Михаилу Горбачёву, в то время президенту СССР, был материализацией нарождающейся независимости России в этой вакханалии распада СССР. Необходимо было чёткое обозначение – кто главный? И этим главным игроком, естественно, становилась Россия. И вот тут было два пути: либо сосредоточиться на борьбе за «Первый канал» и переаттестовать его в российский канал, либо создать противовес ему – Российское телевидение и радио, а точнее – Всероссийскую компанию радио и телевидения, ВГТРК.

Для меня было ясно, что главным остаётся второй путь – создание ВГТРК, и пока шло перетягивание каната за власть над «Первым», я со своей командой в ускоренном режиме создавал ВГТРК. И события в 1991 году – ГКЧП – подтвердили на 100 % правоту нашего замысла. И слова Минкина, произнесённые после падения ГКЧП, что Попцов спас Россию, были, по сути, пророческими.

ВГТРК в этот рисковый момент заняло жёсткую позицию – поддержать президента страны. А вот «Первый канал» этого не сделал, и рассуждения команды «Взгляда», прозвучавшие в эфире в ту драматическую ночь, были омерзительны: «Незачем волноваться и нервничать, выпейте чайку и идите спать. Нам-то с вами что переживать?». Такую позицию заняла команда «Взгляда», олицетворяющая политические воззрения «Первого

канала». Анатолий Лысенко, который в этот момент оказался перед экраном телевидения, пережил минуты отчаяния. «Взгляд» был его детищем, и когда из уст как бы соратников звучат слова предателей, такое пережить непросто. Думали ли мы в этот момент, что рискнули жизнью? Вряд ли. Но всё было именно так. Детально о событиях этой ночи и не только чуть позже.

А это подтверждение главной мысли – «Первый канал» так и не стал каналом, символизирующим новую Россию, более того, он в тот момент был в сдержанной оппозиции к Ельцину и его окружению. И назначение главой «Первого канала» в девяностые сначала Егора Яковлева, затем Александра Николаевича Яковлева, было неким сохранением на этом посту горбачёвских единомышленников. У Егора Яковлева было сдержанное отношение к Ельцину, скорее со знаком минус, чем плюс. И если Егора Ельцин отстранил, то Александр Николаевич ушёл сам. Ему не понравилась атмосфера, утвердившаяся на канале, как и притязания на канал олигархического пула. То, что его позиция не находила поддержки высшей власти, Александра Николаевича раздражало, и он покинул свой пост.

Эта схватка за «Первый канал», по сути, была проиграна, дальнейшие назначенцы до прихода на руководящий пост «Первого канала» Эрнста были малозначимы и какого-либо влияния на развитие канала не имели. Эрнст оказался во главе «Первого канала», как показала хронология событий, – надолго.

Ну а ВГТРК проходила все муки ада, которые положено пройти первопроходцам. У нас не было союзников. Буду откровенен: на первых шагах руководство Гостелерадио достаточно ощутимо противодействовало становлению компании. Многое рождалось вопреки, и это чрезвычайно раздражало руководство. Первым испытанием для ВГТРК была схватка за радиоэфир, создание российского радио. Естественно, это радио должно быть другим. Каким? Существовало многолетно сверхзначимое советское радио. Оно было единственным и всеопределяющим радио страны. Но наступила другая эпоха – эпоха конкуренции. На долю российского радио выпала непростая судьба – стать другим радио в пору существования СССР и войти в историю, как радио России. Иначе говоря, новое радио потребовало для себя свободы и независимости. Это был другой формат отношений для советского радио, непривычный и незнакомый.

Что значит независимое российское радио? С какой стати? – рассуждали вершители привычных норм отношений на Госрадио СССР. Новое российское радио, как важнейшая составляющая ВГТРК, начинала свое вещание на волнах «Маяка». Это была новая

независимая радиостанция советского радио. Относительно независимости просматривается явный оценочный перебор, потому как «Маяк» стал новой эпохой радио. И задача Российского радио усложнялась, по меньшей мере, вдвойне. Надо было выиграть не у устоявшегося привычного Советского радио, а выиграть у радио «Маяк», обозначившего новую эпоху в радиоэфире.

Зигзаги судьбы

Оглядываясь назад, вдруг начинаешь понимать, что тезис, обозначивший суть прожитой жизни как «жизнь вопреки», – тезис обязывающий, требующий раскрытия понятия «вопреки». И в этом случае очень важно, чтобы довлеющая телевизионная составляющая моей жизни, а это 14 лет, отданных телевидению, не вытеснила более продолжительную и не менее значимую журналистскую и редакторскую составляющую. Более 20 лет, а точнее, почти 24 года я возглавлял журнал «Сельская молодёжь». Моё редакторство полнообъёмно захватывало брежневские, горбачёвские времена. На хрущёвскую эпоху выпало моё комсомольское прошлое: секретарь комитета комсомола Лесотехнической академии, инструктор Ленинградского обкома комсомола, секретарь обкома комсомола. Затем первый секретарь Ленинградского обкома комсомола, затем первый заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ, а затем я вырываюсь из объятий политики… Вижу всесоюзный журнал-изгой «Сельская молодёжь» со смехотворным по тем временам тиражом 37 тыс. Делаю никем не предполагаемый шаг, предлагаю себя на пост главного редактора этого журнала, чем в буквальном смысле вызываю гнев руководства ЦК ВЛКСМ и конкретно первого секретаря Сергея Павловича Павлова. Они мне готовили другую судьбу, и я своим поступком разрушил их планы. И мой шаг в сторону журнала «Сельская молодёжь» был шагом вопреки их планам относительно моей судьбы, о чём он меня даже не предупредил.

Павлов предполагал избрать меня секретарем ЦК ВЛКСМ, посему чуть ранее мне было сделано предложение возглавить соответствующий отдел «Сельской молодёжи», от чего я отказался. В ту пору я был первым секретарём Ленинградского сельского обкома комсомола.

Эту заваруху затеял Никита Сергеевич Хрущёв после своей поездки в Америку, где он воодушевился идеей двухпартийной властной системы, что было характерно для республиканцев и демократов, которые постоянно сменяли друг друга во властных структурах после очередных выборов, в силу победы на них той или иной партии как в верхней палате парламента – Сенате, так и в нижней.

Хрущёв нашёл свой вариант воплощения этой идеи, разделив КПСС на два потока – промышленный и сельскохозяйственный. Так появились вместо единых обкомов партии промышленные и сельские обкомы. Реформы партийного строительства имели своё

объяснение – якобы приближение управленческих партийных структур к реальной жизни.

По мнению Хрущёва, это разделение в управлении страной должно было усилить роль сельского хозяйства страны и обеспечить рывок в его развитии. В определённой степени это произошло, но не столь значительно, как предполагалось.

Во всех областях ранее существовало управленческое разделение. Наличие пяти секретарей обкомов партии либо комсомола обязательно предполагало одного из них, который занимался областью, а точней говоря, районными центрами, вокруг которых и объединялось сельское хозяйство. Будучи избранным секретарём Ленинградского обкома комсомола, я оказался именно в такой роли. На мне замыкалась вся Ленинградская область. Я не занимался проблемами города, а проще говоря, областного центра. Город был сверхзначимым, в нём проживало несколько миллионов. Он имел свой полнообъёмный управленческий механизм, Ленинградский городской комитет партии – горком, и в областных структурах несколько секретарей обкома комсомола занимались проблемами города, такими как идеология, образование, наука, промышленность, спорт. И совершенно естественно, что после разделения областного управления на промышленное и сельское я был избран первым секретарём Ленинградского сельского обкома комсомола. Это было логично, потому как в прежней моей роли на мне замыкалась область, и я, по сути, не занимался проблемами города.

Затея Хрущёва вызвала в КПСС немалое внутреннее сопротивление, и поэтому, как только Хрущёв оставил свой пост генерального секретаря партии, – всё немедленно было возвращено на круги своя, обкомы вновь стали едиными. Реформаторский период партийного переустройства был недолгим – два года.

Дело в том, что во вновь объединённые обкомы возвращался скорректированный состав руководства, и так получилось, что партийное руководство как промышленного, так и сельского обкомов посчитало, что во главе нового обкома комсомола, теперь объединённого, должен быть ваш покорный слуга Олег Попцов. За это высказалось абсолютное большинство секретарей обкомов, исключая первого секретаря бывшего обкома КПСС Василия Сергеевича Толстикова, с которым у меня не сложились отношения.

И как некая компенсация, мне было предложено на выбор несколько должностей – в двух районах области посты второго секретаря райкома партии, ещё в двух – председателя

райисполкома. Я от всего этого отказался. И в беседе с заведующим орготдела обкома партии сказал: «Пойду работать туда, где интересы партии и мои личные интересы пересекутся, там я буду наиболее востребован».

Как мне сообщили, мои слова довели до сведения Толстикова и они привели его в бешенство. Я понял, что никакой перспективы в сфере партийной работы в ближайшем будущем у меня в Ленинграде нет. Вернулся в свой кабинет и позвонил в ЦК ВЛКСМ первому секретарю Сергею Павловичу Павлову. Сказал, что хотел бы приехать в Москву и посоветоваться. Дал понять, что причиной всему конфликт с Толстиковым. Павлов мгновенно среагировал, завершив разговор одной фразой «Приезжай немедленно». Так я оказался в Москве. Всё логично, опять вопреки.

Как только я появился в кабинете Павлова, раздался телефонный звонок. Это был Толстиков. Он говорил на повышенных тонах, и поэтому разговор был слышен.

– Попцов у тебя?

– Нет. А в чём дело?

– Ах, ты ещё и не знаешь? – И Толстиков высказался по полной программе. – Ты знаешь, что заявил этот мудак? – Толстиков частенько употреблял нестандартную лексику. – Мы ему предложили несколько вариантов будущей работы. И ты знаешь, что он нам ответил?!

И далее Толстиков слово в слово повторил мою фразу: «Он пойдет работать туда, где интересы партии и его собственные интересы пересекутся, там он будет наиболее востребован».

Затем – выжидательная пауза и снова крик Толстикова: «Да кто он такой?! Кого ты воспитал? Да партии плевать на его интересы!». Еще несколько ругательств в мой адрес. А затем уточнение: «Если появится, выдай ему по полной!»

Павлов положил трубку и, не скрывая усмешки, заметил: «Конечно, можно было бы поскромнее, ну да ладно».

Далее последовал выговор за мою упёртость. «Ну и куда я тебя поставлю? Ты первый секретарь обкома комсомола, и не какого-то там, а Ленинградского. Ладно, будем думать. Сегодня к вечеру всё решится».

Так я стал первым заместителем завотделом пропаганды ЦК ВЛКСМ. Конечно, я этого не хотел, но другого выхода не было. А что было потом? Аппаратная работа – это был чуждый для меня путь. Я должен был нащупать коридор самостоятельности. И я его нащупал. Этим коридором в независимую жизнь оказался журнал ЦК ВЛКСМ «Сельская молодёжь».

Однако несколько шагов назад, а далее всё по порядку. Я уже

не работал в журнале «Сельская молодёжь», а перешёл на работу в «Московские новости» в качестве первого заместителя Егора Яковлева. Практически этот период совершил невероятное – спустя 24 года меня вновь настигла и поглотила политика, от которой я бежал в 1966 году и укрылся в гавани под названием общественно-политический и литературно-художественный журнал «Сельская молодёжь».

Честно говоря, столь проблематичная работа на посту главного редактора изменила мою сущность. Редакторство, разумеется, было значимо – передо мной открылись двери литературного мира, и для самоутверждения было мало войти в него на правах заметного литературного чиновника с достаточно высоким статусом главного редактора журнала. Не редактирование литературных опусов, а сама литература должна была стать моей сутью, и она стала. Я написал и издал несколько книг, стал членом Союза писателей, был избран сначала секретарём московской писательской организации, затем секретарём Союза писателей России. У каждого из этих ранговых свершений была своя история. Какой-либо моей инициативы – дабы оказаться на этих постах – никогда не было. Но так или иначе всё повторялось – как было уже в далёкие 60-е годы в моей комсомольской карьере.

В писательской иерархии та же самая картина – член Союза писателей Москвы, затем член правления московской писательской организации, затем её секретарь, член правления Союза писателей России, затем секретарь российского Союза писателей. Моё появление в этих ранговых кругах случалось в полном смысле этого слова вопреки моей инициативе и как правило достаточно неожиданно для меня. Я оказывался кому-то нужен, и этот кто-то начинал меня продвигать. В интерпретации политической номенклатуры это имело иную формулировку. Ты был востребован. Не так просто было, осознав это, вырваться из замкнутого круга твоей востребованности другими, а жёстче и точней – твоей зависимости от них.

И самое досадное, что твоя судьба и её риски распространяются не только на тебя, но и на твоё окружение. И когда ты становишься лидером (и неважно, что это: обком комсомола, ЦК ВЛКСМ, издательство, телерадиокомпания, полиграфический комплекс), они, люди, работающие в пределах этих миров, – твоя команда. И любые столкновения с окружающим миром неминуемо коснутся и твоей команды. Как и любая беда, случившаяся в команде, неминуемо становится частью твоей личной беды. Именно журнал «Сельская молодёжь», его непростое становление, идущее по дороге сопротивления,

противостояния, отступлений и побед, породило этот дух команды: «один за всех, и все за одного».

Многих уже нет, но это не значит, что я имею право их забыть. На посту моих заместителей за эти годы оказалось трое – Владимир Токмань, Александр Гаврилов, Эрнест Бессмертных. Рядом с ними был ответственный секретарь Станислав Романовский и с ним его команда.

Отдел литературы многолетно возглавлял Виктор Вутечич, сын того самого Вутечича – выдающегося скульптора и художника. Его правой рукой был Женька Лучковский – неуёмный, весёлый, талантливый, обаятельный, но, увы, любитель выпить, и этот его порок не оставался незаметным, потому как проявлялся не иногда, а постоянно. И строки его стихов лишь подтверждают его образ:

«Я выпью стопку в автомате,
А утром загляну в собор,
И чьей-то кисти Божья Матерь
Посмотрит на меня в упор».

Женя, едва перешагнув своё сорокалетие, ушёл из жизни всё по той же причине. На посту зама по поэзии его сменил Вадим Черняк. Фамилия ничего не говорит. У каждого была своя история, предваряющая их появление.

Борис Ряховский – очеркистика; человек с внешностью В. И. Ленина. Оксана Мамонтова – «Комсомольская жизнь». Журнал же молодёжный, издаётся ЦК ВЛКСМ. Мила Сергеенко – жена Димы Аврамова, главного редактора журнала «Молодой коммунист», – в то время занималась политической публицистикой. Ира Клёнская – отдел культуры. Виктор Ярошенко – отдел науки. Спецкорреспонденты журнала: Сергей Макаров, Пётр Скобелкин, Жанна Гречуха и другие. Олег Зикс – международный отдел.

4 журнала с безостановочно растущим тиражом было громадное нечто, которое обрабатывала группа литконсультантов – 5 человек. Её возглавил Сева Лессиг. После Севы литконсультацию возглавил Святослав Рыбас. В одной упряжке с ним работал Бронислав Горб, кстати, неплохой поэт.

Библиотеку приложений героико-приключенческой прозы возглавлял Эдуард Хруцкий.

Юра Подполковников – отдел публицистики: именно он планировал работу спецкоров. Был свидетелем на моей свадьбе. Все они остались в моей памяти – их силуэты, внешность, улыбки, переживания.

Журнал постоянно находился в эпицентре событий. Это делало журнал востребованным и одновременно народным для высокой власти. А плеяда выдающихся учёных, которые стали действенным активом журнала, – без них, таких как академик Яблоков, и Сибирского отделения академии наук СССР – мы бы никогда не переломили ситуацию вокруг переброса вод северных и сибирских рек, на юг. Нам удалось удержать страну от экологической катастрофы.

Я уверен: продолжись существование экспедиции «Живая вода», в реальной жизни никогда бы не появился на берегу Байкала целлюлозно-бумажный комбинат. Это было безумное решение, но оно не встретило должного сопротивления. Нужен был не только бунт, но и лидер этого бунта. Такую роль мог сыграть чрезвычайно популярный в ту пору журнал «Сельская молодёжь». Мы остановили переброс российских рек с севера на юг на заре восхождения на политический трон М. Горбачёва. Мы, и я не стесняюсь это утверждать, вместе с научной общественностью остановили исполнение этого пагубного проекта.

Как известно, история сослагательного наклонения не приемлет. Но если бы этот проект осуществился, последствия оказались бы трудно предсказуемыми. Надо понять, что он замышлялся как проект в масштабах СССР, но на его исполнение потребовались бы не год и не два, а как минимум 8–10 лет. Сейчас я не говорю об экологических рисках, они не были просчитаны. Замысел в фантазиях предполагал значительный эффект.

Но распался Советский Союз, и вся вода ушла бы в страны, к России больше отношения не имеющие. Это уже другие, независимые страны. Разумеется, тогда трудно было предположить, что нас ждал подобный геополитический финал в 90-е годы. Но то, что произошло, то произошло: СССР больше нет, и никакие Таможенные союзы его не вернут. Просто надо извлечь опыт из сравнительно недавнего прошлого. Предлагая тот или иной проект, следует с максимальным вниманием учитывать фактор геополитики, которая ныне может поставить под вопрос как настоящее, так и будущее любой страны. И Россия – не исключение.

Экспедиция «Живая вода» была едва ли не самым значимым проектом, который удалось воплотить в жизнь. И я со своим коллегой Виктором Ярошенко стал лауреатом премии Ленинского комсомола именно за проект «Живая вода».

Оглядываюсь назад, в своё собственное прошлое, которое, безусловно, состоялось, и это позволяет мне сказать – я прожил

интересную жизнь. Но при этом я должен признать, что всё пережитое мной случилось как бы вопреки той судьбе, которая была предписана мне.

Я мечтал поступить в высшее мореходное училище, но ошибся трамваем (именно в прямом смысле слова), и он меня привёз совсем не туда. А когда я это понял, я не стал тратить время на поиск нужного адреса, потому что время подачи документов уже было практически сорвано, и не стал противиться судьбе, оказавшись со своими документами в здании Лесотехнической академии. Больше всего в жизни я любил море и лес. И я подумал: это неслучайно, так решил Бог. Конечно, судьба моряка и судьба лесника – разные судьбы. Но тут уместно было произнести известные слова: «судьбу не выбирают». Мне это утверждение не нравилось, я считал его неправильным, но со мной случилось всё именно так.

Я поступил в ЛТА и очень скоро понял, сколь громаден и неповторим этот институт. Не скрою, мне нравилось, что он назывался академией. У других вузов такого названия не было. Университет был единственным в Ленинграде, и Академия была единственной среди гражданских вузов. Но ведь судьба инженера лесного хозяйства, а по первой интерпретации – учёного-лесовода, не состоялась, хотя всё шло и серьёзно, и значимо. Сергей Васильевич Борновицкий был руководителем моей дипломной работы, накануне защиты он сказал: «Ты молодец, Олег. Ещё два месяца – и полноценная кандидатская диссертация готова». И даже эта оценка, вдохновившая будущего лесовода, не смогла удержать меня в мире моей профессии: вмешалась политика.

Я не мог себе представить, что политика может стать профессией человека. Я не кончал никаких партийных школ, никаких литературных институтов, никаких факультетов журналистики либо филологии, но оказался именно в этом мире, возглавил журнал, буквально спрыгнул с политического поезда под названием ЦК ВЛКСМ. Затем зам главного редактора «Московских новостей», которые возглавлял Егор Яковлев, затем опять чистая политика: я избираюсь депутатом Верховного Совета России. Затем снова выброс в сторону журналистики: меня назначают руководителем несуществующей Всероссийской телерадиокомпании ВГТРК. И в чистом поле, в буквальном смысле этого слова: ни одного сотрудника нет, ни помещения, ни кабинета, ни техники, ни денег – ничего нет, кроме должности «председатель Всероссийского радио и телевидения Олег Попцов». Даже табличку негде повесить – кабинета нет. Вот так. Я не выбирал этого мира, меня в него обрушили.

И на вопрос: «Какие это были времена – 90-е годы?» я могу ответить: именно такие, когда из ничего надо было создать нечто значимое. Что именно – персоны начальствующие в то время не знали, поэтому, когда к власти пришли люди с высшим, но без среднего образования, было не просто трудно – было невыносимо трудно. Ещё и потому, что прошлое, из которого мы пришли и которое создало нас, властвующие ныне обозначили как «поганый совок», хотя сами были порождены именно им самим.

Вот и сложился жизненный формат, который правомерно назвать «жизнь вопреки». Прожив эту жизнь, задавать себе вопрос, правильный ли я сделал выбор, по меньшей мере наивно. Я выбора не делал, за меня его сделала жизнь, а я уже действовал в силу сложившихся обстоятельств, причём всякий раз действуя вопреки. Видимо, поэтому, участвуя в происходящих в стране политических процессах, я постоянно оказывался в определённой мере в конструктивной оппозиции к ним.

Что это было? Уязвлённость недооценкой тебя лично? Нет. Я был по горло загружен работой. Я всё начинал с нуля: создавал издательский комплекс, журнал, телерадиокомпанию, полиграфический комплекс. Я не умел быть похожим. Я признателен командам, с которыми я работал. Не всё было идеально, надо было идти на риски. Это принимал не всякий. Что такое риск? Уменье жертвовать во имя достижения цели. И тут, взвешивая цель и жертву во имя неё, не всякий оказывался на стороне цели. И тебе, как лидеру, это надо было осознавать и не впадать в отчаяние. С кем-то приходилось прощаться. Никакой недоброжелательности к этим людям я не испытывал. Я просто понимал: им придётся уйти, они не выдержали экзамен на право стать командой.

Не будет лишним сказать, что вся история с ГКЧП стала проверкой на верность. Роль телевидения и в целом СМИ в тот момент была сверхзначимой. Появилось новое государство – демократическая Россия. СССР уходил в прошлое. Да, это было полноценной драмой, и рассуждения, могли ли события иметь другой результат и был ли неизбежен крах СССР, – малоубедительны. История не приемлет сослагательного наклонения: вот если бы… Что произошло, то произошло. И так называемое осмысление «если бы» – это уже другая история.

Помню такой момент. Фиксируется вдруг мысль – Силаева в Белом доме нет. Мы здесь, а Силаева нет.

Уехал. Неважно почему, неважно куда. Уехал – это главное. Ельцин показывает глазами на аппарат, по которому звонил Силаев. Мне кажется, что я слышу их разговор по спецсвязи. «Слушаю вас, Иван Степанович». А дальше говорит только Силаев.

Полторанин заговорил первым, всё-таки речь идёт о премьере. Говорил не то чтобы сочувственно, скорее, без осуждающего протеста, оставляя Силаеву шанс: «Может быть, он навестить родственников поехал. Посмотрит и вернётся».

Типичный Полторанин, вкладывающий в любую фразу долю иронии, которая никак не прочитывалась на его лице. И только потом, если подвох разгадывали и на него откликнулись, он начинал смеяться первым. Тогда случилось нечто похожее. Полторанин выдержал недоверчивый взгляд президента и лишь потом лишил своего премьера всяких надежд.

– Им к нему ещё ближе ехать, чем сюда.

Смех был бы кстати, но смеяться расхотелось.

Я спросил у Ельцина: что он ответил Силаеву?

– Он мне: «Прощайте, Борис Николаевич». А я ему: «До свидания, Иван Степанович».

И это уверенное «До свидания» было рассчитано уже на нас. Президент не сомневался. Президент верил и вдруг, словно выступая перед толпой, энергично закончил: «Пусть прощаются они, а не мы».

Почему я вспомнил именно этот эпизод? Потому что спустя ночь стало известно о намерении руководства ГКЧП вылететь к Горбачёву. Никто не знал замысла этой экспедиции. Зачем летят? Арестовать президента, покончить с ним?

История России знала всякое. В Белом доме получили информацию об этом внезапном визите с опозданием, перехватить лидеров переворота до их отлёта в Форос не удалось. Единственный выход – посылать свой самолёт. Затея рискованная, можем проиграть. Надо опередить заговорщиков, оказаться у Горбачёва раньше их. Тут же возник вопрос: «Кто полетит?» Чаши весов застыли в равновесии. Эти несколько часов справедливо назвать паузой двоевластия, какой-то миг – и одна из чаш весов движется вниз. Но этот момент ещё впереди, и вот тогда всё тот же Полторанин предлагает кандидатуру Силаева в качестве руководителя группы, направляемой к пленному Горбачёву. Замысел рискованный, но выигрышный – встретиться с Горбачёвым и вернуться с ним в Москву на российском самолете. Задача отчасти была выполнена, и минутная слабость премьера в ночь с 19 на 20 августа перестала существовать в историческом контексте.

Правда, спустя 2 месяца на закрытом заседании правительства всё тот же Полторанин настаивал на отставке Силаева, напомнив премьеру события августовской ночи, полагая, что тем самым он отводил упрёк в свой адрес, как об инициаторе заговора в правительстве, человеке, сеющем недоброжелательство

и смуту. Интрига всегда была внутренней сутью Полторанина.

Обвинить в непорядочности нельзя, отказать в разумности тоже.

После моей отставки с поста руководителя ВГТРК ситуация оказалась неожиданной и малопредсказуемой одновременно – возникал один неотвратимый вопрос: что дальше?! Дело в том, что в ельцинском окружении министр печати Полторанин был, по сути, единственным, кто разбирался в проблемах СМИ и готов был взять на себя ответственность.

Судьба Полторанина была непростой. Поначалу он был ключевой фигурой в окружении Ельцина: отчасти их объединяла бунтующая суть. Но Полторанин был не чужд и Михаилу Горбачёву, именно в его время он появился на политическом Олимпе. Человек по сути достаточно прямолинейный и отторгающий интриги, он всё время, в силу своей профессиональной значимости, в них вовлекался. Он занимал пост вице-премьера, затем министра печати, затем отношения Полторанина с Ельциным стали обостряться. Дело в том, что Полторанин имел постоянные контакты с Горбачёвым и был скорее противником его кадровой политики, нежели сторонником, поэтому между Горбачёвым и Ельциным он выбрал Ельцина. Он болезненно воспринимал постоянные просчёты Ельцина. Он был очевидным творителем свободы слова, которая Ельциным воспринималась неоднозначно – как выгодная для президента, так и невыгодная, когда президент оказывался под огнём этой свободы слова.

И тут между президентом и министром печати начинался конфликт. После указа № 1400 о роспуске парламента и назначении новых выборов Полторанин уходит из правительства и принимает решение участвовать в выборах; будучи коренным сибиряком, он решает избираться в Омске, где ему противостоял кандидат в депутаты Смолин. Это был неудачный выбор Полторанина. Да, его союзником был губернатор, которого он хорошо знал, но Смолин уже избирался в том регионе и показал себя очень неплохо и профессионально, и на его стороне были как симпатии, так и сочувствие граждан. Полторанин, конечно же, был и более профессионален, и более известен в России и в коридорах власти. Последнее, в силу его взрывного характера, было скорее во вред, нежели на пользу Полторанину. Он выборы Смолину проиграл. На этом практически кончилась его активная политическая биография.

Я очень сожалел об этом. И предлагал Полторанину избираться по Московскому округу, где мог оказать ему необходимую помощь, используя возможности телевидения. Но

Полторанин всегда был человеком упёртым, он считал, что Сибирь ему гораздо ближе по сути, чем Москва, и что, представляя её в Думе, если одержит победу, он будет чувствовать себя независимым. У него были неплохие отношения с омским губернатором, но, видимо, он переоценил возможности его влияния на ход выборов. Да и сам Полторанин никогда бы не согласился с вызывающим вмешательством власти в итоги выборов, а уж тем более в свою пользу.

Бесспорно, замысел был значимым, но довести его до конца не получилось. Ещё один шаг вопреки, спустя четыре года: Ельцин отправил меня в отставку, и я оставил пост председателя ВГТРК. Меня приглашает Юрий Михайлович Лужков и делает мне предложение возглавить московскую телевизионную компанию ТВЦ. В расшифрованном виде это читается как «телевидение Центра», т. е. Москвы. У меня родился другой вариант расшифровки логотипа: «телевидение вечных ценностей». Вот путь, по которому должен идти московский канал, считал я. Идея, конечно же, была блестящей, но воплощение её не могло быть простым. При этом всегда следует понимать, что король и свита – это явления сущностные и взаимосвязанные, но это никак не одно и то же.

Ближайшее окружение высокой власти, как правило, прежде всего использует обретённую власть, по сути, дарованную ей с «барского плеча», во благо себе. А всё остальное потом. Есть ли исключение? Бесспорно, есть. Но, подчёркиваю, это исключение из правила. И тебе, оказавшемуся в магнитном поле этой власти, но не являющимся таковой, следует в первую очередь понять, кто есть кто.

Не скрою, предложение Лужкова в определённой степени было для меня неожиданностью, хотя бы уже потому, что Комитет по телекоммуникациям и средствам массовой информации правительства Москвы возглавлял Анатолий Лысенко, который там оказался спустя недолгое время после ельцинской атаки на Попцова, закончившейся моей отставкой. Желал ли Лысенко моей отставки, не желал, но, что очевидно, он ей ни в коей степени не сопротивлялся и считал, что власть его несогласие с моей позицией, конечно же, оценит и не забудет.

Казалось бы, всё складывалось лучшим образом, и слова в ту пору вице-премьера Шумейко, адресованные мне: «Попцов напрасно упорствует, не отступая от своих позиций относительно Чечни. Их по меньшей мере можно назвать спорными, но никак не правильными. Никто не собирается его переубеждать. Да и зачем? У нас есть, кем его заменить», – можно назвать роковыми. И Толя Лысенко ждал этого момента. Меня отправят в отставку. А

он возглавит компанию, он доказал свою очевидную оппонентность Попцову. Не знаю почему, но не сложилось. Я ушёл, и на моём месте появился Эдуард Сагалаев, ставленник группировки – Коржаков, Барсуков, Сосковец. Именно Коржаков предложил Ельцину кандидатуру Сагалаева. У них был общий бизнес. Сагалаев продержался на этом посту чуть больше года. Затем его сменил Николай Сванидзе, на этот раз ставленник Анатолия Чубайса. Коля тоже председательствовал недолго – примерно столько же, как и Сагалаев, и затем во главе компании появляется Швыдкой. Итогом какой интриги оказался именно Швыдкой, уже неважно. Он продержался на посту руководителя компании чуть больше своих предшественников – кажется, в пределах полутора лет.

И только появление на посту руководителя ВГТРК Олега Добродеева поставило точку в той кадровой вакханалии. Олег оказался для власти тем самым, который нужен, но власть тоже разная, и различие Путина и Ельцина было более чем очевидным. Памятен момент из биографии Добродеева, когда он в силу политической внезапности принимает решение о своей отставке, и реакция Путина на столь поспешный добродеевский шаг: «Олег Борисович, когда вам уходить, это решаю я, а не вы. Так что не торопитесь». Это была реакция стопроцентного чекиста. Мне помнится, как я тогда слова Путина аттестовал в своей редакции: «Когда вам уходить, Олег Борисович, решает КГБ, а не вы. Так что не торопитесь».

Эта пауза между моим постижением ельцинского синдрома изнутри и выбросом вне, когда всё ранее постигаемое тобой проходит испытания собственным взглядом со стороны как самого Ельцина, так и его окружения, была значительной. Практически на полных четыре года. Я вернулся в мир печатных СМИ: создал холдинг, в который вошли газета «Вёрсты», еженедельник «Алфавит», журнал «Ять» и женский журнал «Ах», ну, и по традиции ежемесячник «Совершенно секретно», редактируемый Борисом Гурновым. Это был удачный замысел. Главной проблемой оставались средства. Я решил создать холдинг, ориентируясь на поддержку Юрия Лужкова, с которым у меня сложились дружественные отношения. Лужков моментально реагировал на нестандартные проекты. Идея холдинга ему понравилась, как и концепция изданий.

И когда позиция мэра Москвы играет если и не ключевую, то сверхзначимую роль в противостоянии, это очевидный сверхплюс. Бесспорно, создавая этот проект, я рассчитывал на окупаемость его в течение 4–5 лет, именно это время позволит раскрутить проект и добиться его необходимой популярности у читателей.

Не меньшее значение имел и интерес власти к изданиям холдинга, ни в коей мере не повторяющих позиции средств массовой информации, издававшихся в самом начале 90-х годов с завышенными претензиями на популярность, что было совершенно правомерно для вновь появлявшихся СМИ. Таких состоявшихся и окупаемых изданий было не так много, но они были. Это, прежде всего, «Аргументы и факты», а затем и «Аргументы недели». Бесспорно, «Независимая газета», как одно из самых значимых и авторитетных изданий, хотя я не уверен в её самоокупаемости, но это уже вопрос к её владельцу.

Одну из главных задач газета выполнила. Она вывела её владельца, преуспевающего бизнесмена Константина Ремчукова, в разряд знаковых политиков. Нечто подобное сотворил с газетой «Коммерсантъ» её создатель и основатель, сын патриарха советской, а затем российской политической журналистики Егора Яковлева. Сын создал ни на что не похожую политэкономическую газету, в которой не противопоставил политику экономике, а практически совместил их, но однозначно уточнил: основой всего является экономика, а политика – не более чем приложение к ней. Экономика диктует нормативы политики, а не наоборот. Сын Яковлева создал газету, дал ей мощный старт, а затем покинул её, как и покинул страну, ушёл в мир буддизма. Такое тоже бывает.

Я не был сторонником коммерческих СМИ и понимал, что первое возражение, которое я услышу от лужковской свиты, это фраза наотмашь: «Зачем Москве новые СМИ? У нас и без того их достаточно. Это лишь вызовет ревность у федерального центра, отношения с которым у Москвы не идеальные». Постоянная ревность федеральных чиновников к управленческой успешности мэра столицы была очевидным фактом. Я слишком хорошо понимал, что Москве в этих условиях нужны издания, которые будут защищать и отстаивать позицию Москвы в непростых условиях непроходящих конфликтов между Верховным советом и Президентом.

Но это синдром ельцинской эпохи. Наступает 2000 г. Ельцин произносит свою историческую фразу: «Дорогие россияне, я ухожу!» Будем откровенны, он уходил не на пике своей славы. Его популярность не превышала в тот момент 10–15 %. На смену ему приходит бывший офицер КГБ, подполковник Владимир Путин. Одна любопытная деталь. В преддверии путинского появления в президентском коридоре, на пост премьера, что являлось как бы президентской преамбулой, были аттестованы бывший глава службы военной разведки Е. Примаков, а затем бывший, хотя и недолго, председатель КГБ В. Степашин. И на смену им приходит бывший выходец из коридоров КГБ разведчик Путин. Что это?

Случайность, совпадение или некая закономерность шкалы доверия президента Ельцина? Казалось бы, жёсткая отставка Коржакова прервала этот вязкий след заблуждения. Ан нет. КГБ не бывает временным. Это величина постоянная. Однако вернёмся к моему внезапному назначению на пост руководителя ТВЦ.

Есть некая странность в этом назначении. Тем более, Лужков знал про мой непростой уход с поста председателя ВГТРК. Знал он по негативной реакции общества на мою отставку. Но Ельцин покинул свой пост, и ждать некоего отмщения от бывшего теперь уже президента на вызов, который делает Лужков, назначая изгнанного Ельциным Попцова на пост руководителя Московского телевидения, не имело смысла. В связи с новым назначением чем-то приходилось жертвовать. Я уходил с поста генерального директора холдинга «Пушкинская площадь». Холдинг лишался человека, который приносил деньги. Таким человеком был Попцов. Будучи председателем холдинга «Пушкинская площадь», я затеял ещё один проект. Проблемой для лавины вновь образованных СМИ была нехватка полиграфических мощностей. Существующие типографии в основном работали на старом оборудовании, и одна немаловажная деталь: ни одна типография, расположенная в Москве, не являлась московской собственностью. Я сумел убедить в этом Ю. М. Лужкова, положив перед ним соответствующие документы.

Став свидетелем этого абсурда, Лужков поддержал идею создания полиграфического комплекса «Пушкинская площадь», который станет базовым полиграфическим центром города Москвы. И я этот проект осуществил, построив самый современный по технической оснащённости на территории бывшего СССР полиграфический комплекс. Естественно, что, если бы эту идею не поддержал Лужков, она бы никогда не осуществилась.

Эти два проекта – канал ТВЦ и строительство полиграфического комплекса «Пушкинская площадь» – я вёл параллельно. Это было непросто, но отказаться от воплощения прорывной идеи – на пустом месте создать самый современный полиграфический комплекс, – находясь в здравом разуме, было невозможно. В чём была сложность? Опять, уже в какой раз, всё начиналось с нуля, но теперь это не телевидение или радио, не издательский холдинг, а полиграфический комплекс. В начале девяностых я возглавил несуществующую компанию ВГТРК (российского радио и телевидения): ни стола, ни стула, ни помещения, ни команды, на руках только документ за подписью

председателя Верховного совета России Б. Н. Ельцина о назначении Попцова О. М. председателем Всероссийской компании радио и телевидения – сокращённо ВГТРК, – и больше ничего.

И вот, спустя десять лет, в иных условиях воплощения очередной идеи, вопрос № 1 – создать команду, которая поверит в невозможное, и это невозможное сделает смыслом своей жизни. Сначала команду, которая всё построит, а затем команду, которая запустит новые, сверхсовременные печатные машины и начнёт выполнять заказы: опять же, сначала простые, затем сложные, затем сверхсложные, так как владеть самым современным оборудованием и тратить его возможности на упрощённые заказы – значит приговаривать своё будущее. И мы это всё создали.

То, что создали, – это очевидно. Вопрос в другом: как созданное будет существовать? Потому как факт его создания – по сути вызов. И те, кто рассчитывал участвовать в этом сотворении и оказался за чертой, спрашивали – почему не мы?

Моя отставка с поста председателя ВГТРК была, как я уже сказал, и ожидаемой и неожиданной одновременно. Не буду вдаваться в частности – «почему?» Политическая ситуация была неоднозначной, и у власти, точнее, её части, которая затеяла эту интригу вокруг отставки Попцова, не было уверенности, что этот шаг усилит её позиции на Российском телевидении – потому как управлять телевидением ни сам Ельцин, ни его окружение не умели. И последующая кадровая чехарда на ВГТРК лишь доказала это. Казалось бы, естественно, уход Попцова даёт все шансы Анатолию Лысенко – бесспорно высокому профессионалу – занять этот пост и, к тому же, в последние месяцы обозначившему своё несогласие с позицией Попцова, для которого тактика неоспоримой послушности власти была неприемлемой. Анатолий Григорьевич был чужд всевозможным потрясениям, которые, как ему казалось, провоцировала несговорчивость Попцова: постоянные трения то с хасбулатовской командой, то с окружением Ельцина.

Разумеется, мою отставку Анатолий Лысенко принял со скрытым удовлетворением и надеждой – настал его час. Но не случилось. Анатолий Лысенко – не человек атаки, он человек выжидающий. А в тот момент могла дать результат только атака: я – и никто другой. Скорее всего, поэтому, когда началась кадровая чехарда и во главе компании появился сначала Эдуард Сагалаев – креатура Коржакова, затем, спустя недолгое время, Сванидзе – креатура Чубайса, затем, опять же спустя год с небольшим, на посту главы компании появляется Швыдкой – бесполезно гадать, чья креатура: срок пребывания на посту главы

ВГТРК в тех же пределах, и только появление во главе ВГТРК Олега Добродеева стабилизировало ситуацию, Толя Лысенко оказался за пределами этого колеса телевизионной истории.

Судьба ВГТРК была мне небезразлична. Я теперь уже со стороны наблюдал за происходящим. Только Добродеев сумел оценить и продолжить, как основополагающую, идею независимости Российского телевидения и радио. До этого он уже получил «отравление» независимостью в мире частного телевидения НТВ, владельцем которого был Гусинский. Но независимость частного телевидения и независимость телевидения государственного – это две разных независимости. И власть ту независимость государственного телевидения, которую я воплотил, воспринимала очень болезненно, потому как государственное телевидение власть считала своей собственностью, и его самостоятельность в оценках деятельности самой власти аттестовалась властью как враждебность. Я это пережил, и я со своей командой это переборол.

Тезис «свобода превыше всего», в чём, по сути, и была сущность свободы слова как таковой, раздражал власть – как и Олег Добродеев, который прошёл и сумел встроиться в эту систему. Выстраивая острое и независимое телевидение, он не оказывался в эпицентре схватки: всё происходило как само собой разумеющееся, но, тем не менее, миновать столкновения всё равно не удавалось. В один из моментов, в самом начале своего главенства в ВГТРК, над миром, из которого он ушёл – НТВ, нависла угроза краха. Конфликт олигарха с властью обострился до крайности. И Добродеев, который к тому времени уже принял бразды правления в ВГТРК, почувствовал, что его уход из НТВ в этот момент, когда судьба компании оказалась в положении «быть или не быть», и в знак солидарности принимает решение покинуть ВГТРК и вернуться в компанию, с которой была связана судьба его становления.

Он подаёт заявление об отставке. Это уже другая эпоха, эпоха Путина. Реакция Путина бескомпромиссна по сути: «Олег Борисович, когда вам уходить – решаете не вы, а я. Так будем считать, что вашего заявления об отставке не было».

Таким было начало. Ответ Путина как бы предопределил последующую позицию Добродеева. По сути, Путин дал ему карт-бланш на независимую позицию как главы Всероссийской телерадиокомпании, и любые попытки членов правительства, Верховного совета, да и ближайшего окружения Путина вмешиваться в работу ВГТРК были пресечены раз и навсегда. Президент Путин в этих отношениях поставил точку. Олег Добродеев мастерски воспользовался этой ситуацией. Российское

радио и телевидение сумели достаточно продуктивно воспользоваться данными масштабами, ввести свободу в сфере общественного политического вещания и информации, по сути, открывая новую эру в этом жанре.

В чьих руках она окажется – было, без преувеличения, вопросом жизни и смерти компании как таковой. Дело в том, что мы создали другое телевидение и радио и обозначили иную дорогу этой суммации в жизни российского общества.

Следующие четыре года – с 2006 по 2010 – были иным этапом в моей жизни. Я не мог тотчас вернуться на телевидение: во-первых, в силу достигнутого на ВГТРК. Однозначно мы выиграли у других каналов, и поэтому отношение в этом мире ко мне было перенасыщено ревностью, и полагать, что я получу приглашение от компании, бывшей нашим соперником в повседневной конкуренции и болезненно воспринимавшей нашу успешность, было бы наивно.

Если в первом случае в 1990 г. в момент создания компании и моего назначения на пост её председателем революционный тезис «Кто был никем, тот станет всем» восторжествовал, то в момент моей отставки формула перевернулась: «Кто был всем, тот стал никем».

И действия участников этого процесса тогда становятся непредсказуемыми. Я не хотел быть зависимым. Свобода действия, творческих планов и мыслей, чего я, бесспорно, добился, были моей сущностью. Я умел всё и разбирался, по сути, во всём, что касалось телевидения и радио, поэтому был чрезвычайно неудобен. Моим настоящим и рядом стоящим прошлым был мир СМИ. Двадцать с лишним лет я возглавлял журнал «Сельская молодёжь», который принял в конце 60-х годов как малоизвестный журнал с тиражом в 37 тысяч экземпляров и который я покинул в 90-м году, когда тот стал одним из самых популярных в СССР журналов, имевших в тот момент тираж 2 млн 747 тыс. – и не просто самых популярных, но и самых острых. На протяжении этих лет главным оппонентом журнала был секретарь ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов. Это интересно и драматично одновременно.

Принято считать, что всякие события, касающиеся твоей судьбы, значимы, но важны детали. При моём назначении эта деталь оказалась наиболее ощутимой. На руках только документы за подписью председателя Верховного совета России Бориса Николаевича Ельцина о назначении Попцова председателем Всероссийской телерадиокомпании ВГТРК, и больше ничего: как говорится, ни кола, ни двора, ни помещения, ни коллектива, ни техники – вообще ничего. Один, совсем один. Я

помню свои слова, которые я сказал Ельцину: «Борис Николаевич, когда в революции назначали комиссаров возглавить новое дело, и тоже ничего не было, им давали хотя бы маузер и кожаную куртку». Ельцин, не скрывая усмешки, ответил: «Маузер не обещаю, а о кожаной куртке подумаем».

Это было самое начало девяностых. Так создавалось ВГТРК. А спустя десять лет, совершенно в иных условиях, происходит воплощение совершенно другой идеи.

Меня приглашает Юрий Михайлович Лужков и предлагает возглавить телевизионную компанию ТВЦ: иначе говоря, телевидение Москвы как центра России. Компанию в тот момент возглавляет Анатолий Лысенко – в недалёком прошлом практически мой заместитель в должности гендиректора ВГТРК. Я был председателем компании. Не буду вдаваться в частности – почему он здесь, а не там, в ВГТРК.

У этой ситуации своя интрига. Предполагаемая властью и неожиданная для зрительского сообщества отставка Попцова с поста главы ВГТРК и переход правления в руки Анатолия Лысенко не случились. Мои оппоненты и созидатели операции по моему отстранению Коржаков, Барсуков, Сосковец отказались от очевидной вероятности – на посту главы ВГТРК Попцова сменяет его заместитель Анатолий Лысенко. В этом была суть опрокинувшейся интриги: казалось бы, мы с Анатолием Лысенко разошлись, и вдруг. Я уходил с ВГТРК – он оставался; я возвращаюсь в совершенно иной проект, а Лысенко там властвует.

Почему он ушёл с ВГТРК? Потому что не состоялась его коронация? Всех, кто пришёл мне на смену – Сагалаев, Сванидзе, Швыдкой, – он должен был устраивать, оставаясь на посту гендиректора компании. Не уверен, что кто-то из названных коллег предложил ему уйти в отставку. Его опыт и профессионализм кратно превышали опыт вышеназванных, а значит, суть происшедшего в чём-то ином. Почувствовал несправедливость, а точнее, неблагодарность в отношении к себе? Естественный вопрос: от кого? Ответ: от ранее названной тройки – Коржакова, Барсукова, Сосковца. Но менее чем через год их эпоха кончилась. Ельцин отправил в отставку всех троих. Приближалась эра Путина.

Но что произошло? Почему Лысенко оказался на ТВЦ, а затем столь же непонятно – почему он покидает ТВЦ? У нас не было никаких контактов по этому поводу. Для меня предложение Лужкова было неожиданным. Было ли оно неожиданным для Толи, я не знаю. Но встречаться со мною он не пожелал.

Когда я приступил к своей работе на ТВЦ, Толя, спустя

несколько месяцев, высказался насчёт ТВЦ неприязненно – что, дескать, канал стал хуже (имеется в виду, чем он был при нём). Не стану рассуждать на тему, в каком состоянии я принял этот канал. Я проработал на ТВЦ почти семь лет без каких-либо трений с мэром Москвы. У нас было полное взаимопонимание относительно политических процессов, происходящих в России, как и отношение Ельцина в пору его президентства к Лужкову, как ответное отношение Лужкова к Ельцину. Лужков возглавлял Москву и был узнаваем – более того, любим москвичами. Он сам – москвич и чувствовал Москву, а это сверх-значимо. И то, что он был прекрасным хозяйственником и сумел обеспечить столице профицитный бюджет, что, ко всему прочему, и делало Москву экономически, да и политически достаточно независимой, в немалой степени раздражало президентское окружение, да и самого Ельцина.

Я это хорошо понимал, и практически при каждой встрече с Лужковым мы так или иначе касались этих проблем. Лужков был человеком идеи, замысла, и я предлагал его вниманию новые идеи, проекты, воспринимал его не как высокого начальника – от этого, как говорится, уже никуда не денешься, – а, в определённой степени, как соавтора идеи, в которую он непременно должен поверить, а это уже моя проблема. И такая надежда добавляла мне уверенности в претворении замыслов. С Лужковым было интересно работать. Я не рисковал в присутствии знающих Лужкова людей, а это по большей части были чиновники, проще говоря – власть в разном исчислении, позволить себе назвать Юрия Лужкова своим другом. Нечто подобное я испытывал и в отношении Евгения Максимовича Примакова, и Людмилы Ивановны Швецовой, и целого ряда других знаковых представителей власти, с которыми я был много лет знаком и дружил.

Атмосфера во властных коридорах – это особая атмосфера. Я бы сказал, что там, как нигде, нужен «хороший слух и хорошее зрение», потому как всё положенное следует разглядеть и всё возможное расслышать.

Оказавшись во главе ТВЦ, уже сложившейся структуры, я не стал, как принято говорить, заниматься чисткой. Я должен был присмотреться к людям и понять, на кого я могу рассчитывать с точки зрения творческого потенциала, а на кого нет. ТВЦ – это не ВГТРК, там я начал с нуля, с пустоты. Здесь было иное: уже сложившаяся и по-своему консервативная субстанция. Естественно, я при-шёл не для того, чтобы пойти в строю. Перемены всегда нужны, вопрос – какие. Во-первых, мне по-другому хотелось прочесть логотип компании: не ТВ-Центр, что

по сути было правильно, но слишком очевидно – телевидение центра страны, чем, по сути, является Москва. Всё так, но нужно что-то своё, непохожее. И вот тогда возникла идея дать иную расшифровку логотипа. Телевидение вечных ценностей. И под эту аббревиатуру творить программное наполнение.

Первое, с чего я начал, – с изменения лица информационно-политического эфира.

Появилось своё название информационной программы. Если на ВГТРК я создал «Вести» как концепт, то здесь надо было нечто иное. Так появился другой информационный стандарт: «События. Время московское», но затем это добавление «Время московское» хотя и придавало индивидуальность идее, делало название программы излишне громоздким, поэтому я решил оставить «События». Всё получилось логично: на Первом канале – «Время», на ВГТРК – «Вести», на ТВЦ – «События». Однако временной рисунок терять не хотелось. Так, вечерняя информационная программа выходит уже, по сути, в полночь; появился логотип «25 час», в расширенном варианте – «События – 25 час». Бесспорно, это позволило создать по сути иной эфир, ни в чём не повторяющий информационные программы каналов конкурентов. Иными были и стиль, и ведение программ.

Специфика Московского канала заключалась в том, что еженедельно на нём присутствовал мэр Москвы. Задача, опять же, была всё та же: избежать привычного стандарта, что присутствует и на Первом, и на Российском канале, расширить диапазон рекламы первых лиц России. Сейчас это обрело тенденцию навязчивости, чего раньше не было. Некая схватка за президента – причём Путин сам тому ни в коей мере не способствует. Ему не надо об этом напоминать; они – я имею в виду хватких ведущих, как, например, Соловьёв, – придут сами. Потому как в общем информационном потоке информация о событиях, в которых принимает участие верховная власть, даётся в эфире с абсолютной одинаковостью, что бесспорно снижает интерес к этой информации. В этом очевидный просчёт профессиональных СМИ. В этом привычно обвиняют власть. Съёмки ведутся в одном и том же месте, с одной и той же точки, и никаких иных вариантов власть не разрешала.

Эта проблема была всегда. Мне вспоминаются мои годы работы во главе ВГТРК: где-то в начале 90-х мы делали большой материал, в котором фигурировал президент Франции Миттеран. После показа этого репортажа в эфире я сделал буквально разнос команде, осуществившей эти съёмки, потому как комментарии на ВГТРК, Первом канале и на НТВ были один в один. Я сказал: «Коллеги, неужели вы не могли изучить историю места, на

котором Миттеран давал интервью по поводу происходящих событий? На этом месте было совершено одно из покушений на генерала де Голля, в то время президента Франции. Неужели вы не понимали, – сказал я коллегам, – используй вы архивную съёмку в вашем репортаже, это сделало бы материал не просто непохожим, а совершенно, в полном смысле сенсационным. Вот как надо работать, коллеги. У всякого события есть его вчера, сегодня и завтра». Обида от критики скоро прошла, а понимание осталось. Репортёры стали работать, используя фактор информационных неожиданностей.

Всё справедливо и точно, если вы хотите придать телевизионной концепции как таковой иной образ. А для меня, как человека, возглавившего в 2000 г. ТВЦ, это было приоритетной задачей: прежде всего реформировать концепцию информационного и общественно-политического вещания, потому что это направление на телевидении главенствует. Именно оно рождает доверие и интерес к каналу. Телевидение, радио, а по сути, все массовые СМИ страдают от одинаковости. Интерес слушателя, зрителя и читателя начинает сокращаться. Теряется эффект открытия. Таковым было моё понимание телевидения. Поэтому первое, что мне удалось сделать на ТВЦ – создать другой образ информационного и социально-политического вещания.

И появление Ильи Колосова как ключевого ведущего программы «События» изменило отношение к ТВЦ как массового зрителя, так и власти. Этот образ иного телевидения стал более объёмным с приходом на ТВЦ Андрея Караулова и Алексея Пушкова.

Одна из очевидных проблем ведущих каналов российского телевидения сегодня – одинаковость общественно-политического вещания. Одинаковость тем, одинаковость режиссуры, одинаковость участников. Фамилии ведущих разные: Соловьёв, Попов, Бабаян… а стиль ведения диалога очень похож. Родоначальником подобных ток-шоу с чётко очерченной индивидуальностью оказался Владимир Соловьёв. Он старается сохранить свою особость, и ему это отчасти удаётся. Но та самая «одинаковость» присутствует и здесь: Соловьёву не хочется меняться. Ранее он пережил сбой, когда поскользнулся в отношениях с властью и на какой-то момент пропал с экрана, но ненадолго. Соловьёв сделал необходимые выводы. Если ты обслуживаешь власть, а ты её обслуживаешь, будь добр жить по её законам. Соловьёв принял эти правила игры. У российской власти ныне достаточно врагов, поэтому, играя в демократию и с торжеством свободы слова, не переусердствуй.

Ты даёшь понять, что двери твоей студии открыты для оппонентов и даже очевидных противников присоединения Крыма к России и сторонников антироссийской риторики, но что удивляет – состав участников проукраинской риторики постоянен. Это одни и те же лица, появляющиеся на ток-шоу на всех российских каналах. Кстати, по признанию многих из них, они уже давно не были на Донбассе, как и в Одессе. Но их взгляды отрепетированы: «Россия – агрессор».

Соловьёв профессионально управляет этим процессом, и появляющиеся в его программе украинские националисты, а это случается, получают отпор по полной со стороны участников той же дискуссии и, как факт непременного отрезвления, «пинок» от разводящего, роль которого исполняет Соловьёв. Так что придётся принять как очевидное, что, не в пример украинскому телевидению, свобода слова в России – постоянная составляющая работы СМИ. Кстати, Бабаян на ТВЦ в своей информационной программе «Право голоса» старается выбиться из общего рисунка ведущих, и ему, пусть не всегда, это удаётся. Индивидуальность ведущего сводится на нет одинаковостью участников дискуссии. Слишком много одних и тех же, поэтому зрительские эмоции проседают. Зритель не ожидает ничего нового от участников полемики, и повышенные тона, на которых, как правило, ведутся дискуссии, вызывают не интерес, а раздражение у зрителя, и он выключает телевизор. В дискуссии сплошь и рядом отсутствует культура диалога, потому как перекричать – еще не значит убедить.

И ещё одна непременная особенность современных политических гуру: концентрация их внимания на событиях, происходящих за пределами нашего государства, – это, прежде всего, Украина и, конечно же, Европа, которая переживает не лучшие времена.

О толерантности можно забыть раз и навсегда, поток эмигрантов захлестнул Европу, и попытки остановить его силами самой Европы практически бесплодны. Ужесточение в расчётах количества беженцев, которое может и должна принять каждая страна, на чём настаивает Евросоюз, – абсурдно по сути, потому как под вопросом оказывается независимость самих европейских стран. По сути, Евросоюз, спонсируемый Америкой, в формате волевых действий диктует странам Европы, сколько и когда беженцев они должны принять, что неминуемо в ближайшее время приведёт к межнациональным конфликтам на территории этих европейских стран. Это коснётся в первую очередь Франции и Германии, Италии, Греции.

Независимо от того, останется ли Британия в составе

Евросоюза или нет, эти потрясения переживёт сверх-консервативная Англия. Не останутся в стороне и Польша, и вся Юго-Восточная Европа. Следует добавить, что Всемирный Халифат бросил цивилизованному миру вызов. Быть или не быть?!

И в этих условиях попытка превращения Америкой в союзе с утратившими самостоятельность европейскими государствами России в главного врага – политическое безумие. Бесспорно, эти проблемы сверхважны и сверх-актуальны, и телевидение и радио, как определяющий ресурс формирования мировоззрения такой страны, как Россия, не могли остаться в стороне от обсуждения и решения этих проблем. Но есть одно «но», и «но» очевидное: недопустимо, чтобы эти международные конфликты поглотили телевизионное пространство и свели на нет постижение и понимание проблем и конфликтов внутренних, а они присутствуют в достаточном количестве.

Что интересно, полнообъёмный экономический кризис, так и не прекратившийся с 2008 года, а имеющий продолжение в разных версиях – стагнация, рецессия, – не становится главной темой публичной полемики на телевизионных каналах. И если мы вдруг рискуем заикнуться о них, то не более, чем слегка, потому как главным противником этой полемики является исполнительная власть. Чем было примечательно недавнее заседание президиума Экономического совета при президенте? Оно показало масштаб хаоса мнений среди ведущих экономистов страны о перспективах её развития. И далее, как говорится, версия на любителя: одни говорят, что пик падения пройден, мы входим в равновесный период, и показатели со дня на день пойдут вверх; другие выражают категорическое несогласие с таким выводом.

Страна нащупала дно, но на дне много грязи, её ещё надо разгрести, потому как чистота дна и его прочность – гарант возможности от него оттолкнуться и двинуться вверх. Пессимисты вообще не настроены погружаться в рассуждения: где? Когда? Как? И сколько? Они категоричны: России потребуется время в параметрах 3–5–10-ти, а, возможно, и 15-ти лет, чтобы не вырваться вперёд, а вернуться на стадию уверенного и одновременно умеренного роста. Для чего, спросите, собрались? Чтобы объявить о разработанной программе? Упаси бог… Желающих разработать – тьма, желающих отвечать за реальность разработанных программ – ноль. И на упрёки окружающих – обидчивый ответ: «А вы что хотели, попросив разработать программу? Мы её написали. Ну, а получится, не получится – это уже ваши проблемы».

Чем завершилась полемика на заседании президиума Экономического совета? Президент поручил своему доверенному экономическому авторитету Алексею Кудрину разработать программу устойчивого экономического роста. Это задание президента. Программа должна быть готова к лету 2017 года, уточняет Кудрин.

Кудрин предупредил заранее, что его команде предстоит показать президенту и разъяснить стране «карту рисков», без понимания которой ни написание стратегии, ни, тем более, её реализация невозможны. А если учесть, что уже не один и не два года Кудрин настаивает на повышении пенсионного возраста, то можно понять, что лишь эта частность предполагает жестокую схватку за отстаивание этой кудринской «карты рисков», которую ждёт наша власть и наше общество. Как и понять степень ответственности президента, который заявит уже программу не как обсуждаемую, а как обязательную к исполнению.

Ну, что ж, нас ждут нелёгкие времена. Лето 2017. Ни о каких результатах к этому времени речь не идёт. На столе президента должна была появиться уже не подлежащая обсуждению программа развития страны. Вся процедура обсуждения должна стать обязательной составляющей выработки программы не после, а до того.

Казалось бы, твоя задача – не отклоняться от пути, который обозначает твоя память, продвигая тебя через джунгли воспоминаний, однако, вопреки этому закону, ты постоянно отклоняешься, окунаясь в сегодняшнюю жизнь. Нет-нет, всё справедливо. У каждого человека, как и всего сообщества, присутствует прошлое, настоящее и будущее. И ты уже ничего не можешь с собой поделать: настоящее – действующая реальность, и, пребывая в ней, ты от её имени воссоздаёшь прошлое. В этом смысле настоящее с его проблемами, которые присутствуют здесь и сейчас, диктует образ воспоминаний и их политические ориентиры. Это просто твоя жизнь в разных временных измерениях. Когда-то ты был в центре событий, был их участником и даже влиял на суть происходящего. А сейчас, спустя достаточное время, ты перемещаешься в другой мир. Тебе не хочется называть себя пенсионером, но ты им являешься, и поэтому ты аттестуешь себя зрителем, прохожим, человеком толпы, той самой, которая имеет право на возмущения и протест.

Поэтому я полагаю, что читатель поймёт меня и простит, когда я вмешиваюсь в сегодняшнюю жизнь и даю оценки происходящим событиям. Мне не хотелось бы сравнивать временные параметры моей жизни, когда я возглавил ВГТРК и, по сути, со своей командой создал Российское телевидение и радио

в буквальном смысле этого слова на пустом месте, с нуля. Со временем моего появления во главе ТВЦ их разделяют четыре года. Эпоха ВГТРК – с 1990 по 96 год, эпоха ТВЦ – с 2000 по 2006 год. Да, именно так – почти четырнадцать лет своей жизни в целом отданы телевидению и радио. Вряд ли кто-то позволит себе сказать, что одна телевизионная компания была похожа на другую. Во-первых, начальным этапом создания ВГТРК было создание Российского радио, а появление телевидения можно считать вторым этапом. На ТВЦ всё было иначе, там уже была команда.

И ещё одна крайне важная деталь. На государственных СМИ ты в любом случае в постоянном контакте с государством – естественно, в разных измерениях. В пору моего создания Российского радио и телевидения, по первому логотипу – РТР, а уже затем – ВГТРК, государственное влияние измерялось президентом страны и его окружением. Это было непросто, но это было, потому как считалось: ты существуешь во имя России и говоришь от её имени. Естественно, существование твоих постоянных контактов с Борисом Николаевичем Ельциным делало тебя более независимым в среде власти, но более зависимым от настроения и капризов президента. А как первое, так и второе в ельцинской повседневности присутствовало. ТВЦ было телевидением Центра, иначе говоря – Москвы. Естественно, ореол государственности воплощал мэр Москвы Юрий Лужков, и возглавить ТВЦ мне предложил лично он.

Пауза между ВГТРК и ТВЦ была достаточной: четыре года. Но и разница между компаниями была значительной. Если ВГТРК к 2000 году уже в достаточной степени главенствовала, то ТВЦ, как компания Москвы, стремилось прорваться в высший эшелон, а не остаться только московской компанией.

Особенностью ТВЦ было присутствие в эфире каждую неделю программного участия мэра города. Это, конечно же, повышало зависимость ТВЦ от власти, но в то же время постоянный контакт Попцова с мэром Москвы напрягал рядом и ниже стоящую московскую власть, потому как эти отношения предполагали достаточную независимость руководителя Московского телевидения в общении с окружением Лужкова. Немалое количество проблем создавал Цой – помощник мэра по СМИ.

Открытых конфликтов он старался избегать, но трения чувствовались. У нас были нормальные отношения, я старался не обострять их. Как-то в беседе я ему сказал однажды, сопровождая реплику улыбкой: «Настучать можешь, а убедить – с этим сложнее».

Общаясь со многими газетами, Цой проникался ощущением

своей значимости, конечно же, завышенным. По сути, он так и не понял, что знать мало, надо уметь влиять. Влияние значимо, если оно востребовано, и употребить своё влияние на собеседника – а если сказать жёстче, возможность давления на него – было неким самоопьянением для Цоя. Он жил с ощущением этого превосходства, и оно было крайне завышенным.

С Лужковым было интересно работать. Бесспорно, он мог быть более значим, чем просто мэр Москвы. И ревность к нему высоких властей это подтверждала. Любой план по развитию Москвы выходил за пределы привычного. Москва была столицей, и уйти в тень, претворяя ту или иную инициативу, было невозможно.

Почему? Потому что это была Москва. И потому что это был Лужков, мэр Москвы. Всякий разговор по поводу тех или иных проблем, касающихся телевидения и выделения средств на его развитие, немедленно перерастал в обсуждение важнейших целей в масштабах России. У Лужкова возникала масса идей, и он пользовался любой нашей встречей, чтобы сделать меня союзником своих взглядов. Он видел во мне сторонника, и это было действительно так. Он был москвич, и это Москва чувствовала. Он каждый год проводил коррекцию льгот для москвичей. Это он ввёл так называемую карту москвича, которая обеспечивала бесплатный проезд на всех видах транспорта. Столь же внимателен он был к вопросам развития московской медицины и образования. Это при Лужкове детские площадки во дворе стали нормой, и Москва обрела в буквальном смысле слова свой дворовый мир.

Восстановление разрушенного храма Христа Спасителя правомерно назвать выдающимся деянием мэра во имя живущих граждан и их потомков. Если когда-то возникнет идея поставить памятник Лужкову в Москве – а она непременно возникнет, – то его следует поставить там, на площади рядом с храмом Христа Спасителя, главным храмом Москвы и России.

Где бы сегодня ни появлялся Лужков, на каком-либо спектакле в театре или массовом действе, присутствующие встречают бывшего мэра аплодисментами. Он всюду был своим: в Академии наук, в любом знаковом институте, в больнице, школе, на заводе. Он сделал в Москве профицитный бюджет, чего в современной столице уже долго нет. Бесспорно, блестящий хозяйственник.

Но случилось то, что случилось. Медведев временно сменил Путина, на правах сторожа президентского кресла. Путин сделал паузу на 4 года, дав Медведеву попробовать себя в должности президента. За это время Медведев ничего яркого и значимого

сотворить не смог. Он сделал один амбициозный вызывающий шаг – под мотивировкой «утраты доверия» снял с поста мэра Москвы, лучшего мэра России Юрия Лужкова. Умеющий всё и вся Лужков утратил доверие ничего не умеющего Медведева. Путин, пребывая в тот момент в роли премьера, сохранил своё уважительное отношение к Лужкову, но публично вмешиваться в этот конфликт не стал. Не очень понимая, что тем самым сыграл на руку целой армии временщиков в коридорах власти и завистников, ибо согласные с этим хамским вызывающим поступком Медведева, президента-«подростка», сами значимости не достигли.

У нас в 1998–99 годах был шанс. Лужков в преддверии предстоящих думских и президентских выборов создал движение «Отечество», которое в скором времени объединилось с движением «Вся Россия», созданным губернатором Санкт-Петербурга Яковлевым, а также главами регионов – Шаймиевым в Татарстане, Рахимовым в Башкирии, Аушевым в Ингушетии, после чего появился логотип «ОВР», в расшифровке – «Отечество и вся Россия». Движение ОВР добилось внушительных успехов на тех выборах. Еще недавно главные шансы были у КПРФ, и, по общему мнению, ОВР могло потеснить лидера.

И тут в состоянии предвыборной истерики Кремль немедленно создаёт движение «Единство», которое опирается на ресурс регионов. И те, кто ещё вчера кидался в объятия ОВР, начинают пятиться. Губернаторы отводили глаза в сторону и говорили, что они находятся в финансовой зависимости от центра: вы должны понять нас, мы вынуждены поддержать прокремлёвское движение «Единство». Травля движения ОВР дала результат, и в общем списке политических партий ОВР отодвинули на третье место. Но всё равно успех созданной восемь месяцев назад партии был значимым. Он мог быть оглушительным, но не стал. Административные ресурсы и участие в создании «Единства» Бориса Березовского, как и деньги, выделенные на создание партии, принесли результат. ОВР оказалось вытесненным на третье место. Движение это в атмосфере травли со стороны «так называемых конкурентов», финансируемых Березовским, собрало 14,5 процентов голосов.

И мысль, которая не оставляла нас в покое, – принять участие в президентских выборах, воплотить идею: президент – Примаков (входивший в ОВР), а премьер-министр – Лужков. Этот союз, как нам казалось, мог сотворить невозможное. Примаков уже доказал, возглавив правительство, что можно сделать в критических условиях за 8 месяцев. И вот в паре с выдающимся хозяйственником и управленцем, которым являлся Лужков,

можно было сотворить управленческое чудо, сделать столь необходимый экономический рывок.

Бесспорно, предвыборная кампания и её начало не прошли бесследно. Возникла травля Примакова и Лужкова, которую организовал Борис Березовский, пригласив Доренко создать документальный фильм, пропитанный неприязнью и даже правомерно сказать – ненавистью к Примакову.

Наш ответ был мгновенным: я приглашаю Говорухина, и он создаёт прекрасный документальный фильм, где в полном смысле этого слова вскрывалась суть продажности Доренко, а также лживость и подлость, которую вершил Березовский и в жизни, и в кремлевских коридорах.

Примаков, конечно же, был признателен нам за этот ответный удар наотмашь, но участвовать в президентских выборах отказался. Меня пригласили на заседание совета ОВР и поставили передо мной задачу встретиться с Евгением Максимовичем Примаковым и убедить его не делать этого шага и не выходить из игры.

Кстати, 14,5 % голосов на выборах для партии, появившейся только-только, – это был значимый результат. Но, увы, за счёт купленных голосов «Единство», конечно, победило.

Мы встретились с Примаковым в его небольшом уютном офисе. Мы были друзьями и проговорили более трёх с половиной часов. Переубедить Примакова не удалось. Ему не нужна была реклама, высокие слова о его достоинстве и политической смелости. Ведь случись эти выборы, он противостоял бы Путину, в руках которого был бы весь административный ресурс. Еще неизвестно, как бы воспринял это сам Путин, у которого есть чувство достоинства. И для него Примаков был фигурой сверхзначимой. Но в политике сослагательное наклонение не действует – «вот если бы…».

Мне запомнилась завершающая наш разговор фраза: «Олег, я не умею проигрывать. Случись эти выборы, у них всё: административный ресурс и нескончаемые деньги. А агитационные плакаты с моими портретами по всем городам и весям мне не нужны». Это был истинный негнущийся Примаков.

Есть некая логика бытия. Чем значительнее история (тем более такой страны, как Россия, пережившая эпоху СССР – великой страны, которой уже нет), тем больше желающих эту историю переписать. Так что некому защитить прошлое. В связи с этим придётся признать – запудривание мозгов будет длительным.

Создание ВГТРК, или Начало всех начал

Возвращаясь к событиям прошлых лет, я ловлю себя на мысли – рассказ вроде как посвящён телевидению, а само телевидение в нём порой отсутствует, словно его нет. Чем занимаются люди? Какие программы создают? Разумеется, это кажущееся восприятие, всё было несколько иначе.

Команда формировалась, программная политика выстраивалась, к сожалению, не в поступательном и плавном движении, а рывками, созвучными ударам, которые обрушивались на компанию.

Время было трудным, лишённым похожести на недавнее прошлое. Ныне мало было что-то придумать, а затем сотворить задуманное. На первый план выдвигалось нечто иное – отстоять задуманное, обеспечить ему поддержку зрителей и, разумеется, слушателей, если это радиопрограмма.

В тех условиях опираться на власть было непросто. Это непростой процесс обновления России, создание новой команды и новой философии управления страной. А факт, что преамбулой как первого, так и второго был революционный хаос, достижение этих целей делал чрезвычайно трудным. У меня даже родился некий афоризм, отражающий время: «Вы, ребята, готовьте эфир, а я побежал на баррикады».

Власть пребывала в непрекращающихся внутренних столкновениях. То она теснила оппонентов, то отступала перед ними. И компании, и мне, как её руководителю, приходилось выстраивать отношения, как с той так и с другой стороной.

Можно считать эту особенность главной в процессе создания ВГТРК. Нескончаемые конфликты и столкновения в структурах высшей власти. Сначала столкновения внутри Верховного совета, а затем они, естественно, в таком же формате, пришли в Государственную думу, которая явилась на смену Верховному совету. Противоборство между первым президентом России и Верховным советом в лице его главы Руслана Хасбулатова.

Нескончаемые межпартийные стычки. Ну, казалось бы, Бог с ними, нужна им борьба, пусть борются. Ан нет… компания, рождённая, по сути, как результат этих безостановочных схваток, должна была занимать свою позицию относительно участников в этой борьбе. А это уже делало жизнь компании малоприятной, если не сказать невыносимой.

Желание давить на компанию было у многих. Как правило,

первые лица делали это в крайнем случае, определяющей силой давления стал мир клевретов.

Отстоять независимость, которую ты провозгласил как знамя компании, было непросто.

Оплотом независимости стали информационно-политические программы. Они воплотились над самой политикой компании и вызывали очевидный интерес зрителей, как и напряжённое внимание к ней.

Особого выбора у нас не было. Либо в общем пешем строю, либо во главе колонны, ещё и со знаменем в руках. Да, я ранее не работал на телевидении, я видел его со стороны. Но очень скоро я понял, что взгляд со стороны для понимания телевидения, его роли в формировании мировоззрения общества гораздо значимее, чем взгляд изнутри, который ограничивается телевизионными закономерностями, внутренними правилами существования самого телевидения. А значит, масштаб свободы и восприятия жизни уменьшается. Поэтому крайне важно для команды не зацикливаться на внутренних правилах.

Что бесспорно верно, противоречивость 90-х была зашкаливающей. Но очевидная безграмотность, которую демонстрируют политики сегодняшнего дня, не столько удивляет, сколько настораживает.

Упрекнуть нашу власть в провидении было бы чрезвычайным риском. Потому как провидение – это действия опережающего характера. А России, судя по жизненным коллизиям, через которые она проходит, предписано историей – хотя, возможно, это воля Всевышнего – всегда догонять.

Оглядываясь назад, в те годы, понимаешь, что это был период революции со всеми удручающими составляющими, которые дарует нам революция, и как первый фрагмент – это кадровая вакханалия, сопровождающая любую революцию.

Ещё вроде существовал Советский Союз и его президент Михаил Горбачёв. Но одновременно уже существовала независимая Россия и сначала возглавлявший её в качестве председателя Верховного совета Б. Н. Ельцин. Но затем, спустя относительно небольшое время, он же, но уже в качестве президента России.

Существовало государственное телерадио, которое сначала возглавлял Ненашев, затем его убирают, и на его месте появляется Кравченко. И если первый возглавил телевидение по решению Политбюро, то Кравченко, сменивший его, был ставленником лично М. С. Горбачёва, ставшего в тот момент президентом СССР. Когда Ненашева сменил Кравченко, мы с Лысенко не сговариваясь произнесли одну фразу: «С этим

договариваться будет ещё трудней». Факт очевидный с точки зрения профессионализма: Кравченко был значимее предшественника. До этого назначения он работал заместителем председателя Гостелерадио, плюс к этому с именем Кравченко были связаны телепрограммы, ставшие некими телевизионными вызовами. Появление программ «Взгляд», «Семь дней» правомерно назвать мини-революцией в информационном телевидении. И если Ненашев в прошлом был руководителем Лысенко в отдалении, то Кравченко курировал команду, в которой Лысенко работал непосредственно.

Есть одна особенность в написании этой книги. Российскому телевидению и радио исполнилось 25 лет. У истоков того и другого я стоял лично. Говоря точней, я со своей командой сначала создал радио, а затем телевидение России. В этом процессе – создание ВГТРК – было две ключевых фигуры: Олег Попцов и Анатолий Лысенко. Это был мой выбор, и конструкцию управления предложил я сам. Некое равенство в управлении. Попцов председатель компании, Лысенко – генеральный директор. Но увы, благость замысла не всегда превращается в благость воплощения. У каждого из нас была своя биография. Толя из нутра телевидения, я из нутра журналистики. Моё прошлое более чем двадцатилетнее пребывание на посту главного редактора журнала «Сельская молодёжь», который я принял с тиражом 37 500 экземпляров, а покинул, когда его тираж перешагнул цифру в два с половиной миллиона, а чтобы быть точным: 2 миллиона 670 тысяч экземпляров. На это ушли многие годы. Но что было, то было. Журнал стал одним из самых читаемых и популярных изданий в стране. Он был общественно-политическим литературным журналом. И мне удалось с командой сделать журнал значимым как в общественно-политической жизни страны, так и в литературе – свидетельством этому было и пятитомное приложение к журналу героико-приключенческой прозы «Подвиг» с тиражом более полумиллиона.

Тогда во мне проснулась режиссёрская суть. К этому следует прибавить театральную семью, в которой я вырос. Как я уже не раз говорил, моя мама Неугодова Антонина Александровна, начинала свою биографию как актриса МХАТА, куда ее принимал Константин Станиславский, в ту пору главный режиссер этого театра. Актерский мир был мне близок. И посещая театр вместе с мамой, я много времени проводил за кулисами, куда я получил доступ благодаря моей маме. Там я познакомился с такими актерами, как Черкасов, Крючков, Смоктуновский, Пельтцер, Раневская, и режиссёрами Товстоноговым, Акимовым. Разумеется,

эта часть моего ленинградского периода жизни была важна, и пригодилась уже в Москве, когда я начал путь журналиста, а затем писателя, не кончая никаких факультетов журналистики и литературных курсов, потому что школой для меня была сама жизнь. Видимо, поэтому я сравнительно легко вошёл в телевизионный мир.

Это разница в биографии аса телевидения и, возможно, аса в журналистике не рождала отторжения, наоборот, она увеличивала масштаб притяжения. По крайней мере, так мне казалось, должно быть. Мир-то один – творчество, один писатель, другой режиссер. Эту роль выполнял Толя в воплощении своих замыслов. Но дело в том, что я достаточно быстро вписался в телевизионный мир. Во-первых, я по природе своей был выдумщик. Эти мои качества проявились еще в институте, когда я придумал факультетскую сатирическую газету «Сачок». Я учился на лесохозяйственном факультете и должен был получить диплом по профессии учёный-лесовод. Но в период моего обучения случилось некое реформирование учебного процесса и коррекция учебной программы, и на выходе я получил диплом уже с другой профессией – инженер лесного хозяйства.

Название газеты «Сачок» было более аттестовано к первой профессии – ученый-лесовод. Так как одними из ключевых дисциплин на факультете были – энтомология и фитопатология. Мир растений и мир насекомых. Так что «Сачок» был очень кстати, как прикрытие главной сути. Сачками называли прогульщиков, пропускающих занятия. Поэтому интерес к газете начинался с ее названия. Создание сатирической газеты на лесохозяйственном факультете породило массовое подражание. Мы инициировали создание сатирических газет на всех факультетах. Появилась газета «Пила» факультета МГД – механической обработки древесины. «Сучкорезка» инженерного факультета, «Ревизор» экономического факультета.

Факультет ГЗС – городское зеленое строительство, придумал название газеты «Нескучный сад». И как завершение – я придумал и создал общеинститутскую сатирическую газету под названием «Баня».

Академия была одним из крупнейшим вузов в Ленинграде и по численности студентов стояла на втором месте, после университета и политеха. Не помню там общее число студентов, где-то в районе 4,5–5 тысяч. Актовый зал в новом здании вмещал 5 тысяч человек. И мой режиссёрский навык проявился тогда же.

Главным праздником в академии стало 5 мая, День советской печати. К этому дню мы с моим другом Борисом Таллером писали сценарий художественного шоу, которое мы вели вдвоем. Одна

деталь – рост Бориса Таллера был 193 см, а мой 167 см. В полном смысле этого слова Пат и Паташон. Как подтверждение моего амплуа выдумщика – большинство названий в газете, как и текст под карикатурами, придумывал я.

И если Толя выстроил персональный коридор телевизионщиков, которые и стали в большинстве своём нашей командой, то я понимал, что без пополнения этого привычного мира выходцами из печатной журналистики, мира художников, и, если удастся, и театрального мира, сделать другое телевидение, а в этом был смысл замысла, нам не удастся.

Я уже однажды оговорился, что я быстро учусь, и не успевал постигнуть всей глубины нового, но ощутить его контуры и особенности у меня получалось, как и понять очевидные изъяны этого нового для меня мира.

Я достаточно скоро понял, что телевидение закостенело в рамках привычного. Что его главным изъяном, особенно в информационном вещании, является одинаковость и порой полное отсутствие режиссуры.

А когда ты начинаешь понимать и ещё тащить на плечах груз руководителя, то чувство повседневной ответственности заставляет тебя выкладываться и в содержательную суть, обращать внимание на её выхолощенность, и на режиссуру, которой по сути нет. Естественно, это раздражало Анатолия Лысенко, который полагал, что пауза, сопровождающая моё постижение телевидения, будет более долгой и моего согласного кивания головой для него было бы вполне достаточно. Увы, этого не случилось. И ещё один ощутимый момент. Создание нового телевизионного канала требовало своей новой концепции оформления. Работая в журнале, а он был иллюстрированным, удалось собрать прекрасную плеяду художников. Можно перелистать журнал практически за все годы его существования, чтобы понять степень нестандартности и непохожести его оформления на другие журналы. Это почти всегда был некий вызов привычным оформительским решениям, создание иного дизайна.

Я помню первую встречу с ядром, созданной телевизионной командой, когда я впервые решил их познакомить с наработками нового оформления главной информационной программы, в создании которой участвовали замечательные художники. Реакция моих коллег, по крайней мере, озадачила меня, когда я показал на экране вращающий земной шар и табун скачущих по нему лошадей – это был новый вариант оформления главной информационной программы «Вести». Замечу, кстати, что это название придумал я.

«При чём тут лошади?» – задала вопрос Светлана Сорокина, одна из ведущих главной информационной программы. Затем последовал второй вопрос, заданный Еленой Поздняк, режиссёром информационных программ: «А почему земной шар голубой? Что, оформлением у нас занимаются „голубые“?» Ответный смех был сдержанным, но он был.

Я выдержал паузу и, не без труда сдерживая раздражение, ответил: «Милые дамы! Всё в мире имеет свою историю. На древнем славянском языке весть – это лошадь. Дело в том, что в те времена все вести приносили лошади, а точнее, люди, доставляющие их на лошадях. Теперь относительно „голубых“, занимающихся оформлением нашего канала. Дело в том, что в космосе наша планета земля выглядит голубой. Чтобы понять это, не надо менять половую ориентацию».

Следующей страницей было оформление спортивных программ. Я решил тоже бросить некий вызов привычному и взять за основу картину художника Дейнеки – бегуны, буквально летящие в своём движении над землёй. Когда я выставил эту картину, к ней подошёл Иваницкий – заведующий отделом спортивных программ, в прошлом блестящий спортсмен, неоднократный чемпион мира по спортивной борьбе. Он подошёл к картине, наклонился и произнёс: «Но они же бегут не в кроссовках». Это можно назвать финалом осмысления… После этого непросто было сдержать раздражение, но я сумел и совершенно спокойно произнёс фразу: «Спасибо за внимание. Все свободны».

Вот так всё начиналось. Каждый начинал новый мир по-своему. Правомерно сказать, когда ты пришёл со стороны, а я в понимании моих телевизионных коллег был именно таким, поэтому мои новации многими членами команды принимались если и не в штыки, то с достаточной степенью настороженности. Было ли для меня это неожиданностью? Нет.

Я знал, что непременно в компании сложится два лагеря: лысенковский и попцовский.

И я был уверен, что творчество и его свобода возьмут верх и мой лагерь будет расширяться. Однако всё было не так просто. Поспешность порождает ошибки. А времена девяностых, аттестованных впоследствии как «лихие девяностые», были именно такими – и поспешными, и лихими.

Трудно было предположить, что с разницей в два года мы переживем ГКЧП в 1991 году, а затем смятения 1993 года, порождённого указом Ельцина за номером 1400 о роспуске парламента, и объявление новых выборов, и как следствие – бунт парламента, отказавшегося выполнять этот указ президента. И

что интересно, если в первом случае это был переворот советского времени, существовал Советский Союз, то затем нечто подобное уже сотворила демократическая власть, порождённая в начале лихих девяностых, и в этих условиях создавалось и становилось на ноги наше российское телевидение и радио. И в этих условиях обвинения, что я занимаюсь политикой и, более того, втягиваю ВГТРК в этот процесс, в чём меня постоянно упрекал Анатолий Лысенко, выглядели нелепо. Жизнь превратилась в сплошную политику.

Три августовских дня 1991-го, с 19 по 21 августа, могли стать преддверием ада. Слава Богу, не стали. После августовского путча 1991 ВГТРК уже существовала. Возник вопрос: каким в таком случае будет статус «Останкино». Союз перестал существовать. Россия является преемницей Союза и должна была принять компанию «Останкино» под свою юрисдикцию.

Телецентр строили за счёт бюджетных средств, прежде всего России. Тем более что каждая республика имела своё телевидение и радио, куда и вкладывала собственные средства. Возникал непростой вопрос – у России теперь две общероссийские компании. Какую считать главной? Тогда же руководство «Останкино» было утверждено ЦК КПСС, после отстранения от должности Леонида Кравченко, человека, скоротечно отрёкшегося от своего прежнего хозяина. Хотя было общеизвестно, что Кравченко числился ставленником Горбачёва. Возник вопрос о новом руководстве компании. Указ по этому поводу был одним из первых среди подписанных президентом в ту тревожную ночь с 20 на 21 августа. Освободить освободили, а кого поставить? «Останкино» в лице прежнего руководства, по крайней мере внешне, приняло позицию ГКЧП. Значит, делать ставку на кого-либо из заместителей нельзя.

В тот момент я находился в штабе, когда мне сообщили, что меня разыскивают Шахрай и Станкевич. В то время он ещё числился заместителем главы городского совета Москвы, и мне было непонятно, зачем я ему понадобился. Все собрались в кабинете. Раньше меня пришёл Михаил Полторанин.

Все трое оживлённо спорили и не обратили особого внимания на моё появление. Я, озадаченный таким невниманием к себе, поинтересовался: «В чём тут дело?». «Пишем указ о телевидении», – ответил Станкевич. Его перебил Полторанин: «Надо посоветоваться, кто заменит Кравченко и возглавит Останкино». Станкевич сказал: «Текст указа готов, нет только фамилии, так что ты появился весьма кстати. Мы считаем, что этим человеком должен быть ты».

«И вообще, „Останкино“ и вашу компанию надо объединить, –

это уже сказал Полторанин. – Кому нужна дополнительная головная боль?» Я возразил: «Почему у вас не возникло желания для простоты управления объединить все оперные театры в один?» Шахрай рассмеялся: «Об этом мы ещё не думали. Кто знает, может быть».

В одном из вариантов указа уже стояла моя фамилия. Я попросил её вычеркнуть, а затем для большей надёжности сделал это сам.

Для меня подобный вариант был губителен. Во-первых, я с трудом согласился на свой нынешний пост. Во-вторых, при всех изъянах и рисках моей нынешней должности для меня имело главный смысл – может быть, кому-то это покажется абсурдным, – что на пустом месте, не имея ни стола, ни стула, ни копейки денег мы вдвоём с Анатолием Лысенко создаём федеральное телевидение и радио. При этом придумали и то и другое в условиях немыслимых, когда кругом всё разрушалось. В то лето 1990 года я настоял, чтобы фамилия Лысенко оказалась в постановлении Президиума Верховного совета рядом с моей фамилией: Попцов О. М. – председатель компании, Анатолий Лысенко – генеральный директор.

Я сразу предложил некое равенство отношений, установив его доли в этом документе. Таковы были мои убеждения. Время показало – то, что восхитительно в декларациях, не всегда идеально в жизни. Всегда следует осознавать – всякое раздвоение власти пагубно. Власть всегда одна, и демократия продуктивна только тогда, когда способна разделить время дискуссий и время решений и действий.

Итак, моё рискованное переназначение в ту роковую ночь не случилось. Я предложил временно возложить руководство, тогда ещё Гостелерадио, на министра информации России Михаила Полторанина. Так и записали. Полторанин не стал особо возражать, так как в его руки передавалась судьба нового назначения.

Сам он телевидения не знал, а значит, предложить подходящую кандидатуру немедленно, дабы не угодить под колёса президентского гнева, не мог. Так появилась фигура Яковлева во главе «Останкино», что было на 100 % его идеей. Когда он спрашивал моего мнения, он прекрасно понимал, что я не буду возражать. Ибо несколько ранее он буквально украл меня у Егора Яковлева, первым заместителем которого я работал в «Московских новостях». За то, чтобы перетащить меня к себе, Егор разработал целую операцию. У него были прекрасные планы, но проработали вместе мы менее года. Затем, как гром с небес, моё назначение на пост председателя Всероссийского радио и

телевидения, компании ВГТРК. Воспротивиться этому назначению Егор не мог, так как на эту должность я был назначен лично Борисом Николаевичем Ельциным. Впрочем, не буду повторяться, потому как об этом я уже писал.

Трудно сказать, как бы сложилась моя судьба, прими я сделанное мне предложение. Слава Богу, что эта информация не просочилась в «Останкино». Полагаю, что случись моё назначение, объединения компании трудно было бы избежать.

Полторанин назвал СМИ четвёртой властью. Есть некая приблизительность в этом афоризме, но то, что СМИ – без преувеличения власть, спорить трудно. Четырнадцать лет я отдал телевидению, и сначала сотворённые нами компании были годами непрекращающейся борьбы, что для власти норматив её повседневного существования. Вопрос в другом: если каждая власть имеет свою жёстко очерченную зону борьбы, законодательная она либо исполнительная, то высшая и суровая четвёртой власти предназначенность – противостоять трём остальным. Потому как каждая из них желает не просто иметь власть, а управлять четвёртой властью, понуждая её на шаги и действия, согласные их интересам. Из четырёх властей только одна постоянно борется за свою независимость, потому что именно она даёт народу надежду на его независимость и свободу.

Удивительно, но все семь лет, в течение которых я возглавлял Всероссийское радио и телевидение, были годами непрекращающейся борьбы, утверждающей верность названия данной книги – жизнь вопреки. Отчасти виной этому был документ, принятый президиумом Верховного совета России летом 1990 года, который назывался «Решение о создании Всероссийской государственной телерадиокомпании». Других документов не было. Появилась возможность по-иному прочитать решение, «образовать – не значит утвердить». Желание образовать – это скорее признание необходимости, которая предполагает дальнейшую законодательную процедуру.

Ельцин, тогда уже президент, понимая сложность нашего положения, подписал указ о принципах учреждения компании на трёхсторонних началах – «Коллектив, правительство и парламент». Во всех случаях при единстве взглядов двух учреждений (правительства и трудового коллектива) появилась возможность сдерживать агрессивные притязания парламента, всеправного якобы учредителя компании. Отношения между парламентом и компанией становились всё более напряжёнными. Это определило позиции компании, которая в неубывающем противостоянии президента и Верховного совета поддерживала позицию президента. При этом следует учесть, что я был

депутатом Верховного совета и в деталях представлял суть разногласий и бесконечных скандалов, их сопровождающих, как в самом Верховном совете, так и между президентом и главой Верховного совета Русланом Хасбулатовым. Верховный совет это понимал и не упускал момента повернуть ситуацию в свою пользу. А если добавить к этому, что, несмотря на неотступное противодействие парламента, телевидение и радио, оба средства информации, завоевывали значительную популярность и доверие граждан, – это подталкивало на нескончаемые ограничения со стороны верховной власти по отношению к ВГТРК. Сначала под властный сапог попадает Российское радио, только что созданное и получившее четыре часа вещания на волне радиостанции «Маяк».

Это случилось на исходе СССР. Именно тогда Горбачёв был возмущён программами Российского радио, посвящёнными событиям в Вильнюсе в момент захвата там телевизионного центра.

Российское радио, об этом я уже писал, сделало по тем временам невероятное. Оно перечеркнуло всю лживую информацию, идущую на программах «Останкино» относительно случившегося события: кто захватил телевизионный центр и, тем более, кто стоял за спиной осуществивших эту операцию. Это была совершенно иная информация, которая обрушивала всю ранее звучавшую информацию об этих событиях.

Естественно, наша информация о событиях на литовском телецентре перечеркнула всё показанное ранее и в полном объёме оценила масштаб этой лжи. И Горбачёв, послушавший нашу программу о событиях в Литве, пришёл в ярость. Он назвал Попцова врагом и потребовал от Леонида Кравченко, возглавлявшего в тот момент Гостелерадио, немедленно снять меня с поста руководителя Российского телевидения. И тогда Кравченко ответил, что сделать этого не может, так как и Российское телевидение, и радио, и Попцов подчиняются ныне президенту России Б. Н. Ельцину.

Это буквально взбесило Горбачёва, и он в своей манере обещал «загнать за Можай» и лишить эфира. Вот тогда раздался телефонный звонок заместителя Кравченко. Он предупредил нас, что с этого момента все программы Российского радио будут утверждаться редакционной программой Гостелерадио, что являлось по существу цензурой, через которую проходили все политические передачи Центрального телевидения и радио. Если мы откажемся, предупредил он, то будем сняты с эфира и можем искать себе свободную частоту, но тогда территория распространения уменьшится в десятки раз. Программы, по сути,

обретут характер почти подпольных, и ни о какой массовой аудитории не может быть и речи.

Эпизод, который навлёк на нас случившееся, – наши программы по событиям в Вильнюсе, захвате телецентра. Радиостанция «Маяк», которая работала с нами на одной волне Гостелерадио, шла сразу после нас. Я отдаю должное мужеству ребят, они начинали эфир с событий в Вильнюсе в уже установленном стандарте, но после того как мы изложили истину случившегося и дали соответствующую оценку происходящему, вопреки модели, которую утвердила программа дирекции Гостелерадио, редакция «Маяка» поняла полную абсурдность собственной интерпретации тех же событий.

Поэтому ведущий начал эфир следующими словами: «Мы предполагали начать эфир с информации о Вильнюсском событии, но только что вы прослушали материалы о тех же событиях на „Радио России“, и чтобы не повторяться, мы сообщаем о них в своей вечерней передаче, а сейчас – о других событиях».

Это было достойное поведение наших коллег на радиостанции «Маяк». Михаил Сергеевич Горбачёв прослушал наш материал и назвал «Радио России» враждебным радио. Анатолий Лысенко был не согласен с моим решением. И, тем не менее, мы скоро перешли на свободную волну. Мы предпочли свободу, а не удобство и послушность.

Этот шаг довольно скоро сделал «Радио России» самым популярным радио страны. И четыре часа эфира, которые поначалу выделило нам Гостелерадио, ушли в никуда, как и само Гостелерадио. Российская телерадиокомпания стала главной компанией страны. Она была создана новой Россией. Нам приходилось бороться на нескольких фронтах. Нашим противником был Верховный совет, а затем это противостояние по наследству перешло к Государственной думе, его сменившей. Ах, если бы только…

После событий 1993 года и указа президента номер 1400 «О роспуске Верховного Совета и назначении новых выборов» это событие стало одним из самых драматичных в истории новой России. По сути это был ад. При абсолютном различии событий 1991 года, ГКЧП, тем не менее, сходство было очевидным, и в первом, и во втором случае решалось судьба страны, но это во-вторых. А во-первых – судьба власти. И если в первом случае это было желание вернуть систему, которая являлась скрепами и держала страну как единое целое, – это КПСС, но при этом ещё и желание лишить Горбачёва президентства, то в 1993 году вопрос: «Кто кого?» выглядел по-другому. Лихие девяностые были

откровенно лихими. В стране произошла революция, в ином формате значимости и непохожести с 1917 годом. Но цель была всё та же: смена власти и смена режима. Только теперь определённые силы, ставшие властью в атмосфере хаоса, не смогли поделить обретённую власть и вошли в столкновение друг с другом. За свою власть боролись и те и другие. И так называемые демократы, обозначенные в начале девяностых как либералы, а затем как неолибералы, а в управленческих структурах обозначенные как гайдаро-чубайсовская команда, и противостоящие им якобы консерваторы, ещё не умевшие сгруппироваться, но уже заявившие себя ранее в управленческой структуре, те же Рыжков, Абалкин, но отторгнутые либералами и неолибералами. Эти силы в схватке, разразившейся между президентом Ельциным и Верховным советом, не участвовали. Так как они в то время были уже вне власти. Какое-то время их надеждой до и во время ГКЧП был Горбачёв, но затем гайдаро-чубайсовский десант их отторг.

Но, так или иначе, в этой сфере они всё равно становились на стороне Ельцина. Я говорю об этом так, потому что в меру своих сил помогал создавать интеллектуальное окружение вокруг президента. И всячески старался помочь Сергею Филатову, он был из их числа и какое-то время возглавлял президентскую администрацию.

Это было тем более важно, что большего урона развитию науки, образования, медицины и культуры, чем в лихие 90-е, нанести было трудно. Практически прекратилось финансирование этих структур, которые являлись всё советское время знаковой опорой интеллектуального развития страны. А последующее реформирование этих структур, включая сегодняшние дни, в силу своей безграмотности их деградацию лишь усиливало. Врачи, учителя, преподаватели буквально бегут из школ, институтов, больниц.

В стране в момент санкционного давления введено импортозамещение, к которому мы оказались не готовы по одной из главных причин – у нас оказалось катастрофическое отсутствие специалистов. Во всей промышленности, в образовании выезд за рубеж наших студентов, закончивших вузы, обрёл характер массового явления, так как в стране они не могут найти работу. Происходит закономерный абсурд – сочетание невероятной нехватки специалистов, что попросту останавливает развитие страны, с одновременной невозможностью для выпускника вуза найти работу.

Я пишу об этом не просто так. Отдав столько лет телевидению, я понимаю – оказавшись во главе ТВЦ, я предложил

свою расшифровку логотипа – «телевидение высших ценностей». Замысел был, но воплотить его в полной мере не удалось. Какие-то шаги сделали, но целостной программы не получилось. Да и кадров для создания высших ценностей не хватило. Встал вопрос – как интерес к высшим ценностям сделать массовым, когда надо было войти в телевизионный мир не в качестве участника, а в качестве конкурента. С ВГТРК мне вместе с командой это удалось сделать. Но сначала этот прорыв совершило Российское радио и уже в те годы, с 90 по 97 год, стало наиболее интересным, востребованным радио в стране. Ну, а сегодня правомерно сказать – по интеллектуальным ценностям оно вне конкуренции. И в год своего 25-летия «Радио России» подтверждает это. От задуманного до воплощённого всегда непростая тропа.

А на создание нового и непривычного, что и называется реформами, профессионального навыка и знаний у пришедших к власти не было. Не случайно в те времена родился афоризм «К власти пришли люди с высшим, но без среднего образования». А если у вас нет своего навыка и знания, вы их начинаете заимствовать у других стран. И в результате как управленцы вы попадете в полнейшую зависимость от тех, кто вам якобы давал навык.

Это всё мы пережили в девяностые, вошедшие в историю как «лихие».

Поэтому и капитализм бандитский – капиталистического навыка не было, а воровского в избытке. В результате воровской капитализм с приставкой НО.

Страна обрела свободу и демократию, которых в таких масштабах в советские времена не было, но демократия из вседоступной превратилась в бесконтрольную. А свобода во вседозволенность.

Ельцинская эпоха подарила нам рынок, который якобы всё отрегулирует, она подарила нам приватизацию, но и как итог всего перечисленного она подарила нам капитализм и опять же назойливое НО. И если всё перечисленное в период замыслов порождает безграничный оптимизм, то после их воплощения эпоха надежд превратилась в эпоху проклятья. Почему всё произошло именно так, а не иначе? Потому что всякая революция вершит разрушение прошлого.

Я всегда говорил своим коллегам: неудачи, как и успехи, – это ступеньки одной лестницы. Надо научиться объективно воспринимать неудачи и не впадать в панику. Главное найти ответ на вопрос: почему так получилось? А затем идти дальше. Радио России работает в широком диапазоне политико-социальных проблем, культуры, науки, образования, литературы,

театра. Оно не ушло в мир шоу-бизнеса. Всё наоборот. Не отрицать прошлого, а оглядываться на него и предавать гласности события прошлого, которые сверхзначимы для настоящего, как прошлое советских времён, так и близкое прошлое конца двадцатого века и горбачёвских времён, так и лихих девяностых. Прошлое, о которое мы вытираем ноги, никогда не простит нам этого. Оно лишит нас будущего. Нам не стоит молиться на прошлое, оно противоречиво. Вспоминаю, как наши политологи и иже с ними либералы, а затем неолиберальы не скрывали своего удовольствия аттестовать «советское время» как «поганый совок». Ну и что в ответ получили в итоге? Найти сегодня человека, не представителя той кратковременной элиты, за спиной которой стояли Гайдар либо Чубайс, а человека рядового, который пережил обнищание, вызванное приватизацией, и, оглянувшись назад, не проклинал бы пережитого прошлого, обозначенного со сдержанной неудовлетворенностью – лихие девяностые, практически невозможно.

Выслушаешь всё это и чувствуешь, как в душе поднимается протест, и во весь голос хочется крикнуть: «Враньё всё это! Было, было хорошее, но мы не поняли, мы не уберегли!!!»

А хорошее действительно было. Главная проблема революции – не в самом её совершении, а что сделать после того, как она совершилась.

Я пережил, как автор всевозможных телевизионных проектов, достаточно испытаний, поделённых на радость и разочарование. Тому было многие причины. На вопрос, чего было больше, ответить непросто.

Причина первая. Команду создаёшь и набираешь не только ты. Твоя обязанность, как лидера, создать костяк команды, управляющий слой руководителей, подразделений, редакции, дирекций. А «рабочих лошадей», говоря образно, табун, подбирают уже утверждённые тобой назначенцы. И вот тогда в этом мире обозначаются прорехи, но это утверждение относительно, ибо эти просчёты и неинтересности делают люди, которые управляют процессом и которых подбирал и назначал именно ты. Получается, что не так и не тому ты их учил. И более обескураживающий вывод – они не умеют учить. И ты это просмотрел. Откреститься всегда проще, а вот принять ответственность на себя – это уже из категории жизненных испытаний. В таких случаях говорят: «Надо выстоять, потому как живёшь в режиме постоянных испытаний». И на вопрос, как дела, ответ один – выстоим!

Состав первого российского Верховного совета, когда Россия

обретала иной статус… это значит – всё создавалось с нуля. И так называемая независимость России была прежде всего независимостью от прежних правил и норм прошлых законов страны. А ведь Верховный совет был результатом уже других выборов, по иным правилам, которые рождали отчасти хаотичный парламент. Свободные выборы, а они были свободными, дают совершенно иной результат, они рождали парламент, которому уже после того, как он стал парламентом, предстоит выбрать и утвердить правила новой жизни. А если вспомнить, что всякая революция порождает хаос, ибо непривычное и незнакомое становится нормой, и если к этому прибавить массовый непрофессионализм в депутатских рядах, ибо более 60 процентов из них стали депутатами впервые в жизни, то следует признать, что период становления был мучительным.

И вот спустя многие годы, двадцать пять лет, ты, как участник этих событий и отчасти их автор, не скрываешь своего искреннего удивления – как выстояли и вырулили Россию на дорогу развития? Ухабистую, неудобную, с провалами, но всё-таки дорогу.

Пережить в самом начале пути в течение трёх лет две попытки переворота… Сначала 1991 – ГКЧП, а затем осень 1993 года, указ 1400. Роспуск парламента и объявление новых выборов.

В ответ – отказ парламента выполнять указ президента и покинуть Белый дом. Реакция президента не заставляет себя ждать. Блокада Белого дома и категоричное требование правительства освободить Белый Дом до пятого октября.

Немаловажный факт собственной биографии. В те дни я оказался в центре событий и прежде всего событий политических. Политика в буквальном смысле этого слова вцепилась в меня. И намного раньше, уже в начале моей производственной биографии она лишила меня успешного профессионального будущего, как учёного-лесовода. Руководитель моего диплома профессор Борновицкий сразу же после моей защиты обнял меня за плечи, перелистал диплом и на громком выдохе сказал: «Еще два месяца, Олег, и готова кандидатская». Увы, но я прошёл мимо двух распахнутых дверей.

Даже после моей внезапно прерванной в молодые годы практики меня неожиданно вызвал в Ленинград ректор академии Никитин. А директор лесхоза, сочувственно похлопав меня по плечу, напутствовал: «Всякое бывает, Максимыч. Ты мужик крепкий, уладится. Мы тебя будем ждать, среди кубанских лесов и полей. Здесь твоё будущее». Вот так; а вернуться не получилось, вычислила политика.

К чему это возвращение в далёкое прошлое? Прекрасный режиссёр Сокуров произнёс в разговоре со мной жизненно опорную фразу: «Нам надо научиться пятиться».

В прошлом был разный и долгий профессиональный путь, и журналистика, и многолетнее редакторство, и писательская биография, и, конечно же, книги, написанные мной. И вот тогда я понял, в чём моё истинное призвание, моя обетованная земля. И когда политика в моей биографии совершила третий «хапок», чтобы вырвать меня из писательского мира, я сказал «нет». Чем бы я ни занимался, но, присягнув на верность писательскому труду, непременно вернусь.

Так и произошло. Будучи депутатом Верховного совета, я затем возглавил Всероссийское радио и телевидение, которых не было и в помине. После назначения президентом страны меня на эту должность – я оказался в буквальном смысле этого слова в чистом поле. Ни стола, ни стула, ни копейки средств, никакой техники, ничего нет. Я один и никого рядом. Так начались с некоторым перерывом мои будущие 14 телевизионных и радио-лет. Но я должен был, обязан сдержать слово, данное обетованной писательской земле. И я его сдержал. За эти годы я написал три объёмных книги. «Хроника времен „царя Бориса“», «Тревожные сны царской свиты» – обе посвящены эпохе Ельцина. И затем третья книга «Аншлаг в Кремле, свободных президентских мест нет», это уже об эпохе Путина. И одна фраза к читателю: «Сумеете достать хотя бы одну из этих книг, можете считать, что вам повезло. Прочтите, не пожалеете».

Кстати, первая книга «Хроника времен „царя Бориса“», написанная и изданная в разгар лихих девяностых, была признана лучшей книгой года. Время было сверх-бедным, и полагающуюся денежную премию мне вручили в дырявом целлофановом пакете, в разных по стоимости денежных знаках, от рубля и выше. Эту премию мне вручил Виталий Игнатенко, в те времена генеральный директор ИТАР-ТАСС.

Книга своими нестандартными откровениями и остротой вызвала в определённых властных кругах достаточный шок. И мщение, и зависть, которые эпизодически сопутствовали мне, превратились в очевидное постоянство в отношении власти к моей персоне. Это было непросто воспринимать и тем более нелегко пережить, но увы, судьбу не выбирают.

1993 год. Как это было

В воспоминаниях последних 25 лет бесспорно в число самых значимых и драматичных попадают события 1993 года. Опять осень, как и в пору ГКЧП. Эти два взрывных события были похожи, как некое сопротивление сложившейся реальности, но они были разными. Если первый был бесспорным воплощением заговора внутри правящей политической элиты страны и аттестовавшим себя не где-нибудь, а локально, в столице России, имея при этом все элементы предваряющей его секретности, то второй вызревал совершенно открыто, как обостряющийся конфликт между двумя ветвями власти – президента и парламента. И всё это происходило с максимальной публичностью и было ожидаемо.

Характерно – как в первом, так и втором варианте цели были абсолютно похожими: отстранение президента страны от власти. ГКЧП повторило практически историю антихрущёвского заговора в ЦК КПСС, когда мнение народа политическое руководство мало интересовало. Во всех изменениях это была внутрипартийная операция. Новая власть, возникшая в начале девяностых, как принято считать – власть демократическая, давшая импульс к массовому омоложению высшей власти, порождённая в первую очередь первым президентом России Борисом Ельциным, была рискованным экспериментом.

Принято считать, что у Ельцина не было выбора. Ну, во-первых, подобное утверждение весьма спорно, потому как выбор всегда есть. И причина якобы невозможности выбора – не отсутствие тех, из кого выбирают, а неумение тех, кто выбирает. Все политические кадры были в большинстве своём задействованы в советской власти в 80-е годы. Они были так называемой горбачёвской «ордой». И Ельцин сам не хотел её переаттестовывать и вербовать в ельцинское окружение. Ельцин не был сторонником Горбачёва, он был не его оппонентом, он был его противником. И главное столкновение Ельцина с Горбачёвым состоялось в период его руководства Московским горкомом партии, в конце восьмидесятых годов, которые закончились его отстранением с этого поста. Горбачёв осмысленно сводил на нет знаковую политическую фигуру на властном Олимпе – первого секретаря Московского горкома КПСС Бориса Ельцина. Помимо всего прочего – своего главного конкурента на политической арене в России. Расправа было безжалостной, она происходила на заседании пленума горкома КПСС либо на расширенном заседании бюро горкома партии, точно я не помню. Но факт

остаётся фактом: я оказался в числе приглашённых на это заседание. Ничего более омерзительного в своей жизни я никогда не переживал. Это был сеанс массового предательства членов горкома партии своего руководителя Бориса Ельцина. Он был болен, но присутствовал на заседании. Это выглядело, как хорошо отрепетированное заранее политическое действо. Все без исключения члены бюро едва ли не хором поносили своего первого секретаря в его присутствии. Ельцин был серьёзно болен – это было видно по его лицу. Он сидел молча, никак не реагируя на выступления своих коллег. Происходящее было похоже на публичную казнь. Было очевидно, что никто из выступающих не чувствовал своей виновности в происходящем. Поток поношений был безостановочным, и Горбачёв – сотворитель этой публичной расправы – не выдержал и оборвал одного из выступающих.

«Хватит», – едва ли не выкрикнул Горбачёв, и хор поносителей мгновенно оборвался. Итогом заседания было освобождение Ельцина от должности первого секретаря Московского горкома КПСС, его назначают на малозначимый управленческий пост. И как кажется Горбачёву, политическая биография Ельцина на этом кончилась. Но в своих предсказаниях Михаил Сергеевич был малоуспешен. Наступили смутные времена рождения российской демократии. Время диктатуры ЦК КПСС кончалось. Горбачёв из генерального секретаря ЦК КПСС превращается в первого президента СССР, избранный не всенародно, а назначенный Верховным советом СССР.

Его было правомерно назвать «хромой уткой». Распадается Советский Союз. Россия выходит из состава СССР, становится самостоятельным федеральным государством. Ельцин принимает участие в выборах нового теперь уже Верховного совета России, становится сначала депутатом, а затем председателем Верховного совета. И вопрос о конце политической карьеры снова оказывается на повестке дня. Только теперь этот вопрос стоит не перед Ельциным, а перед Горбачёвым. Так распорядилась история. Ельцин был свидетелем ГКЧП, но при другой России, он знал, чем это кончилось. И теперь, спустя два года, предстояло нечто подобное пережить самому. Только теперь это было открытое противостояние российского парламента российскому президенту, это столкновение можно прочесть иначе – как противостояние президента парламенту. Политическую забастовку объявил парламент, но побудил её президент своим указом 1400 «О роспуске существующего парламента и проведении новых выборов».

Парламенту, проработавшему неполных три года, это не понравилось. И он сказал «нет» президентскому указу. И

началось: отказ парламента покидать Белый дом.

Парламент при этом не выглядел столь миролюбивым. Генералы Макашов, Ачалов были действующим военным щитом парламента.

Одна деталь – именно так я обозначил в своей книге «Хроника времен „царя Бориса“» случившееся со мной 21 сентября 1993 года. В этот день, в 15 часов, я улетел в Вену, где на общеевропейском конгрессе средств массовой информации предполагался мой доклад «Телевидение и демократическое обновление России».

Пока я летел, Ельцин успел выступить со своим обращением к народу. Это было то самое историческое обращение, ставшее прелюдией к президентскому указу № 1400, посвящённому роспуску Верховного совета и объявлению новых выборов. Сам указ и тем более его оглашение держались в строжайшем секрете, даже я – руководитель Российского радио и телевидения и при этом депутат Верховного совета на тот момент, конечно, был человеком достаточно информированным, и тем ни менее я ничего не знал о данном указе. Хотя меня и не только меня чрезвычайно насторожила реплика Ельцина в одном из высказываний в очередной схватке с Хасбулатовым: «Ну что ж, нас ждёт горячий сентябрь».

Сентябрь шёл к своему временному завершению, но ничего сверхгорячего не происходило. И вдруг телефонный звонок буквально выдернул меня из-под душа в венском отеле. Звонил Слава Мостовой. Он должен был приехать из Берлина на конгресс в Вену.

Слава спросил меня, знаю ли я о последних событиях, произошедших в Москве. Ничего не подозревая, я отделался уточняющей шуткой: «На какой час?!» Мостовой совершенно серьёзно ответил: «На 18 часов по московскому времени». После чего он в подробностях пересказал телевизионное выступление Ельцина. Просить о каких-либо уточнениях было бессмысленно. Я тотчас заказал обратный билет в Москву. К счастью, на завтра был утренний рейс. Затем случился мой пространный разговор с Анатолием Лысенко. Я просил его сохранить спокойствие, предупредил о своём немедленном возвращении и задал один уточняющий вопрос: «С какого часа начинает действовать указ президента?» Толя ответил: «с 20 часов». «Прекрасно, – ответил я. – У нас двумя часами ранее должен быть „Парламентский час“. Разумно действовать согласно указу президента. „Парламентский час“ пропускаем в эфир, а затем всё блокируем. В этом есть некая чистота почерка».

«Зачем нам такие риски?» – недовольно пробурчал в ответ

Лысенко. Я не стал объяснять Лысенко – в данном случае малейшая деталь имеет значение. Я не только председатель компании, но и депутат Верховного совета. После такого шага депутатам невозможно было обвинить компанию в сверхпослушности президентской власти.

Потом, уже вернувшись в Москву, я узнал, что наш разговор был интерпретирован иначе – как несогласие О. Попцова с указом президента, о чём немедленно было сообщено Полторанину, министру печати, который в тот момент находился в «Останкино», где прощупывал политическую надёжность непредсказуемого творческого коллектива.

Данный разговор имел свидетелей и был пересказан мне в деталях. Всякая интрига имеет своих героев. Моя реплика о «Парламентском часе» была истолкована с прямолинейной жёсткостью: Попцов перешёл на сторону Хасбулатова. То, что это абсолютный бред, было очевидно, но необходимо добавление – бред был осмысленным. И эмоциональный Полторанин усилил интригу своим решением «О якобы переходе Попцова на сторону антиельцинского парламента».

Для Толи Лысенко это решение министра было сверх-неожиданным. Толя рассчитывал совсем на другое: что он породил атмосферу недоверия к Попцову в высших кругах власти, а значит, она уберёт его с поста руководителя компании и этот пост, естественно, окажется в его руках, потому как генеральный директор – ключевая фигура на телевидении. Незачем приглашать нового человека со стороны в столь непростых и напряжённых политических условиях, когда опытный и знающий есть внутри компании. Тем более он участвовал в её создании. Таков в моём предположении был план Анатолия Лысенко.

Но план дал сбой. Единственное, что изменилось, – это то, что с момента этих микропостроений Анатолий Лысенко вместе со мной должен был присутствовать на всех заседаниях правительства, что следовало толковать, как возросшее доверие к его личности. Толя ненавидел эту привилегию обязательного присутствия на заседаниях и очень скоро перестал на них ходить, ссылаясь на якобы болезнь или какие-либо иные обстоятельства, тем более что на всех заседаниях правительства присутствовал Попцов.

Эмоциональный Михаил Полторанин слова Лысенко понял именно так, как хотел Лысенко. Вокруг компании было слишком много столкновений, и очень часто столкновений политических. Любимая тема: порицание Попцова, бесконечные стоны: «Попцов тащит нас в политику» – это было очевидной глупостью. Но перенасыщенная политикой атмосфера начала 90-х погружала

компанию в этот процесс. А если учесть, что общественно-политические и информационные передачи Российского телевидения, занимавшего независимую позицию в оценке событий, подвергали конструктивной критике как деятельность Верховного совета, так и порой неадекватные решения президента, то можно понять, сколь велика была его значимость. Российское радио и телевидение слушали и смотрели, и что самое главное – ему верили.

Естественно, что компания, созданная, утверждённая президентом как новая структура Российского радио и телевидения, поддерживала политику президента.

Но курс на конструктивную оппозицию ко всем ветвям власти, предложенный мной, вскоре стал политикой компании, что сделало нашу повседневную жизнь крайне насыщенной, но в той же мере непростой. Достаточно сказать, что в этой интерпретации Попцов не согласен с указом президента, и в столкновении президента с Верховным советом Попцов поддерживает позицию Верховного совета. Именно так проинформировал правительство Полторанин после соответствующего телефонного разговора с Анатолием Лысенко. Он аттестовал случившееся, как недоверие окружения президента и правительства к ВГТРК и её руководству в лице председателя компании Олега Попцова. Но Полторанин пошёл дальше – помимо осуждения Попцова и в целом компании он принял унизительное для компании решение. Телевизионный канал «Россия» был перекоммутирован на управление из компании «Останкино», которая с этого часа могла в любой момент воспротивиться неугодным передачам Российского телевидения и перекрыть эфир.

Лысенко скорее всего не ожидал подобного решения Полторанина. Его замысел или надежда имели иной фундамент. Он полагал, что позиция Попцова с этой минуты будет истолкована как ненадёжная и опорой президента в компании должен стать некто другой, подтвердивший незамедлительно свою верность президенту. Этим человеком, разумеется, был Лысенко. Его вообще раздражала моя политическая активность. Мое депутатство вынуждало меня повседневно погружаться в политику. В этом смысле я был приговорённым человеком. Толя как неглупый и не чуждый интриге человек посчитал возможным извлечь из сложившейся ситуации свою бесспорную выгоду и наработать для себя общественный капитал, всячески инициируя слухи о Попцове, занимающемся политикой, в то время как истерзанный чёрным, неблагодарным трудом генеральный директор один тянет неподъёмный воз управления компанией.

Лукавый слух, как правило, даёт лукавый результат. В тот момент подобное поведение моего коллеги явилось для меня досадным откровением. Непредсказуемое решение Полторанина побудило Толю сделать следующие шаги по насыщению атмосферы слухами.

«Нашей компании выражено недоверие, – скажет Лысенко. – Я всегда старался держаться в стороне от политики. Политикой занимался Попцов, и вот результат. Нас считают прохасбулатовской командой».

Именно в этом момент в компании работала комиссия Верховного совета, нацеленная на поиски компромата на председателя компании Олега Попцова. Создание комиссии инициировал Хасбулатов. Ни для кого не было секретом, что Верховный совет готовит расправу над Российском радио и телевидением. В моих воспоминаниях бесспорно существует определённая авторская приблизительность, но рисунок атак, предпринятых на меня в моё отсутствие в компании и за её пределами, передан достаточно точно.

Дурные предчувствия и как итог нелепые слухи не давали покоя не только нам, но и стране. Уже 21 сентября Лысенко предложил сделать заявление, в котором от имени административного совета компания свидетельствовала безоговорочную верность президенту и его курсу. Меня в этот момент в компании не было. Я срочно возвращался из Вены в Москву. В 15 часов по московскому времени совершил посадку.

Заявление срочно переправили в Кремль. Последовал ответный звонок пресс-секретаря президента Вячеслава Костикова. Он похвалил за оперативность и добавил: «Теперь у вас все о’кей».

Не скрою, что подобные шаги не в моём стиле. Компания, которая столько сделала для защиты демократии и самого президента, должна сохранять самоуважение и профессиональное достоинство. Я отсутствовал всего один день, но по телефонному разговору с вице-премьером Шумейко понял, как далеко продвинулись мои оппоненты как за пределами, так и внутри компании. Непонятно точно, по какому поводу я выразил сомнения, и тогда Шумейко с вызовом ответил мне: «В отличии от вас Лысенко не сомневается».

Потом было моё возвращение в Москву, и 22 сентября я уже утром присутствовал в компании, а в 17 часов собрал руководство для предваряющего, а может быть, итогового разговора. Он получился жёстким, а иначе и быть не могло. Я зачитал текст заявления, принятого на заседании административного совета, в котором «компания свидетельствовала о своей безоговорочной

верности президентскому курсу». Идею заявления я одобрил.

Отношения между президентом и парламентом достигли точки высшего напряжения. Президент нуждался в поддержке.

Но текст, слова должны были быть другими – не заискивающими, а волевыми, всё дело в словах. Не что сказано, а как сказано. Запомнился ответный монолог Лысенко, точнее, его первая фраза: «Я не берусь учить президента, как это делают некоторые, но как человек законопослушный, я принял указ президента и поддержал его полностью».

Странное заявление, когда по поводу указа не высказывался никто из присутствующих. Это был камень в мой огород. Тогда я даже подумал, что демонстрация верно-подданничества вряд ли нужна присутствующим. Тогда зачем? Предчувствие не обмануло меня. Наш разговор записывался, его содержание в негативной форме было передано в ведомство Коржакова. Сообщение так и начиналось – «в настоящий момент в кабинете Попцова собрались руководители компании».

Мои собственные высказывания характеризовались как антипрезидентские, что позволяло сделать вывод. Информация составлялась как заведомый подлог, в том виде, в котором было выгодно ведомству Коржакова. Обо всём этом я узнал уже утром следующего дня. Ну что ж, ничего не поделаешь. Демократия может быть разной, а подлость неизменна. Именно осенние события 93 года стали прозрением: что строим и как строим! И для кого!

Тогда легко предавали. Ушли в никуда идеологические принципы существования страны, иначе говоря, состоялось разрушение страны. И началось буйство стихии, именуемой демократией и свободой. Именно это время осело в памяти. Так как пришло понимание: здесь решается вопрос «Быть или не быть». Для всех вместе и каждого в отдельности.

События развивались стремительно. Время на продолжительность конфликта между Верховным советом и президентом обусловлено достаточно жёстко. 7 октября Белый дом должен был быть освобождён бунтующим парламентом. Точнее сказать: «Господа, у вас две недели на мирное разрешение конфликта. После установленного срока будет применена сила». Какие-либо контакты с Верховным советом у компании прекратились.

Указ начинал действовать с 21 сентября 1993 года; кажется, 23 сентября в компании опять появилась комиссия парламента, дабы продолжить изучение финансовых и управленческих структур компании. Хасбулатов был преисполнен надеждой завести дело на Попцова по расходованию государственных

средств. Затея была хотя и продуманной, но откровенно враждебной. Придраться к расходованию средств, которых постоянно не было, – затея безнадёжная. Но Хасбулатов всегда шёл на поводу собственной неприязни, очень часто переходящей в откровенную ненависть.

Увидев в своём кабинете знакомые лица парламентской комиссии, я протянул им президентский указ, сопроводив это действие следующим словами: «Уважаемые господа, срок депутатского исполнения для вас согласно указу президента закончился, и дальнейшая работа противозаконна. Поэтому желаю вам успешной деятельности на другом поприще. До свидания».

Депутаты возмутились и сказали мне: «Мы не собираемся подчиняться указу президента, совершающему антизаконные действия. Мы народом избраны и будем продолжать свою работу, а на указ Ельцина нам наплевать». «В отличие от вас, – ответил я, – мы полностью поддерживаем указ президента и будем его выполнять. Так что прошу вас покинуть компанию». Депутаты, эмоционально матерясь, двинулись к выходу.

Это тоже штрих воспоминания о 93 годе. И, казалось бы, возникший внутренний конфликт Попцов – Лысенко должен получить развитие, как начало конца эпохи Попцова на телевидении, но этого не получилось. Уже в какой раз помешала политика.

Ситуация накалялась. Депутаты упорствовали и не покидали Белый дом. Сергей Филатов – в ту пору глава президентской администрации – немало приложил усилий, чтобы расколоть депутатские ряды, и это удалось. Значительная часть депутатского корпуса перешла на сторону президента. Им была гарантирована последепутатская деятельность, открывались новые вакансии. Каждая из противостоящих сторон решала свои задачи. Осаждённым нужна была длительная осада.

Заявление президента, Черномырдина и Лужкова о неприемлемости насилия свидетельствовало не только о приверженности всех троих демократическим убеждениям, но и об опасениях по поводу решительных действий, обеспечивающих безусловное исполнение указа президента. Москва была центром событий, но поддержка президентских действий в Москве ещё не давала эффекта полной победы.

И нескончаемые разговоры – а что там в России? – не утихали, и лишь накаляли ситуацию, потому как обе стороны конфликта рассчитывали на реакцию остальной России в свою пользу. Это был иллюзорный мир якобы существующего авторитета Верховного совета в России. Впрочем, как и

преувеличенных симпатий к президенту за пределами Москвы. Россия ждала, и все структуры местной власти оказались в зоне риска.

Группа в 150–200 депутатов, настроенная на наиболее агрессивное продолжение, инициировала деятельность чрезвычайного съезда Верховного совета. Патриарх всея Руси выразил готовность способствовать примирению сторон, но переговоры в Даниловском монастыре желаемого успеха не дали.

На переговорах были заявлены две взаимоисключающие позиции – полное разблокирование Белого дома, восстановление электроснабжения, телефонной связи, водоснабжения, беспрепятственного движения транспорта и как итог – отмена указа президента. С другой стороны, исполнительная власть любые свои шаги связывала с выполнением главного требования – немедленное разоружение незаконных формирований и столь же немедленная сдача оружия, поштучно и под контролем прокуратуры. Далее шли обязательства житейского характера – гарантия бывшим депутатам устройства на работу, беспрепятственный отъезд по месту жительства, участие в предвыборной кампании в новое Федеральное собрание, выплаты за незавершённый срок депутатской деятельности. Разумеется, всё это, исходя из указа президента.

Следует признать, что, исключая узкий круг политиков, слепых приверженцев парламентаризма, все остальные, включая противников президента, понимали: указ Ельцина – это единственный выход из политического тупика. Наконец узел, который перехватил горло России, будет рассечён. Очень важно было понять, что результатом замысла «непримиримости», одержи они верх, было не торжество демократии и либерализма. Ничего подобного – бескомпромиссно волевое подавление, направленное на низложение президента, а затем суд над ним и его сторонниками – вот на что рассчитывала противостоящая сторона. Потому и условия на переговорах со стороны бунтующей части парламента были неприемлемыми и нереальными. История об ИТАР-ТАСС скорее всего была прощупыванием.

Ну что же, предчувствие нас не обмануло. Репетиция, о которой я говорил не единожды, – случилась.

2 октября 1993 года, суббота. На Смоленской площади произошло одно из самых ожесточённых столкновений. Всё было: баррикады, перевёрнутые машины, спецназ, ОМОН, водомёты и даже пожар. Противоречивые цифры о пострадавших. Похоже, я разгадал план Макашова или Ачалова, либо Баранникова. Смоленская площадь практически рядом с Белым домом. И именно там происходят беспорядки. Это нелепо считать

случайным совпадением. На этой площади никогда раньше беспорядки не случались. Именно тогда я попробовал изложить суть замысла организаторов – раскачать толпу митингующих, довести её до истерики, чтобы милиция и ОМОН запросили подкрепления. Надо к этому добавить, что внутри парламента уже создалась военная хунта в составе Макашова, Ачалова, Баранникова.

Хроники тех дней – конец августа и начало сентября – напоминали сводки с фронта. Сначала расписанные по дням, а чуть позже – по часам. 19 августа Ельцин проводит пресс-конференцию. Два года после августовских событий. Ельцин обвиняет парламент в антигосударственной деятельности.

«Я перед выбором, – говорил президент, – либо реализовать волю народа, высказанную на апрельском референдуме, либо позволить Верховному совету дестабилизировать обстановку в обществе».

После отпуска президент выглядит хорошо, никаких намёков на недомогание. Вернулась уверенная речь, жёсткая и непримиримая.

Президент считает, что Белый дом превратился в оплот реакции, и фраза о «горячем сентябре», которая ранее насторожила всех, находит подтверждение. Военная терминология взвинчивает оппозицию. Все ждут подтверждения о горячем сентябре.

30 августа Ельцин посещает Таманскую дивизию, затем парашютно-десантный полк. Затем посещает показательные стрельбы. Всё это время президент в форме десантника, постоянно улыбается, похоже, что он сам себе нравится в этой форме.

Спустя два дня президент временно освобождает Руцкого и Шумейко от исполнения обязанностей до окончания расследования по предъявленным обвинениям. Реакция Верховного совета – немедленная, не признающая правомерности президентского указа о временном отстранении Руцкого. О Шумейко в депутатском возмущении ни слова. Похоже, перестаёт быть своим.

17 сентября Руцкой выступает на сессии Верховного совета. Говорит одно и то же. В зале 80 человек, вялые аплодисменты, надоел.

18 сентября Хасбулатов проводит совещание руководителей местных советов. Почти 20 дней сентября позади, однако ничего не произошло. А президент обещал горячий сентябрь. Где он? Такие слова не произносятся просто так.

Хасбулатов решается на крайние меры. Он публично

оскорбляет президента. Он ждёт его срыва, потери контроля над собой, чтобы побудить его к ответным действиям, которые возможно будет истолковать как насилие, это откроет путь к импичменту.

21 сентября Ельцин подписывает указ № 1400, который приостанавливает деятельность Верховного совета. Назначается дата новых выборов, и как ответ – общая растерянность. Казалось бы, поток нескончаемых предчувствий, предупреждений, что даст возможность это прогнозировать. Ан нет. Указ рухнул как снег на голову. Отдадим должное президенту. Он сумел сохранить этот свой шаг в глубочайшей тайне.

Состояние шока всеохватно. 22 сентября очередная сессия парламента уже носит название чрезвычайной.

Ответный ход президента.

Белый дом замыкается в усиленное кольцо милицейской охраны. Президент даёт понять, что его намерения сверхсерьёзны. Оскорбительную речь Хасбулатова политики назвали последней каплей, переполнившей чашу терпения президента. Ответный ход парламента – созыв чрезвычайного съезда.

Но, согласно указу, вся деятельность парламента с 20 часов 21 сентября прекращается, а значит все действия парламента по продолжению своей деятельности признаются незаконными. Однако парламент, не признавший правомерность указа и не покинувший Белый дом, 22 сентября уже вносит поправку в Уголовный кодекс о введении «высшей меры наказания за попытку изменения конституционного строя». Подобный шаг парламента скорее вызвал отторжение, нежели возрастание симпатии к нему. С этого момента жизнь парламента идёт уже в часовом исчислении.

23 сентября, время 23:37. Как сообщили на пресс-конференции, только что президиум Верховного совета принял решение об отстранении президента России от занимаемой должности за совершение государственного переворота. Его полномочия передаются вице-президенту Руцкому. На пресс-конференции объявляется, что через час откроется внеочередная сессия.

В 00:04 Хасбулатов открывает заседание сессии словами, обращёнными к Руцкому: «Александр Владимирович, прошу вас занять ваше место». Руцкой лихо поднимается на сцену и занимает традиционное место президента. Затем Хасбулатов делает сообщение о созыве чрезвычайного съезда. Тут же депутатов информируют об организационных изменениях. Организация обороны Белого дома поручается генералу Ачалову.

На часах 02:15 ночи, после часового перерыва депутатов

срочно приглашают в зал.

Но трибуне вновь Александр Руцкой. Он оглашает свой первый указ. Грачёв – министр обороны и Голушко – министр безопасности отстраняются от своих обязанностей. Россия обретает новое руководство силового блока. Министром обороны становится генерал Ачалов, министром безопасности Виктор Баранников. За окном густая темнота. Осень в разгаре, на часах 03:10. Сентябрь подходил к концу. Контрольный срок, указанный президентом как день, когда парламентарии должны покинуть Белый дом, 5 октября, был уже на расстоянии протянутой руки.

30 сентября я подписал приказ о переводе компании на работу в чрезвычайном режиме. Была усилена охрана и установлено круглосуточное дежурство всех технических служб и транспорта. Была создана оперативно-информационная команда, работающая в круглосуточном режиме. Мой коллега Анатолий Лысенко, спокойный и флегматичный, счёл эти меры излишне эмоциональными, но спорить не стал. И далее, в духе «работоголика», сделанное Анатолием заявление: «Режим может быть более мягким, с правом дежурства дома».

Чуть позже я собрал у себя в кабинете узкий круг руководства компании. На столе у меня лежал календарь. «До контрольного срока останется меньше недели. Как я предполагал, все события должны пройти в течение этих дней. Полагал, что это будет не главным действием, а его репетицией. Пока сказать трудно, но горящими днями, судя по всему, будут суббота и воскресенье».

1 октября, пятница, проходит достаточно нервозно, но особых потрясений не случилось. Немного увеличилось количество митингующих. Митинги были архаичными и немногочисленными, но злыми. Была попытка захвата агентства ИТАР-ТАСС. Она не удалась.

Игнатенко позвонил мне и пожаловался. Главный информационный центр страны охраняется десятком вахтёров. Попросил у министра МВД Ерина усилить охрану. В ответ получил отказ: «Нет ресурсов, не могу». «Это уж точно, – сказал я в ответ. – Моя милиция меня бережёт». Это не про нас. В милиции, часть которой перешла на сторону несогласного Верховного совета, имел место разброд, та же тенденция была и в десантных войсках. Утверждение, что за спиной Ельцина стоял монолит силовиков, было достаточно иллюзорным утверждением.

Я это испытал на себе, когда начались агрессивные действия 6–7 октября.

30 сентября я перевёл работу компании на круглосуточный режим. Я ориентировался не по слухам, а только по собственной информации ВГТРК. В той качающейся из стороны в сторону

ситуации поступающая информация напоминала те же качели, смещающиеся то в одну, то в другую сторону. Я скрупулёзно всё просчитывал, советоваться по существу было не с кем. Людей, способных оценить тактику противостоящих, когда главенствующую роль играл силовой вариант, практически не было. Я был знаком с Грачёвым и Степашиным, правда, в тот момент он ещё был за пределами силового пояса. Руководство милиции и ФСБ на тот момент были страницами его будущей карьеры. А тогда – не более чем депутат Верховного совета, участник всевозможных оппозиционных действий демократического характера, противостоящих Хасбулатову.

Можно сказать, и министр МВД Ерин был доступен, но каждый из них свою собственную информацию держал в абсолютной тайне.

Да и действия моих якобы друзей, распространяющих слух о Попцове, который возглавляет компанию последние дни, потому как вопрос о его отстранении уже решён. А далее ещё гуще – дескать, Ельцин утратил к нему доверие. Ожидать в подобной ситуации точной информации от моих знаковых собеседников, пребывающих в должности министров или их заместителей, было бы наивно. В таких случаях надо опираться на собственный анализ ситуации, исходя из информации, которой ты располагаешь как руководитель Российского телевидения и радио.

Уже не было никакого сомнения, что в разрешении конфликта ожесточённая часть парламента, как и часть армейского руководства, перешедшего на его сторону, выбрала силовой вариант.

И несколько позиций указа президента о немедленном разоружении незаконных формирований и столь же немедленной сдаче оружия поштучно под контролем прокуратуры лишь подтверждали, что никаких иллюзий у президента насчёт парламентского либерализма со стороны Верховного совета, прошедшего процедуру бесспорно демократических выборов, не могло быть.

Президенту противостоял уже тронутой расколом парламент, превратившийся в последние дни в непримиримого врага. И силовой компонент, сложившийся внутри парламента, стал определяющим в его повседневных действиях. Силы, противостоящие президенту, сосредоточенные вне парламента и отчасти внутри него, было дезориентированы. Упрощённое решение – перебросить силы, находящиеся поблизости, на Смоленскую площадь, где случилось самое значимое столкновение. Это естественный ход. Вокруг Белого дома в тот

момент всё было относительно спокойно.

Сразу после этого переброса на поддержку своих коллег на Смоленской площади вершится главное. На ослабленные кордоны милиции двинутся главные силы путчистов, ведомые подстрекателями Анпиловым и Константиновым. Они прорвут блокаду, преобладание в этом случае атакующих очевидно. А дальше произойдёт то, что случилось в воскресенье.

Но субботний замысел сорвался. Ерин не ослабил милицейское оцепление вокруг Белого дома и не заменил части, хотя, рассуждая профессионально, следовало это сделать. Психологическая усталость частей ОМОНа, окружающих Белый дом, была очевидна. Ах, если бы только это! У них водомётов даже не было, и они не выглядели значительными.

И милиция, взявшая парламент в кольцо, была неизмеримо внушительнее и организованнее. Поэтому и сотворители столкновений на Смоленской были почти уверены, что на запрос ОМОНа к милиции, пытающейся погасить накал противостояния, о дополнительных милицейских силах подразделения МВД, окружающие Белый дом, могут отреагировать положительно и совершить этот переброс, тем самым выручить своих коллег на Смоленской площади. И вот тогда произойдёт уже описанное выше. Сразу после переброса милицейских сил на Смоленскую площадь путчисты бросаются в атаку на ослабленные кордоны милиции, окружающие Белый дом. Во главе их окажутся смутьяны Анпилов и Константинов.

Они прорвут блокаду, преобладающее число атакующих в этом случае очевидно.

Так что вполне объяснима лёгкость атаки, случившейся в воскресение, на московскую мэрию, находившуюся тогда на Новом Арбате напротив Белого дома, с участием в этом захвате вооружённых формирований, прибывших в Москву из нескольких регионов – Чечни, Дагестана, а также отрядов казачества.

Но вернёмся к событиям октябрьской субботы 93 года. Столкновение на Смоленской площади затянулось, потому что гасилось малыми силами милиции, существовала опасность, что в случае переброски милицейских сил будут ослаблены другие болевые точки в городе.

Воскресное утро 3 октября не предвещало беды. Состоялось богослужение в соборе Василия Блаженного. Высокие властные лица со свечами в руках были запечатлены во всех информационных программах. Создавалось впечатление, что оппозиция выдохлась в субботней схватке, и в воскресенье остаточный пар эмоций выльется на митинге в парке имени Горького или ещё где-нибудь.

Толе Лысенко нездоровилось, и где-то в начале первого я попрощался со своим заместителем, он поехал домой. При этом издав знаковый вздох: «Кажется, всё спокойно». Ни я, ни он не могли предположить, что буквально получасом позже в районе площади Свободной России будет прорвано кольцо ОМОНа и вооружённые формирования, сосредоточенные в Белом доме, начнут штурм мэрии. Сам штурм мэрии представлялся нелепым – зачем? Но очевидное и кажущееся – понятия несовместимые. Я немедленно собрал у себя в кабинете руководителей технических служб. Мы посетовали на недостаточность охраны, проанализировали ситуацию – в компании всего-навсего 40 милиционеров и 15 автоматов. Программа «Вести», вышедшая в 14 часов, и материалы, поступающие на радио, лишь подтвердили, что события вокруг Белого дома приобретали драматический характер. Штурм мэрии увенчался успехом. Мятежники захватили 4 этажа и оттеснили охрану на седьмой этаж. Все материалы, засвидетельствовавшие это событие, зафиксировали факты массового мародёрства, когда захватившие мэрию вытаскивали телевизоры, компьютеры, пишущие машинки. Чуть позже стало известно, что увидел снятые нами подробности и парламентский балкон, на котором ораторствовали опьянённые успехом Руцкой и Хасбулатов, призывая к штурму «Останкино».

Не могу не вспомнить: днем ранее, где-то в половине первого ночи, зазвонил телефон, и в достаточной мере я удивился, когда в трубке узнал голос Югина – заместителя председателя парламентского комитета по СМИ. Югин мне сообщил, что я приглашаюсь на заседание съезда. Депутаты хотели определить степень моей вины за информационную блокаду, в которой находился Белый дом. Достаточно любопытно, что именно в четверг мы записали группу депутатов, которые высказали своё мнение о происходящих событиях.

Среди них были те, кто покинул Белый дом, и те, кто в нём остался. Мы предполагали поставить этот материал в эфир в пятницу. Я сказал Югину, что информация о событиях, происходящих в Белом доме, постоянно присутствует в телеэфире. Парламент, а значит, и съезд указом президента распущен, назначены новые выборы. Следовательно, участие экс-депутатов в теле– и радиоэфире, как это было прежде, попросту нереально. Начинается предвыборная кампания. Программы и освещение мы сделаем в ближайшие дни. Так что милости просим. Наш разговор я закончил раздражённой репликой: «Кончайте же томление мстительным бездельем. Работать надо, мужики!» Спустя восемь месяцев после октябрьских событий в прокуратуре России мне показали указ Руцкого. Указ был

подписан в тот самый четверг, когда мне звонил Югин.

Из указа следовало, что я отстраняюсь от своих обязанностей и новым председателем ВГТРК назначается Виктор Югин. На съезд явиться я отказался, и с кем обсуждалась идея югинского телефонного звонка, я не знал. Его последняя фраза в нашем разговоре была точкой: «Ты, конечно, не приедешь». Я засмеялся. Мне ли не знать, что для депутатов Николая Павлова, Михаила Астафьева, Виктора Аксючица, для всей непримиримой оппозиции я был костью в горле, врагом № 1. Впрочем, они никогда этого не скрывали.

Дезинформация, распространявшаяся обо мне не без участия ряда «доброжелателей» из окружения президента, достигла стен Белого дома. Попцов не согласен с указом президента. Попцов постоянно берёт интервью у Хасбулатова. Конечно, комиссия Верховного совета, проверявшая компанию накануне событий, много напортила. Уж слишком очевидной была враждебность к самому Попцову. И всё-таки надо попробовать с ним столковаться. Не получится – прямо в зале его арестуем. Таков был план депутатов, оказавшихся в Белом доме.

На чрезвычайный съезд я, разумеется, не приехал, а значит, лишил возможности моих парламентских «друзей» прямо в зале заседания надеть на меня наручники. Ситуация накалялась, и ещё неизвестно, кому придётся надевать наручники и с кого их снимать.

Однако всё по порядку: первыми начали атаку вооружённые мятежники, сосредоточенные в Белом доме: они прорвали кольцо ОМОНа, в которое был замкнут Белый дом, а затем начали наступление. Захват мэрии выглядел аналогично, вначале у них не было численного превосходства, но была дерзость авантюристов – «сейчас или никогда». Призыв Руцкого и Хасбулатова, опьянённых успехом захвата мэрии, был услышан.

События развивались стремительно. Обстановка в Москве накалялась буквально поминутно. Проблемой становилось – молчание власти. Рискну сделать один шаг назад. В 15 часов, когда уже горела мэрия, переговоры в Даниловском монастыре продолжились, а события в Москве обретали характер всероссийских. Президент находился в своей загородной резиденции. Премьер молчал. Министр обороны, как отвечали в его приёмной, на выезде. Вся остальная власть, включая мэра Москвы, – на переговорах в Даниловском монастыре. Попытка дозвониться до монастыря успеха не дала. И тогда я избрал другой план: я позвонил в машину Лужкова и очень конкретно и жёстко объяснил водителю, что ситуация критическая. Он немедленно должен проникнуть в зал и вызвать Лужкова к

телефону. Кто это был, водитель или охранник, – неважно, он просьбу выполнил незамедлительно. Лужков перезвонил через несколько минут. Я буквально в течение трёх минут описал ситуацию. Мэрия горит. 7 этажей в руках мятежников. Бросок на «Останкино» генерала Макашова через час, они планируют штурм, и что самое страшное – власть молчит. Обращение мэра Москвы могло бы успокоить москвичей. На Шаболовке студия для эфира готова. В ближайшее время президент не выступит. Черномырдин шаг, опережающий президента, не сделает. Появление Лужкова на телевизионном экране (а это было воскресенье, день, и тревожная информация уже накалила обстановку в обществе) можно считать мигом отрезвления.

Мэр слыл мужественным человеком. Как потом рассказал Сергей Филатов, они втроём: Сосковец, Лужков и он поехали на Шаболовку. Там же в студии набросали текст обращения. Хотели все трое выйти в эфир, но потом посоветовались и решили – главой города является Лужков, и успокоить москвичей должен он. Трое в эфире в такой момент – это свидетельство растерянности. Лужков нервничал. Текст выступления написали в спешке, достаточного анализа ситуации не было. Но он понял, что от его уверенности зависит если не всё, то очень многое. Он старался, и у него получилось.

Я помню собственную шутку, которую произнёс среди своих коллег, в кабинете было полно народу: «Первую задачу мы выполнили. Показали согражданам живую власть».

В тот критический момент это было не так мало.

Вся ситуация в Москве с 16 часов 3 октября, когда милиция отступила перед натиском толпы, во главе которой шла линия боевиков, вооружённых железными прутьями и захваченными у той же милиции единичным щитами, стала неуправляемой. И город, имеющий самое большое насыщение милицией на каждый квадратный метр площади, буквально в одночасье лишился людей в милицейской форме, сотрудников ГАИ, омоновцев. В этот момент в Москве могли начаться непредсказуемые беспорядки и хулиганские действия. И как ни странно, нацеленность политизированной толпы на Белый дом – всех буйствующих стягивало в одну воронку.

В 19:30 у Останкино загромыхало – начался штурм. Я позвонил главе Останкино Брагину. Я понимал, что для него оказаться в центре таких событий было сверхиспытанием, впрочем, как и для всех нас. Его просьба усилить охрану телецентра осталась гласом вопиющего в пустыне. Я как мог подбадривал его. В телефонной трубке были слышны хлопки одиночных выстрелов. Пулемётные очереди. Бой шёл уже на

подступах к телецентру. До начала этого столкновения Брагин ещё надеялся, что ситуацию удастся разрешить политическими переговорами.

Но прозвучавшие первые выстрелы уже в здании самого Останкино перечеркнули эту надежду. Руцкой продолжал с балкона Белого дома вдохновлять на штурм телецентра, повторяя одну и ту же фразу: «Нам нужен эфир президента страны». Руцкой имел в виду себя, он скажет народу правду.

Где-то в 17:30 в районе Останкинской башни началась стрельба. Я ещё раз собрал технический совет. Время не терпит, сказал я. Я принимаю решение перевести управление телеэфиром на ВГТРК. С минуты на минуту начнётся штурм Останкино.

Ни одного возражения, голоса против не последовало. Я тотчас позвонил министру связи Владимиру Булгакову и сообщил ему о нашем решении. Он понял меня с полуслова, однако попросил это решение подтвердить письменно. Я не стал отрицать. Порядок есть порядок. Быстрота, с какой ребята проделали эту техническую операцию, вызвала восхищение. 14 минут. «Радио России» и «Вести» размещены в «Останкино». Какого-либо недостатка в информации о происходящем у нас не было. Спецотряд «Витязь», брошенный на усиление охраны «Останкино», уже вёл бой.

Позже мы увидели эти страшные кадры. И грузовик, проломивший стену здания, где размещалась эфирная зона, и окровавленных людей, и трупы, лежащие на полу, непонятно чьи, – все в одинаковой пятнистой форме. Часом ранее горела мэрия, теперь горит Останкино. Мы с Анатолием Лысенко быстро просчитали варианты студий, откуда идёт вещание. В 18:30 Александр Нехорошев (руководитель информационной службы) высказал опасение, что «Вести» в 20 часов из «Останкино» не смогут выйти в эфир. Весь видеоматериал там.

Я в очередной раз позвонил Брагину. Голос растерянный, хотя и рапортующий. Он высказывал опасение, что не исключена возможность прекращения вещания. Я его успокаиваю и говорю, что мы готовы к этому варианту. Ещё раз собираю сотрудников, договариваемся о плане действий. Главное – безопасность сотрудников. Договариваемся о запасном варианте. Максимальное использование информационных потоков службы радио. Первые выпуски по телевидению провести в устном варианте, с листа из запасной студии. Первые часы будет ощущаться нехватка материалов. Надо срочно установить контакты с нашими зарубежными коллегами и пригласить к сотрудничеству независимые коммерческие съёмочные группы. Опыт, слава Богу, есть – август 1991 года. Выходим с

информационными выпусками каждый час. Сергей Скворцов предложил усилить информационный фронт и вывести в прямой эфир Шаболовку. Я поручаю Анатолию Лысенко более предметно заняться Шаболовкой. Я – резервной студией.

Тут же сформировал рабочую команду: Скворцов во главе, Торчинский в качестве ведущего, Крюков как режиссёр. Машина и охрана вперёд, работаем попеременно. Координация за дирекцией канала «Россия». Спустя час Скворцов и Торчинский сообщили о готовности к выходу в эфир. Я посмотрел на Буневича, почему-то рассмеялся и подмигнул ему: «Порядок, Шаболовка под ружьём».

Буневич – технический директор компании, со всем своим штабом находится тут же. Я спросил: «Сколько времени понадобится на перекоммутацию канала?» Невозмутимый Остапович, первый заместитель Буневича, пожал плечами: «Минут двадцать, а может, и быстрее». Неожиданно открылась дверь моего кабинета. Вернулся запыхавшийся Лысенко. Он узнал о событиях по радио, ещё не доехав до дачи, развернул машину и погнал её назад.

В эти часы мы смогли убедиться – у нас есть команда.

И хотя недостатка в людях не было, мы работали в чрезвычайном режиме. Народ всё равно продолжал прибывать. Людей собрало чувство профессионального долга, об опасности не думали. Чисто житейски в этот момент телевидение становилось едва ли не самым рискованным местом. Мои коллеги съезжались, реагируя на беду – отстоять, защитить. Каждые полчаса я разговаривал с Брагиным по телефону. Немыслимо – милиция не задержала колонну машин с митингующими, хотя знала точно, что она движется на Останкино, и вооружённый отряд мятежников на пяти машинах, возглавляемый Макашовым, двинулся на Останкино. Я позвонил Брагину, и он подтвердил эту информацию. Группа сотрудников ВГТРК отслеживала движение десанта Макашова.

На наших глазах милицейские патрули, заметив приближающуюся колонну, немедленно покидали свои посты, освободив дорогу мятежникам. «Всё», – сказал я. Ждать можно было только худшего. Моя просьба к руководству милиции – увеличить численность охраны компании в связи с критической ситуацией. В ответ получил сочувственный отказ. «Мы разделяем ваше беспокойство, но свободного контингента милиции нет». Ещё раз перезвонил Брагину. Он был в состоянии паники: «Они уже здесь. Мы слышим первые выстрелы». Ах, если бы только это!.. Водомётов даже не было, чтобы остановить их. Не каждый день на глазах любопытствующей толпы разгорается не-

придуманный бой. Останкинский парк – место отдыха. Как на грандиозной театральной сцене, падают сражённые прицельным огнём или шальной пулей люди. И кто-то не верит в это, и кажется любопытствующим, что всё происходящее – не натуральная смерть, а декоративный бой. А кровь – в самом деле не кровь, а краска. И дымовая завеса лишь антураж.

Снимается кино.

А потом была ночь.

В 19:40 отчаянным голосом Брагин прокричал в трубку: «Мы отключаемся! Они уже на четвёртом этаже».

В действительности атакующие не захватили никаких первых, вторых и третьих этажей. Они сделали пробоину в стене, но в здание фактически не вошли. Эмоциональное восприятие всегда опережало событие. Выстрелы у подъезда воспринимались, как бой внутри здания. Потом мы до поздних сумерек показывали бои у Останкино. Не CNN, не BBC, а мы – телевидение России.

Почему Макашов, а штурмом «Останкино» руководил он, не добился успеха? Ну, во-первых, информация о незащищённости «Останкино» скорее смахивала на слухи. Но так или иначе оказалась преувеличенной. Охрана самого здания была увеличена численностью и вооружением. Да и ОМОН, охранявший здание, был иной боевой квалификации, нежели штурмующие, состоящие в основном из приднестровских гвардейцев казачества, людей в полувоенной форме с новенькими автоматами АКСУ, принятыми на вооружение в федеральной милиции. Уверенности атакующим придавала толпа, оснащённая железными прутьями, арматурой и автоматами. Люди в разномастной штатской одежде с армейским оружием в руках. Сигналом к атаке стал выстрел из гранатомёта. После чего началась неуправляемая попытка атаки. В районе 20 часов ситуация стала похожей на кошмар.

Бой вне войны на одной из мирных улиц города. Неожиданно появившихся три бронетранспортера, которые были восприняты как ответ на просьбу о подкреплении, подняли мятежников в атаку, но отрезвление оказалось мгновенным и удручающим.

Бронемашины прибыли на помощь не мятежникам, а защитникам «Останкино». Судя по хаотичному движению бронемашин, экипажи сами не понимали, на помощь кому они пришли, где находятся атакующие, а где защитники телецентра, побуждая всякий раз и тех, и других встречать проносящиеся мимо них машины одним и тем же криком: «Наши пришли!!!»

В 21 час Макашов даёт команду: «Уходим!!!» В «Останкино» бушует пожар. Макашов подавлен, он понимает, что штурм не увенчался успехом. Есть жертвы. «Уходим! – повторяет команду Макашов. – Возвращаемся к Белому дому, там мы нужнее». И

далее привычная риторика должна скрыть очевидное поражение. «Мы свое дело сделали. Теперь же эти гадины, – так Макашов аттестует «Останкино», – далее не заговорят».

Макашов не знает, что Российское телевидение и радио продолжает вещание. Если на тот момент всмотреться в экран, то видно, как толпы людей, рассечённые на потоки, уходят из «Останкино». Где-то в районе 22:30 появились пожарные машины. Началось тушение пожара. Потом в очередном эфире, уходящем в ночь, будет сказано, что у стен «Останкино» погибли 62 человека. Это случилось 3 октября с 19:30 до 22 часов. За что??? Во имя чего?? Кого-то удалось оттолкнуть в сторону, и выстрел снайпера прошёл мимо. А кто-то ещё долго лежал в неудобных позах на мостовой, гранитном полу вестибюля, на полу узких коридоров телецентра.

Наша трагическая телерадиовахта началась ровно в 20:00 3 октября. В это время «Останкино» уже прекратило вещание, работал только Российский канал, без секунды опоздания вышел в эфир Валерий Виноградов. Привычная, ставящая всё на свои места фраза «Здравствуйте, в эфире „Вести“». Знакомый голос Виноградова возвращал граждан к реальной жизни. В этот момент всеобщего оцепенения от случившегося после отчаянного сообщения останкинского диктора: «Мы вынуждены прекратить вещание» нетрудно понять шок, который пережили москвичи. А потом была ночь, самая драматичная и непредсказуемая в жизни страны. Как и в жизни Российского телевидения. Чисто организационно команда была в полной готовности.

Работаем на двух площадках. На основной, адресной студии и с запасной на Шаболовке. Ситуация меняется в почасовом измерении.

Штурм «Останкино» захлебнулся, точнее, его и не было. Макашов развернул свою команду и возвращается к Белому дому. Какие планы у макашовской команды и других военных формирований под началом Баранникова, Ачалова, Дунаева – угадать было трудно. Как, впрочем, и получить информацию о раскладе сил на данный момент. В какой мере задействована армия? Был воскресный день, и дозвониться до руководителей МВД, Министерства обороны и других знаковых инстанций было практически невозможно. Ответы таковы: «на выезде, проводит совещание». В этих условиях рассчитывать на какие-либо консультации со специалистами в сфере охранных либо боевых защитных действий было бессмысленно. Приходилось опираться только на личный управленческий опыт.

Если предположить, что эти воинские формирования после штурма «Останкино» будут использованы против Российского

телевидения и радио, а не учитывать подобный вариант развития событий нельзя, – перед техническим директором Буневичем была поставлена задача обеспечить бесперебойную работу резервной студии и подготовить запасной вариант передвижной студии с подключением её к эфиру в критический момент. Эта задача тоже была решена. Вопрос стоял жёстко – где поставить передвижку и как её замаскировать. Помог хаос, в решении которого пребывали наши охранные структуры, уполномоченные обеспечивать безопасность Москвы. Передвижную станцию мы разместили во дворе одного из зданий КГБ. Было ясно, что искать её там никто не будет. Запасная группа ведущих в случае подключения передвижки к эфиру тоже была сформирована.

Однако главное – обеспечить безопасность всех рабочих структур компании, как и безопасность её сотрудников.

Охранный ресурс компании минимален: 90 человек и 26 автоматов Калашникова. В любую минуту силы мятежников, покинувшие «Останкино», могли оказаться здесь. Я старался избегать разговоров на эту тему со своими сотрудниками. Все переговоры на эту тему со структурами власти я, естественно, взял на себя.

Кому я только не звонил: в администрацию президента, руководству МВД, в Министерство обороны. Все сочувствовали, обещали принять меры и прислать подкрепление. Но ничего не менялось, стрелки часов миновали полночь – всё те же 90 милиционеров. Собственными силами мы перегородили улицу с двух сторон бетонными блоками и выдвинули туда первый оборонительный заслон.

В 21:30 мы узнали, что «Останкино» отбито. Ещё одну попытку усилить охрану ВГТРК сделали добровольцы, собравшиеся на площади перед Моссоветом. Их, судя по всему, послал Егор Гайдар, который там выступал. В основном люди в штатском, усиленные несколькими афганцами и десантниками. Замысел был благородный, но едва не привел к ЧП. Милиционеры, охранявшие компанию, чуть было не открыли огонь по чрезвычайно энергичным десантникам, оказавшимся в этом самом отряде. Внутрь вновь прибывших мы не пустили, предложив обезопасить улицу на подступах к компании. Через полчаса на улице вспыхнул огонь, ночью было холодно, добровольцы обогревались.

В полночь генерал армии Кобец, он на правах замминистра обороны отвечал за безопасность стратегически важных объектов, позвонил мне и сказал, что только что узнал о нашем критическом положении и немедленно посылает для прикрытия компании три БТРа. Я поблагодарил генерала.

Казалось бы, всё хорошо, но, постояв в оцеплении пару часов, БТРы так же бесшумно удалились. Никого не предупредив об этом. Слава Богу, мы ничего не знали об их уходе, а потому ещё долго сохраняли ощущение собственной безопасности.

Воспоминания сильные, хотя та ночь не слишком располагала к воспоминаниям. События вершились на бегу. И, тем не менее, случилось нечто, выпадающее из общего состояния боли за страну, желания встать на защиту свободы и демократии и единения вокруг этих принципов. И вдруг ребята из команды «Взгляд», «птенцы гнезда Лысенко», нагловатые, циничные, не лишённые дарования: два Александра – Любимов и Политковский, Владислав Листьев, Дмитрий Захаров, Андрей Разбаш. Посреди этой зловещей ночи с непрояснённым «завтра» – все пятеро в шикарной одежде, засидевшиеся на ночной тусовке и прямо оттуда нагрянувшие в студию, намекнув на лживость всех, кроме себя, подчеркнули свою безучастность и безразличие к событиям прошедшего дня и наступившей ночи. Затем призвали сограждан к безучастию. А далее, как принято говорить в таких случаях: «Закройте двери и задёрните занавесками окна, предайтесь любви, алкоголю и чему угодно, плюньте на эту политику. Делайте как мы. Пусть идиоты идут на Васильевский спуск строить баррикады и отстаивать свободу. А лично мы пойдём спать! И вообще – смотрите наши программы. Нам на всё наплевать, поэтому мы честны и объективны».

Случилось нечто, единой Москвы в ту ночь и дни и ночи накануне не было. Если бы телефонные провода могли менять цвет от возросшего напряжения, это бы непременно случилось в ночь с 3 на 4 октября. Нам сочувствовали, нас вдохновляли, нас поддерживали, нас ненавидели. И вдруг в этом нескончаемом порыве образовалась внезапная пауза. Это был шок после выступления наших «псевдовершителей» – взглядовцев. А затем шквал проклятий и поруганий по тем самым накалившимся добела проводам. «Предатели, недоумки, дельцы, мерзавцы»… Это самые невинные выражения. Не щадили и нас. «Как вы могли? Кто позволил? Кто допустил?»

Россия – страна непредсказуемая в своих проявлениях и страстях. А потому едва ли не сразу, минут через десять, сухонькая, достигшая состояния пассионарной истерии Ахеджакова, актриса театра «Современник», ответила Любимову и Политковскому. Возможно, они уже добрались домой и слышали эту живую и мужественную отповедь, сжигающую за собой все мосты. Это надо было не только услышать, это надо было пережить. А далее всё в режиме круглосуточного дежурства.

В 4 утра позвонил Черномырдин. Ему не понравились

политические комментарии Николая Сванидзе. А ещё не понравилось, что Сванидзе бородат и, как ему показалось, одет в несимпатичный и несвежий свитер. В ответ я рассмеялся. В моём смехе не было неуважительности к премьеру. Потому как его звонок – посреди вакханалии, непостижимости и непредсказуемости завтрашнего дня, панического смятения правоохранительных органов (когда нет чёткого ответа – с кем они?)… А премьер делает мне выговор за внешний вид бородатого Николая Сванидзе.

Я успокоил Виктора Степановича: возможно, фрак Николаю Сванидзе был бы больше к лицу, но в эту ночь он был больше похож на мученика, ожидающего своего распятия. Да и во фраке неудобно спать на полу. Я рассказал о телефонном разговоре с премьером Николаю. В ответ он устало улыбнулся и затем сказал: «Побриться не обещаю, нечем, да и незачем. А галстук добуду непременно».

Он таким и появился в эфире – с воспалёнными от бессонницы глазами, обильно чернобородый, но при галстуке, смахивавшем на расслабленную петлю, которая едва не затянулась.

5 часов утра. Снова звонок. Премьер попросил подготовить съёмочную группу. Ожидается выступление президента. Черномырдин добавил всего одну фразу, она мне запомнилась: «Гримёра не забудьте». Эфирная всенощная, в переводе на профессиональный язык – 24 часа непрерывного вещания. Продолжалась череда властных чиновников в эфирном пространстве. Началось со знаковых фигур. Первым выступил Гайдар.

Но вернёмся чуть-чуть назад. Где-то в районе 2-х часов ночи позвонил Торчинский и сообщил: «На Шаболовке образовалась очередь. Выступающих хватит до 7–8 часов утра».

У нас на резервной студии, которая считалась главной, шёл свой поток, первым выступил Егор Гайдар.

Каждый из приезжающих высокопоставленных лиц поражался условиям, в которых мы работали. Назовём этот факт позорным, что национальная компания работала уже два года практически в полевых условиях. Конечно, это объяснялось ещё и чрезвычайной ситуацией – в коридорах было погашено освещение, окна зашторены, и сотрудники передвигались ночью на ощупь в полутьме, используя только электрические фонарики, по лабиринту коридоров, наталкиваясь на вооружённую охрану. Было непросто, и правительственные чиновники прониклись драматичностью момента. И уже в самой студии они вели разговор не о путче, а о будничных делах, которыми положено

занимать власть повседневно и не в ускоренном режиме.

Исключение составил Егор Гайдар. Он выступил первым, ещё до Черномырдина. На правах человека, олицетворяющего курс реформ, призвал москвичей подняться на защиту президента, реформ и демократии. Место сбора – площадь перед зданием Моссовета.

До этого с той же идеей пробивались руководители «Демократической России». Я не согласился, предупредив их, что с такими призывами имеет право выступать материализованная власть, потому как именно она обязана обеспечить безопасность граждан.

Призыв Гайдара взбудоражил Москву, но в той же степени он создал эмоциональный противовес поднявшей голову реакции. Всю ночь мы работали в режиме прямого эфира. Два нескончаемых потока на разных концах Москвы шли через студийные площади на Шаболовке и резервной студии практически в центре Москвы.

Портрет выступавшей аудитории был по охвату невероятен. Представители технической интеллигенции, журналисты, врачи, учителя, актёры, академики, власть московская, региональная, депутаты демократических воззрений, бизнесмены, представители православной церкви, банкиры, профессора добирались ночью, непонятно на чём, чтобы сострадать, взывать, докричаться, устыдить тех, кто вверг людей в это немыслимое кровопролитие. Где-то к 22 часам мы уже имели мощный запас видеоматериалов.

Нам позвонили многие, кто располагал техникой или предлагал свои услуги. Страшно ли было нам?! Скорее всего, нет. Мы старались об этом не думать. Мы делали своё дело. Задача была поставлена, и не выполнить её мы не имели права. Такова была суммация нашего профессионального долга. Ночь не прошла, а пролетела. И сейчас, много лет спустя оборачиваясь назад, я пишу эту книгу в юбилейный год – 25 лет Российскому телевидению и радио.

И тем ни менее, ещё два эпизода из этой ночи не имели права быть забытыми.

Информационные выпуски сменились прямыми эфирными включениями с места событий. Событий было достаточно, да и в местах, где они происходили, недостатка не было. Затем немного музыки, истории, и снова «Вести».

На площади перед Моссоветом строили баррикады. И вот исторический штрих: Иннокентий Смоктуновский, закутанный в шарф, тащит куски арматуры.

На вопрос корреспондента, зачем он здесь, Смоктуновский

ответил: «Пришёл защищать свободу. В такие минуты нам необходимо быть здесь». Кого он имел в виду, я не знаю. Но именно так сказал: «нам».

Эту ночь правомерно считать ночью молитвы и ночью клятвы. Мы начинали понимать – нам удалось переломить настроение. Из выступлений, прозвучавших в эти нескончаемые часы, я бы выделил монолог Явлинского. Он позвонил мне где-то в середине ночи и спросил: «Как к тебе подъехать?» Я объяснил. «Мы сейчас подъедем. Я тебе кое-что покажу». Это кое-что – оказалась кассета. «Посмотри, я тут подожду», – попросил Гриша.

Прежде чем продолжить этот сюжет, следует сделать шаг в сторону. Чтобы отчётливее понять, кто есть кто. И что есть что.

Реформы 90-х начались не с младореформаторов гайдаро-чубайсовского клуба. Они начались чуть раньше. Началом этого экономического бунта стала программа «500 дней», разработанная совместно Григорием Явлинским и Михаилом Задорновым.

Она была аттестована как программа реформирования экономики СССР. Чуть позднее она была предложена авторами Борису Ельцину, в то время возглавляющему Верховный совет РСФСР. У авторов программы «500 дней» был свой взгляд на ситуацию, в какой оказалась страна под названием СССР. Но от всех следующих программ у неё есть одно бесспорное отличие.

Программа «500 дней» своим названием давала понять, что переход экономики страны на рыночные рельсы должен проходить в мобилизационном режиме за кратчайшие сроки, меньше чем за полтора года.

Авторы провели анализ экономик других стран в рыночном формате. Наиболее показательным они сочли опыт Японии. Программа Явлинского и Задорнова продемонстрировала резкое усиление малого предпринимательства через введение права собственности частной вместо права собственности общественной. Предусматривала она и приватизацию, но предполагала её начать с наименее концентрированных и монополизированных отраслей экономики.

Неэффективные госпредприятия должны были быть реформированы или проведены через процедуру банкротства. Авторы программы предлагали государству привлечь значимые кредиты с внешнего рынка и, что очень важно, направить наших специалистов для обучения новым экономическим реалиям на Запад. Программа вызвала широкий резонанс в высших кругах власти как СССР, так и РСФСР. Между руководством СССР и РСФСР была достигнута договорённость о разработке совместных мер по проведению экономических реформ. В целях реализации

программы на базе совместного решения Ельцина и Горбачёва была создана рабочая группа, которую возглавили академик Станислав Шаталин и Григорий Явлинский. При этом Явлинский назначался заместителем председателя Совета министров РСФСР и председателем комиссии по экономическим реформам.

К 1 сентября 1990 года программа «500 дней» и 20 проектов законов, обеспечивающих её проведение в жизнь, были утверждены Верховным советом СССР. И вот тут происходит практически самое главное. Как бы в ответ на эту программу премьер правительства СССР Николай Рыжков предлагает альтернативный проект «Основные направления развития экономики СССР». При этом Рыж-ков заявляет – в случае непринятия его проекта он подаёт в отставку. В качестве выхода из критической ситуации Михаил Горбачёв объединяет две программы в одну, как программу президента СССР.

17 сентября Григорий Явлинский подал в отставку с поста вице-премьера российского правительства, вместе с ним уходит из правительства и вся его команда.

Такова судьба программы «500 дней» с момента рождения до момента её похорон. Характерно, что программу приняли в штыки как сотворители экономической политики предзакатного СССР, так и появившиеся на горизонте сотворители экономической революции 90-х, младореформаторы гайдаровской поры.

Очень скоро Егор Гайдар и Григорий Явлинский превратились в непримиримых противников. В этом была своя логика. Младореформаторы не приняли идеи 500 дней. Во-первых, она представляла бесспорную угрозу гайдаро-чубайсовскому курсу. Не буду вдаваться в частности. Младореформаторы стали властью в России. Чубайсовская приватизация – всё и вся приватизировалось. А приватизация по Явлинскому – сверхсдержанная и поэтапная, потому как предшествием была страна по имени СССР, которая сумела создать вторую экономику в мире. Мы не говорим о сравнимой с Европой эффективности. Мы говорим о масштабах.

И если главной целью младореформаторов была борьба с советским прошлым, и свою значимость они исчисляли масштабами разрушений, то «500 дней» должна была стать экономической программой СССР. По крайней мере Горбачёв соединение программы Явлинского с программой Рыжкова «Основные направления развития экономики СССР» видел как единую программу президента СССР.

Не состоялось после случившегося похорон программы 500 дней. Явлинский, уже бывший вице-премьер правительства

России, создаёт и возглавляет научно-исследовательский институт «ЭПИцентр» как центр экономических и политических программ. Ну что же, так бывает. Явлинский утратил рычаги управления процессами, но обрёл свободу мыслей и действий, он едва ли не моментально становится одним из самых главных и жёстких оппонентов президента и Гайдара. Где-то месяцем ранее, в самом начале обострения их отношений, прекрасно понимая и того и другого, я предложил Егору Гайдару теледебаты с Григорием Явлинским, и Гайдар сначала согласился, но затем передумал.

У Явлинского было хоть и аховое положение, он стал никем и нигде, но при всём этом он пребывал как бы на вольных хлебах, и потому критиковал свободно – легко, убедительно и зло.

И вот теперь сверхтрагический момент, когда на кону судьба его непримиримых оппонентов. Было непросто угадать намерения эмоционального Явлинского. Он произнёс прекрасные слова. Осмысленно, бескомпромиссно и убедительно. Приведу их полностью.

«Там, в Белом доме, сосредоточилось зло. Неуёмное желание расправы над инакомыслием и неугодными. Если люди, исповедующие фашизм, их охраняют, значит с именами Руцкого и Хасбулатова русские фашисты связывают свои надежды».

– Отлично, – сказал я, – ставим в ближайшее время.

Явлинский отрешённо вздохнул и, сохраняя в голосе примирительную согласность, уточнил:

– Поставь прямо сейчас.

Я мог бы раздражённо среагировать на его капризность, но сдержался. Его устами говорила некая нераскрытая легенда. Он был прав. Его популярность среди интеллигенции и образованной молодёжи была достаточно высока. А их поддержка президенту, правительству и не утратившему веру в демократическую власть народу была очень важна.

– Ладно, – сказал я примирительно, – сейчас так сейчас.

Прошлое, похожее на настоящее

Это самое сверхустаревшее прошлое, ставшее собственностью ВГТРК, спасло наше настоящее в октябре 1993 года, а точнее, 3–4 октября. Именно в ту ночь решалась судьба независимой России. Студия на Шаболовке всю ночь вещала в параллель с главной студией на Ямском поле. Ну что ж, бывает так, когда музей прошлого становится крепостью, защищающей будущее. В 1993 г. Шаболовка в ту октябрьскую ночь эту роль выполнила.

Перелистывая свои собственные книги – «Хроника времён „царя Бориса“», «Тревожные сны царской свиты», «Аншлаг в Кремле. Свободных президентских мест нет», понимаю, что по сути это хроники не только событий, но это история рождения и созревания новой российской элиты, пришедшей на смену элите советских времён.

На это понадобилось две эпохи. Эпоха Ельцина и эпоха Путина. Горбачёвская эпоха сыграла роль моста между уходящим с исторической арены СССР и появлением на ней Новой России. И если события лихих 90-х, через которые прошла Россия, мы называем революцией (а это действительно так, утверждаю как участник этих событий), то заслуга горбачёвской перестройки о том, что она позволила эту революцию сделать бескровной. Речь идёт о процессе передачи власти. Кровь, естественно, была. Это и ГКЧП, и 93-й год, и, конечно, чеченская война. И если первые два события – август 91-го года и сентябрь и октябрь 93-го года – это бесспорные попытки переворота или некий ответ на прошедшую революцию, то чеченская война – это конфликт внутренний, национальный, но, конечно же, спровоцированный событиями 90-х годов, когда дудаевско-басаевское руководство Чечни решило воспользоваться ослаблением России и бросило сепаратистский вызов федеральной власти, используя тактику террористических актов, чтобы добиться отделения Чечни от России.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что Чечня и события вокруг неё стали самым тяжёлым испытанием для новой демократической власти 90-х годов. Испытанием для президента и, естественно, его окружения, силовых структур и, бесспорно, для средств массовой информации и российского народа. И каждая из этих перечисленных общественно-значимых сил перенесла это испытание по-своему.

Чеченские события начались в 91-м году, а в 94-м перешли в трагическую фазу военных действий, и прямой вопрос, почему ждали четыре года, возникал буквально ежечасно. Приход Дудаева к власти в 1991 году воспринимался как победа

демократии, и несогласие с этим Хасбулатова, в то время возглавлявшего Верховный совет, выглядело как свидетельство уязвлённости одного чеченца победой другого.

Итог очевидный – Верховный совет признал результаты выборов в Чечне недействительными. Эти выводы выглядели излишне поспешными и эмоциональными. Бесспорно, нарушения на выборах были. А где их не было?

С другой стороны – игра мускулами. Надо поставить Дудаева на место. Единство России превыше всего. Чечня должна почувствовать жёсткую руку Кремля. Это охладит разгорячённые головы сепаратистов в национальных республиках. Дудаев поднимает Кавказ против России. Одни считали – пожар кавказской войны вспыхнет, если вмешаемся, другие – если будем молчать и не пресечём амбиции.

Но хочу сказать о другом. О том, что умалчивалось, – у России в тот момент ещё не было сложившейся структурной армии. Органы государственной безопасности постигали новую среду своего обитания. Они находились в начальной стадии становления. И понятия стратегии и тактики ещё не материализовались и оставались теорией. Не было сколько-нибудь значимых войск МВД. Начнись операции в 1991 году, они бы не имели логического конца и неминуемо закончились бы провалом, ибо сложившегося российского военного ведомства к тому времени ещё не было. Почему же всё случилось в 1994 году? Что означают слова, высказанные Николаем Егоровым, вице-премьером, которому было поручено возглавить операции в Чечне: «Дальше ждать было нельзя»? Какие доводы подтолкнули президента к силовому решению? Обозначу несколько основополагающих. Первый – борьба с мафией. Чеченский кризис в этот момент нельзя рассматривать в отрыве от предстоящих выборов, прежде всего президентских. 95 год обещает стать трудным в плане реформ годом. Уже не в первый раз обещанные перемены приходится откладывать на будущее, на начало года следующего. Поэтому улучшение экономической ситуации и обещанный экономический рост опять перемещался на полку ожидания. Положительные изменения надо будет выявлять и доказывать. Отсюда вывод – надо найти перспективное пространство для политического манёвра, которое может компенсировать экономические неудачи.

Президент России – человек толпы. Единственный путь к победе – изменить настроение общества в свою пользу.

Россия – традиционная страна, уважающая сильную верховную власть. От своей истории не отгородишься.

Я в одной своей беседе с Ельциным, состоявшейся в это

время, высказал мнение: «Победу на выборах одержит не человек, пообещавший в который раз экономическое чудо, а человек, способный остановить в стране преступный беспредел, гарантировать гражданам безопасную жизнь».

Чечня в 1994 году – по сути центр российского преступного мира. Чёрный рынок оружия, наркотиков, фальшивых денег – по сути криминальный бум. 200 тысяч покинувших Чечню до военного конфликта – это лишь отчасти русские и чеченцы, бегущие от Дудаева, но и вынужденная миграции криминальных сообществ с целью создать разветвлённые сети по всей России.

Было ли это соображение высказано президентом, как довод в пользу продолжения военной операции? Бесспорно, было. Второй довод – а как там Америка?! Одна из фраз, принадлежавших одному из значимых американских генералов: «Если войны нет – её надо придумать, во благо Америке». И ещё из той же серии: «Армию время от времени надо встряхивать». Молниеносная война – всегда 100 % успеха. Война затянувшаяся, если она даже приносит победу, – тяжкий груз разочарований и неотступного поиска, кто виноват; такова историческая суть.

Чеченская война расколола не только общество, но и армию. И чеченский конфликт дал однозначный ответ – надо реформировать армию. И это следует делать немедленно. Но приближающиеся выборы – не лучшее время для действий такого рода. И ещё большой вопрос на фоне неблагоприятности чеченских событий – сплотят ли реформы армию или расколют её.

Такой вот расклад получается из заимствованной у американцев, но не воплощённой идеи молниеносной войны. Но война имеет ещё один важный аспект. Когда рушится экономика страны и результаты реформирования оказываются нулевыми, это отвлекающий манёвр. На фоне нескончаемых неудач, краха идеи о росте благосостояния народа появляются моменты очевидного успеха выигранной войны.

Однако Россия не Америка. К началу 1994 года Чечня обрела характер криминального монополиста в России. Единое криминальное русло вобрало в себя пять потоков: начальный нефтяной бизнес, торговля оружием, торговля наркотиками, изготовление и печать фальшивых денег, игорный бизнес. Пять мощных насосов, откачивающих деньги сначала из государственной казны, затем из карманов налогоплательщиков. Бытовое насилие становится философией власти в республике. При слове «чеченцы» возникает образ вооружённых людей, совершающих наподобие скифов или гуннов набеги на пограничные районы юга России. Казачий ропот постепенно

перерастал в осмысленное недовольство всего хлебного пояса России, и тут сыграло свою роль кубанско-донское казачество. Возрождение казачества – это возрождение консервативной русской идеи. Чеченский кризис способен не только обострить ситуацию на юге и в кавказских регионах, но и возбудить центробежные силы русскоязычного населения, проживающего там.

В ближайшее время, принимая решение, президент осознавал, что Юг – это 30 миллионов избирателей. Как они голосовали до чеченской войны и как они будут голосовать, случись она сегодня, вопрос не праздный, и прошлое голосование с внушительным колебанием участвующих не вызывало оптимизма. В лучшем случае 50 % на 50 %. Сильный и решительный президент, управляющий армией и страной, должен вернуть симпатии избирателей Юга.

Здесь, на Кубани, Дону и Северном Кавказе, 70 % российского хлеба. С этим не шутят. Версия Юг, оказавшаяся на чаше весов, добавила президенту уверенности в правомерности силового решения.

Ну а далее – нефть, как ещё один значимый довод. Быть или не быть силовой операции? Именно через нефть, использование и добыча которой оказались в Чечне бесконтрольными со стороны России, режим в Чечне полагал неограниченные возможности своего присутствия на рынке вооружения.

Удорожание нефтепродуктов на мировом рынке обусловлено неудобством и опасностью их доставки. Доставка морем и в контейнерах по железной дороге эту опасность усиливает. Россия перешла на трубопроводную доставку, то есть прокладку нефтепроводов, как наиболее продуктивный и экономически чистый метод. Из всех вариантов нефтепровода наиболее предпочтительный был признан путь через Северный Кавказ – и более короткий, и более экономически выгодный.

Таким образом, в России проект транспортировки нефти с использованием нефтепровода имел шанс стать и наиболее жизненным. Но главным препятствием осуществления был не рельеф местности – частично нефтепровод должен проходить через горы, – а обеспечение его безопасности. Криминальная среда в Чеченской республике делала рискованным и практически невозможным это строительство. Политические переговоры с чеченским руководством не имели успехов. Непримиримость Дудаева опиралась на его уверенность в поддержке чеченской позиции криминальным миром России. Его влияние в коридорах российской власти становилось всё более значимым. Тем более когда речь шла о нефтяном бизнесе.

И последний довод – Вторая Кавказская война.

Бесспорно, он был определяющим. Вряд ли наши военачальники знали историю Кавказской войны, но то, что она была знаковой битвой России за Кавказ и была многолетней и изнурительной, это неоспоримо. И её исход был итогом классической дипломатии, когда многолетний враг России после согласия на примирение приглашается в окружение царского двора, получает все возможные привилегии и подарки от царя. Так закончилась Кавказская война, и наступил мир, принятый с радостью многонациональным населением Кавказа. Кавказ стал значимой равноправной частью России.

Одно уточнение. Первая Кавказская война была долгой. И именно её долговременность сделала память о ней тяжкой для народов как Кавказа, так и России. И начнись она во второй раз, её нескончаемость страшит общество.

Вторая Кавказская война – единственный довод, постоянно используемый как сторонниками военной операции, так и её противниками. Первые предупреждения об опасности создания мусульманской республики во главе с Дудаевым, и тогда кавказская война неизбежна. Не дать Дудаеву нарастить силы – значит предотвратить распад Северного Кавказа и предотвратить войну.

Активно настроенная оппозиция говорит прямо противоположное. Затянувшаяся война, неспособность преодолеть сопротивление Дудаева сделают его героем. Авторитет Дудаева вырастет многократно. Сейчас мы как никогда близки к началу кавказской войны, которая по инерции вспыхнет и в Ингушетии, и в Дагестане. Войска российской армии начнут действовать по всей территории Кавказа. Разрубить этот узел, убеждали президента силовики, – можно только военной операцией. Этот вариант рассматривался для активных действий.

Москва не была бездеятельной. Нескончаемая смена политических фигур, задействованных в решении чеченского конфликта (С. Шахрай, С. Филатов, Р. Абдулатипов, Н. Егоров и наконец Н. Семенов), и они отрицали всякие обвинения в бездействии. Да, многие из них были малоудачными, так как требовали большего опыта, и военного, и управленческого, а также было отсутствие профессионального анализа, понимания национальной составляющей этого конфликта. Что значило событие 23 ноября 1994 года, когда имел место закончившийся провалом штурм Грозного силами Временного совета во главе с Умаром Автурхановым? Чеченская оппозиция попыталась взять город и свергнуть президента республики Джохара Дудаева. Это была последняя попытка Москвы погасить чеченский конфликт

силами самой Чечни.

Так или иначе надежда решить Чеченскую войну внутренними силами самой Чечни провалилась. Путь военных действий против режима Дудаева стал реальностью российской армии. Именно в этот момент пошатнулся авторитет российского военкома Павла Грачёва, причина – скандал вокруг Западной группы войск и обвинение в коррупции бывшего командующего этой группой Матвея Бурлакова (впоследствии назначенного на пост первого заместителя министра обороны). А затем – странное убийство журналиста Дмитрия Холодова, проводившего расследование в связи с событиями вокруг Западной группы войск. Все эти события накалили ситуацию до предела. Президент не пожелал в этих условиях идти на обострение и не дал в обиду генералитет. Однако Бурлакова освободили от занимаемой должности до выявления всех обстоятельств дела, касающегося Западной группы войск. Так или иначе, Павел Грачёв начинал чеченскую операцию в ухудшенном общественном климате. Президент дал Грачёву шанс публичной реабилитации. Грачёв по его заверению одерживал молниеносную победу. Президент напомнил слова министра: «Достаточно одного парашютно-десантного полка, чтобы решить вопрос с Грозным».

В случае победы министра ждут только лавры. В случае неудачи, в которую президент мог верить, у президента развязаны руки. И следует его монолог: «Я сделал для тебя всё. Прикрыл тебя в трудную минуту своим доверием, доказал, что не забыл оказанной президенту помощи в ночь с 3 по 4 октября 93-го года. Я дал тебе шанс в Чечне. Ты этот шанс использовать не сумел. Так что не обессудь». Был ли такой внутренний монолог президента или не был, не так важно. Логика поступков понятна. Министр в Чечне обязан показать, на что он способен. И он это сделал? Теперь уже бесспорно, чеченский конфликт будет иметь не одну фазу и не две, а возможно, и три. И ещё один малоприятный момент. Это раздражение, с которым власти обрушились на средства массовой информации за их непослушание и их нежелание увидеть чеченские события её, власти, глазами.

Буквально спустя недели две исполнительная власть, от имени которой проводилась операция, поняла, что события разворачиваются по непредвиденному сценарию. Скорого окружения Грозного не случилось. Раскоординированность управления войсками оказалась очевидной. Движение бронетехники в течение первого же часа выбилось из графика. Темп наступления был упущен. Боевая несостоятельность разного ранга военачальников была столь очевидной, что их приходилось менять на ходу.

В операции оказалось задействовано большое количество солдат осеннего призыва, срок их службы исчислялся 2–3 месяцами. В силу абсолютной неопытности молодых солдат ощутимые потери возникали ещё до начала основных боевых действий.

Получился, по сути, абсурд. Отсутствие профессионализма проявилось повсеместно.

Во-первых, в оценке политической составляющей значимость дудаевской оппозиции была придуманной и потому оказалась неэффективной.

Во-вторых, политика ФСК, которая консультировала действия оппозиции, а по сути руководила операцией и осуществляла негласный набор вольнонаёмников из молодых призывников по всей России, не имеющих боевого опыта, и не было сил, должных совершить штурм Грозного. Это пустозвонство и напыщенность силовых структур производили удручающее впечатление. 26 ноября 1994 года дудаевские профессиональные части разгромили штурмующих Грозный. Путь к военным действиям в Чечне был открыт.

Так бесславно, если не сказать позорно, закончился амбициозный программируемый штурм Грозного. Причины такого исхода – отсутствие профессионализма у военных, бездарность политиков и доверчивая слепота Ельцина.

Операция в Чечне, которая хранилась в абсолютной тайне, застигла врасплох не, как было задумано, – Дудаева, а российскую армию.

И ещё одним откровением и неожиданностью для президента явилась реакция демократической прессы, которая в подавляющем большинстве приняла в штыки военную операцию в Чечне. Газеты, радио и телевидение, застигнутые врасплох, наперебой заговорили о начале гражданской, кавказской, партизанской войны, дестабилизации экономики и гибели молодых солдат – зелёных, необстрелянных, которые стали первыми жертвами этих рискованных военных действий. С большим опозданием заговорили о том, что можно было предвосхитить военную акцию. И нежелательное подтверждение многих отрицательных прогнозов, случившихся в реальности, ещё больше усилило раздражение власти, которая хотя и поняла, что угодила в ловушку, устроенную ей недальновидными военачальниками, но не хотела этого признавать.

В таких случаях селекция информационных материалов, поступивших на стол власти, проводится сверхтщательно. Этим занимаются всевозможные аналитические центры, статус которых пересматривается в силу неблагоприятности полученных

выводов, они ставятся под сомнение, и создаются новые центры.

Удивительное единодушие прессы, начиная от газет «Правда», «Московские новости», «Известия», – озадачило президента. Ельцин посчитал, что журналисты, для которых президент столько сделал, его предали. Так появилась опрометчивая президентская фраза в официальном обращении к народу по поводу чеченских событий: «Мне стало известно, что не без участия чеченских денег функционирует ряд СМИ в России». Кто это подсказал Ельцину? Версий много, возникает яркий перечень фамилий. Попытка подозревать в этом журналистов нелепа и непрофессиональна. Информация составлена как полноценный продуманный донос, благодаря которому рождается образ опасности.

Задача очевидна – рассорить президента и СМИ, что позволит развязать руки рядом стоящих чиновников, отвечающих за безопасность президента. Информация по стилю очень похожа на стиль КГБ.

Немногословно, но весомо по сути. Чеченское руководство финансирует негласно ряд российских СМИ. Бомба в единый ряд СМИ брошена. Это плата СМИ за их неприятие идеи военной операции в Чечне.

Итак, у президента появились пять весомых поводов начать военную операцию в Чечне, и начать её незамедлительно. Главное требование к операции – она должна пройти в ускоренном режиме. Длительная вторая кавказская война современной России противопоказана. На фоне этих событий и внутреннего якобы единения чиновничьего мира в недрах либерального президентского окружения был подготовлен альтернативный вариант чеченской операции. Он был предложен спонтанно, когда войска уже были на марше, так как решение о военных действиях огласке не предавалось. Альтернативный план имел следующую логику рассуждений.

Вернуть войска назад нельзя – это крах авторитета федеральной власти. Брать штурмом Грозный не следует – это громадные потери, и прежде всего гражданского населения. Грозный следует окружить кольцом. Вторым кольцом окружить саму Чечню, чтобы исключить поступление оружия и продовольствия извне. В самой Чечне на всей территории начать восстановление конституционного режима. С точки зрения авторов проекта, жёсткая блокада Грозного заставила бы Дудаева сесть за стол переговоров без каких-либо условий. Дошёл ли этот проект до Ельцина, неизвестно.

Внезапное президентское решение было – вызвать бурную реакцию у общественности, и столь мгновенная и единая реакция

стала для Ельцина неожиданностью. Ельцин, бесспорно, ожидал реакции не в таких масштабах и не с такой степенью единства. За несколько дней до того уже проявились демократы – публичное заявление сделали Гайдар, Григорий Явлинский, Сергей Юшенков. Демократ Козырев, в то время министр иностранных дел, в ответ на демарши демократов ответил встречным демаршем – вышел из фракции «Выбор России».

На перекрёстке вселенского почитания и вселенской ненависти оказался Сергей Адамович Ковалёв, представитель президента по правам человека. За несколько дней он превратился в некоего мессию в умах пацифистов и с тем же единодушием был проклят военными национал-патриотами.

Ковалёва не интересовал Дудаев как личность. Он был чужд Ковалёву как политический лидер. И вышедший из берегов криминал в Чечне Ковалёв всё же видел и понимал, но он видел и то, что не хотели признать в Москве, – отчаявшийся и поднявшийся на защиту очага и права народ. Он видел невероятные страдания гражданского населения. Там, в Чечне людей лишали права, права на жизнь. Любое признание правоты, либо неправоты возможно только после прекращения кровопролития. Ковалёв был одержим добротой и справедливостью, как и его учитель – академик Сахаров. Он – Дон Кихот, и это делает его, Ковалёва, неповторимым в его колоссальном мужестве.

Такова была реальность. И эта реальность была непомерным испытанием для российской демократии. Чеченские события будут иметь длительное продолжение. Уйдут с политической сцены Дудаев, Басаев. Совершит неустойчивую попытку установить мир в Чечне генерал Лебедь.

И только приход к власти Кадырова-старшего изменит что-то, а затем после убийства его чеченским подпольем сменит его на посту главы Чечни 28-летний сын, Рамзан Кадыров, который сумел восстановить Чечню, опираясь на многолетнюю поддержку президента Путина, и совершить нечто. Создать на чеченской земле процветающее государство и на военных развалинах Грозного город Будущего.

Легко было рассуждать о Чечне со стороны. Трудно, а порой страшно было оказаться внутри этих событий. Но Кавказ есть Кавказ, иного Кавказа нет. Такова реальность современной России.

Для меня лично чеченские события стали испытанием на прочность.

И вся история моего появления в мире телевидения, более чем что-либо, подтверждает главную мысль повествования –

«жизнь вопреки». Ни я не ожидал своего появления в этом мире, и могу предположить, что и мир телерадийщиков был озадачен моим появлением в его границах. А если учесть, что абсолютно всё я со своей командой создал на пустом месте, то постижение мира было двусторонним.

Мы постигали новый мир, сначала свой собственный, его тоже ранее не было. А если ты поставил задачу создать другой мир, другое телевидение и радио, то с этой минуты ты заложник идеи. Жизнь вопреки. Мы родились в СССР и сформировались как личности в этой стране. И наши навыки и привычки были оттуда, но следовало отдавать себе отчёт, что Россия, в которой мы оказались, – другая страна. И нам ещё предстоит этот другой мир создать. Иначе говоря, не только жить в этом новом мире, но и его создать. Говоря без излишнего заимствования, на каждое происходящее событие иметь свою точку зрения, не списанную у кого-то. И неважно, что это – происходящие вокруг вас события или спущенная сверху директива, и в том и в другом случае у вас должна быть своя точка зрения. Да, директива это по своей сути указание – приказ. И тут ваша индивидуальность проявляется не в том, что исполнять, а как, и это и есть та краска непохожести, которая отличает вас от других и придаёт вам формат независимости. Независимость ваших суждений и поступков, вот что рождает ваш авторитет, вызывает к вам интерес, равно как и неприязнь. Чеченские события стали в полной мере испытанием руководства компании на независимость суждений.

Вопрос по существу – каковой оказались плата за эту независимость суждений.

В определённом смысле памятна моя встреча с Павлом Грачёвым, которая случилась по его инициативе. У нас, естественно, были разные мнения по поводу чеченских событий, об этом я писал. Я был сторонником переговоров с Дудаевым. Я говорил: задача президента, российского руководства – побудить Дудаева сесть за стол переговоров. Выстроить действие нашей армии в проведении боевой операции, раз она всё-таки началась, таким образом, чтобы у Дудаева не осталось другого выхода. Только переговоры.

В этом смысле операция Басаева по захвату больницы, которая, бесспорно, была согласована с Дудаевым, и стала неким ответом федеральной армии. (Отчасти это монолог, рождённый моей фантазией, но оторванные от реальности фантазии бессмысленны.)

«Да, вы наступали, вы нас прижали к границе. Но мы не считаем своё положение безвыходным. Вы поспешили с празднованием победы и призывом, обращённым к чеченским

солдатам: капитулировать. Вот наш ответ на ваше предложение: мы захватили детскую больницу в Ставрополье. Это наша первая операция, и таких операций будет много. Мы переводим войну в другую фазу. Отныне это будет партизанская война. Мы должны это понимать, и команда, которая последовала, когда ваши практически подошли, до границы 20 км, – прекратить военные действия».

И тут они были правы, такой шаг российского руководства равноценен безумию. И не следует сомневаться, Басаев, его выброс в Ставрополье – это не просчёт российской армии. Басаев знал, что последует приказ об остановке наступления российских войск. Вот так!

Начало обострению отношений Минобороны с ВГТРК, бесспорно, положили события вокруг Чечни. Тогда, по словам Грачева, критики действий российской армии попадали в разряд не просто противников армии, а людей, откровенно не любящих свой народ. И я, с точки зрения Грачева, конечно же, оказался в их числе. Российское телевидение устами популярной ведущей Светланы Сорокиной определило начало чеченских событий как национальную трагедию. Неприязнь ко мне президента страны в те несколько дней дошла до высшей точки кипения. Слух о том, что президент высказался за моё отстранение, распространился мгновенно. Об этом на своей пресс-конференции сообщил Сергей Адамович Ковалёв, уполномоченный по правам человека. Там он рассказал о своей встрече с Ельциным. Мы с Ковалёвым по вопросу решения чеченской проблемы были единомышленниками. Ковалёв осуждал решения Ельцина по поводу введения войск в Чечню.

В момент этого разговора президент раздражённо заметил – я принял решение отправить Попцова в отставку с поста председателя ВГТРК. Обоснование этого решения было нелёгким. «Попцов излагает неправильно обе точки зрения, как российской стороны, так и чеченской».

По сути, очевидный абсурд, но абсурд, высказанный президентом, а точнее, повторение наката, подготовленного на Попцова президентским окружением, во главе которого, конечно же, стоял главный охранник президента Коржаков, с которым у меня были жёсткие отношения. Подписанный Ельциным в то время указ о моём смещении в силу активного неприятия этого решения общественностью был аннулирован. Однако враги Попцова не успокоились. Наш день ещё настанет, неотступно повторяли они. И не ошиблись. Спустя два года он пришёл. Власть во все времена и всюду – это мир нескончаемых интриг.

Можно призвать себя: сосредоточься на работе, не замечая их.

Идея добрая, но не самая разумная. Интриги можно победить только встречными интригами.

Другой вопрос, как эти встречные интриги без твоего участия побудить, чтобы они работали на тебя. А это уже немалое искусство. И что ты можешь предложить интригующим в ответ на их услуги, о которых ты их не просил.

Подобную операцию в 2000 г. провёл Путин. Появившийся в российской политике Березовский, коварный человек, энергичный, хитрый, угрожающе авантюрный, понимал, что Примаков стал премьером вне его участия. Тем более что Евгений Максимович сверхотрицательно воспринимал Березовского. Очень хотелось, но не получилось.

Вторая попытка подставить плечо сменившему При-макова Степашину тоже не получилась. Ельцин в тот момент пребывает в состоянии агрессивного отчаяния. И тут появляется Путин.

Если бы мы поставили перед собой задачу проанализировать ошибки, совершённые Ельциным, можно было отделаться русской поговоркой «им не счесть числа». Ельцин был сверхпротиворечив, причём именно в этой противоречивости, а она была некой итоговой побудимостью его поступков, скрывалась суть Ельцина: алогичность, непредсказуемость.

Бесспорно, что на 70 % причиной этой неадекватности поведения было состояние его здоровья, ухудшение которого шло по нарастающей. В этой связи было очень непросто оценивать его отношения с подчинёнными. Их никогда нельзя было назвать близкими. И кривая доверия президента к своему окружению всегда была в состоянии колебания.

Ельцин был ревнивым человеком, это проявлялось в его отношении к премьеру Виктору Степановичу Черномырдину. После поездки Черномырдина в Америку, где ему был оказан прекрасный приём, о чём Ельцину немедленно доложила коржаковская служба, президенту дали понять, что американское руководство рассматривает Черномырдина как возможную замену Ельцина и именно с этой целью премьер был приглашён в Америку. Эта провокация со стороны ближайшего окружения Ельцина немедленно дала результат. Спустя недолгое время Ельцин подписал указ об отставке Черномырдина. После чего и началась премьерская чехарда. Сначала Кириенко и порождённый его деятельностью дефолт. После чего президент его отправляет в отставку.

Ситуация критическая, учитывая ухудшение здоровья президента, и вот тут происходит едва ли не главная интрига практически всего президентского правления Ельцина. Нет главы правительства. Попытка вернуть на этот пост Черномырдина

дважды проваливается. Кандидатуру Черномырдина блокировало парламентское большинство, мотором этой блокировки оказываются коммунисты.

Ситуацию спасает Григорий Явлинский. Кандидатуру Примакова предлагает фракция «Яблоко». Голосование по кандидатуре Евгения Примакова проходит успешно. Никаких продуманных действий с чьей-либо стороны по поводу выдвижения кандидатуры Примакова не было. Ни у фракции «Яблоко», ни у президента, у которого в этот момент вновь резко ухудшилось состояние здоровья. А если к этому добавить, что приближалась заявленная процедура импичмента президенту, то можно себе представить масштаб критичности ситуации. Не было и никаких предварительных переговоров между Примаковым и Ельциным.

Узнав о положительном голосовании в Думе по кандидатуре Евгения Максимовича Примакова, президент принимает решение о назначении его главой правительства. Когда он узнаёт подробности этого голосования и едино-гласности коммунистов, настроение президента портится. Он сквозь зубы произносит фразу: «Чего-то недоучёл. Березовский, похоже, был прав».

Естественно, вопрос – при чём тут Березовский? Ответ – более чем при чём. К этому времени уже более двух лет Борис Абрамович Березовский обозначался как друг президентской семьи и фигура достаточно влиятельная в политической игре.

Он был ярым противником кандидатуры Примакова. Он знал, что Примаков не испытывает к нему особых симпатий, как и к большей части олигархического пула, вошедшего в жизнь после приватизации 90-х годов.

Ельцин вынужденно одобрил кандидатуру Примакова, понимая его значимость как политика, как и то, что должность премьера – это последняя ступень перед президентским восшествием.

Примаков чувствовал это ревнивое беспокойство Ельцина, и в предваряющей беседе с президентом заявил, что для него главное – создать правительство, способное совершить перелом в экономическом развитии страны, но для начала создать атмосферу взаимопонимания между ветвями власти, потому как внутривластные конфликты сводят на нет авторитет власти как таковой. И никаких президентских претензий у него нет и быть не может. «Мне как премьеру необходима поддержка президента, а не противостояние с ним».

Внешне это успокоило Ельцина на несколько первых месяцев примаковского премьерства. Но окружение Ельцина и внедрившийся туда Березовский творили неприязнь к Примакову

и раскол.

1998–1999 г. Назначение Примакова, конечно же, было чисто ситуационным. Никаких предшествующих планов его выдвижения не существовало. У президента не было выбора. Черномырдин рухнул. Распускать Думу самоубийственно. На очередных выборах, случись они после августовского краха, порождённого дефолтом, состав вновь избранной Думы будет в лучшем случаем таким же. В худшем, а он не исключался, непримиримая оппозиция получает конституционное большинство. Поэтому появился Примаков. Страна не могла пребывать в состоянии экономического хаоса. Примаков добился политической стабильности впервые с 90-го года, сформировав правительство с очевидным влиянием в его составе левых сил, при-чём на ключевых постах. Впервые левые контролируют экономику. Правительство оставило пять министров, сохранивших свои посты из прошлого правительства. Этот продуманный и мудрый шаг Примакова – очевидная возможность отклонить обвинения в продуманном полевении правительства.

Успехи нынешнего правительства – в пределах малых успехов правительства Черномырдина 1997 года. Они малозначительны и одномоментны. Подъёма нет, но спад замедлился.

Одна значимая частность. Президент принял решение о назначении Примакова в момент ухудшения состояния своего здоровья. Это уточнение крайне важно. Президент, принимающий решение в добром здравии и в момент устойчивого недомогания, – это как бы два разных президента, как и два разных решения.

Частность, которая стоит общего, причём общего судьбоносного. Вот причина столь частого отсутствия логики в решениях президента.

Примаков обеспечил политическую стабильность, нашёл общий язык с парламентским большинством. Он сделал то, что оказалось не под силу самому президенту страны за весь период его правления. И дело не в способностях. Дело в умелом выборе позиции.

Так уж повелось – весна в России время нервное. Весна 1999 года не стала исключением. Война в Югославии, политическая неврастения в России. Ежегодное послание президента Федеральному собранию – свидетельство трёх очевидностей: самочувствие президента заметно улучшилось, президент аттестует деятельность Примакова на посту премьера со сдержанной положительностью, и наконец третье – президент не поддерживает экономических позиций правительства, настаивает на продолжении экономических реформ и, что главное, причину

экономических неудач видит не столько в ошибочных действиях предшествующего правительства, сколько в отказе со стороны Думы поддержать антикризисные меры, предложенные правительством Кириенко. Чем и был спровоцирован политический кризис. И как итог – президент не согласен с экономическим курсом нынешнего правительства, полагая, что его по существу нет. А значит, курс правительства в этом же направлении требует корректировки и кадрового обновления.

Ситуация накаляется. Интриги вокруг генерального прокурора (Скуратова) приобретают ещё большую остроту – президент не намерен отступать: прокурор должен уйти. Импичмент президента в силу этой возрастающей нервозности превращается в реальную угрозу. 9 апреля на встрече с президентами республик, входящих в Российскую федерацию, Ельцин конкретизирует свою позицию в отношении Евгения Примакова: «Пока Примаков устраивает, а дальше посмотрим».

10 апреля 1999 г. Примаков после заседания президиума правительства делает довольно раздражённо ответное заявление, в котором вступает в прямую полемику с президентом: «Не беспокойтесь. Я не собираюсь участвовать в президентских выборах. Я за своё кресло не держусь. Тем более что сроки моей работы обозначены: пока Примаков устраивает, а там посмотрим…»

Буквально через два дня, 12 апреля, происходит закрытая встреча президента с Примаковым. Никакого присутствия журналистов. Встреча продолжалась 55 минут. Разговор шёл на повышенных тонах. Президент дал понять, что не терпит полемики с собой, как свидетельствуют источники. Раздражённый президент внезапно прервал разговор и покинул кабинет, оставив Примакова в подавленном состоянии одного.

Спустя месяц ещё одна встреча – Примаков и президент – 13 мая. Она продолжалась 30 минут. Примаков покидает кабинет уже в качестве экс-премьера.

Случилась одна из самых абсурдных отставок. Она явилась приговором не Примакову, а президенту России Ельцину. Это было демонстрацией удручающей несостоятельности президента страны. Бесспорно, Примаков в максимальной приближённости в качестве человека № 2 в России был неудобен Ельцину – превосходящий президента в образованности, по политическому опыту, многомерности постижения жизни. Он был не «один из», а единственным и неповторимым в своём роде. И бесспорно, ревность к Примакову была главным, что побудило Ельцина сделать нелепый, а по сути унизительный для него самого шаг. Ушёл в отставку не новатор-демократ, не консерватор,

нацеленный на эксперимент. Ничего подобного – в силу очередного президентского каприза оставил свой пост высококлассный профессионал, высокообразованный и почитаемый в обществе мудрый человек, не сделавший чуда, но сумевший унять истерику и вернуть обществу чувство душевного равновесия и политической стабильности.

Я часто задаю себе вопрос: почему мы не подружились. В те горбачёвские времена его движение по высоким этажам власти мешало сближению, мы находились достаточно отдалённо друг от друга. Открытые контакты появились на закате эпохи Ельцина. Примаков министр иностранных дел, Примаков премьер-министр, Примаков в свободном полёте, глава торгово-промышленной палаты России. Мы часто встречались, в этом была взаимная потребность. Он мог неожиданно задать вопрос: куда вы пропали?! В пору создания им клуба «Меркурий» при торгово-промышленной палате России, клуб стал интеллектуальной площадкой для общения совершенно разных людей, занимающихся экономикой, политикой, производством, наукой, образованием, международными проблемами. Примаков всегда председательствовал на заседаниях этого клуба. Всякий раз он открывал заседание, начинал дискуссию. А затем своим заключительным словом завершал её.

Да, он был другим человеком. Человеком вопреки. И во время своего внезапного и недолгого – восемь месяцев – премьерства он свою жизненную суть – «вопреки» проявил с корректной остротой, которая присуща только Примакову.

Олигархи не любили Примакова не только за его неангажированность. Ничей всегда опаснее, чем чей-нибудь. Олигархи, и не только, понимали, что опасным Примакова делает его информированность о средствах, которыми владеют олигархи, как и путях и методах, благодаря которым они добывались, и где они в данный момент находятся.

Появился премьер, который осознанно мог поставить задачу, как вернуть российские деньги, осевшие на счетах в зарубежных банках, что сулило олигархам значительные неприятности.

Срастание преступного мира с властью в России обрело угрожающие размеры. По последним официальным данным, заявленным соответствующими международными исследовательскими центрами, Россия входит в десятку самых коррумпированных стран мира. И реплика При-макова на заседании правительства при принятии закона об амнистии (дабы гуманизировать эту составляющую) весьма показательна: «Гуманизм гуманизмом, но нам надо освобождать места для тех, кого мы будем сажать за экономические преступления».

Через два дня на Экономическом форуме в Давосе премьер повторил эти слова, видимо, полагая, что бизнесмены и финансисты Запада воспримут эти шаги, как предполагаемое улучшение инвестиционного климата в России. Как эти слова восприняли западные предприниматели и фирмы – ещё вопрос. А вот как их восприняли российские олигархи, это очевидно – в штыки.

Буквально на следующий день после этого заседания правительства я оказался в обществе, где присутствовали значимые представители бизнеса. После слов Примакова, прозвучавших на заседании правительства, а затем повторенных на форуме в Давосе, у бизнес-элиты буквально началась истерика.

«Он объявил нам войну, – сказал один из банкиров. – А на войне как на войне. Не мы начали, так что…» А завершили эту реакцию олигархического пула слова Бориса Березовского. Прозвучавшие примерно в это же время, но в другом месте, они стали известны его близкому бизнес-окружению, а затем и всему бизнес-сообществу: «Не таких снимали!» По слухам, ответ Примакова был мгновенным: «Вот и прекрасно – либо он, либо я».

И как итог: схватка между Примаковым и Березовским стала основополагающим компонентом возникшего конфликта – Ельцин – Примаков.

Здесь уместно напоминание одного сюжета – политической интриги «Примаков», о которой мне рассказал сам Евгений Максимович в пору своего премьерства. Рассказывал неслучайно, будучи уверенным, что история будет непременно извращена его политическими оппонентами.

Вот его рассказ:

– Ко мне пришёл Степашин, протягивает мне какие-то бумаги и говорит: «Вы ставите вопрос о возвращении отечественного капитала, который при помощи криминальных операций ушёл за рубеж и осел на счетах в иностранных банках. Вот список людей, которые творили это беззаконие. Дайте команду на открытие уголовных дел, иначе у нас связаны руки и мы не можем действовать». Я ему ответил: «Я не генеральный прокурор и таких санкций не даю». У Степашина не сложились отношения с генеральным прокурором Скуратовым. Ему была необходима поддержка. Я посмотрел список и поставил вполне корректную резолюцию: «Прошу внимательно изучить и в случае справедливости подозрений открывать уголовные дела». Замечу, что фамилии Березовского в списке не было. Что произошло дальше: Степашин уезжает к себе, где передаёт документы своему заместителю Владимиру Рушайло. Ну а Рушайло, имевший постоянный контакт с Березовским, знакомит его с документами.

Борис Абрамович Березовский вставляет свою фамилию в список и мчится к семье президента: «Вот вам ваш Примаков. Сейчас он начал расправу над бизнесом, а затем над своими политическими противниками. Методология известна – сажать!» Далее всё по отточенной схеме – либо Юмашев, либо дочь президента в таком извращённом варианте выкладывают президенту информацию.

Но даже хитрый и мудрый Примаков допустил осечку. Березовский сыграл рискованнее. Он убрал из списка свою фамилию и вместо неё под четырнадцатым номером поставил фамилию Ельцина. Так в истории политической интриги появился документ, известный, как список Примакова.

Отправляя Примакова в отставку, президент мотивировал своё решение неуспешностью экономической политики Примакова. Однако сменивший его на посту премьера Сергей Степашин при своей встрече с премьером Дании сказал знаковые слова: «Экономика России восстанавливается гораздо быстрее, чем можно было предположить». И далее следуют цифры промышленного роста и инфляции, которая меньше 1 %. Подобная аттестация произошла перед встречей семёрки.

Поставим отточие, ибо выводы, вытекающие из подобного признания, прямо противоположны заявлению Ельцина, сопровождающему отставку Примакова. Наш президент мотивировал её отсутствием какого-либо экономического эффекта в деятельности правительства. А спустя неполный месяц новый премьер сообщает, что страна выздоравливает быстрее, чем предполагали экономические оракулы. Ну что ж, эти выводы – ещё одно подтверждение неадекватности президентских решений.

Вообще, внушаемость нашего президента напрямую зависела от состояния его здоровья. Именно больному президенту втолковываются всевозможные домыслы, которые в момент его выздоровления материализуются в неадекватные кадровые решения. Достаточно воспользоваться методом простого наложения. История кадровых потрясений один в один совпадает с историей болезни нашего президента.

Если у вас в руках медицинская карта монарха – вы без труда нарисуете перемещение звёзд на небосклоне. Удивительно, но наш президент не различал личностной знаковости своих подчинённых. Он был глубоко убеждён, что премьер Примаков и премьер Кириенко – это одна и та же субстанция, полностью зависящая от него. Проще говоря – ягоды одного поля. В этом случае никакой роли не играет ни возраст, ни масштаб профессионального авторитета, ни образованность, ни общественная значимость. Априори для президента – у подчинённого авторитет должен быть меньше президентского. И

Примаков – министр иностранных дел был человеком неизмеримо более независимым, нежели Примаков – премьер. На тот же пост он тоже назначался Ельциным, но сфера внешней политики для провинциального Ельцина была уподоблена путешествию в другую галактику. И в том мире Ельцин был больше зависим от Примакова.

Став премьером, Примаков, казалось бы, обрел права человека № 2, независимость которого уступала только независимости президента. Разведчик Примаков ошибся. Доносящих на премьера стократ больше, нежели доносящих на министра иностранных дел. А именно поток доносов для находящегося в постоянном режиме нездоровья в 1999–2000 годах Ельцина был основным потоком информации из окружающего мира. И не дающий ему покоя, во много раз более значимый авторитет Примакова в обществе, нежели авторитет Ельцина, стал толчком неадекватного президентского решения.

Это был период премьерской чехарды. Кириенко премьерствовал 4 месяца, Степашин 3 месяца, Примаков – 9 месяцев.

А что же такого совершил Сергей Степашин, если накануне в беседе с корреспондентом сказал про свои отношения с президентом, как уважительные и благоприятные для работы правительства, и буквально через несколько часов был отправлен в отставку? И через несколько часов в обращении к народу этот же Степашин получает высокую оценку своей премьерской деятельности. Как это все понять и как оценить?!

Сейчас, спустя годы, когда ельцинская эпоха, как и сам Ельцин, стали нашим пусть недалеким, но прошлым, можно без особых затруднений давать оценки и делать выводы.

Устойчиво начинаешь понимать правду о Степашине и истории его премьерства, а, впрочем, историей её назвать непозволительно в силу краткости срока – всего три месяца. Поводом для столь короткого срока правления мог стать какой-то внезапный катаклизм, или переворот, либо политическая катастрофа. Ничего подобного не произошло.

Мы делаем беспомощное признание. Виной всему каприз президента.

В отставке Степашина была одна особенность. 9 августа, 8 часов утра, президент приглашает Степашина в Кремль, чтобы сообщить ему, что он отправлен в отставку. Но двумя днями ранее Степашин отбил отставочную атаку президента, и в его присутствии президент разорвал написанный им указ. Степашин сумел убедить Ельцина и фактом оживающей экономики, и укреплением позиций России на международном уровне. Одна

деталь той встречи. После беседы с президентом он покидал его кабинет пусть с неустойчивым, однако всё же чувством одержанной победы. Закрыв за собой дверь, он увидел в приёмной двух персон, они его ждали. Это были Волошин и дочь президента. Они поинтересовались, чем закончилась встреча.

Степашин, знавший подоплёку случившегося и жёсткую сцепку дочери президента, Волошина и Березовского, раздражённо ответил: «К сожалению для вас, я ещё премьер России».

После этого трудного разговора с президентом Путин встретился со Степашиным. Он был в то время секретарём Совета безопасности. Он с возмущением говорил о несправедливости, интригах, и, конечно же, заверил Степашина в своей поддержке.

Но уже через день раздался телефонный звонок в машине (Степашин ехал на заседание правительства). Звонил Александр Волошин: «Вас ждёт президент».

А далее уже в полном смысле слова – театральный финал.

В кабинете президента его действительно ждали, и не только Борис Ельцин, но и глава президентской администрации А. Волошин, первый вице-премьер Н. Аксёненко и секретарь Совета безопасности В. Путин.

Степашин сделал паузу, приходя в себя от увиденного, и затем, не дожидаясь президентских слов, сказал: «Я всё понял, Борис Николаевич, отпустите меня».

Президент выглядел нездоровым, и слова выговаривались им с трудом. И вся речь была лишена убедительной сути. И завершающей была как бы оправдательная фраза: «Вы останетесь в моей команде». На что Степашин, изнурённый интригами, ответил: «Ни в какой команде я не остаюсь, Борис Николаевич, но и никакие действия против вас не совершал и совершать не намерен». Но это было не всё. Он произнёс ключевую фразу в этом недолгом диалоге: «Я ухожу, но хочу вас предупредить, что эти мерзавцы приведут вас к краху».

Аксёненко, принявший слова Степашина на свой счёт, среагировал незамедлительно и попытался было вскочить: «Кого вы имеете в виду?». «Прежде всего вас», – ответил Степашин. Путин удержал за руку Аксёненко и, отведя взгляд в сторону, пробормотал: «Не надо, сидите».

Первая неделя декабря 1999 года. Операция в Чечне вступила в третью стадию. Грозный окружён. Степашинский финал, а равно и старт путинского премьерства. Каков же вывод? Второй срок ельцинского президентства, свершившегося вопреки его болезни, справедливо назвать внутриполитическим адом.

Но что случилось, то случилось.

Сейчас, оглядываясь назад, хочется сказать: «А ты не дурак, Попцов, ты это предвидел и об этом писал».

Поэтому – один сюжет одного прозрения. Это случилось в конце 1995 года.

Впереди выборы – второй президентский срок Ельцина. Никакой ясности нет. Периодическое нездоровье Ельцина становится данностью.

Неожиданный звонок по «кремлевскому» телефону – я председатель ВГТРК. Звонит Илюшин, помощник президента.

– Сейчас я тебя соединю с президентом, он хочет с тобой переговорить.

– Что-то случилось?!

– Не знаю, это ты у него спросишь.

Трубку берёт Ельцин.

– Добрый день, Борис Николаевич!

– Для кого как, – отвечает Ельцин. – Подъезжайте, мне надо с вами переговорить.

– Когда?

– Прямо сейчас.

Не очень понимаю, зачем вызывает. Почему? Прыгаю в машину, еду в Кремль.

В приёмной встречает Илюшин.

– Сказал зачем?

Пожимаю плечами – нет.

– Ну, давай, он ждёт. Ни пуха.

Перекрестился. И вошёл в кабинет.

– Здравствуйте, Борис Николаевич.

Ельцин в ответ кивает, указывая на кресло: «Присаживайтесь». Лицо сумрачное, сосредоточенное.

– Я вот о чём хотел вас спросить.

Нестандартность обстановки разговора настораживала.

– Слушаю вас, Борис Николаевич.

– Как вы считаете, мне надо идти на второй срок?

Вопрос был не просто неожиданным, а опрокидывающим. Да и времени сконцентрироваться не было. Ельцин сосредоточенно смотрел на меня.

– Всё зависит от состояния вашего здоровья.

Понимая Ельцина, а я его понимал, никаких разговоров о страхующих дублёрах быть не могло. Ельцин эту позицию не принимает.

– Нагрузка сверхмерная, – продолжил я. – Что говорят врачи о состоянии вашего здоровья?

– Я консультировался с врачами и задал им вопрос, насколько сократится моя жизнь, если я пойду на выборы на

второй срок?

– И что они ответили?

– На семь лет. Так надо мне идти на второй срок или нет?

– Всё зависит от состояния, Борис Николаевич, вашего здоровья. Какой груз оно, ваше здоровье, в состоянии выдержать?

Я уверен, что подобный вопрос Ельцин задавал не только мне. Возможно, мои ответы не понравились ему. Он ожидал льстивых заверений: «Конечно, надо идти. Замены Ельцину нет. Народ вам верит. И ваш отказ для народа будет невероятным разочарованием». И ещё что-то в этом роде – вы народный президент. Говоря такие слова, я должен был понимать, что сказанное мной – ложь. И дело даже не в том – случись резкое ухудшение здоровья с непредсказуемыми последствиями, отчаяние обрушится на твою душу и оно будет непомерным. И это не важно, знает кто-то о твоём разговоре с Ельциным или нет. Ты будешь проклинать себя за льстивый обман. Потому как ты понимал, что груз ещё четырёх президентских лет для Ельцина и его здоровья будет неподъёмным.

Что и случилось по сути.

И как себя чувствовали те, кто подталкивал его к этому самоуничтожающему шагу во имя своего властного благополучия? А никак – у них одна мысль: как сохраниться во власти при следующем президенте.

Очень тяжело, пережив лихие девяностые и положив свои силы на то, чтобы Россия выстояла, пройдя через ад этих лет, понять и признать правомерность аттестации того времени в словах: мы построили бандитский капитализм. И его отличительная черта очевидна. Это время, когда правят страной бандиты. Только в такое время ключевой разводящей фигурой в коридорах российской власти мог оказаться Борис Абрамович Березовский, эталонное воплощение этого времени. Он не только сумел приблизиться к семье президента, но и стал его необходимым человеком постоянного сопутствия. Что сотворила с Ельциным его болезнь? Она кратно увеличила его внушаемость. И настал момент, когда дезинформация стала главным интеллектуальным ресурсом президента России. И сотворителем этой дезинформации, как и владельцем её распространения, был Борис Абрамович Березовский. Первый канал телевидения был его собственностью. Так что важен не Царь Борис, а тот, кто стоит за его спиной.

И не надо ничего уточнять, господа, дескать, не тот, а та. Нет, господа. Те, кто – приходит и уходит. А Тот остается. Он меняет тех на этих.

И весь второй срок роль «Того» играла дочь Ельцина. Он

верил дочери и любой кадровой вакханалии в эти годы. Её мнение было определяющим. Бесспорно, немалой была и роль её мужа Юмашева, но он не имел прямого доступа к Ельцину, только через Татьяну, и проходным ходом для него была аттестация – муж дочери президента. Она могла в чём-либо убедить Ельцина, а точнее, в критический момент уговорить его.

Татьяна Дьяченко тоже не любила Березовского, но умело пользовалась его услугами.

Это касалось, прежде всего, кадровых интриг, тем более когда он проник внутрь управленческого окружения президента и занял пост заместителя совета безопасности, ненадолго, но занял.

Однако не даёт покоя одна мысль. Как могло получиться, что пришедшие на смену Черномырдину три следующих премьера – выходцы из структур разведки и КГБ? Это относится и к Примакову, возглавлявшему управление внешней разведки, и к Степашину, возглавлявшему определённое время КГБ, а затем МВД. И наконец, к Путину, в прошлом тоже разведчику. Если это случайность, то случайность странная. Ельцин полагал, либо его в этом убедили, что человек, пришедший ему на смену, должен обладать максимальным объёмом скрытой информации, что в управлении современной России чрезвычайно важно. Он этой информацией не обладал, а потому устойчивой позиции к олигархии, банкирам у него не было. По сути, он их недолюбливал, хотя этот класс бизнеса был порождён лихими девяностыми, а точнее, ельцинской эпохой, но он этих людей считал для себя чужими. Ни одного программного совещания с представителями этого, рождённого его эпохой, класса сверхбогатых он не провёл. С чего, кстати, начал Путин, осознавая масштаб возможностей этих людей, как и масштаб зла, ими порождённого.

Расклад был иным: не Ельцин ставил на олигархов, а олигархи на Ельцина. И весь пул (Березовский, Гусинский, Смоленский, Ходорковский, Петр Авен и многие другие), именуемый Семибоярщиной, ставил на Ельцина, финансировал его избирательную компанию.

Ельцин своей беспомощностью на протяжении второго президентского срока в силу нездоровья, превратившегося из временного в постоянное, передоверял, нет, оставлял управление страной людям из своей команды. Впрочем, я не совсем прав. Команды у Ельцина не было, было некое окружение, зависимое от него. С устойчивым компонентом семейного присутствия, что касалось, прежде всего, его дочери Татьяны Дьяченко и её мужа Юмашева.

Сейчас, по прошествии 15 лет, многое и читается, и видится

по-другому. И прошлое не стыкуется с настоящим. А сотворяется ситуация, знакомая русскому человеку: во всех нынешних неудачах обвинить прошлое. Прошлому в России всегда не везло. И мы напрасно полагали, что лёгкость, с которой мы предаём проклятую прошлую жизнь, облегчает нам жизнь настоящую.

Всё как раз наоборот. Недооценённое прошлое, как в постижении просчётов, так и в постижении успехов, лишь прибавляет нам социальной слепоты. Одна удручающая закономерность нашей современности – Власть стала другой, на каждом шагу мы ссылаемся на демократические нормы, по которым живём, но отношение Власти к СМИ сдержанно-настороженное. Я бы сказал так – это зона контактов, но не зона доверия.

Казалось бы, всё логично: другая жизнь, другие нормы отношений, свобода превыше всего. Ан, нет, правила так не считают.

Главенствующей в стране может быть свобода слова государственного. В полемике по этому поводу в ответ на возмущение несогласных частных СМИ, а точнее, их владельцев, мы говорим и пишем, а нас не слышат.

Слышится ироничный ответ власти. Свобода слова и свобода слуха не одно и то же. Ваше право свободно и писать, и говорить. Но право ваших слушателей, зрителей, читателей, как и ваших оппонентов, соглашаться с вами или не соглашаться. И действовать исходя из своего мнения, а не вашего диктата.

Власть глубоко убеждена, что задачи СМИ – помогать ей управлять страной, ну и, разумеется, просвещать, как успешно помогать власти. Наступило время, когда «человеческое лицо» времён социализма надо было менять на «лицо капиталистическое». Потому как «рынок правит бал, он всё отрегулирует». А если СМИ – часть концепции развития общества в новых рыночных условиях, значит, и все институты общества с этого момента живут по законам рынка. И в законе о СМИ нет их разделения на государственные и частные. Закон един для всех. И тут происходит тот самый управленческий кульбит. В рыночных условиях владелец управляет принадлежащей ему собственностью, а если владелец таковой – государство, то и управление ею – его прерогатива.

Однако интересы собственника и государства не всегда совпадают, как и взгляды на политику федеральной власти. Поэтому свобода слова – тезис главенствующий. Свобода разного слова. Но власть, как уже говорилось, считает, что СМИ должны помогать ей управлять страной.

А главный тезис развития на знаменах либералов, а затем и

неолибералов, – «рынок всё отрегулирует» – захватил и сферу СМИ (которые олигархи, рождённые приватизацией, сделали до 60 % своей собственностью). Закон о СМИ, принятый в демократической России, по сути, является культовым, потому как утверждает торжество главной идеи существования СМИ – «Свободу слова». Поэтому именно на этот закон идут постоянно атаки с точки зрения внесения всевозможных поправок и уточнений со стороны российского парламента, федеральной власти, как и исполнительной власти в регионах. Нынешняя власть – как и прошлая власть советская, времён социализма, затем развитого социализма, затем социализма с «человеческим лицом», сменённым едва ли не мгновенно на бренд перестройки, потому как с «человеческим лицом» появились проблемы в этом непростом и порой изнурительным труде.

Мой жизненный опыт включает в себя более 45 лет, отданных тем самым СМИ, естественно, и как автора, и как учредителя и создателя Российского телевидения и радио, как главного редактора всесоюзного журнала «Сельская молодёжь», как создателя издательского холдинга «Пушкинская площадь», газеты «Вёрсты», журналов «Ять» и «Ах», еженедельника «Алфавит» и еженедельника «Совершенно секретно», а затем Московского телевидения – ТВЦ.

Видимо, поэтому тезис – жизнь вопреки – стал нормой моего повседневного существования. Все замыслы, претворённые впоследствии в действительность, я всегда начинал с чистого листа и на пустом месте.

Видимо, поэтому я пришёл к пониманию: идея, замысел важны, с них всё начинается, но главное в ином – в наличии собственных сил идею отстоять и умении её защитить в коридорах власти. Но и это ещё не всё. Материализует идею, замысел нечто иное – превращение твоих коллег в твою команду, в единомышленников и участников воплощения этой идеи в жизнь.

Относительно коридоров власти мало что изменилось. И неважно, какие времена на дворе, социалистические, капиталистические, – власть, она и есть власть. Она живёт по своим законам, законам власти. И отстаивать свою идею в прошлых и нынешних её коридорах приходится одинаково трудно.

Бесспорно, жизнь СМИ стала свободнее. Цензура в том виде, в каковом она была, перестала существовать. Но власть чрезвычайно беспокоила вероятность потерять своё влияние на повседневную деятельность СМИ, вакханально освободившихся. В этом смысле советское прошлое было изнуряющим опытом,

однако выработавшим нормы отношений СМИ и Власти. Агитпроп (отдел пропаганды и агитации) ЦК КПСС в полном смысле этого слова был всевластен над СМИ.

Пятый подъезд в здании ЦК КПСС был для руководителей СМИ культовым местом. Там каждые две недели, а иногда и еженедельно собиралось руководство газет, журналов, радио, телевидения. Не в министерстве печати, а именно в ЦК КПСС, где руководство этого самого министерства непременно присутствовало. Проводил совещание заведующий отделом пропаганды, либо заместитель. Но иногда это «промывание мозгов», так мы называли эту акцию ЦК КПСС между собой, проводил секретарь ЦК КПСС, член Политбюро Михаил Андреевич Суслов.

Знаковыми в моей редакторской жизни стали проводимые один раз в две недели либо раз в месяц совещания в ЦК КПСС, где собирали журналистов. На этих совещаниях давались оценки происходящих событий, как реакции СМИ на эти события. По сути, обсуждались нормативы установок, в пределах которых должны работать средства массовой информации. Тем более что в своей конкретике они постоянно менялись, стараясь поспеть за новыми задачами, которые перед СМИ ставила партия.

Более знаковые совещания с руководителями СМИ проводил М. А. Суслов. Я возглавлял всесоюзный журнал более 20 лет, так что насмотрелся и наслушался по полной. Сохранять независимую позицию журнала в этих условиях было очень непросто. В силу именно этого своего качества журнал постоянно был на виду. Ряд публикаций журнала имели большой резонанс в обществе и становились темой разговора на подобных совещаниях. Вспоминаются замечательные статьи Сухомлинского, доктора наук, поднявшего сверхактуальную проблему трудового воспитания школьников, а это были шестидесятые годы. Автор разработал эту систему и предложил её как новую программу для школ страны, и это стало темой разговора на одном из этих совещаний, которые вёл М. А. Суслов. Ему не понравился стиль статей Сухомлинского – слишком вызывающий, сказал Михаил Андреевич.

Школа вопросов трудового воспитания касалась стихийно, по сути, эпизодически. Никакой системы, кроме декларации на эту тему, не было. И вдруг – анализ и целостное понимание проблемы, и место семьи в этом процессе, и место школы. В своей статье Сухомлинский сделал принципиальный анализ состояния трудового воспитания в современной школе – бессмысленно критиковать то, чего нет.

Именно этот тезис в статье профессора Сухомлинского

вызвал очевидное раздражение М. А. Суслова. Когда я понял, что обсуждение будет острое, я попросил слова и попытался обосновать, почему статьи Сухомлинского в нашем журнале можно считать программными для сельской школы. Уже потому, что вопрос ущемления сельского хозяйства, его подъём – ключевая проблема развития страны. А без повышения квалификации нового поколения этот прорыв невозможен.

Суслов мгновенно отреагировал. Новые идеи малозначимы, если они перечёркивают и сводят на нет и обесценивают пусть умеренные, но успехи в трудовом воспитании школьников как в прошлом, так и в настоящем. Я закончил своё выступление значимыми словами: «У меня нет сомнения, что труды Сухомлинского станут настольными книгами для каждого секретаря райкома и областного комитета партии».

– Товарищ Попцов, перестаньте нас учить, – прервал меня Суслов. – Сосредоточьтесь на постижении настоящего и постарайтесь это настоящее сделать сферой интереса современной молодёжи.

Относительно Сухомлинского я оказался прав. Проблема трудового воспитания школьников становилась ключевой на страницах молодёжной прессы. Но в тот момент это было аттестацией моих предположений.

Сейчас, оглядываясь назад, я вспоминаю замечательные слова Сокурова, которые он произнес в момент нашей беседы с ним: «Нам надо научиться пятиться». Мудрые слова. Предавать проклятью прошлое – это наша досадная данность, а вот постигать его – здесь есть проблемы. Прожитая тобой жизнь – это твой учебник жизни. И этот учебник творил не столько ты, сколько люди, оказавшиеся на твоём пути. И предназначение твоей памяти – вернуть долг этим людям, сотворившим твою жизнь, а, значит, не забыть их.

Я вспоминаю свою молодость. Когда вопреки логике жизни я вдруг был избран секретарём Ленинградского обкома комсомола. Эту историю я уже описал, и возвращаюсь к ней по одной причине.

Как снег на голову

Помню, как после этого пленума я вернулся домой. Матери дома не было. Она работала в институте на кафедре марксизма-ленинизма. Вернулась поздно. Когда я рассказал ей о пленуме обкома комсомола, на котором был избран секретарём обкома, то увидел на глазах матери слёзы.

– Я верила, что так случится. Тебя ждёт непростое, удивительное будущее, – неожиданно сказала мать. – Береги его.

– Откуда ты знаешь?

– Я это чувствую, – ответила мать и заплакала.

Впрочем, она была права, ибо это будущее было вопреки общепринятым нормам. Закончил академию, защитил диплом и уехал в один из регионов Советского Союза. Диплом я защитил на отлично (тема диплома «Полезащитное лесоразведение»). После защиты мой руководитель, профессор Борновицкий обнял меня и на ухо прошептал, чтобы не привлекать внимания: «Ещё два месяца, и будет готовая кандидатская диссертация».

Дорога в будущее была ясной и ожидаемой. Мне позвонил директор Тихорецкого лесхоза, где я проходил практику. И сказал: «Приезжай, мы тебя ждём. Ты нам нужен». А мой руководитель, профессор Борновицкий, уже подготовил план завершения работы теперь уже над кандидатской диссертацией, как и поддержку диссертационной комиссии относительно её защиты. После моей успешной работы на посту секретаря комитета комсомола Лесотехнической академии, в которую меня вовлёк именно ректор академии Никитин.

Как сказал профессор Борновицкий: «Мы можем рассчитывать на его поддержку относительно допуска к защите кандидатской диссертации». До перевыборной комсомольской конференции оставалось три месяца.

А далее случилось то, что случилось, – торжество принципа «вопреки». Как это было, я уже рассказал. Сначала – секретаря комитета комсомола Лесотехнической академии приглашает первый секретарь обкома комсомола Вадим Аркадьевич Саюшев, и вопреки своему желанию я оказался утверждённым на должность инструктора обкома комсомола в студенческом отделе. Работал там не более 4-х месяцев и вдруг узнал, что меня, инструктора обкома комсомола, вызывают в Москву на встречу с первым секретарём ЦК ВЛКСМ Сергеем Павловичем Павловым. Согласитесь, всё происходило вопреки привычным ранговым нормам.

Инструктора обкома комсомола приглашает на беседу первый

секретарь ЦК ВЛКСМ. Как говорят в таких случаях – в страшном сне не приснится. Я еду и проваливаюсь на беседе. Ибо был вопрос С. Павлова: «Товарищ Попцов, вы возглавляли комсомольскую организацию Лесотехнической академии, и я хотел получить от вас ответ на один чрезвычайно важный вопрос. Почему секретари райкомов комсомола не пользуются авторитетом у секретарей вузовских комсомольских организаций?»

Я ответил: «Очень просто, Сергей Павлович».

– То есть как это – очень просто?

– Дело в том, у очень многих секретарей райкомов комсомола, и в том числе первых, нет высшего образования. А у большинства секретарей комитета комсомола вузов это образование есть.

– Ерунда какая-то, – среагировал Павлов.

И вот тут я совершил ошибку – не оценив серьёзно, кому я отвечаю на вопрос, я окончил свой ответ следующими словами:

– Сергей Павлович, если вы даже три раза назовёте мой ответ ерундой, это не перестанет быть правдой.

А далее случился неутешительный финал встречи.

Очень эмоциональный Павлов вскочил и стоя произнёс уничтожающую фразу:

– Товарищ Попцов, за вас – ваш молодой возраст, но против вас – ваша дерзость. До свидания!

Как говорится, провал был полнообъёмным…

Я в подавленном состоянии вернулся в Ленинград. Я не мог себе простить, что подвёл Саюшева. Но они тоже не проявили положенной мудрости. Ни о чём не предупредили меня – зачем я туда еду. А после этой встречи я не приблизился к пониманию истины. И мне никто не сказал, что есть идея избрать меня секретарём обкома комсомола. Всё держалось в абсолютной тайне. Когда я рассказал Саюшеву о своём разговоре с Сергеем Павловым, Саюшев, сохранив на лице злое выражение, сказал всего одну фразу: «Я всегда говорил, Олег, что тебе надо вырвать твой язык! Иди работай». Эта история, как ни странно, имела продолжение, и опять вопреки.

В студенческом отделе я отвечал за проведение комсомольских конференций. И готовил выступления секретарей, но прежде всего первого секретаря Саюшева на этих конференциях. И вдруг происходит неожиданное. Саюшев, который должен был выступить в политехническом институте, вдруг вызывает меня и говорит: меня вызывают в обком партии, на конференцию в Политех поедешь ты и выступишь.

– Вадим Аркадьевич, – едва не заикаясь, выговорил я, – вы

первый секретарь обкома комсомола, а я инструктор. Политех – ведущий ленинградский вуз.

Саюшев в ответ усмехнулся и сказал:

– Важна не должность, а разум. А он у тебя есть. Потом расскажешь, как всё получилось.

Впоследствии было ещё три таких замены.

Лев Горчаков, заведующий отделом, свидетель этих необъяснимых неожиданностей, начал нервничать. Ну, а затем финал. Я готовлю выступление Саюшева на юбилее Ленинградского университета. Обком комсомола располагался в Смольном соборе, а наш отдел – на одной из колоколен, куда я поднимался по винтовой лестнице: там была небольшая комнатка, письменный стол и два кресла, напротив полки с книгами. Таким было моё рабочее место.

Я сижу, готовлю выступление, и вдруг поднимается ко мне один из моих коллег, тоже инструктор, и говорит – Олег, тебя вызывает Иван Васильевич Спиридонов. А дело в том, что автором большинства розыгрышей в обкоме комсомола был я. В академии было то же самое. Я подумал, что мои коллеги подражают мне и разыгрывают меня. И потому рискованно ответил – слушай, вали отсюда, ты что, не понимаешь, тебя разыгрывают. Коллега пожал плечами, ничего не ответил и ушёл.

Минут через семь слышу, как скрипит винтовая лестница. Смотрю, появляется голова Кима Иванова – первого секретаря Горкома ВЛКСМ. У него вес 120 кг. «Ты чего, ошалел?!» Далее сплошной мат: «…Мы сидим у Спиридонова, а он … выпендривается – розыгрыш!»

Я сдёрнул со спинки кресла пиджак, буквально скатился с винтовой лестнице и по километровому коридору, тому самому, в котором когда-то застрелили Кирова, мчусь в кабинет первого секретаря обкома партии.

Открываю дверь. В кабинете в своём вращающемся кресле сидит Спиридонов Иван Васильевич, а напротив первый секретарь обкома комсомола Вадим Саюшев – судя по желвакам, которые буквально перекатываются по его щекам, он с трудом сдерживал своё раздражение моим отсутствием. Я, ещё не отдышавшись, начинаю с извинения: «Простите меня, Иван Васильевич, я думал, что это шутка, розыгрыш». Иван Васильевич – человек, не лишённый чувства юмора, раскачиваясь в своём кресле, не скрывая ироничной улыбки, заметил: «Ах, вы ещё разыгрываете друг друга».

Саюшев, не сдержав своего возмущения, процедил сквозь зубы: «Что ты несёшь…» Я опять повторяю «простите, пожалуйста», и сажусь в свободное кресло. И далее финал:

«Товарищ Попцов, через два часа состоится пленум Ленинградского обкома комсомола, вас будут избирать секретарём обкома, подготовьтесь».

Я даже не понял, что я в шоке. И пытался объяснить ситуацию:

– Я был на беседе у Сергея Павловича Павлова, и она получилась неудачной.

– Товарищ Попцов, – говорит Спиридонов, – кому быть секретарём Ленинградского обкома комсомола, решает не ЦК ВЛКСМ, и даже не товарищ Павлов. Это решение принимает Ленинградский обком партии. Вы меня поняли?

– Понял, Иван Васильевич.

– Вот и прекрасно. Через два часа пленум. С Вадимом Аркадьевичем обсудите детали. До свидания.

Мы с Саюшевым покинули кабинет. В приёмной нас ждал Ким Иванов.

– А ты чего не вернулся? – спросил Саюшев.

– Неудобно было во время вашего разговора заходить. Попцов понёсся по коридору, за ним не угонишься.

Я послушно вздохнул: опять виноват Попцов.

– Ладно, не зацикливайся, – примирительно сказал Саюшев, – ситуация действительно нестандартная. Надо подготовиться. До пленума уже меньше двух часов.

И вот тогда, после этого пленума, а он шёл более трёх часов, я вернулся к себе в студенческий отдел. Уже никого не было, рабочий день закончился. Я сел за свой стол и произнёс фразу, которая мне запомнилась на всю жизнь: «Всё, с этой минуты ты должен расти вниз». А проще говоря, не ждать карьерных взлётов и не искать ходов наверх, а постигать жизнь, чтобы к тебе пришла уверенность и ты сможешь спокойно сказать – я знаю жизнь!!

Нынче на этажах Власти таких людей практически нет. Это плата за реформаторский зуд и за помешательство на идее омолаживания. В один поток соединились её два разрушительных процесса. Первый – расслоение общества, когда 9 % населения владеют 90 % капиталов страны. Второй поток – это сама власть с порождёнными нескончаемыми реформами и постоянным омоложением, которое некомпетентность власти сделало её отличительной чертой, и оторванность от народа есть следствие этой некомпетентности. Власть не знает сути жизни народа, интересов, которыми живёт народ, проблем его повседневной жизни.

В девяностых в начале реформ положительное отношение к советскому прошлому снизилось до 30 %. И в этом была немалая заслуга младореформаторов, которые считают своей главной

целью не развитие страны, а похороны советского прошлого. Это, по сути, было политической дремучестью младореформаторов. И вот прошло 25 лет, и сегодня интерес к советскому времени и вера в прошлое невероятно возросли – до 52 %. Нечто подобное случилось и с рыночной экономикой.

Сегодня каждому второму россиянину (52 %) кажется, что рыночная экономика неперспективна и ведёт страну к краху, и лишь каждый четвёртый (то есть 26 %) поддерживает эту модель.

52 % настаивают на возвращении по экономическим основаниям к государственному планированию и распределению. Этот опрос проводил Левада-Центр в конце января 2016 г. Доля неспособных занять ту или иную позицию – это 22 %.

Причина очевидна – затянувшийся кризис. Прошлые кризисы – и 2008–2009, и 2013 г. – были сравнительно недолгими. Люди не успевали впасть в отчаяние, затем нефть начинала вновь дорожать, и общество адаптировалось к изменившейся в сторону улучшения ситуации.

Очевидным изъяном нашего развития можно считать тот факт, что ни один из прошедших кризисов не дал толчка в развитии, не заработал механизм импортозамещения, и как результат – страна в определённой степени не освобождалась от зависимости, а наоборот – всё больше погружалась в неё. Устойчивая российская привычка – вера в авось – брала верх. Страна при очередном кризисе проваливалась в одну и ту же пропасть, лишь прибавляя в скорости падения и увеличивая его глубину. А потому ни из одного кризиса мы не сумели выйти полностью. А впадали в очередной – с запасом провального состояния от кризиса предшествующего. Не хочется озвучивать своё предчувствие, но придётся. Если такая страна, как Россия, после распада СССР, державы с мощнейшей экономикой, за 25 последующих лет не смогла восстановить даже не отсутствующую, а существующую экономику, чего не произошло и за последние 15 лет, когда якобы опрокинувшая экономику России ельцинская эпоха ушла в прошлое, то следует задать вопрос – почему? Привычный ответ: санкции, падение цен на нефть, кризис… Но у нас отсутствовал рост и тогда, когда и санкций не было, и стоимость барреля нефти уходила за отметку 100$.

Вопрос президенту страны – как же так?! Общество недоумевает. Будучи свидетелями уже многолетней неспособности исполнительной власти добиться перелома в развитии экономики, мы эту власть не меняем. Что ещё должно случиться, Владимир Владимирович, чтобы вы приняли решение – если не отправить правительство в полном составе в отставку,

то хотя бы кардинально обновить его?

Вы произносите столько возвышенных слов о возможностях России, её человеческом ресурсе. А в реальности получается, что этого ресурса нет. Если неумелые, согласно отсутствию результатов в развитии экономики, как правили, так и правят страной, то вывод очевиден – время паковать чемоданы. Что и происходит: посмотрите, как возрос отток молодёжи из страны. Система образования разбалансирована полностью. Рынок пришёл туда, куда ему путь заказан.

Все пороки рынка, а их более чем, пришли в систему образования, медицину, науку.

Что происходит в стране, когда мы остановимся в исчислении своих потерь? Сколько надо было говорить, что страна теряет собственную землю. 70 % земли, способной быть нашей и давать хлеб, заросли лесом и бурьяном. При этом 50 % этой земли имеет владельцев. Они купили её у государства практически за бесценок и не спешат делать её пашней, ждут, когда её будет выгодно продать. И вот, наконец, власть опомнилась. И принимает закон. В случае неиспользования земли по назначению, как пашню, в течение трёх лет со дня её приобретения права владельца аннулируются. И земли возвращаются в собственность государству.

Уже говорилось не раз, Россия, располагая таким количеством чернозёмов, может прокормить Европу. А в числе заросших земель числится и громадная площадь чернозёмов. И всё это безрассудство правит бал в России десятки лет. Где выход и есть ли он?

Как могло случиться, что при таком количестве вузов, которые растут как грибы, у нас не хватает специалистов в сфере промышленности? Не хватает учителей, специалистов в сфере лёгкой промышленности, в сельском хозяйстве, в научных институтах. Точно такая же массовая нехватка на предприятиях высококлассных рабочих, технических специалистов. Налажен параллельно поток фальшивых дипломов, как и продажа их у входов в метро.

Исход молодых специалистов за рубеж – это ответ на невозможность получить достойную работу, соответствующую твоему образованию в России. Интеллектуальные ресурсы утекают за рубеж в силу бесперспективности их использования в собственной стране: таковы позывные современного развития в России. Мы строили, по утверждению власть державших вершителей, современное капиталистическое общество, а по сути получилось что-то не то. В чём причина подобного результата? Непонятно, либо со временем промахнулись, либо капитализм

оказался не тем? Похоже – теоретики подвели, не того Карла Маркса прочли.

Мы часто говорим об абсурдности времени, в котором живём.

Время здесь ни при чём. Его абсурдным, либо счастливым делают люди, в то время управляющие. А значит, сначала надо менять людей, управляющих временем, а уже затем начнёт меняться само время. Понимания этой логичности процесса перемен нам постоянно не хватает.

Назвал книгу «Жизнь вопреки» и задумался. Вроде это моя жизнь, а воспоминания сносят в мир окружающий, где самого тебя вроде как нет. Это обманчивое впечатление, ибо окружающий тебя мир в значимой степени порождён тобой, потому и жаловаться на его несовершенство некому. Только самому себе. Потому как тот, другой мир не твой. И вопреки его нормам ты живёшь и творишь. Мне всегда казалось, что ты счастлив и успешен, когда свою дорогу ты выбираешь сам. Увы, это заблуждение, надо суметь стать успешными, а получится – и счастливыми, когда дорога выбирает тебя. И вот здесь самое сложное – как вжиться, приспособиться и сделать её своей.

За семь лет моей работы на телевидении, в 1990–96 гг., мир телевидения стал моим профессиональным миром. Я пришёл как бы со стороны, но не из чуждой среды многолетней редакторской работы. До этого с 1966 по 1990 я был главным редактором журнала «Сельская молодёжь», ставшего одним из самых популярных и многотиражных журналов тех лет, затем ещё год – первым заместителем главного редактора газеты «Московские новости».

И меня уже в какой раз берёт за горло политика. Я избираюсь депутатом Верховного совета в 1990 году. Вхожу в качестве заместителя в состав комитета по СМИ. Предлагаю всевозможные идеи реорганизации СМИ, и прежде всего телевидения и радио. Надо уходить от таких образований, как гостелерадио, госпечать, и создавать самостоятельные телекомпании, радиокомпании, газеты и журналы, самостоятельные издательства. В мир СМИ приходит частный сектор. И фактором динамики развития должна быть свободная конкуренция. Так появилась идея создать Всероссийскую телерадиокомпанию в параллель с государственной компанией «Останкино», именуемой в обиходе «Первый канал» телевидения.

И тут я угодил в собственные сети. В ту пору Ельцин ещё не был президентом, он возглавлял Верховный совет России, и все структуры управления создавались и утверждались на первых порах председателем Верховного совета. И мне, как человеку уже известному в политике в силу прошлой журналистской и

писательской деятельности, было сделано несколько предложений именно Борисом Николаевичем Ельциным: возглавить пресс-службу президента и стать его пресс-секретарём с расширенными полномочиями – я отказываюсь. Затем ещё одно предложение – возглавить министерство печати, во главе которого мой коллега и друг Михаил Полторанин, – я отказываюсь. Чуть позже мне предлагается пост министра культуры. В общем, ничего удивительного. Я хорошо знал театр, вырос в театральной семье. Моя мать была актрисой МХАТа и была принята туда Станиславским. Как говорится, ещё один бюрократический пост. Я снова отказываюсь. Объяснение для самого себя простое – не хочу быть чиновником. А затем ещё одно, но уже сумасшедшее предложение. В момент моей встречи с Ельциным заходил вице-президент Руцкой и, увидев меня, обращаясь к Ельцину, говорит: «Борис Николаевич! Мы уже измучились в поисках кандидата на пост министра иностранных дел. Так вот он сидит перед вами».

У меня с Ельциным был совершенно другой разговор. Он интересовался процессами, происходящими в СМИ, и как их сплотить вокруг верховной власти.

Я в ответ на сумасбродную идею Руцкого повернулся к нему и раздражённо заметил – Саша, помолчи, а?…

Ельцин совершенно неожиданно среагировал на этот выброс Руцкого:

– Неплохая идея. – И так же неожиданно обратился ко мне: – Как вы к ней относитесь?!

– Как к фантазиям вице-президента.

– Напрасно.

– Борис Николаевич, я не знаю английского языка.

Ельцин, не спуская с меня глаз, заметил:

– Но вы же его выучите.

– Разумеется, выучу. На посту министра иностранных дел должен быть профессиональный дипломат, Борис Николаевич.

– А где их взять? Из горбачёвского лагеря? Мы создаём новую демократическую Россию, и власть должна быть новой, другой.

Больше мы к этому разговору не возвращались.

И вот спустя недолгое время новый накат.

Полторанин и Белла Куркова, активно поддержавшие мою идею о создании Российского радио и телевидения, предлагают во главе этой новой телерадиокомпании поставить меня. И с этой идеей заявляются к Ельцину.

Ну, хоть стой, хоть падай. Опять вызывает Ельцин. За довольно короткое время это уже третий разговор.

О затее Полторанина и Курковой я узнал после разговора с

Ельциным. Я тогда бы сориентировался. Знал бы заранее реакцию Ельцина на эту идею.

Они же вряд ли что-либо знали о моих прежних разговорах с Ельциным и сделанных мне предложениях. Я никому не сказал ни слова. Да и зачем, я же отказывался. И вот теперь очередное предложение – воплотить собственную идею создания Российской телерадиокомпании. И тут Ельцин опережает меня, угадав на моем лице всё то же желание отказаться. Он встаёт и оттуда, с высоты своего роста, обрушивает на меня:

– Вы что, вообще не хотите нам помочь?!

Всё, успел подумать я, положил на лопатки. Отказ невозможен.

Почему я возвращаюсь к этому эпизоду. Я отказывался от сделанных ранее предложений по одной очевидной причине. Я не хотел значиться пусть даже на высоком, но посту чиновника. С первых шагов моей жизненной карьеры я ценил превыше всего свободу и независимость своих суждений, замыслов, дел, поступков. Я не любил быть подчинённым, оглядываться на вышестоящую власть и следить за выражением её лица.

И мир телевидения и радио эту свободу рождения замысла и претворения его в жизнь мне гарантировал, ибо далее всё зависело от меня.

Конечно, власть, отслеживающая твою деятельность, существовала, и отчасти ты был подчинён ей. Но она была в определённом отдалении. И неслучайно моё условие, которое я высказал Ельцину с минуты моего назначения, – всю ответственность за работу Российского радио и телевидения несу я. И прошу вас дать мне возможность осуществить эту ответственность и не позволять вашим подчинённым вмешиваться в мою работу.

– Согласен, – ответил Ельцин. – Я принимаю ваши условия.

Конечно, делая столь откровенные заявления, я рисковал, но я понимал: в той неустойчивой атмосфере становления страны я нужен Ельцину, и поэтому должен заявить свою позицию. Помогло мне это в моей работе? И да, и нет.

Если Ельцин, действительно, не вмешивался, то свита – это было как проклятие, они использовали любой повод, чтобы наступить на горло.

В советское время, а я уже в ту пору был вхож во властные коридоры, ничего подобного не было. Если окружение знало, что некий N имеет контакт с первым лицом, то в общении с этим N оно, окружение, было достаточно аккуратно. Ельцинская эпоха была иной. В силу внезапности своего появления она не имела традиций, не успела их сотворить. Всё начинается с нуля. И

Ельцина это не интересовало. Поэтому сотворением традиции занимался не он, а его окружение. Он сам выпустил вожжи из рук. И появление нового человека в окружении Ельцина было, как правило, продуктом спонтанности, и все утвердившиеся и осевшие на своих местах делали всё возможное, чтобы разовый контакт нового лица не превратился в постоянную связь и тем самым усложнил их жизнь. Я всё это испытал на себе.

Как написал в своей книге «Власть в тротиловом эквиваленте» Михаил Полторанин: Попцов раздражал Ельцина своей самостоятельностью, но он, тем не менее, считал его членом своей команды.

Это сказал не я, а Михаил Полторанин. Я был действительно сторонником Бориса Николаевича и вместе со своей командой многое сделал, чтобы он стал высшей властью в России, а затем – чтобы он устоял и все импичменты, идею которых вынашивали его злейшие противники (а это было депутатское многолюдье, осевшее в Верховном совете), так и остались мифами, а не превратились в реальность.

По сути, то, что я пережил с 1990-го по 1996-й год, правомерно назвать дорогой на Голгофу. Я создавал телевидение вопреки. Существовало ОРТ – Останкинское телевидение, главное телевидение Советского Союза. Горбачёвские времена, обратившие в реальность свободу слова, дали толчок в развитии телевидения. В этом смысле программа «Взгляд» была олицетворением этого нового времени. И то, что она была молодёжной программой, можно считать символичным.

Был вариант переаттестовать «Взгляд» в программу Российского телевидения. Затея была Анатолия Лысенко, с именем которого связано появление этой программы в эфире, и делалась она под его руководством. Толя был оплотной фигурой Останкинского телевидения. Так вот, Толя и я спустя недолгое время отказались от этой идеи. Тогда я сказал – «Взгляд», бесспорно, новая страница в телевизионной эпохе. Но это страница Останкинской книги, а мы пишем свою книгу Российского телевидения. И жить за счёт чужой популярности для истинных профессионалов недостойно.

Я не уставал своим коллегам повторять мой главный девиз. Мы делаем другое телевидение. Это значит – свой стиль, другая режиссура, иной взгляд на происходящие события. Параллельно мы создавали другое радио. Радиостанция «Маяк» была в то время форпостом в радийном мире. Задача была очевидной – выиграть. Создать истинное российское радио. С первых шагов это была жизнь вопреки, но мы её прошли. Сегодня «Радио России» – это, бесспорно, лучшее радио в стране. В силу

многогранности, уровня культуры, языка и, что самое главное, жизненной остроты такого радио раньше не было. Нечто подобное нам предстояло создать и на телевидении. Именно это другое больше всего настораживало власть.

Характерен один эпизод. После одной из моих встреч с президентом на выходе меня остановил Костиков и сказал – есть разговор. Мы зашли в его кабинет.

– Борис Николаевич недоволен твоими интервью с ним. Ты слишком много там говоришь.

– Ничего подобного, – ответил я, – соблюдается строгий лимит. Берущий интервью, как собеседник, занимает не более 14 % общего времени.

– Относительно лимита точно сказать не могу, – ответил Костиков. – Но в каждом твоём разговоре с Ельциным ты очень заметен. И у президента вызываешь раздражение.

Действительно, в течение первых двух лет интервью у Ельцина, как правило, брал я. В каком-то случае это было необходимо. Надо было выработать стиль диалога с президентом. Ельцина надо было разговорить, у него подобная практика просто отсутствовала. Я, как правило, это делал до интервью. И тогда всё получалось. А если этого времени на разминку не было, или интервью он давал где-либо на выезде, они, как правило, были малоудачными. Но в том разговоре с Костиковым я не стал вдаваться в детали. Я просто подвёл итог разговора одной фразой: «Спасибо за информацию, я тебя понял».

Мы попрощались, но Костиков неожиданно нагнал меня и сказал: «Олег, ты слишком умён, в этом вся проблема. Это раздражает Ельцина». После нашего разговора с Костиковым я жёстко сказал себе: «Всё, больше ни одной беседы с Ельциным я делать в эфире не буду».

История моего отстранения была многовариантной.

Это рассказал мне Эдуард Сагалаев, назначенный новым председателем ВГТРК. Олег Сосковец, оценивая ситуацию, заметил, что вопрос о Попцове возник не сегодня и не вчера. Он поднимался 21 сентября 1993 года, сразу после известного указа президента за № 1400 о роспуске парламента.

Это была интересная история. Как я уже упоминал, указ готовился в строгой секретности, и надо сказать, что замысел удался. Я, достаточно информированный человек, знал, что такая идея существует, но даже приблизительной даты его появления не знал. Предстоял мой доклад на сессии Европейского вещательного союза в Вене, и было принято решение, что я улетаю на три дня. Когда я прилетел и зашёл в номер, раздался телефонный звонок нашего корреспондента в Германии Славы

Мостового. Он сообщил, что часом ранее, когда я был ещё в самолете, президент огласил свой знаменитый указ о роспуске парламента.

Я тотчас дал команду, чтобы мне зарезервировали билет на самолет в Москву. Рано утром я улетел. Доклад пришлось отменить.

Я отсутствовал в Москве 12 часов. Но за это время произошло много такого, что заставило меня более трезво взглянуть на президентское окружение, как, впрочем, и на своих непосредственных помощников. Самое удручающее – то, как был истолкован мой телефонный разговор с Анатолием Лысенко, от которого я узнал все подробности указа № 1400.

После чего я задал вопрос Лысенко:

– С какого момента начинает действовать указ?

– С 20 часов, – ответил Лысенко, – В 18 у нас «Парламентский час».

– Ну что же, – сказал я, – давай пропустим в эфир «Парламентский час», а с 20 часов какие-либо выступления распущенных парламентариев должны быть прекращены. Я думаю, это будет и законно, и логично.

Лысенко стал возражать:

– Зачем?

– Потому что мы не только государственное телевидение, но и демократическое, – ответил я.

Почему я настаивал на таком решении? Да никакого решения не было. А было точное выполнение указа. Я понимал – указ не безупречен. Я был сторонником Ельцина и потому серьёзно переживал, когда он совершал ошибки. Я знал Руцкого, Хасбулатова, и мог предположить их ответные действия, как и действия парламентариев.

Как я потом понял, Лысенко не стал выполнять моё решение, и «Парламентский час» был снят с эфира. Это можно было бы считать малозначительным фактом, если бы на следующий день Владимир Шумейко, в ту пору первый вице-премьер, не обвинил меня в нелояльности президенту, сославшись на моё якобы указание поддерживать Хасбулатова. Нелепость обвинения была настолько очевидной, что я рассмеялся.

– Напрасно смеетесь, – зло отреагировал Шумейко, – не вы один руководитель компании. Мы столь же успешно можем решать любые вопросы с Анатолием Григорьевичем Лысенко.

Чуть позже ясность в происшедшее внёс Михаил Полторанин, в то время министр печати.

«Ваш телефонный разговор взволновал Лысенко, – рассказал мне Полторанин, – и он решил посоветоваться с Коржаковым. Я

был в Останкино у Брагина. Вдруг раздался звонок Коржакова. Он попросил меня подготовить проект указа о твоём освобождении».

«И что ты ответил ему?» – спросил я. Полторанин лукаво хихикнул: «Саша, вы там все с ума посходили».

Затем он помолчал и вдруг спросил меня: «А ты что, специально улетел в Австрию, чтобы в момент этих событий в Москве тебя не было?»

«Ну конечно, – ответил я, – продуманно, специально. Потому и вернулся через 12 часов».

«Точно», – отреагировал Полторанин и, ткнув меня кулаком в бок, рассмеялся.

Вспоминая эти детали, ощущаешь дискомфорт даже в мыслях. Никаких особых объяснений по этому поводу у меня не было. Два-три малозначительных возмущения с моей стороны, вот и все. Это был мне урок: команда – не сумма подчинённых, пусть даже профессиональных и исполнительных. Команду делает командой только единомыслие.

А Лысенко я могу понять. Он избрал более простой путь. Он не стал ничего объяснять, а сказал власти в нужный момент всего одну фразу: я не согласен с мнением Попцова. И этого было достаточно. Ты наш – удовлетворённо выдохнула власть.

Есть ещё одно дополнение к этим воспоминаниям. О парламенте и Попцове, «перешедшем на сторону Хасбулатова».

Именно в эти дни в компанию запустили финансово-ревизионную комиссию, возглавляемую депутатом Михаилом Астафьевым. Как о нём однажды написали «Московские новости»: человек с внешностью пьяного мушкетёра… Образ смешной, но неточный. Миша Астафьев человек и коварный, и амбициозный, как многие люди невысокого роста.

А ещё Миша политически завистлив. Он зачинатель то ли кадетского, то ли эсеровского движения, очень малочисленного и вечно к кому-то примыкающего. Он вызвался работать в комиссии сам и был преисполнен желания употребить власть, накопать компромата и снять меня.

– Через две недели, сударь, – не скрывал он иронической усмешки, – здесь будет работать другой человек. И никакие действия вашего Ельцина нам не указ. Вы же, уважаемый, назначены председателем Верховного совета. Он и проведёт отсечение вашей головы. Надеюсь, вы не сомневаетесь, что инициатором ревизионного наезда является Руслан Имранович. Хотите, я вам расскажу, какими словами меня напутствовал его заместитель Юрий Михайлович Воронин?

– Нет, не хочу.

– Отчего же, это интересно. Он сказал: задача и простая и

сложная – надо устранить Попцова.

Трогательная деталь – Верховный совет, на сторону которого якобы я переметнулся, готовил расправу над Попцовым. Вопрос: кто на кого работает. И кто с чьей руки кормится.

Как я написал в своё время – свершилось. Президент учёл когда-то просчёт, допущенный им в 1995 году (указ о моём отстранении имел ещё и такую дату), когда при встрече с Сергеем Адамовичем Ковалёвым Ельцин проговорился, что подписал указ об отстранении Попцова, якобы искажавшего на телеэкране чеченские события, причём обе точки зрения – и с той и с другой стороны. Ковалёв тотчас сообщил об этом мнении президента газетчикам, и разразился скандал. Протесты, возмущения. Пресса писала: президент забыл, кто спас его в 1993 году. В итоге журналисты отстояли Попцова. Тогда указ об отстранении так и не увидел свет.

За время моей работы на ВГТРК над моей головой несколько раз собирались грозовые тучи. Желание убрать Попцова шло с разных сторон. Главная угроза, конечно, исходила от Коржакова.

Я понимал, сколь значим Коржаков. Его близость к Ельцину была особого характера. Это близость охранника, человека, отвечающего за безопасность не только президента, но и его семьи. Для чего непременно надо стать понятным и близким этим людям. Но Коржакову показалось этого мало. Он получил доступ и к управленческим ресурсам президента. А это уже другие навыки.

У охранных служб мышление прямолинейное. Выследил, задержал, не допустил. У человека, проникшего в коридор власти через знакомую дверь, есть ещё иные задачи: приспособиться, понравиться, предложить идею, быть готовым провести её в жизнь. И этот марш по этажам – с нижнего, стоять у входа и проверять документы, на следующие, где располагаются коридоры власти, – Коржаков преодолел успешно. Он стал не только нужным, но и близким и даже незаменимым. Он предоставлял информацию президенту о каждом входящем в его кабинет. Она была вполне достоверной фактологически, но никакого отношения к объективности иметь не могла.

И сумбур, творящийся в окружении Ельцина, был связан с тремя факторами: неустойчивое состояние здоровья президента, его врождённое упрямство и бесконечная дезинформация, которая потоками обрушивалась на Ельцина ежедневно. И когда ты в силу своих обязанностей становишься продуктом этой дезинформации, то начинаешь осознавать, что же такое «жизнь вопреки».

Минное поле без границ

Так получилось – за 7 лет моего руководства ВГТРК я трижды попадал под дамоклов меч. Мне давали понять, что во властных кабинетах рассматривается вопрос о моём отстранении.

Когда случился путч 91-го, я к тому времени уже возглавлял ВГТРК. Не больше года прошло после образования компании. Спустя время в мои руки попал документ. Список людей, которых путчисты планировали арестовать в первую очередь. Так вот – ваш покорный слуга находился в этом списке то ли на четвертом, то ли на пятом месте, точно уже не помню. Но то, что моя фамилия была в самом начале списка, это факт.

Все члены ГКЧП меня знали по моей прошлой деятельности и моим выступлениям в «Литературной газете», «Комсомольской правде» и других изданиях. Я уже не говорю о журнале «Сельская молодёжь», в ту пору одном из самых социально острых, который я возглавлял 24 года.

Российское телевидение набирало силу и становилось популярным, оно было другим, непривычным, и это крайне напрягало и Михаила Сергеевича, и многих из его команды. Попцов числился неудобным человеком. Одержи победу ГКЧП, и компания, которую я возглавлял, была бы ликвидирована в числе первых. Это можно считать несостоявшимся потрясением (тем более что состоявшихся было предостаточно).

Я недооценил современную власть, которую мы сотворили собственными силами. Ельцин не соответствовал параметрам власти прошлого. Его неудачи возникли во время секретарства на посту первого секретаря Московского горкома партии. Вообще, избирать первым секретарём горкома партии Москвы не москвича было характерным для горбачёвской перестройки нонсенсом. В итоге – не прижился, не вписался в московский житейский орнамент, не встроился в московскую партийную бюрократию.

Горбачёв расправился с потенциальным соперником. Ельцин лишился своего поста на фоне массового предательства всего московского руководства. Человек злопамятный, он этого Горбачёву не простил.

Все эти факты непростой биографии Ельцина формировали его непростой характер. Любви к Горбачёву у него быть не могло. Он внутренне не принял президентства Горбачёва, когда бывший генеральный секретарь партии превращался в первого президента Советского Союза, избранного не всенародно, а на съезде, вопреки общепринятым нормам. Это делало президентство Горбачёва уязвимым, и президент России Ельцин, после распада

СССР избранный всенародно, бесспорно выигрывал у «хромой утки», которую напоминал М. С. Горбачёв, вошедший в историю, как первый и последний президент умирающего Советского Союза, повинный в его развале.

Горбачёв уходил, а Ельцин набирал силу. Ельцин по сравнению со всеми ранее обозначенными лидерами был в большей мере человеком из народа и по манере поведения, и по характеру речи. Ельцин 1990 года и Ельцин 1996 года – это два разных Ельцина. Он вошёл в мир высокой власти без своего окружения и уж тем более без своей команды. У него был неудачный выход на московский пьедестал власти, и на будущее московская элита политическая, управленческая, научная, культурная стала чужой для него. Это чрезвычайно усложнило решение проблемы создания вокруг Ельцина интеллектуального окружения.

Полноценной и яркой фигурой этого интеллектуального окружения был Сергей Адамович Ковалёв – уполномоченный по правам человека при президенте России. Ковалёв осуждал решение своего патрона по поводу введения войск в Чечню. Наши точки зрения по решению проблемы были очень близки. Российское телевидение устами популярной и любимой зрителями ведущей Светланы Сорокиной определило начало чеченских событий как национальную трагедию. Немилость ко мне президента в те несколько дней достигла высшей точки. Молва о том, что президент высказался за моё отстранение, распространилась мгновенно. Об этом на своей пресс-конференции сообщил Сергей Адамович Ковалёв.

Ещё тогда прозвучали нелепые слова президента, что якобы Попцов даёт неправильное толкование чеченских событий как с одной, так и с другой стороны.

Атака власти на меня набирала силы. Финал приближался. На заседании правительства 5 февраля 1996 года, которое вёл первый вице-премьер Олег Сосковец, я присутствовал и сидел рядом с Валентином Лазуткиным.

Обсуждали проблемы сельского хозяйства. Неожиданно Сосковец заметил, что отечественная продукция не находит сбыта, а Российское телевидение рекламирует низкопробный зарубежный товар. Сосковец сделал паузу, а затем добавил: «И ОРТ тоже». Мы с Лазуткиным переглянулись, я наклонился к Лазуткину и сказал: «Именно сейчас президент в Екатеринбурге говорил что-то скверное о Российском телевидении. Реплика Сосковца неслучайна».

Я даже не помню, почему я это сказал. Скорее всего, это была интуиция.

– Да брось ты, – отмахнулся Лазуткин, – зачем президенту делать на тебя накат?!

Как только закончилось обсуждение первого вопроса, ко мне подошёл телеоператор и сказал, что меня разыскивал Александр Нехорошев – руководитель нашей информационной службы. Я тотчас связался с ним. Саша пересказал мне суть выступления президента перед журналистами в Екатеринбурге и дословно критику Ельцина в мой адрес. Ну что ж, моё предчувствие меня не подвело. Внутренне я был готов к такому финалу, а то, что это финал, я тогда не сомневался. Кстати, накануне меня ознакомили с распоряжением Ельцина о включении меня в состав правительственной комиссии по Чечне. Комиссия собиралась через час, и, естественно, я пошёл на её заседание. Финал случился 15 февраля 1996 года.

Три месяца – достойный срок, чтобы сосредоточиться и прийти в себя. Мои коллеги журналисты не успокоились и продолжали возмущаться, как им казалось, вопиющей несправедливостью, совершённой президентом по отношению к Попцову.

Они постоянно побуждали меня на ответную реакцию на этот вызывающий несправедливый ход со стороны президента. Как мог Ельцин перечеркнуть всё то, что сделала команда ВГТРК в 1991 году в ответ на действия ГКЧП? Как мог он забыть и то, что сделала компания в октябре 1993 года?

«Вы вправе подать в суд на президента. Неужели вы смолчите?»

Мне задавали эти вопросы. И я делал паузу, подыскивал нужные ответные слова. Попытка отстранения Попцова от этой должности делалась неоднократно. Но всякий раз власть, чувствуя обострённую реакцию общества, делала шаг назад. В начальственном негодовании особенно усердствовал О. Сосковец, инициатор моего смещения.

Призывал ли я себя к сдержанности в эти дни? Нет, не призывал.

Я знал, что конфликт назрел. Одна знаковая дата того времени – где-то два-три месяца до моей отставки, Коржаков делает последнюю попытку внедрить своего человека на должность одного из моих заместителей. Всё было обставлено достаточно элегантно. Меня посетил уважаемый член из этого ведомства. Мне дали понять, что Александр Коржаков, равно как и ФСБ – вотчина Михаила Барсукова, – переосмыслили роль Попцова в происходящих событиях и поняли, что Попцов человек с характером и сложившимися убеждениями и он не враг президента, а его сторонник. И поэтому следует установить с ним

более тесные товарищеские отношения.

Не правда ли, позыв впечатляющий? И очевидным проявлением этих дружественных отношений должен стать человек из ФСБ, который окажется рядом с Попцовым в должности одного из его заместителей. Воплотить это предложение было поручено некому Николаю Николаевичу, человеку интеллигентному и вызывающему расположение к себе. За время нашей беседы непрерывно звонили телефоны. И Николай Николаевич, указав на них, вкрадчивым голосом произнёс: вот видите, все эти властные люди не дают вам покоя. А мы прикроем вас. Мы будем защищать ваши интересы, там, наверху. Но с того момента это будут наши общие интересы.

Это был очень приятный и неглупый человек, способный вызвать немалую симпатию.

«Николай Николаевич, – ответил я ему, – как вы себе представляете развитие событий? Попцов соберёт своих заместителей и сделает своё представление: вот знакомьтесь, мой новый зам, он „оттуда“». «Ну зачем же так…» – сказал он. «А как по-другому? Вы думаете, я не знаю, сколько попыток ваше ведомство сделало, чтобы внедрить ваших сотрудников на втором и третьем этаже нашей компании? И я не накладывал вето, если убеждался, что это не стукачи, а хорошие специалисты-телевизионщики. Но что касается заместителя президента компании, извините меня, нет и ещё раз нет. Мы строили другое телевидение, Николай Николаевич, самостоятельное и демократическое, которое несёт прямую ответственность за действительную, а не поддельную демократизацию страны», – объяснил я.

Мой ответ не был забыт этими службами. Кстати, за время моей работы это была третья попытка КГБ прорваться в наши ряды. Первую сделал в 1991 году Гуров – мой коллега по депутатству.

Так что внешний рай, о котором после моей отставки написал «Коммерсантъ», говоря о чрезвычайно благодатной атмосфере, в которой Попцов создавал Российское телевидение, по существу был адом.

Да, мы создали другое телевидение, и этот эпитет «другое» в конечном итоге воспринимался властью как главная опасность.

Трогательное уточнение – меня отстранили за «чернуху». Ельцин так и сказал в Екатеринбурге: «Попцов гонит чернуху». И он, Ельцин, предупреждал меня, а я, Попцов, к его словам не прислушивался. И на телевизионном экране вновь появилась «чернуха». Данным словом власть называла реальную жизнь, состояние которой было очевидным упрёком малоэффективному

управлению страной. Ну что ж, когда тебя увольняют за то, что ты отказывался обманывать сограждан, это не самый плохой финал. Беда любой власти, и ельцинская власть не исключение, – она не выдерживает испытания правдой. Власть до удивления упряма в своём восприятии действий СМИ. Какова же составляющая этого упрямства? Неправду как таковую, конечно же, рождают журналисты. На самом деле жизнь более благоприятна, нежели её изображают.

Критикуя власть, журналисты самоутверждаются профессионально и политически, и как главный вывод – журналисты продажны. На этот счёт у власти нет сомнений. Почему? Потому что власть руководствуется личным опытом, и любой критикующий её материал она метит как заказной. В этом смысле властные клевреты, окружающие Ельцина, обслуживали привычки президента. А как президент любил употреблять слово «враньё»… Лицо его становилось хмурым. И чередуя слова с должными паузами, он выговаривал своё осуждение: «Неужели непонятно? Не надо вранья».

Это трудно, очень трудно, но власть всегда приходилось убеждать, что самой разрушительной формой лжи являются не напечатанный фрагмент или телевизионный сюжет, оценивающий ту или иную ситуацию в реальном свете, а молчание по поводу происходящих событий, разрушающих политику реформ, а вместе с тем и авторитет власти. Когда вы отворачиваетесь от происходящего и делаете вид, что его нет, – вы лжёте. Ничего не изменилось с древних времён – «Гонца, принёсшего дурную весть, Король велел казнить». И нам всегда будут напоминать: существует правда власти и правда жизни. Мы живём в демократическом обществе, и ты свободен выбрать свой крест.

Не стану возвращаться к теме моих отношений с Борисом Николаевичем, однако замечу – они были искренними и достаточно корректными.

Если быть честным, гром о неугодном Попцове не переставал грохотать в коридорах власти едва ли не с первых месяцев его назначения в 1990 году. В разных залах – от съездовских до концертных, в высоких кабинетах: на Старой площади, в Белом доме, в Кремле продолжался бесконечный сериал под условным названием «Низвержение Попцова».

Я чувствовал, что моё поведение несколько озадачивало Ельцина, я не вписывался в уже проработанные им стереотипы поведения редакторов газеты, издателей, с которыми он общался как знаковый партийный лидер. Никакой недоброжелательности с его стороны до 1993 года я, однако, не ощущал. Обычно недопонимание, которое возникало, всегда было можно

разъяснить при встрече, что я и делал с разной степени успешности, как для президента, так и для себя. В целом я, как правило, был занят делами компании, хотя не скрою, много сил уходило на известное противостояние с властью, претендующей на подавление независимых жизненных суждений, с извечным желанием вмешаться и подкорректировать правду. Власть сменила бренд с советской на демократическую, но суть властного мышления осталась прежней.

В полемике по этому поводу с членами правительства я однажды позволил себе употребить сравнение:

– Разница между правительством и тележурналистами в том, что когда вы подходите к окну – вы видите своё отражение в зеркале, а мы улицу. И потому у нас разное восприятие.

– Ну ты это брось, – вмешался Черномырдин. – Что вы, лучше всех знаете жизнь?!

– Не лучше, Виктор Степанович. Мы просто к ней ближе.

Диалектический тезис о борьбе и единстве противоположностей перестал устраивать власть.

Президент принял решение избираться на второй срок. В день своего выдвижения он устраняет Олега Попцова с поста председателя ВГТРК. Президент дал понять, – с этого момента ему нужны на телевизионном экране и в радиоэфире не осмысление и независимый анализ, а послушание всестороннее и второе ОРТ, практически превращённое Борисом Березовским в механизм, выполняющий любую прихоть Высокой Власти.

У такой власти в итоге нет будущего. И ельцинская эпоха с достаточной степенью достоверности подтвердила правоту этого тезиса. Слишком много в ельцинском при-властном окружении присутствовало людей, разрушающих эту власть. Ельцин сам в силу своего очень непростого характера – упрямства, завышенной самозначимости – практически сотворил кадровый хаос вокруг себя. Вчера якобы надёжный и близкий человек завтра превращался в сомнительного и почти враждебного и едва ли не мгновенно бывал отторгнут. Убедительного ответа «почему» – не было. Так решил президент. Ему виднее. Я понимал иногда – Ельцин реагировал на мои рассуждения достаточно нервно. Однажды он даже не сдержал своего раздражения.

– Вы что, хотите сказать, у меня нет команды?

– Ни в коем случае, Борис Николаевич. Просто людям нужно какое-то время, чтобы они привыкли к атмосфере, а они слишком скоро меняются.

– Значит, не справляются, – отрезал Ельцин.

Подобных вспышек было немало, именно по этой причине у Ельцина так и не сложилось устойчивой команды. Команды, а не

мини-ресурса для интриги, к чему Ельцин, как очень скоро проявилось, был всегда предрасположен. Конечно, проще всего все эти внезапные решения Ельцина объяснить его нарастающим нездоровьем. Такое заключение будет справедливо, но только отчасти.

Ельцину нравилось быть непредсказуемым, и он с удовольствием постоянно разыгрывал эту карту, сохраняя атмосферу загадочности вокруг себя. Восемь лет с разной степенью накала борьбы власти с властью. Боролись либо открыто, либо подковёрно. Вариации борьбы вроде разные, но при этом очень похожие. Прежде всего президента с парламентом. Казалось бы, указ президента за номером 1400 о роспуске парламента и назначение новых выборов поставил точку. Ан нет.

И вторые президентские выборы 1996 года опять же проходили в атмосфере политической неустойчивости. Свидетельством чего была абсурдная отставка Черномырдина. Подобных ошибок Ельциным совершено достаточно, и это в большинстве своём были его личные ошибки.

Так или иначе, после своей отставки я должен был ответить на вопрос: что дальше? Моя телевизионная эпоха кончилась – или?.. При всех изъянах команде ВГТРК удалось сделать главное, а это было моей целью, моим замыслом.

И нам с Анатолием Лысенко удалось добиться главного, что и стало объединяющей идеей всей команды. В чём её суть? Создать другое телевидение и другое радио. И в целом нам это удалось, но конфликты с властью имели именно эту причину. Понятие «другое» вначале заворожило Ельцина, а затем насторожило, и началось…

Нечто подобное я создавал в шестидесятых. Когда покинул Ленинград и перебрался в Москву в связи с моим конфликтом с первым секретарём Ленинградского обкома партии Василием Сергеевичем Толстиковым. Не стану вновь говорить о сути конфликта, об этом я рассказывал ранее. Я не умел находиться в подчинении. Мне всегда не хватало поля свободы. Это делало из меня неудобного для многих человека. После моей отставки с поста председателя ВГТРК вокруг меня образовался некий вакуум. Как создатель Российского телевидения и радио и его первый руководитель, я был, конечно же, фигурой и знаковой, и заметной.

Все эти почти семь лет меня числили как одного из опорных сторонников Ельцина, тому свидетельством был и 1991 год – ГКЧП, и 1993 год – русский парламент, президентский указ 1400 и новый вооружённый мятеж.

Ельцин оказался в критической ситуации, и Российское телевидение фактически спасло президента. Хотя именно в этот момент была предпринята попытка Коржакова и его окружения дискредитировать меня и отстранить от руководства телевидением, но, однако, мы спасли президента в 1993 году, как, впрочем, и эту самую триаду – Коржаков, Сосковец, Барсуков. В тот момент желающих предать Ельцина было намного больше, чем желающих его защитить. Речь идёт о властной и привластной элите.

Я понял это и боролся с помощью телевизионного эфира. Именно увиденный и материализованный народный гнев остановил и парламент, враждебный президенту, и лукаво качающихся из стороны в сторону силовиков из МВД и ФСБ, и специализированные воинские части. Мы включили в процесс регионы страны, их голос зазвучал по Российскому радио и телевидению.

Это и предрешило перелом в 1993 году. Казалось бы, экзамен на верность президенту сдан на отлично, но мы просчитались. Оказалось – президенту нужны не сторонники, а послушники, и нарушивший при этом климат послушания – неминуемый враг. У президента был свой взгляд на подчинённых и на людей, зависимых от него, похожий на взгляд феодала.

Ну что ж, другое телевидение и другое радио, судя по гневу власть держащих, у нас получилось. Я понимал, что моё возвращение в мир телевидения если и состоится, то после определённой паузы. И однажды раздался неожиданный телефонный звонок. Мне позвонил президент Казахстана. У меня с ним были хорошие отношения, я не раз бывал в Казахстане, и Назарбаев обращался ко мне на «ты». Вот и сейчас он позвонил мне и сказал: «Можешь ко мне приехать?». «В Алма-Ату?» – не без удивления спросил я.

– Зачем в Алма-Ату? Я здесь, в Москве, приезжай в посольство Казахстана. Надо поговорить.

Я, естественно, приехал. Назарбаев обнял меня и сказал:

– Отправив тебя в отставку, Борис Николаевич сделал глупость. Но что сделано, то сделано. По поводу твоей отставки в газетах было много материалов, я их читал. Олег, у меня есть предложение. Я приглашаю тебя в Казахстан и хотел бы, чтобы ты возглавил казахстанское телевидение и сделал его значимым как для Казахстана, так и для России.

– Господин президент, я безмерно уважаю вас, спасибо за предложение. Но поймите меня правильно. Я не могу принять его.

– Почему?! – не скрывая удивления, спросил Назар-баев. –

Пусть они поймут, насколько ты значим.

– Дело не в этом. Я не знаю языка.

– Но ты же знаешь русский. А весь Казахстан говорит на русском языке.

– Возможно. Но представьте, мы говорим по-русски, а кто-то за моей спиной в этот момент обсуждает сказанное мной на казахском, и я ничего не понимаю.

– Любые твои условия мы примем, а когда нужно – ты сможешь ездить в Москву.

– Почему вы уверены, что вам понравится то, что я начну делать на вашем телевидении?

– А я смотрю, что ты сделал на Российском ТВ, и мне это очень нравится. Создай нечто подобное у нас. И Казахстан будет тебе благодарен.

– А если не получится?

– У тебя всё получится.

Я объяснил: «Спасибо, но так с ходу я согласиться не могу. Нужно время взвесить все „за“ и „против“. Я не имею права вас подвести. Бесспорно, моё появление вызовет ревность у коллег на Казахстанском телевидении, да и власти: в правительстве, в вашем окружении. Национальные амбиции – это и нормально, и правомерно, к русским отношение сложное.

Если я возьмусь за это, то я смогу сделать только русское телевидение. А ещё большой вопрос: понравится ли оно казахским зрителям и моим коллегам на казахском телевидении и вашему окружению».

Телевидение, радио, театр – это творчество, оно всегда индивидуально. Понравиться начальнику – это одно, а понравиться народу – это совсем другое. Поэтому мне надо было подумать и всё взвесить.

Возможно, я сделал ошибку, но в результате я отказался, ехать без жены мне не хотелось. А ехать с женой – значит обременять её незнакомыми и ненужными ей проблемами, значит, к тому же, рождать массу домыслов и подозрений. Кто-то же рядом с ним есть? Кто это? Кому он помогает, и кто помогает ему?

Подобные вопросы могли только раздражать. И главное: ты покидаешь не только Москву, но и Россию, с которой связана твоя судьба. Готов ли ты к этому? Прежнего СССР больше не существует.

Тогда и родилась идея создать в Москве издательский холдинг, который будет издавать газету «Вёрсты», женский журнал «Ах», экономический журнал «Ять» и еженедельник «Алфавит», и плюс к этому альманах «Совершенно секретно».

Телевидение Вечных ценностей

Появившись спустя время на ТВЦ, я не мог повторить фразу, которую я произнёс, открыв дверь в ВГТРК: «Ну всё, от А до Я, надо начинать с нуля». Ничего и никого нет. Помещения, коллектива, техники, транспорта, денег. Ничего! Один только документ за подписью президента России Бориса Ельцина о моём назначении. А всё остальное потом? Когда потом, неизвестно.

С ТВЦ всё было по-другому. Пароход уже есть, он вроде бы плывёт. И команда есть.

А ты на правах чужого, человека со стороны, конечно, с биографией создателя ВГТРК, которой руководил семь лет. Но всё равно со стороны – чужой. Всё вроде бы не так сложно. Ты начальник. Тебе надо вписаться, стать своим, понятным. Стать своим для всех вряд ли получится. Но есть такое понятие – большинство. Вот его ты должен завоевать, и твои сотрудники со временем должны стать союзниками и соратниками. В творчестве ничего иначе не получится. А на телевидении творчество – главный плацдарм. И ты станешь значимым лишь в том случае, если будешь не только успешно творить, но и защищать сотворённое. А начальник, подчинённый – это всё потом, как приложение.

Что удалось несомненно: создать профессиональную информационно-аналитическую команду. Появились ведущие Илья Колосов, Леонид Млечин, Алексей Пушков и другие, очень разные, но бесспорно значимые и талантливые.

Естественно, первое, что ты хочешь сделать, оказавшись на посту руководителя телекомпании, – это создать другое телевидение, выходящее за пределы устоявшихся стандартов. Но надо быть готовым, что твой шаг будет принят в штыки. Ибо другое телевидение прежде всего делает его позиция, естественно, это касается в первую очередь информационных и общественно-политических программ, меняется, как я бы сказал, грозовой градус. Это прежде всего реакция власти на изменения. ВГТРК сегодня – очень характерный пример тому. Сегодня на телевидении главной игровой фигурой является репортёр. Он значим, потому что он делегирован в эту жизнь местом событий. Именно место событий даёт ему масштаб независимости суждений о происходящем. Он там, в нутре сути. И оспаривать и править его действия чрезвычайно сложно, ибо правку делает либо редактор, либо кто-то из начальства, находящиеся на достаточном расстоянии от происходящего. Репортёр создаёт некий образ самого себя.

Изменилась составляющая: если ранее главенствовал в эфире ведущий, эта роль ведущего, как фигуры, определяющей образ передачи, осталась. Но как только в этой роли оказывается ведущий, у которого за плечами достаточный опыт репортёра, характер передачи меняется. Достаточно посмотреть программы, где в качестве ведущего оказался Попов (ВГТРК), то это не просто ведущий, а человек, имеющий право говорить от имени событий. Более, чем некий участник передачи под грифом «наш корреспондент». Это бесспорно правильное и продуктивное направление.

Очевидная истина: опорная фигура на телеэкране – ведущий программы. И успешность замысла – даже не суть программы, неожиданность решения, а точное попадание с выбором ведущего. Мне было и просто, и тяжело одновременно. Автором замысла, как правило, был я. И следовало найти человека, который сроднится с этим твоим замыслом и спустя какое-то время, желательно недолгое, сочтёт его своим и, сам того не замечая, станет соавтором. У меня подобная система отношений срабатывала, при этом следовало учесть, что только так рождается творческая команда, не отряд послушных подчинённых, а именно творческая команда, ибо и в этом случае дисциплинирующим остовом является замысел. Так рождается атмосфера единомыслия и понимания друг друга. И творческая опора – необходимая составляющая этой атмосферы, а не противодействие ей. Пожалуй, на ТВЦ я и как руководитель компании, и в какие-то моменты как автор идей, сценарист и как режиссёр пережил это всеобъёмно. В этом случае надо уметь не только учить, но и учиться у своих коллег и отрешиться от навязчивого ощущения, что ты их начальник.

Мои предшественники связаны с созданием компании ВГТРК и выводом её на орбиту олигархического телевидения, за спиной которого стоял клан олигархов – Евтушенков, Гусинский, Ходорковский, Потанин, Авен, Фридман и ряд других. Этот мир уже созрел и претендовал на власть. И я, создав ещё одно государственное телевидение и радио ВГТРК, был костью в горле у этого олигархического мира. По сути, в конце концов, ВГТРК стало в начале 90-х единственной государственной компанией, ибо «Первый канал» к тому времени был лишь частично государственным – Борис Абрамович Березовский уже имел внушительную долю как совладелец канала. Государство в лихие девяностые, а точнее, власть, его олицетворяющая, сдавала одну позицию за другой, определив как свою главную задачу – уничтожить «поганый совок», который олицетворял значимость государства. И для меня, как в какой-то степени сотворителя

независимых СМИ, оно породило и мир друзей-единомышленников, симпатизирующих моему и журналистскому, и писательскому, и политическому творчеству. Но буду откровенен, этот окружающий мир не был однополярен. Ему противостоял мощный и многомерный мир моих, а точнее, наших оппонентов, которые по мере меняющейся атмосферы оказывались сначала в кругу недоброжелателей, ставящих под сомнения нашу значимость – а она, естественно, нарастала.

Наши оппоненты не хотели этого признавать. И конфликт из скрытого становился явным. И когда создавался единый телевизионный союз, автор этой идеи Михаил Лесин, как председатель вызревающего новообразования, видел, как противостояние материализуется. Никто не желал, чтобы ТВЦ – чисто московский канал (телевидение центра) – обрёл статус общероссийского и оказался в одном ряду с «Первым каналом», ВГТРК, НТВ и рядом частных каналов, для которых НТВ было примером преуспевания. Было понятно, к чему весь этот хаос приведёт, как якобы торжество демократических свобод, – к разрушению государственного остова. А кукареканье «рынок всё отрегулирует» лишит нас навыков управления страной, ибо регулировать всё будет некий неизвестный нам в начале 90-х рынок. И этому процессу в меру своих сил я и мои коллеги должны были противостоять. Поэтому появился Государственный Всероссийский телерадиоканал ВГТРК. Поэтому впоследствии я принял предложение Лужкова возглавить ТВЦ – Телевидение центра, чисто московскую компанию. Я должен был сделать её компанией всероссийской. Я по-иному решил истолковать логотип ТВЦ – как телевидение Вечных ценностей. А в этом нуждается не только Москва, в этом нуждается Россия.

И бесспорно эта компания, на мой взгляд, должна была быть непременно государственной компанией, о чём я сказал Лужкову, и он меня поддержал. Лужков фигура особая, нестандартная, независимая. Ему как воздух нужна была телекомпания всероссийского масштаба, ибо сам он был политиком и управленцем всероссийского масштаба не по должности, как мэр Москвы, а по свой сути. И мы это сделали. Бесспорно, не всё удалось, но в целом задача была решена. И в те непростые годы, когда в определённой и значимой части телевизионного мира наши оппоненты были преисполнены желанием лишить ТВЦ статуса всероссийской компании, а оставив её в ранге московской, как телевидение центра и не более того.

Кто этого очень хотел – команда Любимова на Первом, она продолжила дело Листьева, который был убит, и созданную им программу «Взгляд». На тот момент команду возглавлял

Александр Любимов, он был полон решимости перерасти в телекомпанию всероссийского масштаба. В тот момент было создано объединение Всероссийского телесоюза, которое возглавил Михаил Лесин. Именно Лесин выступил против исключения из этого союза ТВЦ. Практически его голос решил в момент голосования судьбу ТВЦ, которое вошло в состав союза, ну а программе «Взгляд» было предложено продолжать свой путь в масштабе популярной Всероссийской телевизионной программы.

Бесспорно, мы были готовы к этому беспрецедентному давлению и подготовили ответный, запасной ход, но мне очень не хотелось переводить очевидную открытую схватку, по сути, схватку принципов, в закулисную возню. И, слава Богу, этого удалось избежать. Отчасти и потому, что появление Попцова в телевизионном мире имело свою предысторию.

Всероссийская телерадиокомпания ВГТРК была создана «вопреки» в 1990 г. Этого никто не предполагал. Она была создана на пустом месте. Ни стола, ни стула, ни помещения, ничего не было. Кроме человека по фамилии Попцов и указа в ту пору председателя Верховного совета Бориса Ельцина о назначении О. М. Попцова председателем несуществующей Всероссийской телерадиокомпании, кстати, и составляющих её телевидения и радио тоже не было.

По праву это можно было назвать дорогой в ад, которую я со своей командой прошёл.

Кстати, и история вокруг ТВЦ в момент этого непредсказуемого голосования тоже вписывается в концепцию – вопреки.

Отличительной чертой моей жизни, моей биографии, где бы я ни работал, – я исключаю недолгую аппаратную работу в ЦК ВЛКСМ в роли первого заместителя отдела пропаганды, – главной проблемой моей самостоятельности и независимости был факт моих взаимоотношений с властью. Был ли это Ленинградский обком комсомола, или журнал и я в роли главного редактора, было ли это телевидение и радио и я в роли создателя Российского телевидения и радио «ВГТРК», или чуть позже приглашение Лужкова возглавить компанию ТВЦ, а проще говоря московское телевидение. Затем смена векторов, и я воплотитель ещё одной идеи – создал мощный холдинг и практически самый современный полиграфический комплекс в Москве. Но так или иначе в воплощении замыслов власть была главным игроком на сцене, выполняя роль либо союзника, либо противника моих идей.

Во взаимоотношениях с властью сверхзначим фактор твоей

независимости. Естественно, эта независимость имеет вариации в диапазоне трёх измерений: «сколько?», «когда?» и «где?»

Если ты на правах сверхподчинённости: всё решает человек, стоящий над тобой, ты не более чем сверхпослушный исполнитель, и вся твоя радость в том, что у тебя тоже есть подчинённые. Естественно, к толкованию личной независимости подобное состояние никакого отношения не имеет. Параметры твоей независимости определяются до того – это, по сути, условия договора между тобой и твоим значимым руководителем. Видит ли он в тебе только подчинённого или соратника и единомышленника, а это по существу совсем другой договор. Поэтому ты должен отчётливо и убедительно дать понять руководству, которое пригласило тебя на работу, чего ты хочешь…

Многие руководители отработку этой концепции перепоручают своим доверенным лицам в лице заместителей либо помощников. Иначе говоря, они удлиняют дистанцию между тобой и высоким руководством. Высокое руководство даёт понять – сначала сумейте отстоять свою независимость в отношениях с моим подчинённым, а проявить её в отношениях со мной – это глава уже другого романа. Но сначала надо написать роман. Я проходил этот изнуряющий путь много раз. Не надо заблуждаться, восхищаясь ролью несговорчивого, в параметры которой ты угодил. Несговорчивость не повышает уважение к тебе, как якобы проявление волевого и сильного характера. Увы всё имеет обратный эффект, эффект отторжения, рождённого твоей якобы капризностью, неуступчивостью, нежеланием понять своего визави.

И дело даже не в том, что подчинённому безрассудно ссориться с начальством, особенно в тот момент, когда он проходит стадию самовнедрения в непривычный для него на первых порах мир его нового начальства. Здесь вопрос по существу – кто кому нужен в первую очередь. У тебя, как вновь прибывшего, кроме твоего «я», обозначенного фамилией и сжатой характеристикой, тебя рекомендовавшей, ничего нет. Перед тобой непростая задача – тебе надо понравиться. Что-то в твоей биографии должно привлечь внимание, а ещё лучше – чтобы захотелось его уделить. Тебя не вытолкнули на улицу, а поставили на ленту конвейера, и тебе для начала надо на ней удержаться, потому как этот конвейер значим в будущем исчислении. А для этого запомни главное: в меру своих возможностей изучи и постарайся понять среду, в которую ты попал, и постарайся уже в первой беседе с человеком N, доверенным вышестоящего лица, говорить на языке этого впервые

познаваемого тобой мира так, чтобы твой собеседник мог признаться себе: «пока не свой, но близок, по сути».

Я очень скоро это уяснил. Ты хочешь быть свободным в своих решениях и доказать окружающим, что ты уважаешь власть и прислушиваешься к ней. Но ты ей не подчинён. Всё так. Не подчинён, но зависим. И именно это уточнение требует от тебя выработать тактику и стиль твоих отношений с властью. Суметь доказать власти, что ты ей нужен не так просто, но это единственный путь утвердить свою значимость. Творчество – это мир свободы, и ему претит философия подчинённости, но именно этот фактор раздражает власть. Я всегда старался сделать власть соавтором своих идей, точнее говоря, следовало убедить власть, что это их идеи, а я готов принять роль её исполнителя. И здесь не важно, кто первый, кто второй. Власть принимает своё авторство, а этого уже сверхдостаточно. Именно так я выстроил свои отношения с Ельциным. Надо было убедить Ельцина, что российское телевидение и радио – это его телевидение и радио. И идеи, которые проповедует и защищает ВГТРК, – это его идеи. Убедить Ельцина в этом было непросто, но в целом мне и моим коллегам удалось. И он всегда считал ВГТРК своим союзником. Бесспорно, это укрепило нашу независимость в высших эшелонах власти, но в той же мере усиливало раздражение Ельцина, когда независимость ВГТРК материализовывалась в критике очевидных просчётов, совершаемых исполнительной властью в целом и президентской властью в частности.

В этот момент можно было услышать из уст Ельцина раздражённую отповедь: «Как может быть такое? Моё телевидение критикует меня, и их точка зрения совпадает с мнением моих противников».

Подобное заявление было сделано публично, на встрече Ельцина с российскими СМИ. И тогда я вынужден был ответить президенту: «Уважаемый Борис Николаевич. Когда власть совершает очевидные ошибки, критика её противников и союзников совпадает в оценке, потому что ошибки слишком очевидны». Надо отдать должное Ельцину. Его реакция на мою реплику последовала незамедлительно. Ельцин не более двух минут помолчал, а затем заметил: «Мне нечего вам возразить!»

После этой встречи с президентом мои коллеги поздравляли меня, пожимали руки. «Ты молодец, Олег. Ты поставил высшую власть на место».

Александр Николаевич Яковлев, который в тот момент возглавлял «Первый канал» и поддержал мою точку зрения, понимающе улыбнулся и похлопал меня по плечу. Но один из царедворцев, участвующий в этой встрече, его имя я не хочу здесь

называть, обращаясь ко мне, заметил: «Не спеши радоваться, Попцов. У Ельцина хорошая память, он тебе этого никогда не простит». Ну, что ж, жизнь есть жизнь, царедворец оказался прав.

Вчерашнее в сегодняшней интерпретации

19 августа 2016 года исполнилось 25 лет со дня совершившегося ГКЧП. Это был 1991 год. Я в этот момент был на даче в Тарусе. Мой сосед Роман Владимирович постучался ко мне в калитку и сказал одну фразу: «В России произошёл переворот». Я прыгнул в машину и помчался в Москву. В тот момент я возглавлял ВГТРК, которая переживала мучительный период своего становления. Мы, как уже упоминалось мной, создавали компанию на пустом месте. Ни кола ни двора, ни помещения, ни транспорта, ни техники, ни коллектива. Естественно, отсутствие даже самых малых средств. Решение председателя Верховного совета Бориса Ельцина назначить Попцова О. М. председателем несуществующего Российского Телевидения и Радио, обозначенное уже нами как ВГТРК, будущий логотип компании в расшифровке – Всероссийская Государственная Теле-Радиокомпания. В тот момент решение Ельцина материализовалось как указ – назначить председателем Всероссийской Телерадиокомпании Олега Максимовича Попцова. Скажем прямо, немногословное решение. Но всё в 1990 году было именно так. Всё творилось в бешеном темпе.

Практически конец 90-х и первая половина 1991 года были самыми непростыми периодами в формировании и становлении компании, и тут вдруг государственный переворот. Но мы, слава Богу, уже работали в эфире.

И вот спустя 25 лет буквально неделю – с 18 по 25 августа – заполнилось телевидение, радиоэфир, газетные полосы оценками и высказываниями участников этих событий – либо как действительных участников, либо как свидетелей и наблюдателей. Точки зрения самые разные. Практически Жириновский и Зюганов едины в своём мнении: ГКЧП – это был шанс спасти отечество и сохранить СССР как единое государство. Учитывая, что прошёл референдум, на котором абсолютное большинство высказалось за сохранение СССР. Впрочем, организаторы ГКЧП на это рассчитывали, полагая, что народная поддержка обеспечена. Так как ГКЧП в сохранении Союза видел свою главную задачу, потому как выступал от имени СССР. Появление руководства ГКЧП в теле– и радиоэфире было полной неожиданностью как для большинства союзной, так и российской власти за исключением узкого круга лиц, входящих в состав ГКЧП. Иначе говоря, лучше всех подготовился к этим событиям

комитет госбезопасности, потому как закрытость и тайна вокруг случившихся событий была обеспечена по максимуму. Организаторы переворота полагали, что внезапность обеспечит им успешность переворота. Они ошиблись. Факт отсутствия в этот момент Горбачёва в Москве давал событиям совсем другой рисунок. Можно было сделать очевидный вывод: Горбачёв ГКЧП не нужен. И цель ГКЧП – не только сохранить Союз, но прежде всего непременно убрать Горбачёва, лишив его поста президента СССР. И отъезд Горбачёва в Крым в этот момент на отдых выглядел и нелепо, и абсурдно для президента СССР. Как считал сам Горбачёв, этот шаг позволяет ему заявить, что никакого отношения к ГКЧП он не имел, он против ГКЧП, иначе говоря, против руководства страны, которое было им сформировано и его окружило. Дело в том, что ГКЧП случилось тогда, когда состоялся не только референдум, но и практические шаги глав республик СССР, заявивших о своей независимости, при этом присутствовала малоубедительная оговорка: мы готовы остаться в составе СССР, но на правах независимых государств. Это касалось всех и прежде всего России, которая в этот момент была самостоятельной Российской федерацией уже со своим президентом России Борисом Николаевичем Ельциным. Позднее случилось Беловежское соглашение между Украиной, Россией и Белоруссией и многое другое.

Горбачёв в своём крымском отдалении напоминал в определённой степени президента, совершившего само-изгнание и наблюдавшего за событиями со стороны. Позиции ВГТРК к ГКЧП были предопределены позицией Ельцина, который не принял идей ГКЧП. ГКЧП одной из своих главных целей видело смещение Горбачёва, который к этому времени значительно утратил своё влияние, как руководитель страны, но тем не менее было ясно, что не только Горбачёв, но и Ельцин как лидер не устраивал ГКЧП и, следовательно, следующим объектом атак для ГКЧП будет Ельцин.

Члены ГКЧП в силу непродуманности своих действий были не готовы к руководству самим переворотом. Отказывали Горбачёву в праве быть лидером, а в составе самого ГКЧП такого лидера не было. Уже этот факт более чем что-либо подтверждает спонтанность замысла.

Как известно, Ельцин не проявлял особых симпатий к Горбачёву. В этом смысле они были равны – Горбачёв не скрывал своей неприязни к Ельцину.

Но в возникшей ситуации Ельцин поддерживал не позиции ГКЧП, а Горбачёва, именно Ельцин послал Руцкого в Крым, чтобы вернуть Горбачёва, хотя в то же время там находились и

представители ГКЧП, которые намеревались провести переговоры с М. С. Горбачёвым о последующих действиях – как ГКЧП, так и самого Горбачёва. Но Горбачёва в Москву вернул именно нелюбимый им Ельцин, и не как предполагаемо отстранённого, а как действующего президента СССР.

В сложившейся ситуации Ельцин должен был сделать выбор: с кем он. С ГКЧП – значит, полное отрицание содеянного за это время и главного на тот момент – сотворения независимого российского государства. Естественно, его выбор для главы независимой России был очевиден: возвращение наций в подчинение этим людям и нереально, и невозможно. Горбачёв тоже не идеален, тем более что он породил сотворителей переворота, которые ответили ему своей изменой и низвержением его как лидера страны. Ельцин выбрал Горбачёва, и через сопротивление самому себе поддержал его в этот момент. В нынешних обстоятельствах Горбачёв был предсказуем, чего не скажешь о ГКЧП. Горбачёв выскочил из этого поезда, и возвратиться туда для него невозможно. Единственный, кто мог противостоять ГКЧП в сложившихся условиях, это лидер независимой России.

О событиях августа 1991 года я достаточно подробно написал в своей первой книге, посвящённой эпохе Ельцина «Хроники времен „царя Бориса“». Повторяться не имеет смысла. Я был в то время в эпицентре событий. Скажу откровенно, государственный переворот не лучшее время для создания и становления нового российского телевидения и радио. Но что было, то было.

Самой тяжёлой оказалась ночь с 20 на 21 августа. Я в этот момент был в кабинете Ельцина.

Я сказал ему, что единственной компанией, прорвавшейся в эфир, является «Эхо Москвы». Это очевидный просчёт ГКЧП. И мы должны быть готовы, что они опомнятся и в скором времени прикроют эту станцию. Так и произошло.

Надо искать себя, делать свой собственный прорыв. И нам это удалось. Мы вышли в телеэфир практически из подполья после 24 часов на «Орбите»: Урал, Сибирь, Дальний Восток. Это была первая правдивая информация, которая прорвалась в эфир о событиях, происходивших в Москве, – 35 минут правды.

Мы вышли в эфир нелегально с Ямского поля.

Накануне Кравченко, он возглавлял в тот момент Гостелерадио СССР, долго допытывался у своих спецов: в полной ли мере блокировано Российское телевидение и нет ли какого-либо незадействованного канала, через который они могут прорваться в эфир. Сотрудники заверили: Гостелерадио и Министерство связи полностью контролируют ситуацию; по сути,

это был трёп неосведомлённых. К августу мы уже успели проложить коммуникации, которые ещё не были зафиксированы никакими техническими, либо правоохранительными службами.

О нашем выходе в эфир, помимо моих служб, знали два человека. Валентин Лазуткин, в то время первый заместитель Гостелерадио СССР. Он был тогда нашим негласным союзником. Предавать гласности дружбу с нами было для него опасно, да и неразумно. Именно от него Кравченко мог узнать о наших скрытых замыслах, но не узнал.

Скорее всего позиция Лазуткина – умолчать – позволяла не сделать Валентину Горохову (руководителю технического центра Останкино, он знал о наших замыслах) никаких непродуманных шагов. Таким образом, эти два человека стали сторонниками эфирного протеста Российского телевидения. Они рисковали. В тот момент они были на «солнечной стороне». Тем более значим их поступок, и наша признательность коллегам.

Время совершает своё безостановочное движение. Путч был событием неожиданным. Он совершён был по всем правилам путча – в уик-энд, с воскресенья на понедельник. Природа неожиданности.

Достаточно изолировать Ельцина, всё остальное произойдёт само собой. Путчисты поставили знак равенства между недовольством политикой Горбачёва и неудачами либералов. Объединив этим самым либералов против себя, того не подозревая. Второй ошибкой явился следующий факт. Оказалось, что свобода – право не оглядываться, говорить, оспаривать, двигаться, встречаться с кем хочешь – самоценна сама по себе и обществом не связывается с экономическими трудностями. Свобода превыше всего. Увы, но она оказалась дорогой.

Была и третья ошибка. В современных условиях шанс на успех имеет только популярный политик. Организаторы ГКЧП, а проще говоря, путча этим пренебрегли. Более того, сделали опрокидывающий шаг. Они объединили в руководстве ГКЧП по сути самых непопулярных и нелюбимых народом политиков: Павлова, Язова, Крючкова, Пуго, Янаева, Стародубцева, мало кому известных Бакланова, Шейнина, Тизякова и других; непопулярность, умноженная на одиннадцать (число членов ГКЧП), не создала героического образа коллективного спасителя народа. Всё остальное – и невладение ситуацией в армии, органах МВД и КГБ, и масштаб собственного страха – было в-четвертых, пятых, шестых. Неподготовленность ситуации оказалось очевидной.

Путч был, но шансов одержать победу не было. Случись невероятное – они взяли власть. Их пребывание у власти могло

претендовать не более чем на месяц, а затем неизбежный бардак, порождённый путчем.

Неожиданность была следствием нелепости, затем ссылки на предостережение ЦРУ, предупреждение прессы о контрнаступлении реакции, всё это не более, чем массовый всплеск эмоциональных интеллигентских чувств. Таких предупреждений было сверхдостаточно, но все они предполагали более отдалённую перспективу путча.

Силы противодействующих демократическим реформам были разобщены, они не имели явно выраженного лидера. У них не было экономической концепции, им нужна была помощь третьей силы, которая существовала как некое предощущение. Они нуждались в поддержке более широких слоёв общества и предположительно имели её в лице директорского корпуса ВПК и Агропрома, лишившихся монопольности, и ещё КПСС и РКП. Да и провинциальная исполнительская власть, имевшая партократическое происхождение, только условно могла считаться властью демократической. И всё-таки инициаторы путча совершили два очевидных просчёта. Переоценили авторитет вышеназванных сил, якобы их предполагаемых союзников, степень их влияния на массы, им подвластные. Поддержка директорского корпуса не значит – поддержка завода. И, во-вторых, они сочли недовольство политикой Горбачёва – недовольством всеобщим. К тому времени рейтинг Горбачёва опустился до самого низкого уровня в его биографии 10–12 %.

К этому добавили неустанное декларирование реформ при их полном отсутствии. Чисто эмоциональное восприятие – либералы провалились, либералы не могут.

Я остановился на этой теме подробнее, чем хотел, потому как в связи с 25-летней годовщиной этого события абсурдных оценок было сверх меры. От бредового утверждения – мы утратили шанс спасти СССР, на чём настаивали два политических антипода, Жириновский и Зюганов. Жириновский не устаёт повторять, что он был первым, кто поддержал ГКЧП. Притом амбициозная глупость запоминается более, чем нечто иное; Владимир Вольфович неудержим в своих претензиях на роль пророка называть ГКЧП революцией. Причём в стране, пережившей Октябрьскую революцию, которая её практически и образовала, так в ближайшем будущем появился политический бренд СССР, по сути социалистическая империя. И при этом называть политические потешности, такие как «ГКЧП», революциями – унизительно и безграмотно.

Желание дающих подобную оценку, а этим занимаются в первую очередь политологи и чиновники тех времён, как и

впрочем журналисты того времени, – это осознанное завышение значимости времени, которое они пережили. Потому как быть участниками бунта управленческой верхушки, утратившей свой авторитет у народа, над которым они властвовали, не столь значимо, нежели быть участником революции, которую в силу краха ГКЧП они выиграли. Отсюда завышение оценок пережитого ими. Когда ты был в эпицентре этих событий, как их участник, – слушать эти декларации якобы революционеров с одной стороны смешно, с другой досадно, ведь несут эту хрень люди, хотя и не слишком значимые ныне, но известные, а порой и уважаемые до сих пор. Назовём это для успокоения – уставшей мудростью.

Но жизнь продолжалась. Путч 1991 года и события 1993 года уже давно остались позади, как и годы моего руководства созданного мною вместе с командой Российского телевидения и радио, а также отданные созданному мной издательскому холдингу «Пушкинская площадь», куда вошли еженедельники «Алфавит», газета «Вёрсты», журнал «Ах», еженедельник «Совершенно секретно».

С точки зрения замысла это было значимая суммация, с точки зрения воплощения она бесспорно состоялась, но мы стали участниками иной жизни, когда капитализм и его правила превратились из теоретических в практические. Мы все были выходцами из СССР и тех советских и значимых СМИ, которые все без исключения были государственными. Такие журналы, как «Знамя», «Современник», «Новый мир», «Молодая гвардия», «Коммунист», «Сельская молодёжь», «Смена», «Огонёк»; и перечень газет был столь же значим – «Правда», «Комсомольская правда», «Известия», «Труд», «Сельская жизнь».

Здесь действовал твёрдый закон. Владелец вкладывает средства в эти СМИ, и вся прибыль от их продажи поступает владельцу, т. е. государству. А главная задача этих СМИ поддерживать и олицетворять идеологию этого государства, имя которому Советский Союз. И вдруг в 90-е годы одномоментно всё рухнуло. Государство утратило статус социалистического и превратилось в капиталистическое.

СМИ получили полную свободу.

И они оказались в мире капиталистическом, в котором правил бал рынок, и как девиз – слова Ирины Хакамады: «Не надо суетиться. Рынок всё отрегулирует».

С этой минуты СМИ выступают как владельцы и издатели собственных изданий, они оплачивают труд журналистов и не только, но и печать СМИ и их распространение. Поэтому главной проблемой становится вопрос денег. Где их взять и кто их даст? Свобода великое достояние жизни, но, как показала практика, она

дорого стоит.

Естественно, атмосфера повседневного существования СМИ изменилась полнообъёмно. И на вопрос в стиле Владимира Высоцкого «где деньги, Зин?» ответ в том же стихе – «у тех, кто держит магазин» – проще говоря, у богатых.

И хлынул поток новых изданий, таких как «Аргументы и факты», а затем «Аргументы недели», «Коммерсантъ», «Мир новостей» и десятки им подобных, столько, сколько стоил капитал, рождённый в начале девяностых. Идеология государства как объединяющего и мобилизующего ушла в никуда, она просто перестала существовать. Скрепы, которые держали социализм и его идеи, рухнули.

Рупором этих идей были СМИ, они контрастно изменились, встраиваясь в этот новый и малопонятный мир. Кто не сумел, те просто перестали существовать.

Мир перевернулся, наступило другое время. С этого момента СМИ выступают, как владельцы-собственники газет, журналов, изданий, и теперь вся прибыль от продажи этих изданий – это их прибыль, как, впрочем, и убытки. Отныне вы свободны и самостоятельны.

Большая часть изданий, исключая издания-миллионники, в советские времена были убыточными, и это бремя убытков несло государство, так как СМИ были его собственностью. И вот теперь всё переменилось. И тогда открылись очертания убыточности, говоря образно, глубокой ямы, которую собственными силами СМИ заполнить не могли. Они стали массово закрываться. Необходимо было время, чтобы адаптироваться к сложившейся ситуации и обрести навыки выживания в этих условиях. Поиски спонсоров для литературных журналов и многих знаковых изданий стали проблемой номер один. Реклама становилась главным ресурсом наполнения бюджета массовых СМИ.

Именно реклама совершила перелом, но только во внешнем облике СМИ, что вполне естественно. Реклама, её присутствие на страницах СМИ, как и в теле– и радиоэфире, кардинальным образом изменило содержание газет, журналов и теле– и радиопрограмм. На рынок хлынул поток малоформатных изданий. Привычные газетные форматы А-1, определяющие в советском прошлом, становятся исключением. Формат А-1 выдавливается с рынка полностью, уступив позицию формату А-2, практически ныне основополагающему формату для 90 % газетных изданий. А это значит, что информация, аналитика стали утрачивать свою весомость. Изданию стала выгодна информация с меньшим количеством знаков. Почему? Потому что она информация. Информация в меньших объёмах, в параметрах

А-3 колонок, лучше воспринимается, а значит, более востребована. Выводы достаточно поверхностные, но они главенствовали.

В изданиях формата А-2 реклама стала занимать от 25–30 % общей площади. Естественно, это повышает окупаемость издания. Это выгодно владельцу издания, и во-вторых, это в интересах редактора, отвечающего за содержание информации и её качество.

Информация из цикла размышлений становится прерогативой резко сократившегося по численности известных изданий формата А-1, имеющих кратно меньшие тиражи по сравнению с изданиями формата А-2. Таких, как «Аргументы и факты», «Аргументы недели», «Мир новостей» и им подобные. Характерно, что в этом формате ныне работают «Комсомольская правда», «Коммерсантъ» и, недавно сменив свои форматы с А-1 на А-2, – «Литературная газета».

Производство газеты стало выгоднее издателю, но это не значит, что издание стало более интересным для издателя и круга авторов, в ней публикующихся, которые своими материалами фактически создавали образ и авторитет газеты, как в читательском мире, так и в мире власти, интересы которой затрагивали эти знаковые СМИ. Логика жизни неопровержима: «что-то теряем, что-то находим». И уже от журналистского мира, который творит СМИ, зависит оценка, как обретённого, так и утраченного, ибо СМИ своим ежедневным присутствием в этом мире либо повышают значимость и авторитет журналистики, как таковой, либо сводят его на нет. Увы, но нынешняя реальность такова, количество печатных изданий сокращается. Возможно это не совсем точный диагноз – но рискнём его огласить, печатный мир становится другим. И нелепо говорить, что один вид СМИ выдавливает или сводит на нет другой. Суть в ином – появление интернета сначала опрокинуло значимость и доверие к печатному слову, а затем поставило под сомнение значимость информационного радио и телевидения.

Появление интернета – это бесспорное торжество новых технологий в мире информации. Но в то же время это видимое обогащение мира СМИ, а по сути – почти разрушение информации, потому что опережение как составляющая интернета есть его главный козырь. И самостоятельная, а порой и живая информация, рождённая в интернете людьми непрофессиональными и очень часто случайными, присутствует в интернете и, конечно же, требует немедленного опровержения, потому как интернет явление массовое. С опровержением всё справедливо, но, как правило, оно не успевает, и ответные

реакции на ложь случаются много позже и их значимость в силу опоздания становится малоэффективной.

Однако было бы неправильным эти интернетные атаки считать заблуждением и проявлением непрофессионализма и непросвещенности их творящих. Всё гораздо сложнее – сплошь и рядом рождение ложной информации не есть деяние непросвещённых и незнающих. Это продуманные действия сил, нацеленных на дискредитацию правды, как таковой, и сотворение раздора в обществе, формирование чувства неуверенности и страха. На сегодняшний день у общества нет рецепта, как противостоять этим разрушительным силам, порождённым интернетом. Вот, по сути, проблема № 1 в повседневной жизни читающих, смотрящих и слушающих граждан России, для которых СМИ и их творения очевидная, а порой и сверхзначимая составляющая повседневной жизни.

Борьба с подобным злом необходима обществу, но она будет трудной и долгой. И если одни (то есть власть) непременно хотят использовать ресурс запрета, то другие, в том числе и сотворители зла, конечно же, станут искать пути обхода этих запретов, используя при этом, как и их оппоненты, возможности изменения существующих законов. А посему, прежде чем молиться на икону, вглядитесь пристально в икону, к которой обращаете свои моления. Всё потому же – путать богов непростительно…

Бесспорно ТВЦ и ВГТРК величины несопоставимые. И предложение Лужкова возглавить ТВЦ было для меня полной неожиданностью. Да и присутствие в тот момент во главе ТВЦ Анатолия Лысенко создавало некую интригу с моим новым назначением. Ревность Лысенко была очевидным фактом. И тот факт, что я к этому решению Лужкова не имел никакого отношения, ситуацию не менял. Лысенко в моё неучастие в этом гамбите, разумеется, не верил. Не стану делать своих оценок касательно того, продуктивным ли было руководство Лысенко каналом ТВЦ. Он возглавлял его недолго. И истинной причины его отставки я в тот момент не знал. Видимо, не сложились его отношения с Юрием Михайловичем. Вообще Лысенко во все времена был угодлив к власти – что произошло в этом случае, мне неизвестно. Какие-либо отношения с Толей с момента этой ротации практически прекратились, что естественно.

Замечу, спустя два или три месяца после моего назначения Лысенко высказал своё мнение, сообщив, что канал ТВЦ стал хуже – разумеется, на его взгляд. Для меня эта оценка была очевидным подтверждением, что в изменении программной политики канала я на правильном пути. Секрет заключался в том,

что я должен был превратить его из телевидения Центра или, проще говоря, из чисто московского – в канал общероссийского значения. Тем более что я был уверен – Лужков, как мэр столицы, в своём влиянии на жизнь России должен перешагнуть границы Москвы, и статус программного содержания эфира должен соответствовать всероссийской значимости. Именно поэтому я сделал свою расшифровку логотипа канала; не телевидение центра ТВЦ – а телевидение Вечных ценностей. И в этой плоскости стал корректировать программную сущность информационной политики. Замысел, по сути, был грандиозным. Именно в этот момент моего появления во главе ТВЦ началась атака моих коллег, возглавлявших другие каналы, на ТВЦ – не допустить его в общероссийское пространство.

Это была компания по выдавливанию ТВЦ из круга избранных, уже обозначившихся игроков, таких как Останкино, «Первый канал», ВГТРК, РенТВ, НТВ и другие. Инициировал это отторжение в большой мере Владимир Познер.

Никакой здравой логики в этом отторжении не было. Чисто личное неприятие, не более того. Познеру не нравилось, что я, когда создавал Российское телевидение, а затем семь лет его возглавлял, разрушал стереотипность телевидения и радио – и в первую очередь утверждение, что в информационных программах никакого анализа, дискуссионности, столкновения точек зрения быть не может. Я был противником этих взглядов и считал разрушение догм, установившихся на телевидении, бесспорным благом, потому как сложившиеся стандарты делают телевидение одинаковым.

И эта одинаковость пагубна, но непохожесть надо научиться делать, и делать её интересной. В ту пору Михаил Лесин, как глава Газпром-Медиа, возглавлял этот телерадиосовет. И он выступил против исключения из содружества общероссийских каналов якобы сугубо московское телевидение ТВЦ, которое, конечно же, было плацдармом мэра Москвы Лужкова. При голосовании, которое стало итогом заседания совета, идея отторжения ТВЦ из клуба ключевых каналов не прошла. Большинство с небольшим преимуществом высказалось против.

Помню как «взглядовцы», которые инициировали идею вывода ТВЦ, были разочарованы. Их замысел провалился.

Победа, которую в этой схватке одержали мы (ТВЦ), была в значительной степени заслугой Михаила Лесина. Его поддержка ТВЦ оказалась знаковой. Она, бесспорно, придала нам сил. В этой борьбе был один момент, его правомерно назвать принципиальным.

Большинство российских компаний, которые входили в совет,

были частными, исключение составляла ВГТРК, она оставалась государственной компанией. Так вот, ТВЦ являлась тоже государственной компанией, что в определённой степени скорректировало баланс в телевизионном совете. А это было немаловажно. Выиграло телевидение от того, что возобладал частный сектор, или проиграло – вопрос непростой. Уходить от советских догм правомерно и значимо, только объединив всех и вся, государственное телевидение и радио, что, по сути, естественный шаг к развитию – тогда появится результат. И мы этот шаг сделали.

Вопрос в другом. Какова роль государственного телевидения в рыночной среде СМИ, которая, начиная с девяностых годов, стала определяющей нормой. Я был инициатором идеи максимальной свободы СМИ, когда нормой их существования является конкуренция, естественно, конкуренция творческая, в которой государственные компании на равных конкурируют с частными, не подавляют их, а конкурируют. Более того, в условиях рынка с точки зрения экономического ресурса государственные компании сплошь и рядом уступают частным, но конкуренция даёт им не преобладающие, а равные права. Вот к чему должны привыкнуть государственные компании. Теоретически, казалось бы, всё справедливо. Но практически картина бытия выглядит иначе. Государство – это власть. И государственные СМИ живут не по законам свободы слова, а по законам «государства, учитывающего принципы и нормы свободы слова». И если частный владелец СМИ говорит, что он как владелец вправе определить политику СМИ, которыми он владеет, и быть независимым от давления государства на эту политику, то владельцем государственных СМИ является государство. И для них политика государства является нормативом их повседневного творчества.

Поэтому сделать государственные СМИ рупором независимых взглядов многократно труднее, нежели это сделать на телевидении частновладельческом; а потому правомерно, когда государственные компании проигрывают конкуренцию в мире свободы слова компаниям частным.

Власти, советской либо капиталистической, свобода слова подчинённых ей изданий, теле– и радиоканалов мешает, создаёт неудобство и порождает постоянные вынужденные конфликты. Я прошёл этот путь от А до Я. Для меня независимость суждений была культовым явлением, как в прошлое время в предшествии уходящей советской эпохи, так и в девяностые годы после распада СССР и появления России как самостоятельного и независимого государства.

Поэтому создавая в начале девяностых Российское телевидение и радио, я жил идеей независимых СМИ. И было сутью принципа, что олицетворением этой свободы и независимости должны стать именно государственные СМИ, и доказать, что на этом телевидении и радио вы увидите торжество свободы суждений. И никакие частные компании не станут для них примером. Я должен сотворить обратное, именно государственное телевидение и радио станет олицетворением свободы слова. И я должен перебороть сопротивление власти этой свободе. Как?! Не скрою, путь непростой, но реальный. Я должен убедить власть, что именно она сотворила свободу, она автор иного телевидения и радио. А я лишь исполнитель её воли. И мне это удалось. Я убедил в этом президента Ельцина.

И подтверждением тому были слова на одной из знаковых встреч президента Ельцина и руководителя российских СМИ. Кстати, Костиков, в это время пресс-секретарь Ельцина, предупредил меня: «Приготовьтесь, Ельцин будет вас критиковать».

Это была нестандартная встреча. И именно тогда Ельцин произнёс: «Я понимаю, когда меня критикуют и поносят мои противники и враги. Но когда то же самое делает телевидение и радио, которое я создал, не понимаю, как такое может быть?»

Тогда я ответил Ельцину: «Борис Николаевич, когда власть совершает знаковые ошибки, критика ее противников и союзников совпадает, потому что ошибки власти слишком очевидны».

Тем не менее я убедил президента России, что он создал независимое телевидение, и он благословил его стать олицетворением свободы слова и независимости взглядов.

В этом случае есть одно *но*, к которому журналисты, редакторы, актёры, режиссёры бывают не готовы. Потому как власть интерпретирует эти основополагающие принципы свободы слова по-своему, так, как ей это удобно. Власть убеждена в главном – быть или не быть этим жизненно-утверждающим принципам, решает она. В определённом смысле «свободы слова» – считает власть – это её собственность, и распоряжаться ею может только она, потому как дарование и лишение – это её удел. Эти принципы властью не афишируются, но это не значит, что их нет.

И ты как человек из мира творчества должен это пережить и понять. Потому как деньги на воплощение твоего творчества в мире государственных структур даёт власть. Значимость твоего творчества, интерес к нему общества – это твой ресурс влияния как на общество, так и на власть. И для тебя как творца очень

важно воспользоваться этим ресурсом во благо творчества и заразить интересом к нему власть. Разумеется, зритель, слушатель, читатель – твоя опора в естественном противостоянии с властью. Но всегда старайся рассматривать власть как часть общества, а не силу вне его. И старайся сделать это закономерностью, убедить в которой тебе следует как общество, так и власть.

Нечто подобное случилось, когда выступление Константина Райкина, главного режиссёра театра «Сатирикон», на съезде сорока театральных деятелей вызвало громкий резонанс, и выступление получилось отчасти сумбурным, о чём автор даже предупредил, начав речь словами: «Сейчас я буду говорить немножко взбалмошно, потому что я с репетиции, а впереди ещё вечерний спектакль. Мне довольно сложно говорить спокойно, сегодня 24 октября – 105 лет со дня рождения Аркадия Райкина».

И первый посыл речи был значимым. По его словам, очень беспокоят наезды на искусство и на театр в частности: «Эти совершенно беззаконные, экстремистские, наглые, агрессивные, прикрывающиеся словами о нравственности, о морали, и вообще всяческими высокими словами наподобие „патриотизм“, „Родина“ и „высокая нравственность“, разрушают мир искусства. Эти группы якобы оскорблённых людей, которые закрывают спектакли, выставки, нагло себя ведут, к которым власть, как правило, нейтральна, она дистанцируется от них».

Речь была эмоциональной. Но её значимости мешало очевидное хамство по отношению к людям, позволившим себе усомниться в правомерности идей, которые в некоторых спектаклях преподносятся как главенствующие в жизни общества, – что вызывает протест у части зрителей, и они начинают об этом говорить вслух.

Константин Райкин видит в этом возвращение цензуры, которой уже нет более 25 лет. И Райкин предупреждает, что эти «несогласные» потребуют её вернуть.

У подобных опасений есть основания, как есть и право у зрителя встречать спектакль овацией, или на выражение своего несогласия с увиденным на сцене – покидать зал. И то, и другое правомерно. Не надо делать из этого трагедию. Тем более что накаляют обстановку вокруг подобных явлений, как правило, СМИ, что тоже вполне правомерно. СМИ подобные конфликты предают гласности. Они, СМИ, для этого вообще-то и существуют. Если свобода слова – норма жизни общества, то воспользоваться этой свободой имеет право каждый. Просто во всём надо соблюдать нормы здравости и не переходить черту. Это касается как простых граждан, так и власти. И проявление

неудовлетворённости той или иной постановкой – это право зрителя, и не следует режиссёру аттестовать этого зрителя как дебила. Режиссёр имеет право считать себя гением, но столь же правомерно зрителю в этом усомниться.

Главное – помнить

Пишешь книгу о событиях, в круговерти которых ты оказался на подступах к 90-м годам, то есть практически 27 лет назад. Правда, в конце 80-х и начале 90-х тебе было 56 лет. А сейчас, в 2017 году, тебе уже за 80. Как говорят в таких случаях, «почувствуйте разницу». Прошедшие 27–30 лет вместили в себя весь драматизм становления новой России в преддверии распада СССР. И после того, как это случилось, распад СССР более чем что-либо подтвердил ключевую мысль книги «Жизнь вопреки».

Сто лет тому назад случилась Октябрьская революция 1917 года. Сейчас конец октября – начало ноября 2017 года. Исторические дни, но ощущения праздника нет. Угнетают другие воспоминания тридцатилетней давности.

В 1991 году распался Советский Союз. Просуществовал 70 лет и вдруг распался. Не как-нибудь, а «вдруг»? И не знаешь, что отмечать – рождение или похороны?!

Одно ясно – конец сентября и начало октября 2017 года праздничными днями для современной России, увы, не стали.

Невозможно отвернуться от истории. Невероятное сотворение эпохи СССР спустя 70 лет прекратило своё существование.

Было ли это событие ожидаемым? Скорее нет, нежели да. Оно случилось в полном смысле этого слова «вопреки». И когда подобное жизненное смещение «вопреки» происходит в жизни не одного человека или семьи, а целой и притом великой страны, оно превращается во всемирную катастрофу. После неё изменился мир, и мы свидетели этого.

Состояния и действия «вопреки» невозможно предвидеть, они рождаются вне нас. Важно понять, и только потом оценить эту неожиданность. И взять её на вооружение. Эту внезапную данность, которую подарила тебе судьба. Ты должен это самое «вопреки» принять, как расширение твоих познаний об окружающей жизни. Скорее всего, восприятие этого «вопреки» будет непростым и непривычным, но это не значит, что оно будет для тебя чужим и неудобным. Хотя сначала всё может быть именно так – обретение неожиданного может породить недоумение и отторжение. Сменить отторжение на привыкание тоже непросто, нужно время. Надо постичь это обретение и сделать его частью себя. Всё алогичное не есть неправомерное. Постигни его, и пусть оно станет твоим оружием в будущем.

Россию ждёт главное испытание, оно хотя впереди, но по сути – рядом. Президентские выборы 18 марта 2018 года, а затем – выборы в Государственную Думу. Для России эти события –

всегда испытание. Демократия состояние обязывающее, и свобода выбора – знаковый и едва ли не главный ресурс демократии.

Сегодня он налицо. Заявлено уже более 40 кандидатов, разновзглядный и плюс к тому же многопартийный бум. И нарастающая невыясненность уже начиналась с первых дней кампании. И предвыборный ажиотаж нарастал.

Путин, будучи знаковой фигурой этого предвыборного ажиотажа, сделал выжидательную паузу, прежде чем объявить о согласии участвовать в выборах и выдвинуть свою кандидатуру на президентский пост.

Местом, где Путин публично заявил об этом, оказался крупнейший завод. Путин никого не предупредил о своих намерениях, но именно там, перед несколькими тысячами собравшихся на встречу с президентом, сделал это заявление. Оно было ответом на вопрос, прозвучавший из зала: «Будете ли вы, Владимир Владимирович, на предстоящих президентских выборах выдвигать свою кандидатуру?».

Путин сопроводил свой ответ располагающей улыбкой: «Это зависит от настроений избирателей, готовы ли они мою кандидатуру поддержать».

Реакция присутствующих была сверхэмоциональной: «Вы наш президент!!!» – прокатилось по залу.

Выбор места, где Путин произнёс своё однозначное «да», был достаточно точен – одно из ключевых промышленных предприятий страны. Путин дал понять, что коллектив присутствующих в зале – это та социальная среда, которую нынешний президент рассматривает как свою опору на предстоящих выборах.

Путин не стал выдвигаться от партии. Единороссы не высказали вслух своего разочарования по этому поводу, хотя внутренне оно наверняка было. Президент шёл на выборы как самовыдвиженец. Выдвижение от «Единой России» было бы и естественным, и значимым. Но Путин рассматривал свою роль иначе. Он должен стать кандидатом от российского народа.

У «Единой России» достаточно оппонентов, а по сути противников среди оппозиционных партий. И это вынудило бы оппозиционеров оглядываться на «Единую Россию», окажись Путин выдвинут от её имени. Большинство партий из системной и несистемной оппозиции не простили бы единороссам захвата путинского авторитета. И естественно, в ответ на этот шаг они призвали бы своих партийцев и свой электорат не голосовать за Путина. Это наш ответ, скажут они, – не Путину, но «Единой России».

Вопрос «что делать?» по сути риторический. Ответ на него

очевидный – ждать. Однако очевидность не раскрывает всей сути, а значит, сохраняется ощущение недоумения: чего ждать?

И когда осмыслишь эту ситуацию, то приходит понимание, что натура Путина – это натура человека, для которого действие «вопреки», по сути, едва ли не главная составляющая его Я. Его предшествие, как профессионального разведчика и работа в Германии в этой роли в восьмидесятых, и его продолжение как политика в Питере, где он стал ключевой фигурой в команде Собчака. Было бы правомерно сказать, что эта деятельность была «жизнью вопреки». Ибо профессионализм разведчика определяется тем, насколько он успешен в своих действиях «вопреки», потому что эти действия непредсказуемы; в этом профессиональная суть разведчика.

Эти рассуждения – не желание найти сходство своей жизни с жизнью Путина. Упаси Бог. Просто приходит понимание, что «жизнь вопреки» – не исключение, а достаточно распространённое состояние человеческого бытосостояния в России. Почему? Потому что наша жизнь – нескончаемые преодоления.

А потому жизнь вопреки – это не демонстрация исключительности и желание остаться неугаданным. Увы, сплошь и рядом это демонстрация вынужденности, несогласия с логикой происходящего, что, как правило, следствие неразумной управленческой политики власти (с чем мы сталкиваемся постоянно). И противостоять этому, причём результативно, можно только действуя вопреки, а не погружаясь в мир послушности. Потому как послушность порождает привыкание и лишает вас навыков сопротивления и несогласия с творящимся вокруг вас абсурдом.

Поэтому постигайте суть этого «вопреки», а не отторгайте его. Оно часто порождает неудобность, но это состояние проходящее, а мудрость, которую вы обретаете, и навыки сопротивления – это обретённое навсегда.

notes

Примечания

1

Вполне вероятно, автор имел в виду Олимпиаду 1968 года в Мехико. Однако сборная страны не занимала никакого 9-го места! По итогам Олимпиады спортсмены страны СССР получили 91 медаль: 29 – золото, 32 – серебро, 30 – бронза; в общем зачете команда заняла 2-е место. – *Ред.*

2

Главой Баварии Штраус стал в 1978 году. – *Ред.*